

Марк Т. Хукер — американский лингвист-исследователь, работает в университете штата Индиана, при Институте по изучению России и Восточной Европы, специализируется на сравнительном анализе переводов литературных произведений на различные языки, в первую очередь, на русский и голландский. Является автором нескольких книг, в том числе, учебника русского языка для студентов вузов «Implied, but not Stated: Condensation in Colloquial Russian» (Slavica, 1999), «The Military Uses of Literature» (Praeger, 1996) и «The History of Holland» (Greenwood, 1999).

Помимо этого, Марк Хукер — один из ведущих американских толкиноведов, статьи которого публикуются в периодических изданиях Америки, России и Голландии, часто выступает с докладами на различных толкиновских конгрессах и семинарах, например, на прошедшем недавно (в 2003 году) крупнейшем толкиновском конгрессе Северной Америки MythCon XXXIV.

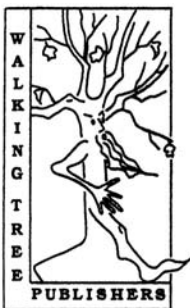
Марк Хукер поддерживает личные контакты со многими переводчиками и исследователями творчества Толкина в России.

:T K E : 4 K A R L E T : B O O K : O F : E A S T M A R C K : O F : T O L K I E N : T H R O U G H : R U S S I A N : E Y E S :

Tolkien Through Russian Eyes

Толкин Русскими Глазами

Mark T. Hooker

2003

:W A L K I N G : T R E E : P U B L I S H E R S : T U R K : A N D : B E R N E : C O P Y R I G H T : N U M B E R : 1 :

:Т:О:Л:К:И:Е:Н:Н:С:К:А:Р:О:С:С:К:А:М:А:Г:И:А::М:Х:У:К:Е:Р::Т:О:Л:К:И:Н:Р:У:С:С:К:И:М:И:Г:Л:А:З:А:М:И:

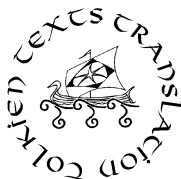
Неформальное творческое объединение
«TolkienTextsTranslation»
Толкиновское общество Санкт-Петербурга

Марк Т. Хукер

ТОЛКИН РУССКИМИ ГЛАЗАМИ

Перевод Аллы Хананашвили

2003

:Т:О:Л:К:И:Е:Н:Т:Е:Х:Т:С:Т:Р:А:Н:С:Л:А:Т:И:О:Н:И:Т:О:Л:К:И:Н:О:В:С:К:О:Е:О:Б:Щ:Е:С:Т:В:О:С:П:Е:Т:Е:Р:Б:У:Р:Г:А:

ББК III 107.7
III 407

Перевод с английского:

Алла Хананашвили

Редакторы:

Светлана Лихачева

Наталья Семенова

Перевод выполнен при участии Марка Т. Хукера

Оформление: Моргул, Алла Хананашвили

Верстка и корректура: Владимир Свиридов

Марк Т. Хукер

Толкин русскими глазами. — М.: ТТТ; ТО СПб, 2003. — 302 с.

Первое в мире крупномасштабное исследование переводов на русский язык произведений выдающегося английского писателя Дж. Р. Р. Толкина, роман-эпопея которого, «Властелин Колец», признан лучшей книгой XX столетия. Марк Т. Хукер, известный американский толкиновед, на примере не имеющего аналогов в мировой практике количества русских переводов «Властелина Колец» и «Хоббита», умело демонстрирует, что эти переводы содержат не только текст и философию оригинала, но также отражают и особенности русской национальной культуры, российской истории XX века, а помимо этого еще и взгляды самих переводчиков.

Для всех поклонников творчества Дж. Р. Р. Толкина, а также тех, кто интересуется проблемами художественного перевода и, в более широком смысле, взаимодействием мировых культур.

Издание осуществлено неформальным творческим объединением ТТТ (TolkienTextsTranslation) и Толкиновским Обществом Санкт-Петербурга

ISBN

© Mark T. Hooker, 2003

© Алла Хананашвили, перевод, 2003

© David Doughan, предисловие, 2003

© Моргул, портрет Дж. Р. Р. Толкина

© TolkienTextsTranslation, 2003

© Толкиновское Общество Санкт-Петербурга, 2003

Оглавление

Благодарности автора	8
Благодарности переводчика	9
К русским читателям	11
Предисловие переводчика	13
Предисловие Дэвида Дагана	15
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	17
Самиздатовский перевод З. А. Бобырь, дополненный С. Я. Уманским	20
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТОЛКИНИЗМА В РОССИИ	21
Самиздат	23
Первый переводческий бум	27
Перестройка	29
Второй издательский бум	31
Адаптация иностранных идей	32
Толкинизм в России	38
Толкианство	48
СКАЗАНИЕ О ХОББИТЕ	57
Издания	61
Запад умер, да здравствует Бог!	63
Мир «Хоббита» по Беломлинскому	75
Дракон Smaug	79
Золото	91
Иллюстрация Михаила Маторина к самиздатовскому переводу «Хоббита» ВАМ (1985 г.) по мотивам рисунка и фотографии Толкина	106
ОТКАЗ ОТ КОЛЬЦА:	107
План, согласие и обещание	107
Шутка Бильбо	119
Первая страница самиздатовского перевода «Хоббита» ВАМ (1987 г.)	124
«ОСТАВЬ НАДЕЖДУ...»	125
ДЕЛО СЭМА: ДЕНЩИК ФРОДО	143
ИСКУШЕНИЕ ЗНАНИЕМ И ВЛАСТЬЮ	163
ОДИН ДЕНЬ ФРОДО ДРОГОВИЧА:	179
Сталин и Ежов в Шире	179
«ЧТО В ИМЕНИ?»	195

Baggins	195
Cotton	202
Crickhollow	205
Derndingle.....	208
Durin	210
Entmoot.....	211
Fallohide	216
Frogmorton.....	221
Gamgee	224
Goldberry	227
Hobbiton	228
Isengard.....	230
Lithe.....	232
Lune.....	235
Michel Delving.....	236
Mirkwood	239
Mount Doom.....	242
Oliphaunt.....	244
Púkel-men.....	245
Radagast	248
The Red Book of Westmarch	250
Rivendell	254
Rohan	256
Sandyman.....	258
Shadowfax	260
Shire	263
Town Hole	265
Treebeard.....	266
Variags.....	269
Wargs.....	272
И, наконец, победитель... ..	274
БИБЛИОГРАФИЯ ЦИТИРУЕМЫХ ПЕРЕВОДОВ	279
ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	283

Благодарности автора

Эта книга, как явствует из ее названия, — попытка американца осмыслить, как именно произведения Толкина были восприняты в России. Надеюсь, я знаю достаточно о ловушках, подстерегающих автора, который стремится объяснить иностранный феномен. Все, о чем я рискнул высказать свое мнение, критически оценивалось многими русскими, американскими и британскими читателями, не последним из которых является джентльмен, столь любезно согласившийся написать предисловие для этой книги. Так что, если в книге и остались какие-то заблуждения, то, разумеется, они все лишь мои собственные. Но я был бы поистине неблагодарным, если бы не выразил огромную признательность этим читателям, а также тем, кто снабжал меня материалами и отвечал на мои вопросы:

Наталье Григорьевой и Владимиру Грущечкому,
Александру Грузбергу, его сыну Илье и дочери Юлии,
Марии Каменкович и Валерию Каррику,
ВАМ,

Марии Артамоновой,
Дмитрию Виноховоду,
Светлане Лихачевой,
Ольге Марковой,
Владимиру Попову,
Татьяне Приваловой (Митрилян),
Владимиру Свиридову,
Наталье Семеновой,
Евгении Смагиной,
Джиму Даннингу

и, разумеется, Дэвиду Дагану, который, помимо всего прочего, настолько доверяет мне, что предоставил в мое распоряжение свой единственный экземпляр «Хоббита» ВАМ.

Благодарности заслуживает, конечно же, сам Дж. Р. Р. Толкин, который настолько искусно сплел свое повествование, что оно очаровало не только англоговорящий Запад, но и русскоязычный Восток. Сын Толкина, Кристофер, также заслуживает благодарности за то, что позволил мне процитировать его отклик на статью, которая затем вошла в данную книгу как составная часть первой главы.

Не забыть бы также Роба Фишера, подарившего мне экземпляр «Хоббита» в переводе Рахмановой на Рождество 1977 г. Это все по твоей вине.

Необходимо выразить также большую признательность Алле Хананашвили, чей энтузиазм, водопад вопросов, настойчивость и приверженность принципу «доверяй, но проверяй», скрупулезность и редакторское мастерство немало способствовали благополучному завершению всего проекта.

Благодарю также мою жену Стеллу, без поощрения и поддержки которой, не говоря уже о великолепном мастерстве редактирования многоязычного текста, этот проект никогда не увидел бы свет.

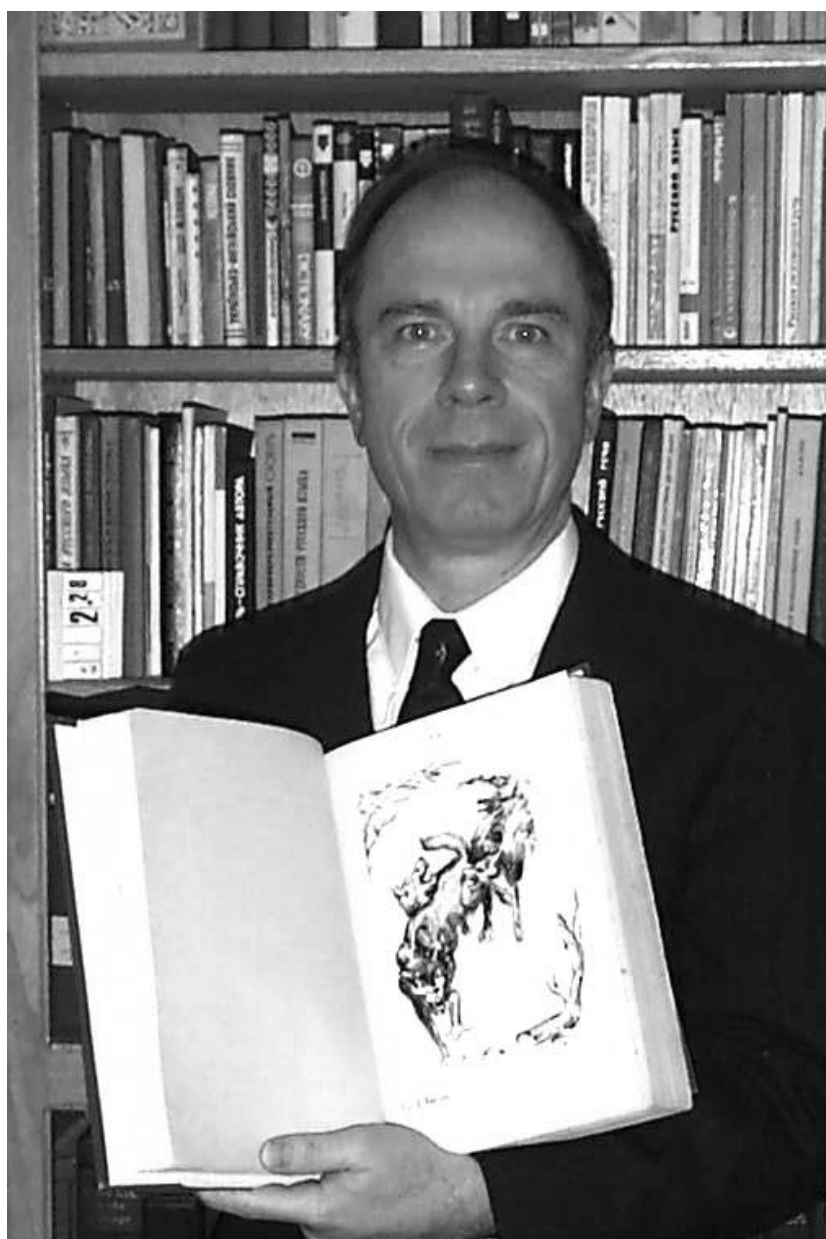
Благодарности переводчика

В свою очередь переводчик данной книги выражает огромную благодарность объединению Tolkien Texts Translation и Толкиновскому обществу Санкт-Петербурга за ее издание.

Особо хочу поблагодарить Наталью Семенову, подарившую мне когда-то идею перевода этой книги, а затем принимавшую самое активное участие в его обсуждении и редактировании. Не меньшей благодарности заслуживает также Светлана Лихачева, не только отредактировавшая данный текст, но и любезно предоставившая в мое распоряжение свой перевод «Писем» Толкина с разрешением его цитировать. В процессе работы над переводом огромную помощь в редактировании текста и уточнении терминологии оказали Мария Артамонова и Елена Михайлик, за что я им также безгранично благодарна.

И само собой, этот перевод вообще не состоялся бы без неоценимой помощи и поддержки автора книги, Марка Хукера, обладавшего достаточным терпением, чтобы в процессе работы над оригиналом выслушивать мои бесконечные комментарии и придирки, а затем с не меньшим терпением и аккуратностью исправлять мои собственные ошибки.

Благодарю также Дэвида Дагана, любезно согласившегося проверить правильность перевода своего предисловия.

К русским читателям

В процессе написания данной книги ее черновики просматривали несколько русских читателей. Среди их комментариев и предложений было очень много ценных, но одновременно были и такие, из которых становилось совершенно ясно, что данная книга рассчитана не на них. Эта монография написана носителем английского языка, который выучил русский, уже будучи взрослым. Его предположительная аудитория — не русскоязычные читатели, а англоговорящие, которые почти или совсем не знают русский. Те вещи, которые кажутся очевидными русским читателям, отнюдь не являются таковыми для целевой аудитории. И наоборот, то, что русским читателям покажется лишь поверхностно затронутым, для целевой аудитории будет самоочевидно. В задачу автора не входило давать исчерпывающие объяснения морфологии и грамматики (будь то русской, валлийской или английской), поскольку его предполагаемого читателя они попросту утомили бы. Точка зрения данной книги — это взгляд извне, и предназначен он для тех, кто смотрит на русский толкинизм также извне.

Автор принадлежит к той же самой языковой и культурной среде, что и Толкин. Вполне возможно, и сам Толкин, знай он русский язык, мог бы воспринимать анализируемые переводы приблизительно так же. Вероятно, русские читатели со многими оценками будут решительно не согласны, но нужно иметь в виду, что русскую и англоязычную культуры разделяет глубокая пропасть, и автор стоит по ту же сторону от нее, что и сам Толкин. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и сами тексты и их переводы во многом оцениваются под другим углом зрения, который весьма сильно отличается от восприятия русских читателей. Если они примут это во внимание, то действительно смогут найти в книге немало для себя интересного.

В своей оценке переводов автор постарался избежать анализа формы изложения и по возможности максимально сконцентрировался на передаче смысла. Этот подход вызвал ряд возражений у русскоязычных читателей, которые считают, что перевод в первую очередь должен быть литературным, и лишь только потом точным. Решение автора о приоритете смысла над формой особенно важно применительно к текстам Толкина, где философская концепция может зависеть от выбора одного единственного слова. Автор хотел бы, чтобы переводчики всегда руководствовались врачебной заповедью: «Не навреди».

Вопросы литературной формы текста до бесконечности обсуждаются носителями языка, которые так и не могут прийти к единому мнению. С другой стороны, обсуждение сути перевода вполне конкретизировано. Присутствует ли данное слово или фраза в оригинальном тексте и в переводе? Изменяет ли переведенный текст смысл оригинала? Вот вопросы, на которые автор постарался ответить в этом издании. Оценка автором переводов основана главным образом на их верности оригиналу.

Всякий раз, когда это представлялось возможным, автор указывал на красивые формулировки и профессиональные решения трудных переводческих проблем,

но и несмотря на это, некоторые читатели воспринимают его оценки как весьма негативные. По большей части это происходит оттого, что обсуждать идеальный перевод просто неинтересно. Если перевод совершенен, то и говорить о нем незачем. Девять безукоризненных переводов — это оксюморон. Не будь в них ни единого изъяна, они были бы абсолютно идентичны, и тогда существовал бы один-единственный перевод. И, тем не менее, количество изданных русских переводов *ВК* не имеет аналогов ни в одном другом языке и не перестает удивлять иностранцев своим изобилием. Поэтому основное внимание автор уделяет не тому, в чем переводчики преуспели, а скорее, их ошибкам, поскольку это более интересная тема для обсуждения.

Второе, что не нравится русским читателям, выросшим в посткоммунистический период, это то, что автор слишком резко акцентирует внимание на политических аспектах переводов. Часть посткоммунистического поколения настолько же резко аполитична, насколько коммунисты были атеистами. Однако читатели советских времен находят подобный анализ точным и убедительным. Стремление более молодого поколения читателей игнорировать политическую подоплеку переводов, тем не менее, ее не устраняет. Это означает лишь, что маятник качнулся от насквозь политизированной атмосферы Советского Союза к аполитичности рыночной экономики эпохи капитализма. Большинство же переводчиков выросло в советский период и отразили уклад того времени, в котором они жили и писали.

Вывод автора, что Толкин все еще ждет своего русского переводчика, не является, как полагают некоторые, полным отрицанием уже существующих русских переводов, но лишь предупреждением о том, что все эти переводы далеки от совершенства. Каждый из переводов, анализируемых в данной книге, интересен по-своему, но по-прежнему сохраняется место и для еще одного.

Марк Хукер

Предисловие переводчика

По словам Дэвида Дагана, перевести на русский язык книгу о русских, предназначенную для моноязычной англоговорящей аудитории — это почти что подвиг. Хотя я и считаю его оценку несколько завышенной, но все же вынуждена признать, что это действительно задача не из легких. Особенно если учесть, что сама я далеко не всегда и не со всеми высказываниями автора согласна. Главное различие наших точек зрения состоит в том, какие ассоциации вызывают у нас те или иные

фразы, имена и названия, насколько сознательно или неосознанно переводчики вкладывали дополнительный смысл в свои варианты, и что они сами имели при этом в виду. По мере сил, на протяжении всей нашей совместной работы, как над самой книгой, так и над ее переводом, я старалась убедить автора, что многие вещи русские читатели воспринимают совершенно иначе — у них часто возникают другие ассоциации и подчас то, что с точки зрения автора, выглядит как переводческая находка, на самом деле не более чем голый подстрочник. К чести автора надо отметить, что он всегда с огромным вниманием прислушивался к моему мнению и учитывал его, редактируя все главы своей книги.

И все же я уверена, что при всей спорности и неоднозначности оценок, даваемых автором, именно для русскоязычной аудитории они представляют ничуть не меньший, если даже не больший интерес, чем аналогичные исследования, которые предпринимались или, возможно, еще будут предприниматься в дальнейшем. Мало того, что на сегодняшний день это единственная монография, посвященная анализу русских переводов Толкина, она еще и по сути своей уникальна — переводы анализирует англоязычный специалист, и делает это очень живо и остроумно, попутно объясняя многие сложные для понимания и перевода места в произведениях Толкина.

Автор книги — один из ведущих американских толкиноведов, статьи которого часто публикуются в периодических изданиях Америки, России и Голландии. Его исследования цитируются в расширенном и дополненном издании (2002 г.) «The Annotated Hobbit» Дугласа Андерсона. В своей книге Андерсон ссылается на исследование «Толкин русскими глазами» и рекомендует его в качестве превосходного пособия по русским переводам «Хоббита» и *ВК*.

Столь высокая оценка, на мой взгляд, вполне заслужена. Автор проделал огромную работу и убедительно доказал, насколько непревзойденным мастерством должен обладать тот, кто в очередной раз отважится на столь трудную и неблагодарную миссию — перевод произведений Толкина. Но при этом автор книги не утверждает, что его мнение — это истина в последней инстанции, он лишь изла-

гает свою точку зрения — точку зрения человека, способного оценить все богатство и глубину языка Толкина, и, обладая неисчерпаемой лингвистической фантазией, подчас дать очень ценный совет, как все это можно попытаться сохранить и в переводе.

Поскольку автор книги сам редактировал ее перевод, то с ним согласованы и все отступления от оригинала.

Алла Хананашвили

Предисловие Дэвида Дагана

На протяжении десятилетий пресловутая «толкиномания» породила ряд причудливых и поразительных явлений, о которых старшее поколение читателей вспоминает с большей или меньшей ностальгией по их крайностям. Однако как выясняется, Запад был еще в этом отношении относительно сдержанным. Подлинно маниакальную разновидность толкиннизма можно найти, съездив в Россию. Это поистине другая страна. Страна, в которой все иначе.

Объяснить все это — задача книги Марка Хукера. Вне всякой связи с ее несомненной полезностью специалистам по русской литературе и исследователям переводов, она непременно заинтересует также широкого читателя и поможет ему понять некоторые русские культурные традиции, не последняя из которых — чтение между строк, даже когда никакого подтекста нет и в помине. Тех, кто русским языком не владеет, убедительно прошу: не путайтесь при виде кириллицы — Марк Хукер подробно объясняет эти вставки и дает подстрочный перевод. И в результате мы видим поразительно глубокое понимание сути русского восприятия литературы, в первую очередь имеющего тенденцию не только принимать западное влияние, но и русифицировать его, наподобие мастера Левши — героя Лескова, подковавшего английскую блоху. И действительно, за вычетом ряда достойных исключений, похоже, русские всегда знают намного лучше простых иностранных авторов, что те на самом деле хотели сказать. Когда они заимствуют сказки «Волшебник Страны Оз», «Пиноッキо» или «Доктор Дулиттл», то переделывают их в соответствии с русскими представлениями о том, какими им надлежало бы быть, если бы западные писатели обладали бы большей проницательностью и воображением.

В отношении Толкина, русские переводы, пожалуй, — выдающийся пример подобной тенденции. Марк Хукер превосходно объясняет неспециалисту своеобразную индивидуальность многих конкурирующих переводов произведений Толкина на русский, исследуя литературные/идеологические/политические/религиозные мотивы, побудившие переводчиков «адаптировать» тексты Толкина, или даже пытаться передать как можно точнее намерения автора. Но надо отдать должное переводчикам, это нелегкая задача — переводить произведения, настолько пронизанные английским духом, на язык, в котором, к примеру, не существует однозначного варианта для слова «Lord», не говоря уже о «Shire».

Эта книга предназначена именно для вас, если вам интересны попытки сузить (или расширить) пропасть между культурами, или же вы хотите узнать, что дела Саруман в Москве в 1936–1938 гг. А также если вас волнует, к кому обращаться

насчет создания толкиновской религии, или где находится «Латаная Лощина». А может, вам захочется прочитать о Серебряном венце, привезенном Пришельцами из-за Моря, который испепеляет любого, недостойного носить его (и почему только Толкину не пришла в голову подобная идея?). А если серьезно, то, взглянув на Толкина «русскими глазами», вы увидите мир в другом ракурсе. И хотя вас это порой озадачит или даже рассердит, но уж скучным не покажется наверняка.

Дэвид Даган
Октябрь 2003 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сокращения кириллицей

- Б Х.ххх — Бобьрь, «Хоббит», номер страницы (1994).
Б.ххх — Бобьрь, «Повесть о кольце», номер страницы (1991).
БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка. — СПб: «НОРИНТ», 2000.
БЭС — Большой энциклопедический словарь. — М: Советская энциклопедия, 1991.
ВАМ — Валерия Александровна Маторина (1991, 2000, 2003).
В — Волковский (2000).
Гр — Грузберг. Книжная версия под редакцией Застырца (2002).
Г&Г — Григорьева и Грушецкий (1992, 2002).
Г&Г_с — Григорьева и Грушецкий, самиздатовская версия.
Г&Г_п — Григорьева и Грушецкий, книжная версия.
Даль — Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. — М: Русский язык, 1978.
Дж. Р. Р. Т. — Дж. Р. Р. Толкин.
К&К — Каменкович и Каррик (1994).
Км — Каменкович, «Хоббит» (1995).
Кр Э — Королев. Толкин и его мир: Энциклопедия. — М: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2000.
Кр Х — Королев, «Хоббит» (2000).
Кск — Каминская, Перевод комикса по мотивам «Хоббита» D&D.
Л.Ш. — Летоисчисление Шира.
М — Муравьев без Кистяковского. В отношении 2 и 3 томов перевода «М&К».
М&К — Муравьев и Кистяковский (1982, 1988, 1990, 1992).
Р — Рахманова, «Хоббит» (1976).
субтитры — Русские субтитры к первой части киноэпопеи Питера Джексона.
СЭС — Советский энциклопедический словарь. — М: Советская энциклопедия, 1990.
У — Уманский
Ут — Утилова, «Хоббит».
Я — Яхнин (2001).

Сокращения латиницей

- АН — *The Annotated Hobbit*, Boston: Houghton Mifflin, 1988. В цитатах из «Аннотированного Хоббита», приводимых в подстрочном переводе с номерами страниц по данному изданию.
А.ххх — *The Appendices*. New York: Ballantine Books, 1965. В цитатах из «Приложений», приводимых в подстрочном переводе с номерами страниц по данному изданию.

- D&D — Dixon and Deming, комикс по мотивам «Хоббита», художник Дэвид Вензел.
- F.xxx — *The Fellowship of the Ring*. New York: Ballantine Books, 1965. В цитатах из первого тома, приводимых в подстрочном переводе с номерами страниц по данному изданию.
- H.xxx — *The Hobbit*. New York: Ballantine Books, 1965. В цитатах из «Хоббита», приводимых в подстрочном переводе с номерами страниц по данному изданию.
- HoME — J.R.R. Tolkien, Christopher Tolkien, *The History of Middle-Earth, Volume 5: The Lost Road and Other Writings*, Boston: Houghton Mifflin, 1987. В цитатах из «Этимологий», приводимых в подстрочном переводе с номерами страниц по данному изданию.
- L.xxx — J.R.R. Tolkien, *Letters*, Boston: Houghton Mifflin, 1981. В цитатах из «Писем» Толкина, приводимых в переводе Светланы Лихачевой с номерами страниц по данному изданию.
- OAD — *Oxford American Dictionary*
- OED — *Oxford English Dictionary*
- P.xxx — *The Prologue*. New York: Ballantine Books, 1965. В цитатах из «Пролога», приводимых в подстрочном переводе с номерами страниц по данному изданию.
- R.xxx — *The Return of the King*. New York: Ballantine Books, 1965. В цитатах из третьего тома, приводимых в подстрочном переводе с номерами страниц по данному изданию.
- S.xxx — *The Silmarillion*. Boston: Houghton Mifflin, 1977. В цитатах из «Сильмариллиона», приводимых в подстрочном переводе с номерами страниц по данному изданию.
- T.xxx — *The Two Towers*. New York: Ballantine Books, 1965. В цитатах из второго тома, приводимых в подстрочном переводе с номерами страниц по данному изданию.
- TC.xxx — *A Tolkien Compass*. (Jared Lobdell ed.), New York: Ballantine Books, 1980. В цитатах из «Руководства по переводу имен собственных из „Властелина Колец“», приводимых в переводе Талиорнэ и Терн, с номерами страниц по данному изданию.
- T&L.xxx — J.R.R. Tolkien. *Tree and Leaf*, London: Unwin Books, 1964. В цитате из эссе «О волшебных сказках», приводимой в подстрочном переводе с номером страницы по данному изданию.

Список названий частей ВК в разных переводах:

Г&Г
 БК — Братство Кольца
 ДК — Две Крепости
 ВК — Возвращение Короля

Гр
 ТК — Товарищество Кольца
 ДК — Две Крепости
 ВК — Возвращение Короля

В	Н
ДК — Дружество кольца	ХК — Хранители кольца
ДТ — Две Твердыни	ДТ — Две Твердыни
ВГ — Возвращение Государя	ВК — Возвращение Короля
ВАМ	У
СК — Содружество Кольца	Части не озаглавлены, поэтому даются под номерами (римскими цифрами), первым идет «Хоббит», затем три части ВК.
ДТ — Две Твердыни	
ВК — Возвращение Короля	
К&К	Я
СК — Содружество Кольца	Хр — Хранители
ДБ — Две Башни	ДБ — Две Башни
ВК — Возвращение Короля	ВК — Возвращение Короля
М&К	
Х — Хранители	
ДТ — Две Твердыни	
ВГ — Возвращение Государя	

Версии перевода Грузберга¹:

Грузберг-А — во второй половине 80-х годов распространялся в виде файлов по некоммерческой компьютерной сети FidoNet — большинство имен в транслитерации.

Грузберг-Б — вторая компьютерная версия с именами М&К. (К ней относится и смешанный вариант — Грузберг и Г&Г. Первый том этого варианта часто встречался в Интернете в комплекте со 2-м и 3-м томами самиздатовской версии перевода Г&Г).

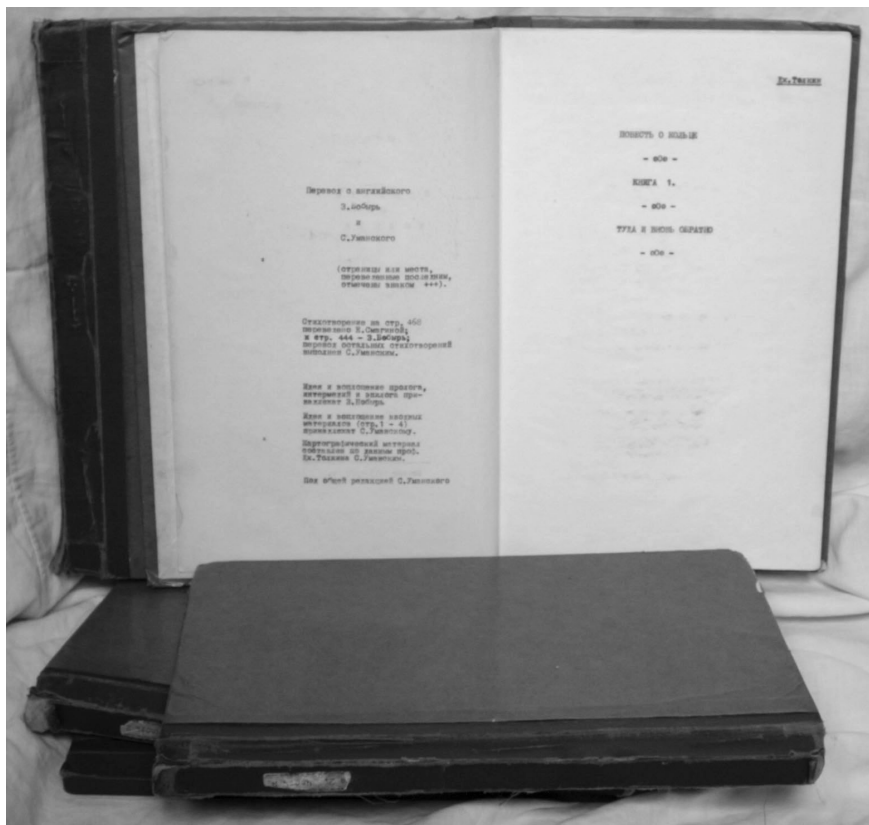
Грузберг-В — оригинальная версия.

Грузберг-Г — CD-ROM 2000 и 2001 года (они отличаются обложкой — на первом написано Толкин, на втором Толкиен).

Грузберг-Д — изданный в 2003 году перевод.

¹ Подробнее о версиях перевода Грузберга говорится в статье А. Хананашвили «Как это начиналось: Толкин в переводе Грузберга», опубликованной в журнале «Палантир», №38, 2003, с. 3–15.

Самиздатовский перевод З. А. Бобырь,
дополненный С. Я. Уманским
(рукопись из частной коллекции)

Глава I

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ТОЛКИНИЗМА В РОССИИ

Прошлое и нрав господина Бильбо Бэггинса снова стали главной темой пересудов (F.44).

В одной подпольной машинописной рукописи жил да был хоббит. Не в откорректированной спелл-чекером, свеженькой и хрустящей распечатке лазерного принтера; нет, в рукописи мятой, потрепанной и полной опечаток, вышедшей из-под пятой копирки, отпечатанной вручную на обороте ненужных документов. Рукопись была *самиздатовская*, что означает: незаконно изданная и подпольно распространявшаяся в Советском Союзе.

Почти сразу же после выхода в свет трехтомника «Властелин Колец» (в дальнейшем — *ВК*) Толкина (1954–1955 гг.), роман был переведен на голландский (1956–1957 гг.) и шведский (1959–1961 гг.) — в тех странах, где широко распространена традиция переводной литературы. Перевод на польский (1961–1963 гг.) следовал по пятам за шведским и обогнал датский (1968–1970 гг.), немецкий (1969–1970 гг.), и французский (1972–1973 гг.), а официальный перевод на русский язык в тоталитарном Советском Союзе все ожидался и ожидался...

Публикации русского перевода *ВК* препятствовала, по сути дела, вся государственная издательская индустрия СССР, пока в 1982 году не вышел наконец (в сокращенном виде) первый том — самый идеологически безобидный. Полное, без сокращений, издание первого тома, подготовленное теми же официально одобренными переводчиками, увидело свет только через 6 лет. После его публикации (в 1988 г.) второй и третий тома последовали каждый с двухлетним интервалом — в 1990 и 1992 годах, — в фарватере падения советского режима. В Чехословакии и Болгарии, где

правлящие коммунистические партии стремились придерживаться еще более крайней идеологии по сравнению с Москвой, ждать издания Толкина также пришлось вплоть до краха коммунизма в Восточной Европе. Переводы *ВК* в этих двух странах вышли в свет в 1990–1991 гг.

По мнению цензоров, философия Толкина не вполне соответствовала официальной линии Коммунистической партии. Неприязнь была взаимной. В письме к своему сыну Кристоферу, Толкин писал:

Мои политические убеждения все больше и больше склоняются к Анархии (в философском смысле — разумея отмену контроля, а не усатых заговорщиков с бомбами) или к «неконституционной» Монархии. Я арестовал бы всякого, кто употребляет слово «государство» (в каком-либо ином значении, кроме «неодушевленное королевство Англия и его жители», то, что не обладает ни могуществом, ни правами, ни разумом); и, дав им шанс отречься от заблуждений, казнил бы их, ежели бы продолжали упорствовать! Если бы мы могли вернуться к именам собственным, как бы это пошло на пользу! Правительство — абстрактное существительное, означающее искусство и сам процесс управления; писать это слово с большой буквы или использовать его по отношению к живым людям должно объявить правонарушением. Если бы люди взяли за привычку говорить «совет короля Георга, Уинстон и его банда», — как бы это прояснило мысли и приостановило жуткую лавину, увлекающую нас в Кто-то-кратию² (L.63).

В «Большом энциклопедическом словаре» — последнем, изданном в коммунистическую эпоху (1991 г.) (БЭС, II.480) — имеется лишь краткая статья, характеризующая *ВК* как книгу, содержащую «пессимистическую концепцию о необратимом влиянии зла на историческое развитие». Согласно такой формулировке, сочинения Толкина вступают в противоречие с обязательным оптимизмом социалистического реализма, который в Советском Союзе считался единственно приемлемым литературным методом.

Суть советской словарной статьи резко контрастирует с высказыванием К. С. Льюиса в его статье «Развенчание власти».

Сам текст учит нас, что Саурон вечен; война Кольца — лишь одна из тысяч войн против него. Хорошо бы достало нам мудрости каждый раз опасаться его окончательной победы, после которой уже *«не станет больше песен»* <...> И, победив в очередном сражении, мы не должны забывать, что победа наша не окончательна. Если нам не-

² Цитаты из «Писем» Толкина приводятся в переводе Светланы Лихачевой. — *Прим. перев.*

пременно нужна мораль в этой истории, то вот эта мораль: возврат от снисходительного оптимизма и плаксивого пессимизма в равной степени, к мучительному, но не вовсе безнадежному пониманию неизменно тяжелой участи человечества, присущему героическим эпохам³.

Толкин — реалист, призывающий читателя быть на высоте положения и ответить на вызов Зла, не теряя надежды на то, что Добро, если оно еще сильно, снова может восторжествовать. В Советском Союзе такой тип «реализма» имел очевидный политический подтекст.

Впервые перевод на русский язык произведения Толкина опубликован в 1969 г. Это был отрывок из седьмой главы «Хоббита» («Необычайное жилище»), напечатанный в ежеквартальном журнале «Англия»⁴, издававшимся Британским Министерством иностранных дел для распространения в Советском Союзе. «Англия» была частью поддерживаемого государством культурного обмена между Великобританией и СССР во времена «холодной войны». Несколько идеологически адаптированный официальный перевод «Хоббита» был вынужден ждать своего часа вплоть до 1976 года.

Самиздат

Иное дело — самиздат. Самиздат противостоял централизованной советской издательской системе. Сам он вообще не являлся системой. Скорее, это было некоторое количество разрозненных, изолированных друг от друга приятельских компаний, где люди делились с друзьями недоступной литературой. В результате такой изолированности независимо друг от друга начали «ходить по рукам» несколько разных переводов книг Толкина. Как правило, переводчиками становились люди, которых увлек и захватил созданный Толкином мир, а переводы предназначались для близких друзей и родственников. Такие переводчики не ожидали ни оплаты, ни признания своего труда. А на самом деле, создавая перевод, они еще и подвергались риску.

В середине 60-х годов, в последние годы «хрущевской оттепели», возникшей как результат десталинизации, свой самиздатовский пересказ *ВК*

³ *A Reader's Companion to The Hobbit and The Lord of the Rings*, NY.: Quality Paperback Book Club, 1995, p. 41.

⁴ Дж. Р. Р. Толкин. «Хоббит» (отрывок из романа) // Англия: [Ежеквартальный журнал о сегодняшней жизни в Великобритании]. — (Printed in England by Stephen Austin & Sons, Ltd., Hertford), 1969. N 2 (Вып. 30). — 112 с. — с. 30–40.

сделала Зинаида Анатольевна Бобыр⁵. Бобыр была известна своими переводами научной фантастики, публиковавшимися в журнале «Техника — молодежи», где она работала в 1943 году. В 50-х годах она являлась одним из лучших популяризаторов зарубежной научной фантастики. Бобыр входила в группу переводчиков, тщательно отбиривших лучшие из лучших произведения англоязычной научной фантастики, на которых основывалась популярность жанра. Среди ее переводов — произведения Брайана Олдисса, Айзека Азимова, Джона Гордона, Эдмона Гамильтона, Клиффорда Саймака и Станислава Лема, последнего — с польского языка.

Ее сокращенный самиздатовский вариант *ВК*, который дожил до «издательского бума», последовавшего за крахом коммунизма в начале 90-х годов, составляет лишь треть от оригинального текста и содержит несколько дополнительных сюжетных линий. К примеру, вдобавок к Кольцу Власти в ее варианте имеется также Серебряный Венец, привезенный Пришельцами из-за Моря, который является одним из величайших заморских сокровищ. «Кто посмеет возложить его на свое чело, тот либо получит всеведение и величайшую мудрость, либо... либо будет испепелен на месте, если недостаточно подготовился к этому» (Б.67; У II.396). Если Арагорн окажется способен носить Серебряный Венец, то будет достоин вступить в брак с Арвен и стать преемником Эльронда. Фабула усложняется тем, что Серебряный Венец находится в Остилиате, который сейчас захвачен Врагом. Однако не все потеряно, потому что Саурон знает, что не смеет коснуться Серебряного Венца, пока не вернет себе Кольцо. Конец этой сказки традиционно счастливый — Арагорн становится обладателем Серебряного Венца (Б.472–473; У IV.809).

В период с 1975 по 1978⁶ годы Семен Яковлевич Уманский, инженер, разносторонне одаренный под стать деятелям эпохи Возрождения, отредактировал сокращенный пересказ *ВК* Бобыр. Эта версия сохранилась в частной библиотеке Евгении Смагиной, которая любезно предоставила ее в распоряжение автора в 2003 году. Переплетенная рукопись также содержит перевод «Хоббита», который первоначально был воспринят автором книги как переделанный вариант Бобыр. Однако версия «Хоббита» Уманского не имеет ничего общего с изданием 1994 года (Пермь: «Книжный мир»). Но зато его версия *ВК*, несомненно, может быть идентифицирована с пересказом Бобыр, опубликованным в московском издательстве «Ин-

⁵ Из неопубликованного интервью с Евгенией Смагиной, полученного по электронной почте 19 дек. 2000 г., в 11:30:50 по московскому времени.

⁶ Даты указаны на титульной странице рукописи.

терпринт» в 1990 году под названием «Повесть о Кольце». Несмотря на то, что Уманский восстановил многие главы, опущенные Бобырь, большие куски текста, включая сюжетную линию Серебряного Венца, слово в слово соответствуют интерпринтовскому изданию.

Современным поколением русских толкинистов, имеющих доступ к множеству полных переводов и даже к английскому оригиналу, сокращенный пересказ Бобырь практически повсеместно не признается серьезной работой. Однако на момент его появления, это была смелая попытка познакомить русских читателей (хотя бы в сжатой форме) с произведением Толкина, вопреки не располагающему к тому политическому климату советской издательской промышленности, контролируемой государством.

Приблизительно в 1975 году полный самиздатовский перевод был сделан Александром Абрамовичем Грузбергом. Грузберг, профессиональный лингвист, одновременно довольно активно переводил для самиздата произведения научной фантастики, часть из которых затем опубликовал под псевдонимом Д. Арсеньев. Среди его переводов произведения Пола Андерсона, Айзека Азимова, Эдгара Райса Бэрроуза, А. Нортон и Перри Родана.

Грузберг обнаружил Толкина в Библиотеке иностранной литературы в Москве. Там же он заказал микрофильм с копией трех томов романа. Это услуга была относительно недорогой, особенно по сравнению с покупкой английского оригинала, который к тому же было еще и очень сложно достать. Первая версия его перевода была полностью написана от руки. По словам еще нескольких человек, они также переписывали *ВК* от руки, некоторые даже не по одному разу. Пишущие машинки были дефицитной роскошью, а о компьютерах в то время даже и не мечтали. Около года потребовалось Грузбергу на завершение работы. Его дочь Юлия (теперь Юлия Баталина) перевела большую часть стихотворений.

Перевод *ВК* Грузберга распространялся точно так же, как и все остальные самиздатовские переводы научной фантастики. Рукописи перепечатывались в шести экземплярах под копирку (копирующие машины были подконтрольны) и отсылались в Ленинград. Оттуда они расходились по всей стране. Грузберг отмечает, что «большинство переводов [ходивших в самиздате] было ужасного качества. Настолько безграмотные, что трудно даже поверить. Переводчики не знали не только английского, но и самых элементарных сведений из истории и культуры. Но нетребовательные читатели <...> все это глотали»⁷.

⁷ Из неопубликованных воспоминаний А. А. Грузберга.

Участие в незаконной издательской деятельности было сопряжено с риском. Руководителя самиздатовской группы, которую Грузберг снабжал переводами, звали Климов. «Говорят, были у него и неприятности с КГБ (еще бы: при такой деятельности), но он каким-то образом умудрялся вернуться и продолжал свое дело», — вспоминает Грузберг. Да и к самому Грузбергу власти проявляли повышенное внимание из-за его самиздатовской деятельности. «Конечно, угрожали. За такие дела увольняли с работы и преследовали. У меня обошлось. Правда, у одного моего знакомого, которого как раз обвинили в распространении самиздата, нашли мой перевод и вышли на меня. Но меня только предупредили, чтобы я такими делами больше не занимался. Произошло это, кажется, в 1981 году. И, между прочим, после этого случая я на довольно долгий период от переводов отказался. Возобновил только в 1990 году».

«Появление автора в самиздате почти неизбежно влекло за собой коренные изменения в его жизни. Человек терял работу по специальности (или терял возможность продолжать образование), ограничивалась вообще возможность заработка, могли применить административные репрессии. И это в самом легком случае. Одним словом, человек прощался с прошлой жизнью и начинал существовать как диссидент *par excellence*⁸. А чтобы решиться на это, нужны очень серьезные основания. И, кстати говоря, это означало испортить жизнь также и своей семье, родным, друзьям и коллегам», — говорит Евгения Смагина, одна из первых, кто прочитал пересказ Бобыр в самиздате⁹.

Чтение самиздатовских рукописей *ВК* рождало особое ощущение. Делать это нужно было в одиночестве, там, где никто не смог бы застать вас за чтением. В известной степени, читать такую рукопись фактически означало разделять опасность со всем Братством. Само обладание этой книгой было уголовным преступлением, хотя едва ли кто-нибудь когда-нибудь был осужден только за это. Идеи, которые содержала книга, особым образом воздействовали на читателя, рисковавшего, познавая их. Если бы текст не содержал крамолу, прочесть его мог бы каждый. Евгения Смагина так описала это восприятие: «От чтения неподцензурного, свободного слова всегда было чувство свободы, глотка свежего воздуха (что искушало и литературные несовершенства многих из этих текстов). Кроме того, возникала некая гордость собой, ощущение собственной смелости, эйфория от того, что совершил некий вольный, несанкционированный поступок. Че-

⁸ *Par excellence* *фр.* — преимущественно, главным образом, в основном.

⁹ Смагина, электронное письмо.

ловеку, всю жизнь прожившему в условиях свободы слова и печати, трудно это почувствовать»¹⁰.

Самиздатовские копии выдавались только на 3–4 дня, и многие читали их ночами, прогуливая из-за этого работу и учебу. Один из очевидцев выучил текст *ВК* наизусть и стал ходячей книгой, оживив тем самым «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери. Именно так к советским читателям пришли «Доктор Живаго» Пастернака, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Гадкие лебеди» и «Сказка о Тройке» Струтацких.

Первый переводческий бум

В 1982 году в московском издательстве «Детская литература» вышел в свет сокращенный перевод первого тома *ВК*. Переводчиками были Владимир Сергеевич Муравьев и Андрей Андреевич Кистьяковский (М&К), которые познакомились с произведениями Толкина в начале 70-х годов и увлеклись ими. Они хотели использовать произведение Толкина как «прокламацию, достаточно длинную, но воинственную», «сделать ее манифестом эковского бунта», пишет исследователь творчества К. С. Льюиса и друг переводчиков, профессор Н. А. Трауберг¹¹.

Сокращенный перевод немедленно стал бестселлером. Первый тираж в 100 тысяч экземпляров был распродан, и в 1983 году издательство «Детская литература» предприняло беспрецедентный шаг в условиях плановой экономики — было напечатано два дополнительных тиража, в общей сложности 300 тысяч экземпляров. Настолько необычным был этот шаг, что одной из российских исследовательниц, которая скорее похожа на знаменитых скептиков из штата Минсури, чем на москвичку, потребовалось сверить регистрационные номера каждого тиража, чтобы окончательно убедиться в этом¹². Эти дополнительные тиражи также молниеносно разошлись, и вскоре книга стала недоступна даже в библиотеках, поскольку все экземпляры были украдены с полок¹³.

¹⁰ Смагина, электронное письмо.

¹¹ Доклад на конференции: Круглый стол: «Профессор Толкин и его наследие», 22 апреля 2000 г., РГГУ. с. 5. Материалы Круглого стола опубликованы в журнале «Палантир», №№ 25–27, 2001.

¹² Электронное письмо от 15 дек. 2000 г., 00:55:25 по московскому времени.

¹³ Алексей Княкин. Вначале было слово... (памяти кондуктора под вагоном): <<http://www.kulichki.com/tolkien//arhiv/ugolok/posadnik.html>>. Также электронное письмо от 16 дек. 2000 г., 02:46:52 по московскому времени.

Публикация сокращенного перевода первого тома М&К оказалась политически несвоевременной, он вышел на самом пике «холодной войны». 8 июня 1982 г. Рональд Рейган произнес свою знаменитую речь «Империя Зла», в которой некоторые исследователи Толкина — одновременно на Востоке и на Западе — разглядели прозрачные намеки на изречения Гэндальфа на Совете Эльронда во второй главе второй книги и на совете в шатрах Арагорна в девятой главе пятой книги. В своей статье «Евразийские тенденции в отечественной литературе жанра фэнтези» Анатолий Мошницкий¹⁴ называет «цитату» из Толкина в речи Рейгана «Империя Зла» непосредственной причиной задержки публикации следующих двух томов перевода М&К.

Выступая в британской Палате Общин, явно ассоциирующейся с Советом Эльронда, Рейган сказал: «Если история чему-нибудь учит, так только тому, что самообман перед лицом неприятных фактов — безумие. <...> Давайте посулим надежду. Давайте сообщим миру, что новая эпоха не только возможна, но и вероятна»¹⁵.

На Совете Эльронда Гэндальф говорит: «Мудрость заключается в том, чтобы признать необходимость, когда взвешены все другие пути, хотя тем, кто делеет ложную надежду, эта мудрость может показаться безумием» (F.352). На совете в палатке Арагорна, Гэндальф сулит надежду на новую эпоху, надежду, которую Рейган превратил в вероятность: «Мы должны идти в западно с открытыми глазами, отважно, но почти без надежды уцелеть самим. Ибо, лорды, вполне вероятно, что мы погибнем все до единого в черной битве вдали от живых земель. И даже если Барад-дур будет уничтожен, мы не доживем до новой эпохи. Но я считаю, что таков наш долг. И это лучше, чем все равно погибнуть (что неизбежно, если мы останемся здесь), зная, что новая эпоха уже никогда не наступит» (R.191).

Когда после выхода сокращенного перевода первого тома М&К стало ясно, что публикации второго и третьего томов в ближайшее время не предвидится, восполнить возникший спрос на перевод продолжения взялись неофициальные переводчики, что вылилось в «переводческий бум» ВК. Одна из отличительных черт всех переводов этого «бума» — они начинались с того места, где обрывался перевод М&К, использовали варианты имен и названий из «Хранителей» и, до некоторой степени, подражали стилю первого тома М&К.

¹⁴ Анатолий Мошницкий. Евразийские тенденции в отечественной литературе жанра фэнтези: <<http://arctogaia.krasu.ru/works/moshnitsky1.shtml>>.

¹⁵ <<http://www.luminet.net/~tgort/empire.htm>>.

На Украине такими переводчиками стали Алина Немирова и Валерия Александровна Маторина, технический переводчик, работавшая под псевдонимом «ВАМ», который по ее словам, родился из инициалов, но подразумевал фразу: «читайте, это все В.А.М.» Перевод Н. Эстель — толкиновский псевдоним Надежды Чертковой, известной своим переводом «Сильмариллиона», — также относится ко времени «бума». В августе 1989 г. А. И. Алёхин начитал на кассету свой перевод второй и третьей книг *ВК*, сделанный с польского перевода Скибневской¹⁶. В 90-х годах *ВК* перевела Ирина Забелина, чьи переводы малой прозы Толкина — «Листа Ниггля» и «Фермера Джайлса из Хэма», выходили в свет, а этот ее перевод еще ждет публикации. Наибольшее распространение получил самиздатовский перевод Натальи Григорьевой и Владимира Грушецкого (Г&Г), доступный и в Интернете, который весь пестрит фразами, репликами и целыми абзацами, слово в слово повторяющими сокращенный пересказ Бобьрь без ссылки на первоисточник. Даты на рукописи Уманского однозначно свидетельствуют о том, что версия Бобьрь создавалась раньше¹⁷. В Интернете часто встречается перевод Г&Г второго и третьего томов, скомбинированный с переводом первого тома Грузберга, для формирования полной электронной версии романа.

Перестройка

В докладе¹⁸, прочитанном на фестивале «Звездный мост-99», Алина Немирова, одна из переводчиков *ВК*, оценивает творчество Толкина как литературный и социальный феномен. Немирова отмечает, что наибольший отклик произведения Толкина находят у людей той же социальной среды, к которой принадлежал в Англии и сам Толкин, это средний класс — «служилая интеллигенция», в которую входят преподаватели, врачи, инженеры, научные сотрудники. Она подчеркивает, что те члены толкиновской когорты британского среднего класса, которые усвоили незыблемые основы вик-

¹⁶ Skibniewska, Maria, Władca Pierścieni, Warsaw: Czytelnik Publishers, vol. 1 (Wyprawa), 1961; vol. 2 (Dwie wieże), 1962; vol. 3 (Powrót króla), 1963.

¹⁷ Подробнее об этом говорится в статье Натальи Семеновой. «К вопросу о генезисе русских переводов „Властелина Колец“ Дж. Р. Р. Толкина», опубликованной в журнале «Палантир», №. 37, 2003, с. 20–34.

¹⁸ «Творчество Толкиена как литературный и социальный феномен». Доклад на фестивале «Звездный мост-99» 8 октября 1999 г., секция «Фантастика и просветительская традиция на рубеже тысячелетий». <<http://www.kulichki.com/tolkien/archiv/manuscr/nemirova.shtml>>.

торианства, потерпели «максимальный психологический урон при наступлении нового страшного века» — двадцатого столетия. И они же обладали «рядом весьма привлекательных черт: гуманностью, богатством духовных интересов, тягой к творчеству» — характерные черты, присущие Толкину.

Немирова отчасти приписывает популярность Толкина в России тому факту, что его произведения формировались под воздействием периода, в который он жил — переломного переходного этапа от викторианской эпохи девятнадцатого столетия к суровой действительности столетия двадцатого, точкой отсчета которой стал не 1900 год, а скорее Первая мировая война, где сражался Толкин. Немирова воспринимает влияние отправных точек мышления именно как фактор, вызывающий повышенный интерес к произведениям Толкина у современных читателей в странах бывшего СССР, «которым в силу стечения обстоятельств пришлось пережить перелом не менее резкий, чем испытывали люди поколения» Толкина, жившего на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Для читателей бывшего СССР, переломными моментами, добавившими к СССР слово «бывший», стали перестройка и крах коммунизма.

Переводческий бум был бы невозможен без перестройки, которая обудала всеильную государственную руку, контролировавшую литературу, — Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). Главлит был создан в 1922 году с целью централизации цензуры издательской деятельности и репертуара зрелищных предприятий. В его функции входил запрет на публикацию и распространение произведений, «содержащих агитацию против Советской власти, разглашающих военную тайну Республики, возбуждающих общественное мнение путем сообщения ложных сведений, возбуждающих национальный и религиозный фанатизм, имеющих порнографический характер»¹⁹. Главлит был политической организацией, характер которой варьировался в зависимости от политического климата каждого отдельного периода: беспощадный при Сталине, смягченный при Хрущеве, ужесточенный вновь при Брежнев. Начиная с 1986 года Главлит постепенно терял свои полномочия. В 1990 году он был реорганизован в Главное управление охраны тайн в печати и СМИ (ГУОТ), акцентировавшее его роль по защите государственных тайн. По мере развития перестройки молодое поколение ощущало угрозу все меньше. Уменьшение власти Главлита привело к тому, что самиздат стал неактуален. Молодежь более не рассматривала машинописные тексты в качестве самиздата, а воспринимала их просто как «неопубликованные рукописи». Такое изменение пози-

¹⁹ <<http://www.internews.ru/smi/index/d297ablu.html>>

ции означало более широкое распространение неофициальных взглядов, которое ускорило процесс политических перемен в Советском Союзе. Именно благодаря перестройке второе, несокращенное издание перевода первого тома М&К впервые увидело свет в 1988 году.

В октябре 1991 г. Главлит (теперь ГУОТ) был, наконец, расформирован и начался издательский бум. Издательская система, контролируемая государством, практически молниеносно стала управляться по законам рынка. Самиздат превратился из переплетенного машинописного текста с шестью копиями под копирку в набранную на компьютере книгу, которую возможно растиражировать в тысячах экземпляров. Переводы Толкина, известного в России как «Профессор», не стали исключением. Полный перевод *ВК* вышел в 1988, 1990 и 1992 годах. Последние два тома были переведены одним Муравьевым — Кистяковский скончался в 1987 году, не успев завершить работу над всеми тремя томами. «Пересказ» Бобьрь был издан одностомником в 1990 году. Перевод *ВАМ* вышел в свет в 1991 году, так же, как и первое издание полного перевода Г&Г.

Второй издательский бум

Спустя почти десять лет начался второй издательский бум. Конец тысячелетия и начало нового ознаменовались взрывом бурной переводческой активности. В 1999 году появился пересказ для детей «Властелина Колец» Леонида Яхнина. Второе переработанное издание полного перевода Г&Г вышло в 2000 году. Широко переиздавался перевод М&К. Перевод Грузберга, наконец, вышел на CD-ROM, а перевод Каменкович и Каррика, впервые увидевший свет в 1994 году, был переиздан. Вышел в свет новый перевод, сделанный В. Волковским. И все это только в одном 2000 году. Результатом докатившейся и до России «лихорадки фильма» стало переиздание в 2001 году М&К, Г&Г, К&К и Яхнина. CD-ROM с переводом Грузберга был также выпущен повторно. В 2002 году, наконец-то, вышли в свет переводы Немировой и Грузберга, а все остальные были вновь переизданы. В 2003 году на полки книжных магазинов, в конце концов, попал исправленный перевод *ВАМ*, а издательство «Центрполиграф» опубликовало под именем Мансурова ворованный перевод Грузберга. В начале 2003 года поиск по имени «Толкин» в одном из наиболее крупных интернетовских книжных магазинов²⁰ давал 105 названий. К лету их количество увеличилось до 162.

²⁰ <<http://www.ozon.ru>>

Второй издательский бум сопровождался бумом «чтения Толкина в оригинале». В шуточном четверостишии одной русской толкинистки об этом говорится так:

Да будь я и чукчей преклонных годов,
И то без отмазок и стрессов,
Я English бы выучил только за то,
Что им изъяснялся Профессор.²¹

Этот бум заявил о себе появлением англоязычного «Хоббита» в издательстве «Престо» в 2000 году²², и «Властелина Колец» на английском, вышедшего в 2002 году в «Рольф Паблишинг»²³. Оба издания сопровождалось словарем, примечаниями и комментариями.

В результате, после многих лет «ссылки» в самиздат и двух издательских бумов, в России опубликован не один перевод произведений Толкина, как это принято в большинстве других стран. На русском языке существует несколько одновременно издаваемых переводов, конкурирующих друг с другом за внимание читателей. Имеется одиннадцать различных переводов «Листа Нигля»; десять переводов *ВК*; девять переводов «Хоббита» и шесть переводов «Сильмариллона». Каждый переводчик использует несколько иной подход к тексту. Каждый перевод представляет собой несколько иную интерпретацию Толкина. Каждый переводчик рассказывает несколько иную историю. Большинство существующих переводов — лишь подобие Толкина, а не реальный Толкин. Все они адаптированы под российский менталитет. Как метко заметил Владимир Свиридов, один из руководителей объединения Tolkien Texts Translation (ТТТ), «в России перевод Толкина — это, прежде всего, средство самовыражения, а не способ добыть денег или славы». Цель этой книги состоит в том, чтобы выявить всевозможные расхождения между переводами и оригиналом.

Адаптация иностранных идей

Адаптация заимствований — известный российский феномен. Марксистская революция была заимствована извне. Результат изумил бы самого Маркса. Несомненно, то же самое испытал бы Толкин, узнай он, что

²¹ <<http://mirkwood.narod.ru/newspapers/stat/11.htm>>

²² J.R.R. Tolkien. *The Hobbit, or There and Back Again*, Moscow: Presto Publishers, 2000. Text abridged and adapted by S.N. Cherkhanova. Illustrations M.I. Sukharev.

²³ J.R.R. Tolkien. *The Lord of the Rings*, M: Rolf Publishers, 2002–03. В серии «Let's read in the original».

стало с его замыслом в России. Говоря о русском национальном характере, П. Я. Чаадаев писал: «Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии. Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный факт нашей истории пришел извне, каждая новая идея почти всегда заимствована»²⁴. Однако русская культурная мысль не просто поглощает эти новые идеи, она еще их и переваривает. Еще Дидро (1713–1784) в беседе с русской императрицей Екатериной Второй заметил: «Идеи, перенесенные из Парижа в Санкт-Петербург, приобретают иной оттенок»²⁵.

Художественный домысел З. Бобыр — Серебряный Венец, привезенный Припельдцами из-за Моря, из ее сокращенного самиздатовского перевода *ВК* — вот хороший пример того, во что могут вылиться идеи, попавшие на русскую почву. Других примеров предостаточно в классической детской литературе. Пересказ книжки «Пиноккио» Карло Коллоди (1826–1890), который сделал Алексей Толстой (1883–1945), завершается не тем, что Пиноккио заслуживает право стать живым мальчиком, из плоти и крови, а тем, что Буратино находит свой настоящий дом, где живут такие же, как он, ожившие куклы.

Одна из переводчиц Толкина, — Мария Каменкович подробно анализирует суть причин этого явления. В интервью газете «Смена»²⁶ она говорит:

В России проявилась своя специфика восприятия Толкина, не имеющая аналогов на западе. Лучшее, с чем это можно сравнить, — хрестоматийный мальчик у Достоевского, которому вечером дали звездную карту, а утром он вернул ее со своими пометками. И к Толкину отношение не без высокомерия и чувства превосходства. Ну англичанин, что он мог написать? Вот мы знаем, что такое жизнь. При этом у молодых читателей возникает желание «разоблачить» Толкина, низвести его до своего уровня. Общелюбимая ситуация на играх — Галадриэль сидит у костра и сушит мокрые носки. Впрочем, такое отношение идет от переводов, в которых эльфы нередко говорят, как грубые подростки. Это уже советское наследие в чистом виде — неприятие аристократизма. И, как бы мы ни открепивались от того времени, дух его все еще жив. Вот почему в

²⁴ Петр Яковлевич Чаадаев «Апология сумасшедшего». Цитируется в: Marthe Blinoff, *Life and Thought in Old Russia*, Clearfield, PA: The Pennsylvania State University Press, 1961, p. 179.

²⁵ Цитируется в: Stuart Ramsay Tompkins, *The Russian Mind: From Peter the Great Through the Enlightenment*, Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1953, p. 230.

²⁶ Интервью с переводчицей М. Каменкович. газета «Смена», 01.06.95. <<http://www.fbit.ru/elinor/jrrt/intervi.htm>>

большинстве переводов у Фродо и Сэма отношения запанибратские. А в подлиннике — это отношения слуги и хозяина. Поэтому Толкин просто необходим нам сегодня, если мы действительно желаем излечить приверженность ко всеобщему опрощению. Он — лекарство, которое надо давать по ложечке.

Наталья Семенова, занимающаяся исследованием творчества Толкина, говорит, что в ответ на ее критику перевода М&К нередко слышит: «зато классно написано». По ее словам, иногда из дальнейших объяснений можно понять, что имелось в виду: «гораздо лучше, чем Толкин»²⁷.

Сочинение стихов, пародий и рассказов на толкиновские темы, несущие несомненный отпечаток специфически русского взгляда на жизнь, чрезвычайно популярно в России. Интервью для журнала «МК-Бульвар»²⁸ Ника Перумова, одного из самых известных (а, по мнению некоторых русских толкинистов, печально известных) подражателей Толкину, являет собой великолепную иллюстрацию к упоминавшимся выше словам Марии Каменкович: «англичанин, что он мог написать? Вот мы знаем, что такое жизнь...». Перумов известен в России как человек, который дописал Толкина. Его роман «Кольцо Тьмы» начинается через 300 лет после завершения Третьей эпохи²⁹. Роман наделал много шума. Перумов писал, что его роман — это реакция на описание Толкином Второй мировой войны.

— За державу обидно. 45-й год. Война в Европе кончается. Русские солдаты штурмуют Берлин, американцы трепыхаются на Рейне, немцы на восточном фронте дерутся насмерть. В тихой, мирной Англии господин Толкиен сидит в Оксфорде и пишет «Властелин Колец». Как ни открепчивается Профессор от того, что «Властелин» — это не аналогия, что не имеет никакого отношения к войне, это рвалось, рвалось. Лезло. Для того чтобы после войны изображать Зло, идущее в бой под красным флагом, нужно было очень сильно его ненавидеть. Потому что тогда это было больше, чем просто боевое знамя, чем даже флаг страны, это было Знамя Победы. Эта одна из многих, многих причин... [по которым я решил завершить начатое Толкиеном].

Упоминание красного флага, на котором так акцентирует внимание Перумов, находится в четвертой главе третьего тома («Осада Гондора»), где

²⁷ Электронное письмо от 11 дек. 2000 г., 23:18:40 по московскому времени.

²⁸ Малинина, Юлия. Я не плясал на трупе Толкиена. — МК-Бульвар, 10–16 июля 2000 г., с. 42–47.

²⁹ Ник Перумов. Кольцо тьмы: 1) Эльфийский клинок, 2) Черное копьё, 3) Алмаз Хенны. — СПб: Терра-Азбука, 1996.

«шперенги огней превратилась в стремительный поток: бесчисленные ряды орков несли горящие факелы, а дикие южаки под красными знаменами, крипло крича, мчались вперед, истребляя отступающих» (R.113).

Действительно, *красное знамя* — слишком заряженный термин в советском контексте. Оно символизировало революцию. *Орден Боевого Красного Знамени* был военной наградой, а соответствующей гражданской — *Орден Трудового Красного Знамени*. Затем этот символ революции также стал национальным флагом СССР. Советский аналог легендарной фотографии Иводзима³⁰ — картина «Егоров и Кантария водружают Знамя Победы над Рейхстагом» в Берлине в 1945 году. Несмотря на то, что общепринятой переводческой практикой является стремление не создавать у читателя перевода нежелательных ассоциаций, ни один из переводчиков не уклонился от использования «красного знамени» в этом предложении, хотя многие сделали подобные замены в других местах. «Красная Книга Вестмарча» (см. главу «**The Red Book of Westmarch**»), например, превращалась в «Алую книгу Западного Края», а Дурин (см. главу «**Durin**») становился Дьюрином.

Если Перумов и мог обвинять Толкина в использовании красного знамени в главе «Осада Гондора», то ответственность за использование этого слова в шестой главе третьего тома «Битва на полях Пеленнора» он мог бы возложить исключительно на переводчиков. Там предводитель харадрим атаковал, «исполнившись лютой злобы, он с громким криком развернул свой штандарт — черного змея на алом поле» (R.139). Между штандартом и знаменем, и между алым и красным существуют тонкие смысловые различия, достаточные, чтобы нарушилась связь с советским красным знаменем. Часть переводчиков, однако, намеренно проигнорировали их с целью создать нечто более антисоветское. В сокращенном пересказе Бобырь (Уманского) красное знамя в четвертой главе было опущено (Б.365; У IV.708), но в шестой главе, ее предводитель харадрим «поднял знамя с черным змеем на красном поле» и атаковал (Б.389; У IV.728). В версии Г&Г эта фраза повторяется дословно (Г&Г ВК.113). У ВАМ и в постсоветском (1994–1995) академическом переводе К&К формулировки поразительно похожи. Их предводитель харадрим разворачивал знамя с Черным змеем на *крово-красном поле* (ВАМ ВК.124; К&К ВК.150). Такая специфическая цветовая комбинация для читателя советских времен немедленно

³⁰ Фотография, сделанная в 1945 году на японском острове Иводзима (Iwo Jima), где произошел самый кровопролитный и продолжительный бой для армии США за всю Вторую мировую войну. На ней изображены шестеро американских солдат, водружающих флаг на завоеванную морскими пехотинцами вершину Сурибачи. — *Прим. перев.*

ассоциируется с тем периодом советской истории, который С. П. Мельгунов назвал «Красным террором»³¹: за это время были уничтожены миллионы людей. Новый (2000 г.) перевод Волковского уже целиком избежал этой цветовой ассоциации. М&К упустили возможность еще одной политической декларации и сделали знамя алым, идя вслед за Толкином. В ранних версиях перевода Грузберга, который не предпринимал никаких усилий следовать политической конъюнктуре, знамя также было алым. В издании перевода Грузберга на CD-ROM (2000 г.), его редактор Е. Ю. Александрова сумела даже избежать политически заряженного слова *знамя*, вернувшись к аполитичному толкиновскому *алому штандарту*.

Перумов — относительно молодой писатель, родившийся после Второй мировой войны. Его комментарии — типичный образец триюнизма советологии: для многих русских, в равной степени молодых и старых, Вторая мировая война закончилась лишь вчера. Сам Перумов, однако, — не типичный представитель молодых русских толкинистов, которые считают себя совершенно аполитичными и избегают любой политической интерпретации оригиналов Толкина. Однако восприятие Толкина русскими читателями находится под сильным влиянием русского менталитета, столь, казалось бы, хорошо знакомого Западу, и, тем не менее, способного постоянно преподносить сюрпризы.

Цвет флага наверняка не был Толкину безразличен. Гимн Британской Лейбористской партии, который традиционно исполняется на каждой ее конференции — «Красный флаг», с припевом³²:

Наш **алый стяг** поднимем ввысь!
Под ним красна и смерть, и жизнь,
Трус, бойся; скалься, тайный враг —
Здесь нами поднят красный флаг³³.

Песня стала неотъемлемой частью культуры британского пролетариата настолько, что британские дети часто с удивлением обнаруживали, что мелодия, на которую она поется, была гораздо известнее за пределами Великобритании как «Oh, Tannenbaum» или «О, Рождественская елка». Стихи были написаны в 1889 году Джимом Коннеллом (1852–1929), видным деятелем британского рабочего движения. Его вдохновила проходившая тогда забастовка лондонских докеров, деятельность Ирландской

³¹ Sergey Petrovich Melgounov (1879–1956), *The Red Terror in Russia: 1918–1923*, London, Toronto: Dent, 1925. <<http://lib.helios-tv.ru/koi/POLITOLOG/MELGUNOW/terror.txt>>

³² Здесь и далее выделено автором. — *Прим. перев.*

³³ Перевод Вадима Барановского.

земельной лиги, Парижской Коммуны, российских нигилистов и чикагских анархистов. Песня быстро стала гимном международного рабочего движения. После «холодной войны» и падения коммунизма, нынешний премьер-министр от Лейбористской партии, Тони Блэр, отказался от этого гимна, который скорее ассоциируется с духом Парижской Коммуны, чем с современной европейской социал-демократией.

Перумов, возможно, был прав, говоря, что на выбор Толкином цвета вражеского флага повлияла политическая подоплека. Но, скорее всего, он ошибался, ассоциируя его исключительно с русскими и Красным флагом Победы. Для Толкина этот образ, несомненно, имел более раннее происхождение.

Еще один видный, и не менее спорный автор русской толкинистики известна как Ниэннах. Ее псевдоним восходит к толкиновской королеве Валар, одной из Аратар, чей удел — оплакивать и страдать, дарить не безысходное горе, но жалость, надежду и стойкость духа. Книга русской Ниенны называется «Черная книга Арды»³⁴. Исходя из предпосылки, что общепринятая история написана победителями, она выворачивает ее наизнанку. Это история Средиземья с точки зрения побежденного. Это историческая хроника, написанная с позиции не Илуватара, а Мелкора. Ниеннизм обрел в России немало последователей.

Ирина Шрейнер исследовала восприятие русскими читателями «Черной книги Арды» в своем докладе («Феномен ниеннизма»)³⁵, представленном на Круглом Столе «Профессор Толкин и его наследие», который проводился 22 апреля 2000 года в Российском государственном гуманитарном университете в Москве. Подход Ниенны к Толкину «дает куда как больший простор, чем, ну, традиционный Толкинизм для написания каких-то собственных апокрифов. В рамках Толкинизма дописывать и переписывать нечего. Книги Толкина отличаются этим изумительным свойством английской литературы: они закончены. Завершены. Совершенно равновесны внутри себя». Кроме того, и для русских это чрезвычайно привлекательно, «идея правильности и праведности, правости другой стороны». Шрейнер считает, что «возможно, исток этого стоит искать еще и в том, что для людей 20-го века, людей, живущих в современном обществе, для

³⁴ Ниэннах (Васильева, Н. Э.), Иллет (Некрасова, Н. В.). Черная книга Арды: Крылья черного ветра. — М: ДИАС лтд., 1995; М: Эксмо-Пресс, 2000. Некрасова Н. В. Черная Книга Арды. Исповедь стража. — М: ЭКСМО, 2000 год. — (Знак Единорога).

³⁵ Доклад на конференции: Круглый стол: «Профессор Толкин и его наследие», 22 апреля 2000 года, РГГУ. с. 45–47. Материалы Круглого стола опубликованы в журнале «Палантир», №№ 25–27, 2001.

кого-то на сознательном, для кого-то — на подсознательном уровне оказывается очень мучительной мысль, чувство, назовите это как угодно, о собственной полной невозможности влиять на события и процессы, даже не происходящие в окружающем мире, а — формирующие окружающий мир. Возможно, в этом стоит видеть и одну из основ Толкинизма в целом, но ниеннизм дает опять-таки больший простор как взгляд, предполагающий правоту не большинства, а меньшинства».

Формулировка ее утверждения слишком политически заряжена для постсоветской эпохи. Фальсифицированная победа большевиков над меньшевиками в ходе Октябрьской революции 1917 года заложила основу для прихода Ленина к власти и учреждения коммунистического государства.

Шрейнер заканчивает свой доклад утверждением, что «Черная книга Арды» — глубоко либеральная книга, «ибо именно либерализм одной из основных и первейших ценностей называет свободу личности, ставя ей едва ли не единственное ограничение: „свобода личности ограничена только свободой другой личности“. Приложите эту максиму к „Черной книге“, и посмотрите, что получится. Потому что пятое, и, наконец, самое главное, что оказывается в ней привлекательно для людей и делает их „ниеннистами“, это то, что „Черная книга“ — книга о праве человека на свободу быть самим собой».

Толкинизм в России

Официальная публикация сокращенного перевода первого тома (1982 г.) М&К, дополненная самиздатовскими переводами второго и третьего томов (середина 80-х годов), вызвала первую волну толкинизма. Прежде количество толкинистов не напоминало даже легкую морскую зыбь. Несовместимость официального перевода первого тома М&К и самиздатовских продолжений понуждала многих читателей первой волны толкинизма к поспешному поиску дефицитного английского оригинала. Относительно доступным источником служила возможность заказывать микрофильмы в Библиотеке иностранной литературы в Москве, где работал Владимир Муравьев. Однако необходимость свободно читать по-английски стала причиной того, что в эту когорту толкинистов, по существу, входили только интеллектуалы-гуманитарии.

Прочитанный оригинал поразил их. В своей статье³⁶ о переводах Толкина, Сергей Смирнов изящно сформулировал это так:

³⁶ Сергей Смирнов. J.R.R. — как жертва «национального» перевода (полемические заметки на критическую тему) <<http://uralstalker.ekaterinburg.com/2000/02/0002-10.html>>.

Увы! Оригинал оказался совершенно другой книгой. Настолько другой, что позднее своему сыну я уже не дал читать ни перевод «Радуги», ни, тем более, «Северо-Запада». После нескольких месяцев блуждания по полкам домашней библиотеки они не смогли найти свое место даже рядом с «Волшебником...» Волкова, «Айболитом» Чуковского и «Буратино» Толстого, которые кажутся мне теперь честнее, поскольку не прикрывали свои «вариации на тему...» именами авторов первоисточников.

«Волшебник Изумрудного города» Александра Волкова написан по мотивам «Волшебника страны Оз» Фрэнка Л. Баума (1856–1919). «Доктор Айболит» Корнея Чуковского (1882–1969) основан на «Докторе Дуантла» Хью Лофтинга (1886–1947). «Золотой ключик, или Приключения Буратино» Алексея Толстого (1883–1945) — это пересказ «Приключений Пинноккио» Карло Коллоди (1826–1890). Эти три классических произведения русской детской литературы гораздо больше ассоциируются с их русскими авторами, нежели с авторами оригиналов.

Русская адаптация произведений и философии Толкина имеет ошущенное влияние на явление, называемое «толкинизмом» в России — одно из философских течений, с помощью которых русские стремятся заполнить философский вакуум, оставленный крахом коммунизма. Эта адаптация усугубляется тем, что К. В. Асмолов сжато объясняет в своей статье³⁷, посвященной истории толкинизма в России, как слишком частое чтение Толкина «вне контекста».

Дело в том, что наши почитатели Профессора, в отличие от тех, кто изучает его наследие на Западе, не представляют себе размеров подводной части того айсберга, на вершине которого покоятся его работы. Это и мифологическое наследие Англии и ее соседей, на базе которого Профессор создавал свои собственные мифы, и некоторые моменты биографии самого Профессора, без знания которых очень сложно правильно расставить акценты. Европейцы изучают наследие Толкина так же, как у нас изучают наследие Пушкина: зная и чувствуя корни; связывая жизнь писателя с эпохой, в которую он творил; пытаясь понять мотивы его поступков. А у нас — частично от неграмотности, частично от нежелания искать, подменяют реалии собственными искусственными и надуманными конструкциями, в которых то, что есть на самом деле, превращается в то, что авторы этих конструкций хотят видеть.

³⁷ К. В. Асмолов, 1997 О Толкине, толкинизме и толкнутых (*заметки историка-наблюдателя*), 1997: <<http://www.kulichki.com/tolkien/archiv/fandom/makavity.shtml>>.

В собрании заметок³⁸, которые он сделал в расчете на написание в будущем истории толкиннизма в России, Владимир Попов описывает идеологический вакуум, который сформировался в Советском Союзе в период после появления на сцене в 1982 г. первого официального перевода *ВК*. Еще было далеко до критической точки, достигнутой в постсоветской России, «где скомпрометированными оказались не только любые политические, национальные и прочие массовые идеалы, но и те, кто эти идеалы провозглашает или отстаивает». Он сравнивает недоверие, явное неподчинение в Советском Союзе тех времен — скорее не с Оруэлловским «1984», а с Кэрроловской «Алисой в Стране Чудес».

По его словам, на этом начальном этапе в первой половине 80-х годов, в движении участвовали не широкие массы, а интеллигенция, испытывавшая «тотальное недоверие к любому провозглашенному девизу». Он уподобляет интеллектуальный климат того времени распространенному при словью: «мы делаем вид, что работаем, — нам делают вид, что платят». Или применительно к описанию интеллигенции: «нам делают вид, что рассказывают о социализме, — мы делаем вид, что слушаем».

Согласно Попову, в противовес «моральному кодексу строителя коммунизма», Толкин стал альтернативным учебником порядочности, который формировал характер нового советского поколения. Толкин стал «азбукой веры — но в светлое и разумное, а не в нечто весьма абстрактное, но скомпрометированное реальной историей применения этой самой абстракции. И, возможно, главное — абсолютно ненавязчивый и ни к чему не призывающий. Возможно, ключевое слово для *ВК* — книга личного выбора».

Личностный выбор был антитемой советскому моральному кодексу, учившему, что общественные интересы важнее личных. В политическом климате 80-х, это было опротивительным утверждением.

Перестройка и последующий крах Союза и государственной монополии на издательскую промышленность подготовили почву для второй волны русского толкиннизма. Во время «издательского бума», последовавшего за перестройкой, свобода печати постаралась удовлетворить ранее подавлявшийся спрос на запрещенные книги, такие как произведения Толкина, Нортон, Флеминга, Клэнси, Солженицына, Пастернака и Стругацких. В изобилии появились пиратские издания, не соблюдавшие авторских прав и не выплачивавшие гонорара переводчикам.

³⁸ <<http://www.kulichki.com/tolkien/forum/showthread.php?s=&threadid=547>>

<<http://www.kulichki.com/tolkien/forum/showthread.php?s=&threadid=548>>

<<http://www.kulichki.com/tolkien/forum/showthread.php?s=&threadid=549>>

В этот период на рынке появились четыре русские версии *ВК*. Однотомный, сильно сокращенный перевод Зинаиды Анатольевны Бобыр вышел в 1990 г. Перевод ВАМ — в 1991 г. Однако основными соперниками за звание самого популярного интерпретатора произведений Толкина среди русскоязычной читательской публики немедленно стали полные переводы М&К (1988, 1990 и 1992 гг.) и Г&Г (1991 г.).

Вокруг вопроса о том, какой перевод считать лучшим, в России бушуют страсти. Одна из русских персональных веб-страниц, на которой ее владелец поместил список своих любимых книг, содержит предупреждение читателям: «Ни в коем случае не читайте перевод Муравьева (им сейчас завалили книжные магазины), а тем более „пересказ для детей“ (компьютером, кажется, какой-то Л. Яхнин). Это опасно для душевного и физического (побьют, когда будете цитировать) здоровья как вашего, так и окружающих»³⁹.

В преддверии выхода киноверсии *ВК* Питера Джексона в 2001 г., один русский веб-сайт провел выборочный опрос общественного мнения⁴⁰, кому стоит поручить перевод кинофильма. Из 264 опрошенных, 20,8% считали, что перевод должен был быть поручен Муравьеву (Кистяковский умер в 1987 г.), и 19,3% проголосовали за Г&Г. ВАМ, Грузберг, Волковский или К&К, как возможные кандидаты в опросе не упоминались. Большинство участников опроса (44,5%), однако, не выбрали ни один из вышеперечисленных вариантов. Эти респонденты считали, что в переводе должны принять участие наиболее влиятельные члены толкиновского фэндома. Так, в конце концов, и случилось. Перевод субтитров был осуществлен командой русских толкинистов⁴¹. Составители опроса не лишены чувства юмора. Один из возможных вариантов был: «пригрозить терактом студии в случае плохого перевода». Этот ответ выбрали 5,6% респондентов.

Первый переводческий бум расширил интеллектуальную базу русского толкинизма и сильно увеличил его ряды, что позволило превратить русский толкинизм, который прежде был почти исключительно интеллектуальным и академическим, в фэндом. Исследователи творчества Толкина продолжали рассматривать его работы как миф, анализируя их с исторической и филологической точек зрения. Фанаты Толкина, однако, были моложе — ученики средних школ и студенты вузов, не обладавшие глубокими познаниями в северной и западноевропейской культуре. Их уровень знания английского был слишком низким, и они были действительно вы-

³⁹ <<http://ivbespalov.chat.ru/library.htm>>, 23 January, 2002.

⁴⁰ <http://fan.theonering.net/~henneth-annun/cgi-bin/kompoll/poll_ssi.cgi>, 14 февраля, 2001.

⁴¹ Имена членов команды перечислены в библиографии в разделе «Субтитры».

нуждены принимать на веру написанное переводчиками и исследователями Толкина, не имея возможности прочесть оригинал. В своей статье⁴² по истории толкинизма в России К. В. Асмолов пишет, что термин «толкинизм» на деле совершенно не соответствует многим представителям новой волны толкинистов.

Большинство новых представителей этого движения, для которого название «толкинизм» можно применять уже чисто условно, приближается по своему умственному развитию к американским тинэйджерам, испытывая на себе все прелести массовой культуры. Такой тип неформала можно встретить в Нескучном саду, что на Арбате, только в Нескучном саду у него вместо роликовых коньков деревянный меч. Средства массовой информации описывают их наравне с панками, рэйверами или хиппи. Число людей, знающих Толкина не понаслышке, в их среде угрожающе мало.

В своих заметках об истории толкинизма в России Владимир Попов пишет, что в толкинистском движении в России двадцать первого столетия можно выделить четыре основных течения, определяемые по их философскому подходу к Толкину. Условно он их называет «христианами», «северянами», «альтернативщиками» и «афилософами»⁴³.

По мнению Попова «афилософы» — это те, «кто вообще не задается вопросом о фундаментальных ценностях, лежащих в основе трудов Толкина». Они воспринимают *БК* как просто хорошую книгу жанра фэнтези, и таких людей, как он отмечает, немало.

Лозунг «альтернативщиков» в классификации Попова — «Профессор был не прав!» Они выбрасывают всю философскую систему Толкина и пытаются выдвинуть вместо нее свое собственное видение Средиземья. Основные идеологи этого течения русского толкинизма — Ниенна с ее «Черной книгой Ардь» и Ник Перумов, печально известный как человек, который дописал Толкина. По мнению Попова, «такой феномен характеризует скорее состояние умов в современной России, чем какие-то реальные предпосылки в текстах Толкиена».

«Христиане» в системе Попова — это те, кто сосредотачивает свое внимание непосредственно на христианстве самого Толкина — в особенности на католицизме — и на христианских элементах в его легендарии. Владимир Свиридов из ТГТ придумал термин *толкианство*, чтобы описать эту специфическую форму христианства.

⁴² К. В. Асмолов, 1997 О Толкине, толкинизме и толкинутых (заметки историка-наблюдателя): <<http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/fandom/makavity.shtml>>

⁴³ <<http://www.kulichki.com/tolkien/forum/showthread.php?s=&threadid=549>>

«Северяне» — это те, кто отталкиваются от элементов скандинавских саг, столь щедро разбросанных в текстах Толкина. Эта группа основывается на теории «северного мужества», в соответствии с которой скандинавские герои и боги обречены бороться без надежды на победу в грядущем Рагнарёке (см. главу «**Оставь надежду...**»).

С каждым днем все заметнее становится волна толкинистов, получивших жаргонное прозвище *толкнуток*. Этот неологизм обыгрывает ассоциацию имени Толкина с существующим русским словом *толкнуть*, от которого образуется причастие *толкнутый*. А само использование данного термина аналогично употреблению причастия от глагола *тронуть*, которое наиболее часто встречается в словосочетании «тронувшийся умом (рассудком), или просто *тронутый* («чокнутый») на жаргоне (БТСРЯ, с. 1347.1.). Буквально *толкнуток* мог бы быть воспринят, как «тронутый (чокнутый) на почве Толкина», или *толкиноман*.

В статье⁴⁴ начала 90-х годов, напечатанной в газете «Комсомольская правда», С. Кириллова — в полушутливом тоне — описала четыре стадии *толкиномании* (*Mythomania Tolkienensis*) как болезнь, развивающуюся в России. Представители первой стадии заразны. Они стремятся приобщить как можно больше людей к чтению произведений Толкина. Представители второй стадии характеризуются верой в то, что «Все, что написано в книгах Профессора — правда, и я видел это собственными глазами!»

Это одна из новых идей, которая сопровождала появление массового фэндома, последовавшее за первым переводческим бумом. Некоторые русские толкинисты рассматривают Средиземье как «дивный новый мир», вызванный к жизни визионером Толкином, который не создавал Средиземье посредством своего воображения, но так или иначе был способен видеть и описывать фактически существующий параллельный мир⁴⁵.

Третья стадия, по мнению Кирилловой, заключается в изменении ее представителями восприятия окружающих, и стремлении их к большей эгоцентричности. Представители этой стадии характеризуются верой в то, что «Я видел собственными глазами все, что написано в книгах Профессора, и все было совсем не так!». Представители четвертой, последней стадии иерархического описания Кирилловой выказывают тенденции маниакальной одержимости, угрожая убить любого, чье восприятие произведений Толкина не совпадает с их собственным. Относящиеся к этой стадии

⁴⁴ С. Кириллова. Наши студенты уже на четвертой стадии толкинутости, или Чудики. — Комсомольская правда, 27 ноября 1993.

⁴⁵ Асмолов, 1997.

полагают, что «только я один знаю, что на самом деле происходило в романах Толкиена! А другие толкиенутые — лжецы!» Несмотря на то, что статья написана в юмористическом ключе, ее описание происходящих событий более или менее соответствует действительности. Русские дискуссии о Толкине имеют тенденцию быстро превращаться в некое подобие философских дебатов на повышенных тонах о поисках «правды», чем русские интеллектуалы и заслужили себе дурную славу.

В ходе своего визита в Россию в начале 90-х годов известный писатель-фантаст Брюс Стерлинг познакомился с представителями новых русских толкиенистов. В своей статье, опубликованной в журнале «Уайрд», он дал следующую характеристику этому движению: «уникальным русским вкладом в неформальную культуру являются «системные хиппи», фанаты Толкина, которые придерживаются своего рода мистической идеологии, пропитанной понятиями Русской Крови, Русской Земли, Движения Зеленых и Возврата-к-природе. Идеологии, подобной гибриду Распутина и хоббита⁴⁶, основывающейся на принципах Новой Эры⁴⁷. В этом описании Стерлинг вряд ли сильно промахнулся. Оно было помещено на видном месте одним из популярных русских толкиеновских сайтов⁴⁸.

Толкиенисты периода бума гордились сознанием своей «посвященности» в нечто, недоступное широким массам. Толкин стал символом иной, запредельной жизни, вход в которую был открыт не каждому. Заметнее всего эта «причастность» проявилась в богатстве и разнообразии толкиеновской поэзии и лирики, как уже существующей, так и все еще продолжающейся создаваться.

⁴⁶ Bruce Sterling, «Compost of Empire», *Wired*, Issue 2.04, April 1994.

⁴⁷ «Новая Эра» («New Age») т.е. Эра Водолея, начавшаяся, по астрологическим источникам, в конце девяностых годов прошлого века — это синкретическо-экуменическое движение нео-язычников, проповедующее веротерпимость и являющееся конгломератом из восточных религий (точнее, западного на них взгляда), мистических учений (Елена Блаватская, Даниил Андреев и т.п.), а также мистических и спиритуальных практик вроде йоги, шаманизма, экстрасенсорики, астрологии и так далее.

Цель «Новой Эры», как движения, может быть определена, как просвещение и объединение всех людей на земле в единое веротерпимое и бесконфликтное общество.

Программа (как и цель, это очень расплывчатое понятие, так как «Новая Эра» не представляет собой единой организации или церкви, а является скорее движением слабоскоординированных ячеек и отдельных лиц) состоит из проповедей пантеизма (Бог — это всё) и нахождения себя в Боге путём духовного развития. (Автор сноски Вадим Барановский)

⁴⁸ Цитата помещена на сайте «Эгладор»: <<http://kulichki.com/tolkien/ambar/eglador/welcome.html>>.

В оде «Девочке, покупающей „Властелина колец“ с книжного лотка»⁴⁹ рассказчик пытается отговорить девочку от покупки книги, разъясняя ей все последствия этого опрометчивого поступка:

Эй, девочка, послушай мой совет!
Весь этот Толкин — чепуха и бред.
Не покупай ты эту ерунду,
Возьми вон «Анжелику» иль «Бурду»...
Как ясны и чисты твои глаза!
Нет, Толкина читать тебе нельзя.
Послушай, я добра тебе хочу.
Ведь ты, прочтя, не скажешь: «Что за чунь!»
Ты втянешься. Для молодой души
Писанья эти хуже анаши.
Ты толкинешься, а потом начнешь
Искать себе подобных — и найдешь.
И вот тогда Господь тебя спаси:
Ты имя будешь странное носить,
Сошьешь прикид, изучишь эльфов речь,
Из деревяшки выстругаешь меч,
Эльфийскую нацепишь мишуру,
А там, глядишь, поедешь на Игру
И будешь бегать с луком по лесам,
Бить орков, танцы дивные плясать
И петь по вечерам «А Элберет...»
А дальше — хуже: в восемнадцать лет
Полюбишь толкинниста-дурака,
А он, как будто в средние века, —
Нет, чтоб купить французские духи! —
Начнет цветы дарить, читать стихи
И робко твои руки целовать.
Нет, чтобы сразу затащить в кровать!
А замуж выйдешь — ох, как нелегко
Жить паре толкиннистов-дураков,
Которые и в слякоть, и в жару
Не к морю едут летом — на Игру.
Что ж, ты упряма. Дай тогда ответ:
Как выглядят вся эта блажь и бред

⁴⁹ Марина Авдонина (Эльрин). Девочке, покупающей «Властелина колец» с книжного лотка: <<http://www.kulichki.com/tolkien/kaminzal/txt1ah/elrin7.html>>

На трезвый и простой житейский взгляд?
Твои подруги и учителя,
Родители, родители друзей
Подумают впрямую о крейзе,
Сперва смеясь тихонько, а потом -
Крутя открыто у виска перстом.
И это все: презренье и смешки,
Прилипшие навечно ярлыки -
Мол, эскейпист, а по-простому — псих —
За звездный свет и за волшебный стих,
За мир, похожий на обрывок сна, —
Не слишком ли высокая цена?
Как, ты платить согласна?.. Видит Бог,
Тебя я отговаривал, как мог.
Но, видимо, судьбу не обмануть.
Тогда все то, что я сказал, забудь.
Пред совестью своей теперь я чист.
Я сам уже семь лет как толкинист.
У нас тусовка... Да, по четвергам...
Да, в основном гитара, треп и гам.
Придешь? Ну, мне пора уже. Пока!
Тьфу, пятый раз у этого лотка!

Эта ода — по существу рифмованный символ приобщения к толкинизму, проявление первой стадии *толкиномании*, о которой писала в своей статье журналистка Кириллова. Жизнеописание русского толкиниста, содержащееся в оде, тем не менее, весьма точно.

Чувство принадлежности и тайной сопричастности к андерграунду было не единственным фактором, повлиявшим на деятельность раннего русского толкиновского движения. Это было также ощущение революционности, существования иных ценностей — чувство, возникшее у M&K при чтении Толкина. В своей статье⁵⁰ по истории ролевых игр Владислав Гончаров выражает это так:

Чтобы понять, почему именно «Властелин Колец» стал культовой книгой, необходимо вспомнить кое-какие теоретические работы самого Толкина — в частности, его эссе «О Волшебных сказках». Там он прямо ведет речь о создании вторичных миров и об эскапизме. «Не о бегстве солдата с поля боя, но о бегстве узника из постылой

⁵⁰ Владислав Гончаров. Болезнь, симптом, лекарство? — «Если», март 1999: <<http://www-koi.sf.amc.ru/esli/rubr/publ/es499gon.htm>>.

торьме». Расписавшись в нелюбви к современной машинной цивилизации, к прогрессу, порождающему в первую очередь бомбы и пулеметы, а также и к собственно «научной фантастике», Толкин сделал следующий шаг — сплел воедино лучшие образцы мирового эпоса, создав собственный «вторичный мир». Абсолютно сказочный, подчиняющийся совершенно иным законам, — но одновременно затягивающий, гипнотизирующий, подчиняющий своей воле.

Цитата Гончарова из эссе «О волшебных сказках» является еще одним примером русской адаптации привносимых извне идей. Толкин ничего не говорил о «постылой торьме». В оригинале сказано: «Они путают <...> Побег Узника с Бегством Дезертира» (T&L.54).

После развала Советского Союза, совершив побег из «торьмы» обязательного государственного атеизма, российское общество начало активные поиски новых духовных ценностей, призванных заполнить многолетний вакуум. Христианоподобное учение толкинизма привлекало многочисленных последователей и стало заметным социальным явлением в России. Это и не удивительно, поскольку нынешний социальный климат России имеет множество параллелей с социальным климатом Англии 30-х годов — времени, когда Толкин создавал свой легендарium.

В своей книге («Стремление к вере») Ричард Джонстон исследует влияние на творчество романистов 30-х годов изменений, происходивших в мире: от поствикторианского общества «в значительной степени мифического, но, однако, отчетливо запомнившегося, упорядоченного и осмысленного»⁵¹, общества, существовавшего прежде, чем мы осознали, что мировым войнам нужно присваивать порядковые номера, к современному шумному послевоенному миру. Этот послевоенный мир был неведом и изменчив. Джонстон видел «все более механизмируемое и стандартизируемое „послевоенное“ общество, которое, казалось, отрицало ценность и роль личности, и писателей», стремящихся «восстановить силу и предназначение личности посредством веры»⁵². Католицизм и марксизм — две веры, которые, по мнению Джонстона, выбирали писатели того поколения для решения названных проблем.

Толкин, однако, не принадлежал к поколению, которое Джонстон описывает в своей книге. В отличие от других писателей, упоминаемых Джонстоном, Толкин воевал. Тем не менее, Толкин имеет с ними много общего. Описание поствикторианского общества у Джонстона как «в зна-

⁵¹ R. Johnstone, *The Will to Believe: Novelists of the 1930s*, Oxford University Press, 1982, p.1.

⁵² Johnstone, p.3.

чительной степени мифического, но, однако, отчетливо запомнившегося» имеет неожиданный отклик в контексте легендарнума Толкина. Цитата Джонстона из Кристофера Ишервуда, указывающая на «связь между мирами паблик школ⁵³ и исландских саг», применительно к Толкину звучит очень уместно. «Мир саги — это мир школьника, с его распрями, незатейливыми шутками, страхом темноты, выраженными в игре слов, загадках и сдержанных высказываниях»⁵⁴.

Столь же однозначно Толкин отвергал механизацию и стандартизацию общества, а хоббиты, как и сам Толкин, «не понимали, не понимают и не любят машин сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы или ручного ткацкого станка» (Р.19). Но, будучи набожным католиком и испытывая отвращение к марксизму, Толкин нашел третий путь, который побуждал его читателей «оставить в стороне недоверие» вместо того, чтобы вести к одной из двух доминирующих религий того времени.

Толкианство

Среди русских толкинистов не так уж мало тех, кто, прочтя Толкина, обратились в католицизм. И, как обычно, неопиты значительно более рьяны, чем верующие с детства. В конце октября 2002 г. на форуме крупнейшего русского толкиновского сайта Арды-на-Куличках⁵⁵ одна из них подняла вопрос о беатификации Дж. Р. Р. Толкина как прелюдии к канонизации и в качестве признания его заслуг, поскольку большинство новообращенных приняли христианство под влиянием творчества Толкина. В возникшей вслед за этим дискуссии на полном серьезе затрагивались юридические каноны и правила канонизации. Святой Джон Оксфордский⁵⁶?

Во вступительной статье к русскому изданию романов Клайва С. Льюиса «За пределы безмолвной планеты» и «Переландра» Яков Кротов с глубо-

⁵³ В Великобритании закрытые частные привилегированные средние школы, сохраняющие аристократические традиции, называются «паблик школз» (public schools, букв. — общественные школы). Слово *public* означает, что у учеников нет индивидуального преподавателя, и они занимаются классом. Обычно это школы-интернаты, преимущественно для мальчиков. — *Прим. перев.*

⁵⁴ «Some Notes on Auden's Early Poetry» (1937) *Exhumations*, p.19, quoted in Johnstone, c.11.

⁵⁵ < www.webboard.ru/mes.php?id=4835970&fs=0&ord=0&board=8571&lst=&arhv=yes >

⁵⁶ Те, кто сомневаются в возможности создания религиозного течения на основе произведений современного автора, пусть ознакомятся с *толстовством* — религиозным течением, основывающемся на учении Льва Толстого (1828–1910), автора «Войны и мира» и «Анны Карениной». *Толстовство* превратилось в нравственную силу во всем мире и во многом повлияло на Махатму Ганди.

ким пониманием объясняет феномен популярности толкинизма, сравнивая повествовательные подходы Льюиса и Толкина к теме Бога⁵⁷. Подход Льюиса он считает «положительно богословским», а Толкина — «отрицательно богословским». «Круг ведь можно нарисовать, заштриховывая его плоскость черным, а можно — заштриховывая черным поле вокруг круглого кусочка чистого листа. Можно говорить о Боге: «Он — то-то и то-то» (и это всегда будет аллегорией, ибо все известные нам «то-то», даже самый свет и жизнь, сотворены Богом и Богом не являются). А можно говорить: «Бог — не то и не то»».

Выбранный Толкином путь «отрицательного богословия» не только приманчивее (хотя в отсутствие таланта этот путь может быть и затрудным, и бездарным). Он не отпугивает необходимостью думать, искать затаенный смысл — ибо смысл целенаправленно и полностью изъят. Толкин действительно развлекает, не поучая — чего Льюис не смог избежать. Путь Толкина выгоднее богословски — ибо, не говоря ничего о Боге положительно, Толкин избегает риска ошибиться. <...> А Толкину вменить в вину нечего — ибо он ничего вообще не сказал. Известно, однако, что вакуум крепче соединяет две полусферы, нежели любые связи и цепи.

Путь Толкина притягательнее не только кажущейся легкостью. Он поражает в самое сердце мир, который облечен в броню кокетливого религиозного целомудрия, который боится всякого слова о Боге, которому уже «плешь проели» повторением имени Христа, который склонен затыкать уши, слушая любую проповедь, заведомо почитая ее плошостью. Наш мир — не одна из многих цивилизаций, а цивилизация, веками бывшая христианской, «перевешая» христианства (пресного, разумеется, то есть без Христа). Поэтому прямой или хотя бы аллегорический разговор на подобные темы в нашей культуре часто отпугивает слушателей, не начавшись.

Толкин, разумеется, не отпугнул российскую аудиторию. Легко представить, что объяснение Кротова следует из трактовки Джонстоном победы католицизма в противостоянии вероисповеданий в Англии 30-х годов. Религиозные верования, по мнению Джонстона, «легче допускают сосуществование скептицизма и веры. Однажды усвоенная, религиозная вера может пребывать почти вне поля зрения, иногда давая о себе знать, но в основном оставаясь на заднем плане — спасительной сетью против отчаяния. Политические убеждения, с другой стороны, требовали переднего

⁵⁷ Яков Кротов. Клаيف С. Льюис: Вступительная статья к романам «За пределы безмолвной планеты» и «Переландра»: <<http://kulichki.com/moshkow/LEWISCL/aboutlewis.txt>>.

плана, ограничивая возможности романистов рамками, которые, в конце концов, и обрекли их на поражение»⁵⁸.

В сегодняшней России, после дискредитации марксизма провалом советского социального эксперимента, рыночный капитализм и религия — то, к чему устремляется молодое поколение в поисках веры. Описанное Джонстоном брожение английского общества 30-х годов, основанное на многочисленных автобиографиях и воспоминаниях, можно с успехом применить и к России постсоветского периода 90-х годов. Джонстонское описание «движения от уверенности к неуверенности, от порядка к хаосу, движения, которое индивидуум чувствует, но не в состоянии контролировать»⁵⁹ созвучно описанию Ириной Шрейнер современной России в ее докладе «Феномен нигилизма», где она рассматривает нигилизм в качестве ответа на полную невозможность «влиять на события и процессы, даже не происходящие в окружающем мире, а — формирующие окружающий мир».

При ближайшем рассмотрении материалы Круглого Стола («Профессор Толкин и его наследие»), на котором выступала Шрейнер, помогают проникнуть в суть и понять широту спектра русского поиска объекта веры в произведениях Толкина. Во вступительном слове Петр Чистяков (организатор мероприятия), охарактеризовал русский толкинизм как «явление необычайно многогранное, многоплановое, со своей непростой внутренней структурой». Широкий диапазон тем, обсуждавшихся в ходе заседания, подтверждает его оценку.

Сравнение Марией Штейнман Толкина и К. С. Льюиса в ее докладе «Проза Толкина и Льюиса: формальное сходство и различная тематика», указывают на все увеличивающийся разрыв в популярности этих писателей. В то время как Льюис делал упор на философию, теологию и дидактику, Толкин создал свой собственный миф. Стремление попасть во «вторичное сознание» иного мира Толкина стало целью многих молодых россиян, и эта сторона явления русского толкинизма описывается как «неоязычество». Штейнман предполагает, что Толкин был бы весьма удивлен, услышав, как его называют «неоязычником», но проницательно замечает, что в гораздо большей степени имя Толкина связывается с молодежной культурой, чем с его философией.

Эту точку зрения, не сговариваясь, поддержали Петр Чистяков и Михаил Андреевич Сиверцев, обсуждавшие в своих докладах такой парадокс,

⁵⁸ Johnstone, p.137-138.

⁵⁹ Johnstone, p.1.

как наличие русских «толкинистов», не читавших Толкина. Их мнение переключается со словами Асмолова и Каменкович. Это и есть адаптация Толкина к русскому менталитету.

В своем докладе «Произведения Толкина: священные тексты или псевдоисторические хроники?» Петр Чистяков исследует статус толкиновских «псевдоисторических хроник» в русском толкинизме. «Движение изначально возникает вокруг текста, как бы „вырастая“ из него. <...> Текст Толкина является своего рода связующим звеном между двумя пространствами: мира квази-исторического прошлого и современности». Русский толкинизм, однако, гораздо шире текста как такового. Чистяков утверждает, основываясь на современном опыте, что можно быть толкинистом, не читая Толкина. Эта, казалось бы парадоксальная ситуация объясняется тем, что толкиновская реальность оказывается гораздо обширнее текста, многие ее аспекты остаются за рамками повествования, будучи намеченными Толкином. Это означает, что, «поскольку текст и мир Толкина не тождественны <...>, то и погружение в тот мир возможно минуя собственно текст Толкина». Тексты, однако, сохраняют свой статус в качестве священных для движения, которое начинает функционировать самостоятельно, вне прямой связи с ними.

В прениях по докладу Чистякова Кэтрин Кинн отметила, что хотя и «существуют люди, которые воспринимают эти тексты как священные, но не надо это переносить на всех. Таких людей очень мало». Проводя параллель между современным толкиновским движением и бывшим советским коммунизмом, она говорит, что и до сих пор «есть люди, которые свято верят в историю КПСС», но она от этого не становится истиной.

Дмитрий Громов соглашается с мнением Кинн в своем докладе «Толкинизм как рецидив мифологического сознания», где он исследует, может ли толкиновская мифология, определенная как «специфическое восприятие мира», стать религией. Обращая внимание на то, что «несомненно, мифологическое сознание религиозно», он добавляет: «хотя на самом деле, большинство людей относящихся к этой системе, воспринимают толкинизм не как определенную форму мышления, а как игру», имея в виду популярные «Хоббитские Игры».

Владимир Свиридов, член ТТТ, присутствовавший на конференции, считает, что религиозное содержание произведений Толкина не играет существенной роли для «толкнуток». Например, в проекте ТТТ участвуют христиане и атеисты, а также верующие нехристиане, и религиозные проблемы не влияют на работу проекта, цель которого — донести тексты Толкина до русскоязычного мира, продолжает Свиридов. Он указывает,

что устав проекта однозначно запрещает членам команды совершать любые религиозные или атеистические действия от имени проекта⁶⁰.

В своем докладе «Параллельные сюжеты в „Сильмариллионе“ и „Властелине Колец“ как отражение христианства и теории „северного мужества“» Кэтрин Кинн комментирует тенденцию исследователей Толкина сосредотачиваться лишь на одном из аспектов его мифологии. Подобные исследования либо демонстрируют ее близость к христианству или христианизированной мифологии, либо уподобляют ее европейской языческой мифологии. Кинн считает, что Толкина надо сравнивать с Толкином, исследуя развитие индивидуальных сюжетных линий в его легендарии, и приводит в пример статью Ириной Емельяновой, «которая рассматривает формирование сюжета о Финроде и его смысл. Собственно, она рассматривает этот сюжет, его историю, как момент перехода, сопряжения этики и модели поведения языческой, „северного мужества“, северного героизма и христианской. Это преодоление барьера между двумя этиками». Христианство проникает в дохристианский мир Толкина через действия его героев. «Но герой погибает и не спасает никого — он губит всех, кто находится рядом с ним, потому что он действует в рамках языческой мифологемы, языческого образа действия. А не-герой — то есть персонаж, который действует вопреки этому стереотипу — становится спасителем. <...> Евангелизация этого сюжета — это то, о чем Толкин говорил в своей лекции о волшебных сказках, что в каждой сказке мы можем увидеть Евангелие. Таким образом реализуется эта дуалистичность мифологии и таким образом она переплетается».

Михаил Андреевич Сиверцев начинает свой доклад «Толкинизм как элемент неорелигиозности» с «провокативного»⁶¹ вопроса, на который сам же и дает собственный «провокативный» ответ: «есть ли, с религиозческой точки зрения, структурные предпосылки для возникновения толкинистской церкви, причем не как некоторого умозрения, а организации, со всеми присущими этому явлению особенностями?» Он перечисляет, по крайней мере, четыре характерные черты (уже обсуждавшиеся в ходе заседания Круглого Стола), которые дают основания предполагать такую возможность. Первая — наличие «священного текста». Вторая — «возможность построения священной истории». Третья — «наличие толкинистов, которые не читали Толкина». Четвертая — «постоянные вопрошания, кто же такой настоящий толкинист?» Все эти черты присущи уже существующим религиям. Подво-

⁶⁰ Электронное письмо от 4 февр. 2002 г., 03:04:44 по московскому времени.

⁶¹ Определение, содержащееся в докладе — *Прим. перев.*

дя итог, Сиверцев заявляет: «представление о том, что в ближайшие сто лет возникнет развитая, сильная толкианская церковь, мне представляется вполне обоснованным».

Резко отрицательную реакцию аудитории на доклад Сиверцева выступавшая следом Александра Баркова («История и смысл культуры толкинизма» и «Мифологическое мышление толкинистов») приписала тому, что современное российское общество воспринимает концепцию «церкви» в тесной взаимосвязи с государственными структурами, возникшими в советский период. Она подчеркивает, что на протяжении всей своей истории толкинистское движение стремилось абстрагироваться от подобных структур. «Идея ввести в каком бы то ни было толкинистском клубе членские билеты противоречит сути российского толкинизма». Коренное отличие толкинизма, сложившегося на территории бывшего Советского Союза, от той формы, которую он принял в Америке, — «оспаривание системы ценностей Толкина». Это «в значительной степени является ядром русского толкинистского движения», но не означает, что русские толкинисты целиком отвергают толкиновскую систему ценностей. «Мы влюблены в Арагорна, особенно барышни, мы глубоко уважаем Фродо, но при этом, мы не прощаем валарам гибели Нуменора и многих других вещей». Мелькорианизм, мятеж — вот квинтэссенция русского толкинизма. Русское толкинистское движение выросло из «оппозиции советской идеологии», которая формирует одну из двух составляющих частей движения. Первой были сами книги Толкина. В свою очередь, оппозиционность государственным структурам привела к тому, что под сомнение ставится система ценностей самого Толкина. «Все мы помним «Айнулиндалэ», все мы помним расписание «заданных тем»: Илуватар велел и т.д.». Русский толкинизм — антигосударственный.

В своем докладе «О связи Толкинистики с религиозными системами: попытка полемики» Ирина Шрейнер просит «не подводить под Толкинизм никакой религиозной базы». Она цитирует статью из журнала «Профессионал», официального печатного органа МВД России, «Религиозные культы зла как источники преступности», чтобы проиллюстрировать свои опасения потенциального вмешательства карательных органов. В качестве доказательства она приводит цитату из этой статьи: «Экуменизм, эклектичность и размытые формулировки в духовно-нравственном пространстве, а также утверждения, что истин ЯКОБЫ много выгодны только для сокрытия криминальности и деструктивности...» Ее опасения отражают советский опыт, и небезосновательны в посткоммунистической России.

В начале своего исследования «Толкинизм и магия» Наталья Филимонова дает определение московской разновидности толкинизма. Это лиминальное⁶² (т.е. расположенное между социальными позициями) сообщество, социо-культурное явление, подобное хиппи, «объединяющее поклонников фэнтези, связанных общим или сходным мировоззрением, предполагающим наличие Вторичного мира (термин взят из эссе Толкина „О волшебных сказках“), основанного на модели толкиновского Средиземья („Сильмариллион“, „Властелин колец“, „Хоббит“) и стремящихся воссоздать элементы Вторичного мира в реальности (та же самая ролевая игра). <...> Оно появляется в кризисный для общества период (конец 80-х — начало 90-х), и возможно поэтому ценностная система толкинизма противоречит не только коммунистической идеологии, но и тем ценностям, которые складываются сейчас в российском обществе. Как любое лиминальное сообщество (система хиппи, панки...), толкинизм противостоит государству. Можно сказать, что толкинизм продолжает поиск ценностей, которые можно назвать общечеловеческими: это, прежде всего, поиск духовности, понимания что духовное первично перед материальным, поиск любви (действительно любви, а не того, что сейчас проповедают), гармонии с природой, добра и милосердия (добра и милосердия не в христианском понимании, но тем не менее...». Ключ к пониманию интереса к магии в толкинизме — «вера в реальное существование Вторичного мира», который является базисным в ее определении толкинизма.

В прениях, последовавших за докладом, Филимонова, однако, была вынуждена признать, что «существуют толкинисты, и их достаточно много, которые не практикуют занятия магией», и что подобное определение не может применяться ко всем толкинистам. Ее признание подкрепляют слова Кинн и Громова о том, что нельзя стричь всех толкинистов под одну гребенку, что лишь подчеркивает многообразие русского толкинизма.

Анна Сальникова («Толкинизм в России: становление неорелигиозного движения») критикует как поверхностные недавние статьи в прессе, сравнивающее толкинизм с неоязычеством. Она признает, что, хотя существует множество общих для обеих групп характеристик, есть и ключевое различие — неоязыческие группы уподобляются военизированным формированиям, что абсолютно чуждо толкинизму. И неоязычники, и толкинисты пытаются восстанавливать своего рода утраченный «Золотой Век». «В случае толкинизма, основа для реконструкционного творчества находится в квазиисторических хрониках, созданных профессором Толкином

⁶² Термин взят из статьи. — *Прим. перев.*

в 50-х годах». Толкиновские книги повествуют о некоем Времени Оном, «в котором род людской соседствовал с другими антропоморфными и разумными существами, а в мире было место для чудес и магии». Возвращение этого утраченного века предоставляет шанс избавиться от невзгод настоящего. «Толкинисты отыскивают свое личное место в толкиновской реальности, иногда через самоидентификацию с конкретным персонажем, иногда через собственные образы, познавая, таким образом, истинную сущность себя».

В своем докладе «Феномен неорелигиозности: „Обретение Себя“ в толкинизме» Ксения Ярцева касается той же самой темы. Она обсуждает эффект обряда, дающего право называться именем персонажа Толкина. «Представления толкинистов о мире и событиях, в нем происходящих, различны, но идентификация Себя с некоей конкретной Личностью из мира, созданного (или описанного) Толкином, является отличительной особенностью мироощущения толкиниста». По ее мнению, подобная идентификация помогает личности создавать новое «Я», существующее в параллельном мире Толкина, и погружать это «Я» «в реальность Средиземья». Это позволяет личности существовать одновременно в рамках действительности, созданной вторичным миром Толкина, и в реальности XXI столетия, благодаря чему толкинист возвращается «к истинному изначальному состоянию, что характерно для мифологического сознания» раздвоения личности.

Дмитрий Виноходов в своем докладе («Подходы к изучению текстов Толкина») выделяет три подхода к изучению текстов Толкина: филологический, канонистическо-историографический и исторический. Виноходов считает, что филологический подход «наиболее реалистичный, предполагает понимание книг Дж. Р. Р. Толкина, как литературных произведений, связанных с объективной реальностью лишь через их родство с эпическими циклами народов северной и западной Европы, католической религиозной концепцией и английской литературной традицией». <...> «Два других подхода истолковывают книги Дж. Р. Р. Толкина, как некие квази-исторические документы, чудом сохранившиеся в течение многих веков, и описывающие события, произошедшие в далеком прошлом». Различие между ними — в классификации текстов. Канонистическо-историографический подход акцентирует внимание на противоречивости текстов Толкина, «канонизируя» некоторые из них и отклоняя другие. Исторический подход расценивает все тексты Толкина как подлинные. Противоречия не рассматриваются как досадная ошибка автора, которую следует обнаружить и устранить, наоборот, их стоит исследовать и попытаться объяснить смысл.

Несмотря на то, что подход Виноходова к изучению Толкина хорош для англоязычной среды, он не учитывает проблему изучения Толкина читателями, говорящими исключительно по-русски и вынужденными уживаться с многочисленными конкурирующими переводами его произведений. Учитывая, что русский толкинизм так далеко продвинулся по пути к превращению в религию, или, по меньшей мере, в философию, основное внимание стоит уделить созданию «канонического» русского перевода, а не идентификации «канонических» текстов.

В частном письме к Дэвиду Дагану Кристофер Толкин писал:

Дискуссия в Российском государственном гуманитарном университете в апреле этого года открывает новое измерение или колонизирует новую территорию в моем атласе Толкинианы: и удручает сей факт куда меньше, чем известие о «создании» в Америке корифлея под названием «Властелин Колец». Но эти русские рассуждения о священных текстах или о «толкинизме», который существует независимо от знания того, что он писал (потому что «Толкин — реальность, более широкая, чем текст»), выходят за рамки любой критики. Я могу, однако, предложить вырезать на портале толкиновского храма или собора, когда он будет построен, (якобы общезвестные) слова нового пророка: «Мне начинает казаться, будто я заперт в сумасшедшем доме» (письмо к издателям Толкина, 12 сентября 1965 г.).

Комментарий Кристофера Толкина характеризует Россию даже точнее, чем он, вероятно, предполагал. В конце концов, Россия — страна, в которой поклонников произведений Толкина считают *толкиноманами* (*толкинутыми*).

Глава II

СКАЗАНИЕ О ХОББИТЕ

Так, значит, пророчества из старых песен **в каком-то смысле** сбылись!

Бильбо Бэггинс (Н.286)

У русского читателя есть на выбор девять⁶³ полных переводов «Хоббита», каждый из которых отличается от другого и, по-своему, — от оригинала. Шестеро переводчиков (отмеченные звездочкой *) также перевели и *ВК*.

1. Анонимный переводчик
2. Зинаида Бобырь*
3. Александр Грузберг*
4. Мария Каменкович*
5. Кирилл Королев
6. Валерия Маторина, также известная как «ВАМ»*
7. Наталья Рахманова
8. Семен Уманский*
9. Леонид Яхнин*

Переводчики *ВК* в дополнительном представлении не нуждаются, поскольку о них подробно рассказано в других частях данной монографии. О тех же, кто переводил только «Хоббита», необходимо сказать несколько слов.

Анонимный самиздатовский перевод взят из Интернета. Он неплохо читается, и если бы это была единственная версия, то ее можно было бы

⁶³ На данный момент существует уже 12 переводов. В 2003 году вышли переводы Е. Доброхотовой, Н. Прохоровой, И. Тогоевой. — *Прим. перев.*

счесть достойной попыткой. Однако на фоне остальных переводов она не настолько блестящая, чтобы чем-то выделяться.

Перевод Королева, изданный в «Terra Fantastica», является частью полного собрания сочинений Толкина на русском языке. К сожалению, его отличительная особенность — отклонения от оригинала. В V главе («Загадки во тьме»), например, описание рассказчиком существ, живущих под горами, изменено так, чтобы устранить безвредных, заблудших рыб и сфокусировать внимание на более зловещих обитателях. Рассказчик Королева говорит:

Ходили слухи, что в горных подземельях обитают диковинные существа, чьи предки затаялись во мраке неведь сколько лет назад, когда им опротивел солнечный свет. Отчасти эти слухи были справедливы: даже в пещерах, обжитых гоблинами, встречались такие твари, о существовании которых не подозревали и сами гоблины (вообще-то эти самые твари обитали в подземельях от начала времени — гоблины всего-навсего бесцеремонно захватили их пещеры, а потом соединили проходами) (Кр X.90).

Дж. Р. Р. Т. (купюры выделены): Странные существа водятся в прудах и озерах в сердце гор — рыбы, чьи предки заплыли туда неведь когда, да так и не выплыли назад, и с течением времени глаза их становились все больше, и больше, и больше оттого, что они силлись видеть во мраке; но есть там твари и более скользкие, чем рыбы. Даже в туннелях и пещерах, вырытых для себя гоблинами, живут другие неведомые им существа, прокравшися снаружи и затаявшися в темноте. А иные пещеры существуют с начала времен, задолго до гоблинов, которые лишь расширили их и соединили проходами, а прежние обитатели все еще там, в глухих закоулках, крадутся и вынюхивают (Н.78–79).

Перевод Рахмановой был первым полным официальным изданием, и именно он наиболее широко распространен. Впервые он увидел свет в 1976 году, когда вся печатная продукция в Советском Союзе контролировалась государством, и наследие тех времен нашло в нем свое отражение. Ее перевод наиболее литературен и продолжает постоянно переиздаваться. Недавно он был включен в русский сборник⁶⁴ лучших волшебных сказок XX столетия, где оказался в компании с «Алисой в Стране Чудес» Льюиса Кэрролла, «Питером Пэном» Джеймса Барри, «Маугли» и «Рикки-Тикки-Тави» Редьярда Киплинга, «Золушкой» и «Драконом» Евгения Шварца, «Тремя толстяками» Юрия Олеши, «Маленьким принцем» Антуана де Сент-Экзю-

⁶⁴ Сказки века-2 / Составитель Ролан Быков. — М: Полифакт, 1999. — (Итоги века. Взгляд из России).

пери, «Мэри Поппинс» Памелы Трэверс, «Карлсоном, который живет на крыше» Астрид Линдгрен и «Недопеском Наполеоном III» Юрия Коваля.

Честь первого издания отрывка из «Хоббита» по-русски, однако, принадлежит журналу «Англия»⁶⁵, который в 1969 году напечатал неподписанный перевод части VII главы («Необычайное жилище»), в которой хоббит и гномы навещают Беорна. Журнал «Англия» издавался по-русски британским правительством в период «холодной войны». Он предназначался для распространения в Советском Союзе в качестве источника позитивной информации о жизни в Великобритании и с целью противостоять, как правило, отрицательному освещению Англии в советской прессе, контролируемой государством. В обмен на разрешение распространять «Англию» в Советском Союзе, Советы получали возможность распространять свой собственный пропагандистский журнал на английском языке в Великобритании. Хотя распространение «Англии» было по существу ограничено Москвой и Ленинградом, где находились британские дипломатические миссии, «Англия» до некоторой степени успешно справлялась с пропагандой британской идеологии.

Существует две редакции «Хоббита» в переводе Бобырь. Версия А вышла в 1991 г. в московском издательстве «Молодая гвардия». На версию Б с 1992 г. копирайт имеет пермское издательство «Книжный мир». Эта версия была отредактирована Юлией Баталиной, дочерью Грузберга, которая в проекте выступала одновременно в роли редактора и корректора (под псевдонимом А. Романова). Её муж, Алексей Баталин, взял на себя роль технического редактора. Первоначально «Книжный мир» собирался издать версию Б «Хоббита» Бобырь вместе с ВК в переводе Грузберга, и для этого все имена и названия были приведены в соответствие с их написанием у Грузберга. Помимо названий, различия между этими двумя версиями в основном сводятся к незначительной редакторской правке. Несмотря на то, что, по мнению коллектива «Книжного мира», перевод Рахмановой был значительно лучше, они все же остановились на переводе Бобырь, чтобы избежать проблемы с получением авторских прав на вариант Рахмановой. Планам «Книжного мира» издать перевод ВК Грузберга так и не суждено было сбыться, но, тем не менее, «Хоббит» Бобырь в 1994 г. издан был. Собственный перевод «Хоббита» Грузберг сделал значительно позже. Перевод «Хоббита» Уманского, который автор книги первоначально счел отредактированной им версией В «Хоббита» Бобырь, не издавался никогда.

⁶⁵ «Англия: журнал о сегодняшней жизни в Великобритании». Ежеквартально издавался, начиная с 1962 г.

В дополнение к девяти полным переводам существует перевод на русский язык сокращенного английского комикса по мотивам «Хоббита», сделанного Чарльзом Диксоном и Шином Демингом (D&D) с иллюстрациями Дэвида Вензела⁶⁶. Иллюстрации до некоторой степени заменяют текст — чем их больше, тем сильнее можно сократить повествование, но вместе с купшорами пропадает и большинство подводных камней, с которыми пришлось столкнуться переводчикам полных версий и о которых идет речь в данном издании. Перевод комикса выполнила Людмила Каминская.

Существует еще три издания комиксов по «Хоббиту», которые сжимают повествование до соответственно 60, 12 и 16 страниц:

1. Н. Утилова, издательство «Авлад» 1992 г., иллюстрации Р. Рамазанова, А. Шевцова и Р. Азизова.

2. С. Седов, издательство «Белый город» 1999 г., иллюстрации Е. Узденниковой.

3. Лев Яковлев, издательство «Эгмонт Россия» 2001 г., иллюстрации Елены Володькиной.

Тексты в комиксах сокращены настолько, что, казалось бы, на их примере невозможно обсуждать ни одну из философских проблем перевода произведений Толкина. Если верить китайской поговорке, одна картинка заменяет тысячу слов, но все иллюстрации на обложках этих трех изданий имеют характерную особенность, которая немедленно указывает на их принадлежность к русским переводам, и эта особенность сводится к одному-единственному слову — *ноги*. Толкин говорит, что хоббиты редко носили башмаки, «поскольку от природы ступни (feet) у них грубые и на них растет теплая густая бурая шерстка» (Н.16). В русских переводах в этом предложении, как правило, использовалось слово *ноги*, а не *ступни ног*. Слово *ноги* означает и то, и другое, в то время как английское слово *feet* — только ступни ног. По-английски часть ноги выше щиколотки называется *leg*. Все три книжки комиксов показывают Бильбо в штанах выше щиколотки, с густой шерстью, покрывающей его ступни и ту часть ног, которая остается видна. Создается ощущение, что в нижней своей части Бильбо смахивает на медведя.

Переводчики, которых русские читатели должны за это благодарить — Рахманова, Грузберг, Уманский, ВАМ, Каменкович и Яхнин. Седов, единственный, у кого в комиксах есть эта фраза, также использовал слово *ноги*. Остальные переводчики справились с этой проблемой, используя одно из двух русских слов, которые соответствуют английскому *foot* (во множественном

⁶⁶ J.R.R. Tolkien. *The Hobbit: or There and Back Again* Adapted by Charles Dixon with Sean Deming, illustrated by David Wenzel), Forrestville, CA/New York: Eclipse Books, New York: Ballantine Books, 1990.

числе *feet*): *ступни* или *стопы*. Нетрудно предположить, что иллюстраторы не читали анонимный перевод, Бобрь, Каминскую или Королева.

В *ВК* Толкин повторил объяснение, почему хоббиты редко носили башмаки (F.20). Из десяти переводчиков *ВК*, пять — Грузберг, ВАМ, Г&Г, Немирова, Уманский и Яхнин — использовали слово *ноги*. Яхнин употребил даже уменьшительную форму *ножки*, которая делает хоббитов похожими на симпатичных персонажей детской сказки (Я X.8). Г&Г немного подстраховались, и включили в скобках после слова *ноги* добавку: «книзу в особенности» — не такое уж плохое решение проблемы (Г&Г БК.10). М&К, Волковский и редактор CD-ROM Грузберга Александра написали *ступня*. Бобрь опустила эту деталь, а решение К&К отличается от всех остальных. Их рассказчик говорит, что «на щиколотках у них, равно как и на голове, росла густая вьющая шерстка» (К&К СК.19).

Слово *feet* едва ли можно считать сложным философским понятием, но то, как оно представлено в русских переводах «Хоббита» и *ВК* — хороший пример бесчисленных подводных камней, с которыми переводчики сталкиваются в попытках донести Толкина до русских читателей. Перекинуть мост через пропасть, разделяющую различные культуры, намного сложнее, чем кажется.

Издания

Толкин выпустил три издания «Хоббита». Изменения в каждом из них не просто «косметические», это изменения персонажей и сюжета, частично вызванные необходимостью совместить сюжетные линии «Хоббита» и *ВК*. Изменения в характере Голлума, например, рассматриваются в статье Бонниджин Кристенсен в «Толкин Компасс»⁶⁷, каждое изменение текста тщательно проанализировано в «Аннотированном Хоббите» Дугласа А. Андерсона⁶⁸. Два русских перевода были сделаны по второму изданию, а все остальные — по третьему.

Третье издание (1966 г.) «Хоббита» можно отличить от первого (1937 г.) и второго (1951 г.) по строке в III главе «Короткая передышка», которая в первых двух изданиях выглядит так: «Однажды днем они переправились вброд через реку...». В третьем издании вместо этого написано: «Однажды

⁶⁷ Lobdell, Jared, ed. *A Tolkien Compass*, New York: Ballantine Books, 1980, с. 9–28.

Кристенсен Б. Перевоплощение Голлума / Пер. с англ. Н. Семеновой, З. Метлицкой // «Знание — сила», 1998. <http://znanie-sila.ru/projects/issue_51.html>

⁶⁸ Anderson, Douglas A. *The Annotated Hobbit*, Boston: Houghton Mifflin, 1988, с. 321–328. Во втором издании (2002 г.) эти комментарии включены в текст книги.

утром они переправились вброд через реку...». В переводах Бобырь, Уманского и Грузберга компания пересекает реку днем (Б X_{1994.55}; У X.39; Гр X.47). У Рахмановой, ВАМ, Каменкович, Королева, Яхнина и анонимного переводчика через реку переправляются утром, из чего следует, что эти переводы были сделаны по третьему изданию. У D&D и в остальных комиксах это предложение отсутствует.

Второе издание (1951 г.) содержит изменения в V главе «Загадки в темноте», в которой Бильбо «выигрывает» у Голлума Кольцо, состязаясь с ним в отгадывании загадок. Второе издание можно отличить от первого (1937 г.) по строке в V главе, которая в первом издании гласит: «прежде, чем появились гоблины, и он был отрезан от своих друзей глубоко под под [sic:] горами». Во втором издании эта фраза превратилась в: «еще до того, как он потерял всех своих друзей, был изгнан, остался один, и уполз глубоко-глубоко, в самую тьму под горами». В переводах Бобырь, Уманского и Грузберга Голлум потерял всех своих друзей, что в качестве их первоисточника скорее указывает на второе, а не на первое издание (Б X_{1994.89}; У X.55; Гр X.73). Хотя параллельный английский текст на CD-ROM Грузберга/Александровой дан по третьему изданию, никто и пальцем не пошевелил, чтобы согласовать с ним русский текст, представляющий собой перевод второго.

Запад умер, да здравствует Бог!

*Но что Запад, что Восток — я их правое
не знаток, как говорят у нас в Бри...*

Барлиман Баттербур (F.214)

На страницах «Хоббита» речь идет о приключениях и сражениях в преддверии войны Кольца, которые ознаменовали конец Третьей эпохи Средиземья. Но на страницах его первого официального русского перевода остались почти невидимые следы другой, близкой к нашему времени войны. Это — следы «холодной войны». Однако рассказ о «холодной войне» так умело вплетен в текст повествования, что, подобно лунным буквам, прочесть его можно только при определенном освещении — сравнивая перевод Рахмановой или с оригиналом, или с одним из других, постсоветских изданий. Русские любят такие игры. Чтение между строк — любимое занятие почти каждого русского интеллигента советских времен.

Жаргон «холодной войны» противопоставлял «Запад» «Востоку». Учитывая репутацию русских читателей, выискивающих скрытый смысл даже там, где его нет, из текста первого официального русского издания «Хоббита» изымались любые упоминания слова *запад*, которые могли бы быть ошибочно истолкованы как намеки на политический Запад времен «холодной войны» — враг политического Востока, Советского Союза. Однако Рахманова не уступила цензорам, а скорее умело играла с ними в прятки. Хотя упоминания *запада* были выброшены на свалку истории, каждый возглас удивления или восторга, который у Толкина передан пустым эвфемизмом для имени Божьего, она перевела не эвфемистически. Так «Good gracious me!» (H.19) превратилось в «Боже милостивый!». Толкин был религиозным писателем, но слово *Бог* ни разу не появляется в «Хоббите». Однако в версии Рахмановой *Бог* живет и здравствует в речи персонажей книги. Посредством такой замены Бог ненавязчиво выдвигается на передний план, в то время как по версии Толкина, Он — часть фона. Поскольку советское государство настойчиво подавляло религию в языке и в жизни, такой подход Рахмановой становился искусно завуалированным, выразительным протестом.

Некоторые русские читатели посткоммунистического поколения продолжают утверждать, что в переводе Рахмановой никаких следов «холодной войны» нет. Они заявляют, что оба слова — *Восток* и *Запад* — остались на своих местах, и слово *Бог* не было добавлено в текст. Если им процитиро-

вать первое (1976 г.) издание, в ответ можно услышать, что эти проблемы были устранены в более поздних изданиях. Для таких русских читателей, включены также и ссылки на перевод Рахмановой, выпущенный в 2002 г.

В III главе («Короткая передышка»), в сцене, где Эльронд рассматривает мечи, найденные в пещере троллей, он говорит, что клинки были сделаны «Высокими эльфами Запада, моими родичами» (Н.61). Рахманова исключила из своей версии упоминание *Zanada*, и «Высокие эльфы» стали «древними эльфами».

Мечи старинные, работы древних великих эльфов, с которыми я в родстве (Р Х₁₉₇₆.51, Х₂₀₀₂.41).

Такое вымарывание, вероятно, стало результатом комплекса неполноценности Советов в вопросах военной технологии. Они целиком, вплоть до копирайта, скопировали печатные платы американского эхолокационного бую и хвастались, что их технология лучше. Для цензора, чувствительного к подобным вопросам, неприятным был бы сам факт, что мечи, которыми так восхищался Эльронд, сделаны на Западе. Потенциально эта фраза могла ошибочно восприниматься как ссылка на превосходство западной военной технологии, и раз так, то ее следовало убрать.

У всех остальных переводчиков, за исключением Грузберга, Уманского и Бобьрь, слово *Zanad* осталось на месте. У Каменкович даже есть сноска, объясняющая, кто такие «Высшие эльфы Запада».

Высшие эльфы — эльфы, принадлежащие к эльфийским племенам, на заре истории Средьземелья отпавшим по зову Валар(ов) в Валинор (место обитания Валар(ов)), но позже по разным причинам возвратившимся в Средьземелье (K&K СК.633).

Причина, по которой *Zanad* не упоминается в переводах Грузберга, Уманского и Бобьрь, в том, что они работали по второму изданию, где мечи принадлежали не «Высоким эльфам Запада, моим родичам» (Н.61), а «эльфам, которые ныне зовутся номами [Gnomes]» (АН.324). В более ранних работах в легендарии Толкина название *ном* [Gnome] употреблялось по отношению к *нолдор* [Noldor] — *обладающим знаниями*, что обыгрывало значение слова *gnome* — *сентенция* или *афоризм*. Для русских переводчиков слово *Gnomes* стало серьезной проблемой, поскольку словом *гном* в сказках принято переводить *dwarf*. Так, *Snow White and the Seven Dwarves* обычно переводят как «Белоснежка и семь гномов», и *гномы* — это слово, которое используют для толкиновских *dwarves* все переводчики, за исключением Бобьрь/Уманского в ВК и Уманского в «Хоббите». Там *dwarves* названы *Кар-*

ликами. Решение использовать слово *гном* при переводе *dwarf*, однако, грозит обернуться в будущем большой проблемой для переводчиков, которые возьмутся за перевод более ранних работ из легендарнума Толкина, и им придется иметь дело с толкиновским использованием названия *Gnome*, подразумевающим эльфов нолдор. Грузберг и Боберь решили эту проблему, по существу следуя инструкциям Толкина (L.318) и не учитывая конец фразы: «которые теперь называются номами». Версия Грузберга гласит:

Это древние мечи, очень древние, и принадлежали они эльфам (Гр X.54–55).

В издании на CD-ROM эта фраза Грузберга осталась без изменений. В версии Боберь читаем:

Это древние, очень древние мечи эльфов (Б X₁₉₉₄.63).

Уманский был единственным из переводчиков, кто употребил здесь слово *Гномы*.

Это старинные, очень старинные мечи тех эльфов, которых теперь называются Гномами (У X.43).

Употребление им слова *карлики* в качестве перевода *dwarves* прекрасно с этим увязывается.

В VIII главе («Мухи и Пауки») объяснение рассказчика, что такие Лесные эльфы, опять-таки лишено ассоциации с *Западом*. В оригинале Лесные эльфы «отличались от Высоких эльфов Запада и были более опасны и менее мудры. Ибо большинство из них (вместе с их родичами, расселившимися по холмам и горам) происходили от древних племен, никогда не бывавших в Фаэрии [волшебной стране] на [заокеанском] Западе» (Н.164). Даже только ради сохранения единообразия с предыдущим эпизодом упоминание о «Высоких эльфах Запада» в этом месте надо было изменить, и уж конечно, Фаэрия никак не могла быть расположена на Западе. В этом эпизоде она описывается как источник культуры и знаний, поскольку эльфийские народы, которые туда так и не дошли, «были более опасны и менее мудры». На пике «холодной войны» это утверждение легко могло восприниматься как комментарий в адрес Советов, которые всегда проявляли особую чувствительность к высказываниям об их культурном уровне, и постоянно расходились с принятой в западной историографии интерпретацией приоритета и авторства различных изобретений.

К примеру, хотя издание «Большой Советской Энциклопедии» 1929 года даже не упоминает об Александре Можайском (1825–1890), издание 1949 года многозначительно подчеркивает, что Можайский построил первый самолет на 21 год раньше, чем братья Райт совершили свой первый полет в 1903 году⁶⁹. То же самое издание «Большой советской энциклопедии» гордо объявляет Александра Попова (1859–1905/06) изобретателем радио⁷⁰. Тон этих заявлений изменился ко времени выхода «Большого энциклопедического словаря» в 1990 году. Там в статье о Можайском говорится только, что ему выдали патент на его летающую машину в 1881 году, а братья Райт вообще не упоминаются (СЭС, с. 831), хотя в статье, посвященной непосредственно им, говорится, что именно они совершили первый в мире полет (БЭС, с. 1110). Статья о Попове спокойно называет его «одним из пионеров применения эл.-маг. волн в практич. целях» (БЭС, с. 1051), без прямого сравнения с датами изобретений Маркони. Тот же комплекс неполноценности по отношению к Америке (Западу) просматривается и в политическом анекдоте, бытовавшем во времена «холодной войны»:

На массовом митинге:

Политический комментатор: «Наша цель состоит в том, чтобы догнать и перегнать Америку во всех областях!»

Голос из толпы: «А где сейчас Америка?»

Политический комментатор: «Америка находится на краю политического, экономического и морального краха».

Шутка состояла в том, что фразы комментатора были лозунгами советской политической пропаганды времен «холодной войны», в некотором роде вырванными из контекста. Рядом их, как правило, не ставили. Следовательно, с точки зрения советского цензора, — с детства уверовавшего в то, что Можайский построил первый самолет, а Попов изобрел радио, цензора, которому бесконечно внушали лозунги о необходимости обогнать Америку (Запад), — Фаэрия, естественно, никак не могла подняться на Западе. И действительно, из текста Рахмановой удалены оба упоминания *Запада*.

Они были не так мудры, как высшие эльфы, но тоже умели искусно кодовать и были более коварны. Ведь, большинство из них, в том числе их родственники с гор и холмов, происходили от древних племен, не посещавших славного Волшебного царства (Р X₁₉₇₆.141, X₂₀₀₂.107).

⁶⁹ Большая Советская Энциклопедия, 1949, т. 1, «Авиация», с. 92–93.

⁷⁰ Большая Советская Энциклопедия, 1949, т. 35, с. 542.

Дж. Р. Р. Т.: Они отличались от Высоких эльфов Запада и были более опасны и менее мудры. Ибо большинство из них (вместе с их родичами, расселившимися по холмам и горам) происходили от древних племен, никогда не бывавших в Фаэрии на Западе (Н.164).

Яхнин также назвал Фаэрию «Волшебным царством», но опустил слова «на Западе» (Я Х.203). Однако он оставил *Запад* как часть определения Высоких эльфов. Для американского читателя «Волшебное царство» Яхнина немедленно ассоциируется с «Дисней Уорлдом», в котором именно так называется один из парков.

У всех остальных переводчиков с местонахождением волшебной страны проблем не возникало. У анонимного переводчика Фаэрия была «Дивным Западным Краем». Уманский написал: «от древнего племени, родины которого была страна Фэйрие, что на Западе» (У Х.111). По версии Бобырь, Лесные эльфы никогда не были на «далекой родине эльфов — на Западе» (Б Х₁₉₉₄.193). У ВАМ Фаэрия — это «волшебная страна на Закарпатском Западе» (ВАМ Х₁₉₉₀.137, Х₂₀₀₀.208). У Грузберга — «волшебное царство на западе» (Гр Х.160). У Королева — «чудесная страна, что лежит на крайнем западе» (Кр Х.191). Каменкович расположила ее «в Эльфийской Стороне, что лежит на Западе» (Км Х.168), опять с цитируемой выше сноской о «Высших эльфах».

Несмотря на то, что даже сокращенное издание D&D полностью включает этот эпизод, в переводе Каминской он сильно переделан, и упоминание Фаэрии вообще отсутствует. В ее версии говорится:

Лесные эльфы не так мудры, как высшие эльфы из западных стран, а потому они опаснее. Большинство из них (так же, как и их родня, разбросанная среди гор и холмов) происходит от древних племен (Кск Х.80).

В варианте Каминской мысль Толкина о том, что тот, кто менее мудр, более опасен, прослеживается еще четче, чем в оригинале. Равно как и противопоставление Запада и Востока становится еще более контрастным. Оно никогда бы не было одобрено советской идеологической цензурой.

С точки зрения советского цензора, столь же сомнительным, если не хуже, является определение Запада в словах Торина Оакеншильда, когда он прощается с Бильбо. Торин называет Бильбо «дитя дружелюбного Запада» (Н.273). В советском жаргоне времен «холодной войны» Америка и Запад всегда были империалистическими агрессорами; как же политически грамотный советский цензор мог позволить Западу называться в «Хоббите» *дружелюбным*? Если бы Яхнин создавал свой перевод в совет-

ское время, цензура, вероятно, одобрила бы его. Он целиком опустил эту фразу (Я Х.342). «Прошедшая цензура» версия Рахмановой говорит о Бильбо, что он «родился в доброжелательном краю» (Р Х₁₉₇₆.240, Х₂₀₀₂.176), игнорируя географическое положение края. Из остальных переводчиков только Грузберг и Уманский присоединились к Рахмановой в выборе прилагательного, которое отражает противостояние *Добра* и *Зла*. В их версиях Бильбо был «дитя доброго запада» (Гр Х.271; У Х.180). Этот вариант наиболее точен.

Большинство других переводчиков выбрало прилагательные, благодаря которым Запад наводит на мысль о старой, доброй бабушке. Большая часть голосов в этой категории отдана слову *ласковый* (ВАМ Х₁₉₉₀.228, Х₂₀₀₀.348; Б Х.331; Км Х.292), хотя один переводчик не согласился с остальными и проголосовал за *изнеженный* (анонимный переводчик). Ни одно из этих описаний не привлекло бы внимание советских цензоров так, как изображение Запада *хорошим* или *доброжелательным*, а Востока, по умолчанию, *злым* или *плохим*. В отличие от всех остальных, Каминская остановила свой выбор на архаичном слове *странноприимный* (Кск Х.127), в результате чего Запад превратился в место, куда неплохо бы съездить. Королев также избрал совершенно иной подход. Он сделал Бильбо ребенком *светлого* запада (Кр Х.327), что заставляет современного читателя вспомнить о свете Двух Древ Валинора. Одновременно для советских читателей *светлый* переключается с лозунгом советского рая — со «светлым будущим», обещанным коммунизмом⁷¹.

В IV главе («Через гору и под горой»), метафора, используемая рассказчиком Толкина для описания «грома и молнии ночью в горах», также является слишком политически окрашенной для идеологически выдержанной советской книги:

Еще ужаснее бывает гром и молния ночью в горах, когда бури приходят с Востока и с Запада и ведут войну (Н.65).

Для советского цензора эта метафора подразумевает немислимый ужас «холодной войны», превращающейся в термоядерную катастрофу, и поэтому должна быть удалена. В тексте Рахмановой грозы приходят из ниоткуда, а все остальные переводчики — Яхнин опять не в счет — сохранили «порты приписки».

⁷¹ В. М. Мокриенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии, — СПб: Фолио-Пресс, 1998. — с. 69.

Всякий знает, как страшно бушуют гром и молнии в горах, ночью, когда две грозы идут войной друг на друга (Р X₁₉₇₆.55, X₂₀₀₂.44).

И еще раз Яхнин без проблем прошел бы советскую цензуру. Его изящно измененное описание ночной грозы в горах не содержит никакого упоминания о *Востоке* или *Западе*.

Но еще ужаснее ночная гроза в горах. Сверканье и грохот. Злобный вой и свист встречных ветров, скрутившихся в смертельной схватке (Я X.75).

Двое переводчиков (ВАМ и анонимный) вслед за Толкином написали *Запад* и *Восток* с прописной буквы. В русском языке, где отсутствуют артикли, эффект такого написания существенно упрощает восприятие запада и востока в политическом контексте. По версии ВАМ, это была «настоящая небесная война между Востоком и Западом» (ВАМ X₁₉₉₀.52, X₂₀₀₀.77). Добавление «небесной» немного смягчает воздействие, но в этой прямолинейной формулировке все же легко просматривается политический оттенок. Фраза у Толкина была гораздо более уклончивой и тонкой. Анонимная версия еще больше сглаживает проблемы войны и мира, заменяя «ведут войну» на «сходятся в единоборстве». Это поединок, сражение борцов с отчетливым налетом архаики. Хотя такая формулировка могла восприниматься в политическом контексте, все же это не «холодная война», превращающаяся в термоядерную. Это скорее встреча на высшем уровне.

Все остальные переводчики использовали строчные буквы для *востока* и *запада*, что отчасти сдерживает извечную привычку русского читателя выискивать между строк намеки на политику. Типично многословная, но точная версия Каменкович гласит:

<...> двигаясь навстречу друг другу с востока и запада, изрыгая громы и молнии, две грозы сошлись на страшную битву, да еще ночью! (Км X.63).

Все переводчики, не написавшие *Запад* и *Восток* с прописной буквы, также не стали употреблять и слово *война*. Королев, подобно Каменкович, заменил его словом *битва*. По версии Королева:

<...> сходятся в битве стремительные вихри с запада и с востока! (Кр X.74).

Даже Грузберг не стал использовать слово *война*. Его формулировка стилистически ближе к толкиновской, и может быть понята и буквально и метафорически. Хотя основное значение — *сражение на поле битвы*, есть и дополнительное, означающее *спортивное сражение*. Толковый словарь приводит в качестве примера фразу «Сражаются футбольные команды»⁷².

Но еще ужаснее гром и молнии в горах ночью, когда встречаются и начинают сражаться ветры с запада и востока.

Черняк, редактор книжной версии Грузберга, придал этому эпизоду военный настрой, заменив неоднозначную фразу Грузберга на четкую формулировку «вступают в битву». Его версия гласит:

Но еще ужаснее гром и молнии в горах ночью, когда встречаются и вступают в битву ветры с запада и востока (Гр X.58).

Фраза Уманского практически дословно повторяет исходную версию Грузберга, с той лишь разницей, что Уманский употребляет существительное вместо неопределенной формы глагола, использованного Грузбергом. Его перевод выглядит так:

Но еще ужаснее гром и молния ночью в горах, когда с востока и запада приходят ураганы и начинают сражение между собой (У X.45).

Бобырь сформулировала фразу несколько иначе, тонко соединив близость к оригиналу и возможность политического прочтения, но без возникающего образа немислимого ужаса «холодной войны», превращающейся в термоядерную. Согласно ее версии:

Но еще ужаснее бывает гром и молния ночью в горах, когда воюют и сталкиваются между собой бури с востока и с запада (Б X₁₉₉₁.69).

Редакция Баталиной отличается всего одной буквой, но эта опечатка⁷³ удаляет из ее версии ведущуюся войну. Согласно ее варианту, бури «воюют». Это — единственное отличие между двумя версиями, рассматриваемое в данной монографии.

Но еще ужаснее бывает гром и молния ночью в горах, когда воют и сталкиваются между собой бури с востока и с запада (Б X₁₉₉₄.69).

⁷² Ожегов/Шведова, с. 759.

⁷³ О том, что это опечатка, а не намеренное исправление Юлия Баталина сообщила в электронном письме от 11 сентября 2003 г., 08:56 по московскому времени. — *Прим. перев.*

Хотя мысль о невысказанной войне и для этих переводчиков была слишком страшной, они все же сохранили толкиновский «Восток и Запад». В сокращенной версии D&D этот эпизод оказался настолько сжатым, что советские цензоры сочли бы его вполне приемлемым. D&D опустили упоминание о «Востоке и Западе» и о «ведущейся войне», использовав вместо этого предыдущее предложение.

Все было хорошо, пока однажды они не попали в грозу — больше чем грозу, громовую битву (D&D Н.29; Дж. Р. Р. Т. Н.65).

Каминская вовсе избавляется от каких-либо намеков на военный колорит, заменяя *громовую битву* на *ураган*:

Все было хорошо, пока однажды не началась буря. Да что там буря — ураган! (Кск Х.29).

По существу это тот же самый подход, который использовал Уманский в эпизоде сражающихся между собой гроз с Востока и Запада, о чем говорилось выше.

Эта формулировка получает некоторый резонанс в изданном семью годами позже переводе Королева:

Началась буря — да какая там буря, самый что ни на есть настоящий ураган (Кр Х.74).

Никто из остальных переводчиков не превратил *громовую битву* в *ураган*. Анонимный переводчик, Уманский и Яхин использовали два погодных синонима (*гроза* и *буря*), но сравнение их друг с другом слишком бледное. Изящная формулировка Яхина носит пацифистский характер, а заключенный в ней вопрос, адресованный непосредственно его детской аудитории, заставляет их почувствовать себя более тесно вовлеченными в происходящие события.

Да что там гроза! Настоящая буря. Вы знаете, что такое буря, сметающая все на своем пути, или шторм на море, когда встречаются две разъяренные стихии? (Я Х.75).

Каменкович также выбрала пацифистский подход к *громовой битве*, заменив *грозу* на *грозищу*. Она использовала тот же самый суффикс, с помощью которого Волковский превратил *широкий шаг* в *шажище*, описывая гигантских людей-деревьев, замеченных в Северных Пустошах (В ДК.72).

Грузберг точно попал в цель, употребив словосочетание *громовая битва*. Черняк, редактор изданного перевода Грузберга, однако, изменил удачно

сформулированную фразу Грузберга и приуменьшил толкиновскую *громовую битву*, превратив ее в ту же самую прозаичную *фразу* — *бурю*, которую использовали анонимный переводчик и Яхнин (Гр X.58).

Рахманова создала наиболее запоминающийся и эффектный образ:

Казалось, гремит гром не грозовой, а пушечный (Р X_{1976.55}, X_{2002.44}).

У Бобырь — *небесная битва* (Б X_{1994.69}). ВАМ повторила слово *небесное* и объединила его со *сражением* (ВАМ X_{1990.52}, X_{1990.76}), используя тот же самый корень, который Грузберг и Уманский употребили в своей формулировке: *сражаться*.

В XVI главе («Ночной вор»), Бильбо выражает желание «вернуться на Запад в собственный дом, где люд более рассудителен» (Н.256). Хотя Бильбо подразумевает Торина Оакеншильда, а не «Восток», сравнение Запада с Востоком все равно неизбежно возникло бы в советском политическом климате. Вывод о том, что народ на Востоке вовсе не рассудителен, был бы очевиден. Королев был единственным переводчиком, удалившим *Запад* из этого эпизода. Его пропустили даже цензоры Рахмановой. Однако надо отдать должное цензорам, в отрыве от всех остальных повторений *Запада*, которые уже были откорректированы, воздействие этой фразы было минимальным. Помимо этого, Рахманова написала слово *запад* со строчной буквы, таким образом, еще больше снижая воздействие на читателя. В версии Рахмановой просто сказано:

<...> домой, на запад, там жители гораздо благоразумнее
(Р X_{1976.224}, X_{2002.165}).

Королев отверг не только *Запад*, но также и *рассудительность*:

Я всем этим уже сыт по горло и с радостью вернулся бы восвояси — там куда как спокойнее и уютнее. Загвоздка только в сокровищах. Мне кое-что из них причитается — если быть точным, одна четырнадцатая от общей доли (Кр X.307).

Дж. Р. Р. Т. (кушоры **выделены**): Я лично крайне устал от всей этой истории. Я хочу вернуться **на Запад в собственный дом, где люд более рассудителен**. Но, у меня в этом деле свой интерес — четырнадцатая часть, если точнее <...> (Н.256).

Когда *Восток* сопровождался в тексте Толкина отрицательными коннотациями, в руках советских цензоров Рахмановой его ждала участь аналогичная *Западу* с коннотациями положительными. Он попросту исчезал. В

XIV главе («Огонь и вода»), рассказчик объясняет, что «люди Озерного города Эсгарота, большей частью, остались дома, ибо пробирающийся до костей ветер дул с черного Востока <...>» (Н.234). В контексте *ВК* слово *черный* имеет множество отрицательных коннотаций: черные искусства (Г.363), черное дыхание (F.236, R.171), Черная Страна (Мордор), Черные Ворота (Мораннон), Черные Всадники (Назгул), Черная Земля (Мордор), Черный Властелин (Саурон), Черный (Саурон), Черная Речь, Черные Годы (F.81, F.333). Толкин, несомненно, имел в виду это значение.

Анонимный переводчик в своей формулировке уподобил *Восток* Мирквуду: «с мрачного востока дул пронизывающий ветер». У Каменкович ветер дул «с потемневшего востока» (Км X.247). Обе попытки вполне приемлемые, но более завуалированные по сравнению с *черным Востоком* Толкина. В переводе Рахмановой направление, откуда дул ветер, было удалено, и прилагательное, которое его определяло, теперь описывало небо.

Жители Озёрного города Эсгарота сидели по домам, испугавшись сильнее ветра и промозглого воздуха (Р X_{1976.202}, X_{1976.151}).

Большинство остальных переводчиков вслед за Рахмановой интерпретирует *черный* как цвет неба, а не *Востока*. У ВАМ «было пасмурно и с востока дул холодный ветер» (ВАМ X_{1990.195}, X_{1990.297}). Грузберг, Бобырь и Королев вообще оставили *Восток* без эпитета. В переводе Бобырь жители Эсгарота остаются дома, поскольку «восточный ветер был очень холодным» (Б X.281), без единого слова о черном *Востоке*. Рассказчик Яхнина также говорит о «холодном восточном ветре» (Я X.293). По версии Грузберга, жители Эсгарота остались дома, «потому что дул холодный восточный ветер» (Гр X.231). Королев сделал так, чтобы они остались дома, поскольку «с востока задувал холодный ветер» (Кр X.279). Совпадение версий Грузберга и Бобырь, устраняющих характеристику Востока, можно было бы объяснить различием между вторым изданием, которое использовали они, и третьим, с которым работали все остальные переводчики. Однако это не так. Толкин ничего не пересматривал в XIV главе («Огонь и вода») ⁷⁴. Это подтверждает Уманский, который также переводил по второму изданию. У него и *Восток*, и его определение сохранились на своих местах. Его рассказчик говорит:

Люди озерного города Эсгарота большей частью сидели дома, так как с темного востока дул холодный ветер (У X.156).

⁷⁴ Anderson, Douglas A. *The Annotated Hobbit*, Boston: Houghton Mifflin, 1988, p. 327.

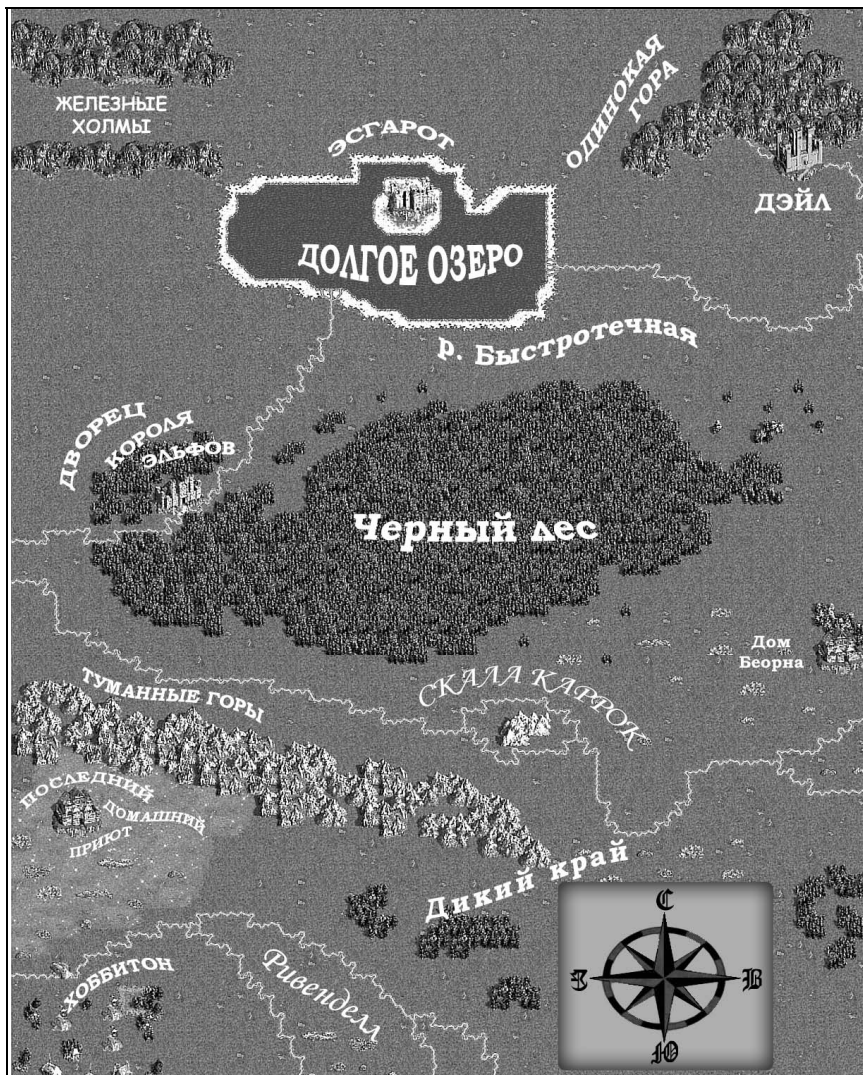
Убрав из описания *Востока* определение *черный*, переводчики обрывают связь этого эпизода с *ВК* и снижают его до простого сообщения о погоде, в то время как здесь подразумевалась характеристика земли, откуда дул ветер.

Ни одно обсуждение геополитического значения корректировки *Востока* и *Запада* в тексте Рахмановой с целью устранения возможности ошибочного их восприятия как субъектов политики, а не обычных сторон света, не будет полным без взгляда на карту, которая сопровождала ее перевод. В первом издании 1976 года (затем часто переиздававшемся) карта была перерисована Михаилом Беломлинским, чьи иллюстрации к «Хоббиту» многими признаются классическими. Роза ветров на карте Беломлинского показывает Север наверху, что общепринято на современных картах. Однако на первоначальной карте Толкина наверху был Восток, как это принято на картах гномов. Изменение Беломлинским ориентации розы ветров создает политическое изменение в географическом местоположении событий, которое согрело бы душу советского цензора. Согласно карте Беломлинского, Бильбо-и-Компания путешествовали на север, а не на восток. На карте Беломлинского Хоббитон находится в левом нижнем углу (юго-запад), а Одинокая гора в верхнем правом углу (северо-восток) (см. карту на с. 75⁷⁵). Кое-кто пытается доказать, что это изменение — просто ошибка, вызванная тем, что у Толкина гномы именно так размещали розу ветров. Хотя подобная трактовка и допустима, корректировки Востока и Запада в тексте Рахмановой доказывают, что цензоры не возражали бы и против корректировки розы ветров по политическим соображениям. Однако если эта причина существовала, то она сыграла с ними злую шутку, когда в 1984 году вышел армянский перевод с иллюстрациями Беломлинского, само собой, включавший и карту с измененной розой ветров⁷⁶. В Армении политические обвинения того периода выстраивались не по линии Восток и Запад, а по линии Север (Советский Союз) и Юг (Армения). Карта Беломлинского отлично соответствует политической игре в чтение между строк на армянский манер.

⁷⁵ Карта, приводимая на следующей странице — не оригинальный рисунок из «Хоббита» Рахмановой, а, скорее, схема, дающая представление о том, какова география Средиземья с точки зрения художника Михаила Беломлинского. Авторы карты — Алексей Свиридов 2-й и Алла Хананашвили. — *Прим. ред.*

⁷⁶ Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит, или Туда и Обратно: Сказочная повесть [Для сред. шк. возраста] / Пер с рус. Э. Макарян. Худ. М. Беломлинский. — Ереван: Советакан грох, 1984.

Мир «Хоббита» по Беломлинскому

Выбрасывая слово *Zanad* из перевода, Рахманова одновременно ухитрялась вписывать в него имя Божье. Все пустые эвфемизмы Толкина в восклицаниях удивления и досады, такие как:

«Good gracious me!» (Н.19),
 «Dear me!» (Н.19),
 «Good gracious heavens» (Н.118),
 «Good heavens!» (Н.96, 125),
 «Good Gracious!» (Н.200),
 «Bless me!» (Н.284),
 «goodness only knows» (Н.78),
 «heaven knows» (Н.118),
 «goodness knows» (Н.174)

превратились в переводе Рахмановой в:

«Боже милостивый» (Р X₁₉₇₆.10, 104, 111, 172, 250,
 X₂₀₀₂.10, 79, 84, 129, 184),
 «Бог мой!» (Р X₁₉₇₆.10, X₂₀₀₂.10),
 «Боже милосердный!» (Р X₁₉₇₆.84, X₂₀₀₂.65),
 «бог знает» (Р X₁₉₇₆.65; X₂₀₀₂.51)
 «бог весть» (Р X₁₉₇₆.66, X₂₀₀₂.52),
 «один бог знает» (Р X₁₉₇₆.103, X₂₀₀₂.79),
 «а то бог знает» (Р X₁₉₇₆.150, X₂₀₀₂.113).

У Рахмановой не было никакой необходимости последовательно использовать набор выражений, упоминающих Бога, там, где Бог эксплицитно не представлен в оригинале. Другие переводчики нашли множество приемлемых альтернатив. Анонимный переводчик и Грузберг употребили выражения, в которых упоминается *Бог*, при переводе фраз «goodness only knows», «heaven knows» and «goodness knows», но, в отличие от Рахмановой, они не превратили это в систему.

Но Рахманова не ограничивалась эвфемистическими восклицаниями. В некоторых местах она добавляла Бога уже без всякого основания. В V главе («Загадки во тьме»), когда рассказчик повествует о прыжке, который Бильбо совершил через голову Голлума, в версии Рахмановой это выглядит так:

Для человека такой прыжок был бы не бог весть как труден, но ведь это был ещё и прыжок в неизвестность (Р X₁₉₇₆.81, X₂₀₀₂.63).

В оригинале Толкина же говорится: «не такой уж гигантский прыжок для человека, но прыжок в темноту» (Н.93). Только анонимный переводчик

присоединился к Рахмановой в дорисовывании Бога в этой картине: «Не бог весть какой это был прыжок».

В XVI главе («Ночной вор»), когда Бильбо и Бомбур говорят о Торине, Рахманова вкладывает в уста Бомбура следующее:

Упаси бог, чтобы я осуждал Торина, да растёт его борода беспредельно (Р X_{1976.222}, X_{2002.164}).

Бомбур Толкина, говоря о Торине, не упоминает Бога. В оригинале это предложение гласит: «не то чтобы я осмелился прекословить Торину, да отрастет еще длиннее его борода» (Н.254). И в этой же главе, где описывается возвращение Бильбо после того, как он отдал Аркенстон Траина Бэрду и Королю Лесных эльфов, о веревке, оставшейся висеть на месте, рассказчик Рахмановой говорит: «Верёвка, слава богу, висела там, где он [Бильбо] её оставил» (Р X_{1976.226}, X_{2002.167}). Рассказчик Толкина не говорит ничего о Боге или о благодарности ему. В оригинале эта фраза звучит так: «<...> но была уже почти полночь, когда он [Бильбо] вскарабкался наверх по веревке — она все еще висела там, где он оставил ее» (Н.258). Ни один другой переводчик не испытал потребности вставить в этих местах в текст *Бога*.

Рахманова была опытным переводчиком и хорошо чувствовала тонкости языка. При желании она легко могла бы включить слова *запад* и *восток* и избежать использования набора выражений, содержащих *Бога*. Для остальных переводчиков это не составило труда. В тот период, когда она создавала свой перевод, слово *Бог* было большой мозолью для советских редакторов и цензоров. Оно никогда не писалось с прописной буквы, кроме как в начале предложения. Вышеприведенные цитаты из перевода Рахмановой 1976 года — хороший тому пример. В издании Рахмановой 2002 года слово *Бог* уже везде писалось с большой буквы.

Людмила Брауде, признанный русский переводчик скандинавской литературы, рассказывает историю⁷⁷ из советских времен о том, как религиозные русские писатели и переводчики, не имея другой возможности отразить свои взгляды в создаваемых произведениях, вынуждены были выстраивать фразы таким образом, чтобы слово *Бог* всегда было первым в предложении и писалось с прописной буквы. Цензоры же, наоборот, старались перефразировать предложение так, чтобы слово *Бог* оказалось в середине и не писалось с большой буквы. В этих условиях использовать

⁷⁷ Благодарю Наталью Прохорову, которая пересказала мне историю, услышанную от Брауде.

набор выражений, содержащий слово *Бог*, было чревато неприятностями, и все же Рахманова решилась на это. Она могла бы пойти по пути наименьшего сопротивления и употребить другие выражения, имевшие тот же самый смысл, но без *Бога*. Варианты остальных переводчиков, у которых не было необходимости играть в прятки с цензорами, ничуть не страдают от отсутствия подобных словосочетаний. Ключ к успеху тактики Рахмановой состоял в том, что это был перевод, и цензору, который не знал английского, в качестве оправдания использования слова *Бог* достаточно легко было привести аргумент: «именно так сказано в оригинале». Учитывая ее профессионализм и высокий уровень мастерства переводчика, последовательное использование Рахмановой набора выражений, содержащих слово *Бог*, в качестве перевода пустых эвфемизмов Толкина, и при переводе предложений, вообще в оригинале не содержащих эвфемизмов, доказывает, что она делала это намеренно, преследуя заданную цель.

Дракон Smaug

Маленькая дымодышащая фигурка внезапно обнаружила их присутствие (Г.206).

Толкин пишет, что Смаугу «в качестве имени, — или, скорее, псевдонима, — досталась форма прошедшего времени древнегерманского глагола *smaugan*, „протискиваться в дыру“: филологическая шуточка низкого пошиба» (L.31), относящаяся к эпизоду, когда компания рассматривает карту Горы, и Гэндальф объясняет, что дракон не мог бы воспользоваться потайным ходом в Нижний Ярус, «поскольку ход слишком мал для него».

«Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», — говорят руны. В такую нору Смаугу и в юности-то было не протиснуться, а уж теперь и подавно, когда он пожрал столько гномов и жителей Дейла» (Н.32).

В первом издании было сказано: «когда пожрал столько девиц из долины» (АН.323). Упомянутая замена появилась только в 1966 году, в третьем издании.

Толкиновское объяснение происхождения этого имени, безусловно, следует считать определяющим, но еще до того, как я прочел письмо Толкина, я вывел иную этимологию, основываясь исключительно на лингвистическом анализе, и это лишний раз доказывает, что изучение происхождения толкиновских имен и названий — в большей степени искусство, чем наука.

Моя лингвистическая этимология основывалась на праиндоевропейском корне слова *smoke* (дым) **smeug(h)*-/*smeuqh*-. Smaug (Дым) — было бы весьма красочным именем для огнедышащего дракона. В древнелиттовском дым — *smūgim*; в прагерманском — **smauk*. В средневерхненемецком — *smouch* и в древнеголландском — *smooc*. Экскурс в славянскую языковую группу, к которой относится и русский, добавляет еще более интересный поворот к этимологическому изучению этого имени. В церковно-славянском *смокъ* означает дракон, и в древнечешском это *smok*. В современном польском языке дракон по-прежнему *smok*, что произносится почти так же, как английское слово *smoke* (дым). У человека, знакомого с исторической лингвистикой, при чтении польского перевода возникает ощущение, что двойтся в глазах.

Smoki, jak wiadomo, kradną złoto i klejnoty ludziom, elfom i krasnoludom, gdziekolwiek się da; <...> Szczególnie chciwy, silny i zły był gad imieniem **Smaug** (p. 23).

Перевод: Драконы, как известно, крадут золото и драгоценности у людей, эльфов и гномов, где только могут найти. <...> Особенно жадным, сильным и злобным был змей по имени Smaug [Смауг].

Все переводчики, кроме анонимного, Бобырь, Уманского и Каменкович, передали имя *Smaug* как *Смог*, что по звучанию очень похоже на английское слово «smoke». (Лично мне кажется, что они упустили хорошую возможность, не употребив слово *смокь*.) Анонимный переводчик, Бобырь, Уманский и Каменкович использовали транслитерацию *Смауг*. Когда Кристофер Толкин читает «Хоббита», он произносит имя *Smaug* как [smowg]⁷⁸.

Между этими двумя версиями — точно такое же различие, как между двумя вариантами русского написания имени *Tolkien*: *Толкин* и *Толкиен*. *Tolkien* пишется по-русски как *Толкин* в переводах Рахмановой, Грузберга, Бобырь, Уманского, ВАМ, Королева, Каменкович и Г&Г, что вполне передает реальное звучание его имени. М&К, Яхнин и неизвестные редакторы Грузберг-А и Б, а также Каминская, Утилова и Яковлев, однако, транслитерировали его как *Толкиен*, что отражает английское написание фамилии вместо ее звучания. Редакторы издания перевода Королева 2002 г. из «ЭСКМО/Terra-Fantastica» также поддержали такое написание, равно как редакторы CD-ROM Грузберга 2001 года издания. Выбор русского написания фамилии автора обычно служит признаком того, какой перевод был прочитан первым, или какому отдается предпочтение. По этому поводу сломано столько копий, что в издании «Хоббита» 2000 г., написав на обложке *Толкиен*, редакторы ЭСКМО, посчитали нужным в предисловии к отрывку «Племя Дарина», который следует за «Хоббитом» в переводе ВАМ, добавить сноску к имени *Толкин*: «Переводчик считает, что фамилия автора звучит именно так. (прим. ред.)»⁷⁹, таким образом, сняв с себя ответственность и перенаправив претензии читателей к переводчику.

Толкиновский Смауг, дракон с Эред-Митрин, был «особенно жадным, сильным и злобным» («a most specially greedy, strong and wicked» dragon, Н.35). Большинство переводчиков выбрали прилагательные «жадный, сильный и злобный» (Гр Х.26; У Х.25). Однако у слова *wicked* возникли некото-

⁷⁸ Jane Morgan. Pronunciation for: *The Lord of the Rings*. Unbound folio. Эти фонетические транскрипции основываются на аудиокассете, подготовленной Кристофером Толкином 8.10.80.

⁷⁹ Джон Р. Р. Толкиен. Хоббит, или туда и обратно. — М: ЭКСМО Пресс, 2000. — с. 367.

рые интересные разновидности. Смог⁸⁰ у Кампинской был *злой* (Кск X.11). У Рахмановой — *отравительный* (Р X₁₉₇₆.26, X₂₀₀₂.23). У ВАМ — *коварный* (ВАМ X₁₉₉₀.28, X₂₀₀₀.38) — это же самое прилагательное Рахманова употребила при описании «опасных» Лесных эльфов. Королев составил компанию ВАМ (Кр X.36). В многословном варианте Каменкович *wicked* превратилось в *сверный* (Км X.29), за ней последовал Яхнин (Я X.35). Анонимный переводчик, Бобырь и Яхнин употребили прилагательное, придающее привкус чрезмерной книжности, выбрав *алчный* в качестве перевода *greedy*. Бобырь и Яхнин единственные, кто проголосовал против прилагательного *сильный*. Перевод Бобырь сделал Смауга *могучим* (Б X₁₉₉₄.29), что также может иметь и переносное значение и в равной степени относиться как к физической силе Смауга, так и ко власти чар (Н.214) и речей дракона (Н.215), о которых Толкин заведет речь далее в повествовании. У Яхнина отсутствует какое бы то ни было упоминание о силе Смога. Третье прилагательное у Яхнина *густной* (Я X.35). Королев также опустил слово *сильный*. Вдобавок, он неверно истолковал неопределенный артикль (*a most*), и, приняв его за определенный (*the most*), написал так: «Самого злобного среди них, самого коварного и жадного звали Смагом» (Кр X.36). Такая трактовка сильно возвышает Смауга, хотя и явно указывает на недостаточное знание Королевым английского языка. Все остальные переводчики правильно передали значение артикля.

Все эти изменения слегка меняют образ Смауга в восприятии читателей, но в целом Смауг остается отрицательным персонажем, равно как и вообще все толкиновские драконы. Описание, которое дает им Торин, сжато, но при этом содержит немало любопытных фактов.

Драконы воруют золото и драгоценности, знаете ли, у людей, у эльфов, у гномов, словом, везде, где найдут, и стерегут награбленное всю жизнь (а живут драконы практически вечно, если только их не убьют), но никогда не наслаются даже медным перстеньком. По правде говоря, они с трудом способны отличить хорошую работу от скверной, хотя обычно неплохо осведомлены о текущей рыночной стоимости вещей. А сами создать не способны ровно ничего, даже не могут укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне (Н.35).

Все переводчики относительно успешно справились с первым предложением ториновского описания, но со второй его частью — «но никогда не наслаются даже медным перстеньком» — многим пришлось помучиться. Часть проблем здесь вызвана тем, что прямой перевод на русский фразы

⁸⁰ Сохраняется оригинальное написание, имеющееся в переводе. — *Прим. перев.*

«enjoy a brass ring of it») имеет достаточно сильный сексуальный подтекст. Использование уменьшительной формы *колючко* в контексте глагола *насладиться* порождает сходство с физическим актом, который пьяный солдат в американской казарме нецензурно послал бы совершить с «летающим doughnut-ом»⁸¹ того, кто наступил ему на ногу. Стилистический маркер в русской фразе, однако, менее грубый. Неудивительно поэтому, что все переводчики стремились избежать употребления этого словосочетания. Королев попросту опустил его. Трое (Грузберг, ВАМ и Рахманова) выстроили свои варианты на глаголе *использовать*. Грузберг в этом отношении был лучшим, поскольку сохранил «медное колючко», в то время как остальные отказались и от него: «и никогда даже медным колючком не попользуются» (Гр X.26).

Вариант Бобырь подразумевает похожий смысл: «и никогда не тратят ни медного колючка из нее» (Б X₁₉₉₄.29). Анонимный переводчик написал, что «они не поступятся ни медным колючком». Все эти версии вполне соответствуют истине, как выясняется позже, когда Бильбо крадет из груды сокровищ⁸² «большую чашу с двумя ручками». «Драконы не умеют найти практического применения своему богатству, но они, как правило, знают в нем каждую мелочь, особенно если подолгу им владеют. Смауг не был исключением» (Н.207). Ни один из этих переводов, однако, не указывает на смысл, который попытался выразить Толкин.

Эта фраза — отправная точка для первой части следующего предложения: «По правде говоря, они с трудом способны отличить хорошую работу от скверной, хотя обычно неплохо осведомлены о текущей рыночной стоимости вещей». Отсюда становится ясно, что, говоря «enjoy», Торин имеет в виду эстетическое наслаждение от созерцания искусно сделанной чаши или блюда, что вполне в духе гномов. Только Уманский и Каменкович правильно перевели эту фразу. Согласно многословно изящной версии Каменкович, они «не способные понять всей их бесценной красоты» (Км X.29). Уманский был более прямолинеен: «они не умеют понастоящему наслаждаться своими сокровищами» (У X.25). У Яхнина была иная версия. Его Торин сказал, что драконы интересовались только золотом и драгоценностями, «а на какое-нибудь медное колючко, будь оно выковано самым чудесным мастером, и внимания не обращали» (Я X.35).

⁸¹ Американские пончики, круглые с дыркой в середине, т.е. имеющие форму колючка. Выбор автором именно такого образа для передачи ассоциации, возникающей от сочетания этих русских слов — намеренный двуязычный каламбур.

⁸² Слово, которое здесь использует Толкин, — *hoard*. Его отличает от слова *treasure*, также обозначающего *сокровища*, резко негативный оттенок. Так обычно говорят о богатстве, накопленном нечестным путем, о тайном кладе скряги. — *Прим. перев.*

К сожалению, успех Каменкович в этой фразе был испорчен переводом второй части следующего предложения: «хотя обычно неплохо осведомлены о текущей рыночной стоимости вещей». Она использовала неверный тон для текста рассказчика. Ее версия носит разговорный характер: «хотя прекрасно знают, что почему». Эта фраза не выдерживает конкуренции с грузберговской «хотя обычно имеют неплохое представление о текущей рыночной стоимости». В перевод Грузберга под редакцией Черныка были внесены лишь некоторые стилистические изменения (Гр Х.26).

У всех остальных переводчиков, кроме Рахмановой, Королева и Яхнина, были приемлемые формулировки «рыночной стоимости» в этих фразах, но носителю английского больше всего нравится вариант Грузберга. Рахманова и Королев целиком опустили обе фразы. Яхнин переделал их, несколько изменив повествование.

Этот же эпизод в пересказе Королева демонстрирует, насколько он хороший рассказчик. Повествование изобилует интересными образами, но все философские рассуждения Толкина в нем пропущены.

Ведь драконы — **большие охотники до чужих сокровищ, им бы каждый день кого-нибудь грабить, эльфов, людей, гномов — все одно. И ведь тащат без разбору, что под лапу подвернется, и доспех изукрашенный, и кувшины медные, лишь бы захватить.** А сами ничего толком не умеют — ни даже прореху крохотную в собственной чешуе залатать; правда, цену добыче ведают. **Поживу они сгребают в кучу, залегают на ней и стерегут ее до конца своих дней. Век же драконий, знаете ли, еще как долог:** коли дракона прежде не убьют, он всех переживет <...> (Кр Х.35–36).

Дж. Р. Р. Т. (купоры **выделены**): Драконы воруют золото и драгоценности, знаете ли, у людей, у эльфов, у гномов, словом, везде, где найдут, и стерегут награбленное всю жизнь (а живут драконы практически вечно, если только их не убьют), **но никогда не наслаждаются даже медным перстеньком. По правде говоря, они с трудом способны отличить хорошую работу от скверной,** хотя обычно неплохо осведомлены о **текущей рыночной** стоимости вещей. А сами создать не способны ровно ничего, даже не могут укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне (Н.35).

Оставшиеся части этого эпизода в сокращенной версии Рахмановой, по крайней мере, напоминают оригинал значительно больше:

Драконы, как известно, воруют золото и драгоценности у людей, у эльфов, у гномов — где и когда только могут — и стерегут свою добычу до конца жизни (а живут драконы практически вечно, если

только их не убьют), но никогда не попользуются даже самым дешёвым колечком. Сами они сделать неспособны ровно ничего, даже не могут укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне (Р X_{1976.26}, X_{2002.23})⁸³.

Те же сокращения, которые наблюдаются в тексте Рахмановой, можно было бы ожидать от D&D, но в самом распространенном — и, по словам многих, образцовом — русском переводе «Хоббита» это абсолютно неуместно. Хотя и сами D&D сократили этот эпизод, Каминская еще больше ужала его, а также и приукрасила.

D&D (купюры **выделены**): Драконы похищают золото и драгоценности везде, где только могут найти; и стерегут свою добычу до конца жизни (а живут драконы фактически вечно), **но никогда не наслаждаются ею** (D&D H.11).

Каминская: Драконы ведь отовсюду похищают золото и драгоценности, стерегут добычу до самой смерти — а они, считай, бессмертны, — и все им мало (Кск X.11).

Благодаря внесенным ею изменениям, драконы представляются еще более жадными, но без следующей фразы, определяющей, что такое наслаждение, это дополнительное отклонение в пересказе оригинала для читателя особого значения не имеет.

Когда Яхнин берется продемонстрировать свое мастерство рассказчика, оригиналу места уже не остается. Его формулировка последнего абзаца, где он говорит о том, что драконы «цену золота знали прекрасно», смещает акцент непосредственно на драконью жадность к золоту, исключая из набора все остальное. У Толкина описание было всеобъемлющим. Трактровка Яхнина вполне соответствует взглядам Толкина на золото как корень всех зол, но все же — это история Яхнина, а не Толкина.

Они [драконы] стали налетать и грабить всех без разбору — людей, эльфов, гномов. Добычу они утаскивали в свои логова и стерегли пуце собственной жизни, а живет дракон вечно, если его не убить. Зарились драконы только на золото и драгоценные камни, а на какое-нибудь медное колечко, будь оно выковано самым чудесным мастером, и внимания не обращали. Эти невежды никогда не умели отличить отменную работу от простой подделки, зато цену золота знали прекрасно (Я X.35).

⁸³ В издании 2002 года слово *практически* заменено на *фактически*.

Финальная часть эпизода — «даже не могут укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне» — важна для сюжетной линии, поскольку это намек на слабое место (прореху в броне), благодаря которому Смауг будет уничтожен: незащищенная прореха в мягкой части его брюха, через которую его потом поразит стрела Бэрда (Н.237). Хотя формулировки сильно варьировались, у всех переводчиков, кроме Каминской, ВАМ и Королева переводы вполне приемлемые. У D&D этой фразы не было, и у Каминской, соответственно, тоже. ВАМ интерпретировала броню как кольчужный жилет, наподобие кольчуги из митриля, которую Бильбо получил от гномов в качестве первой выплаты его доли сокровищ (Н.228). Ее версия гласит:

Они ничего не умеют делать сами, даже сломанное кольчужное колечко не починят (ВАМ X₁₉₉₀.28; X₂₀₀₂.38).

В версии Королева это не разболтавшаяся чешуйка, а чешуйка с «прорехой крохотной» (Кр X.36), что едва ли напоминает отверстие, куда может попасть стрела.

Когда рассказчик комментирует беседу Бильбо со Смаугом, Толкин вновь раскрывает некоторые интересные подробности «драконоведения». Рассказчик хвалит то, как Бильбо отвечает на вопросы Смауга, поскольку это:

способ, которым только и следует разговаривать с драконами, если не хочешь раскрыть свое настоящее имя (что весьма благоразумно) и не хочешь разгневать их прямым отказом (что тоже весьма благоразумно). Никакой дракон не устоит перед соблазном поговорить загадками и потратить время на их разгадывание (Н.213).

В ВК Толкин рассказывает о том, какой силой обладают собственные или настоящие имена, намного подробнее. К счастью, почти все переводчики (анонимный, ВАМ, Грузберг, Рахманова и Каменкович) употребили здесь словосочетание «настоящее имя», как это имело место и в лучших переводах этого термина в ВК. Оставшаяся часть абзаца всеми переводчиками передана вполне адекватно, но ни один из вариантов не был настолько изящным, как у Рахмановой:

Разговаривать с драконами нужно именно так, когда не хочешь раскрыть своё настоящее имя (что весьма благоразумно) и не хочешь разозлить их прямым отказом (что тоже весьма благоразумно). Никакой дракон не устоит перед соблазном поговорить загадками и потратить время на их разгадывание (Р X₁₉₇₆.184, X₂₀₀₂.137).

Каменкович добавила к этому эпизоду очень познавательную сноску. В ней говорится, что разговор Бильбо со Смаугом напоминает беседу из «Старшей Эдды» между Сигурдом и драконом Фафниром, которого Сигурд ранил. Сигурд, подобно Бильбо, благоразумно не раскрывает дракону свое настоящее имя, поскольку знает, в отличие от Бильбо, что дракон может использовать это имя для того, чтобы наложить проклятье (Км Х.343).

В продолжение разговора Бильбо со Смаугом на протяжении следующих нескольких страниц, Толкин постепенно выстраивает свою трактовку «драконоведения», касающуюся драконьих чар и драконьих речей.

Вот теперь Бильбо стало и впрямь не по себе. Всякий раз, когда взгляд Смауга, шаривший во тьме, скользил по нему, он трясся от страха и его охватывало безотчетное желание кинуться вперед, обнаружить себя и во всем признаться Смаугу. Словом, ему грозила нешуточная опасность оказаться во власти драконьих чар (Н.214).

Этот эпизод однозначно демонстрирует способность драконов подчинять окружающих своей воле. Главной проблемой для переводчиков стала здесь фраза *unaccountable desire*. D&D вообще не потрудились включить этот отрывок. Яхнин упростил его для детской аудитории: «бедняге так и хотелось» (Я Х.268). Рахманова, Каменкович и ВАМ постарались сохранить верность оригиналу и употребили наиболее точный русский эквивалент: «безотчётное желание» (Р Х₁₉₇₆.185, Х₂₀₀₂.138; Км Х.225; ВАМ Х₁₉₉₀.179, Х₂₀₀₀.271). Королев, анонимный переводчик, Грузберг, Уманский и Бобырь использовали каждый разные прилагательные, чтобы охарактеризовать желание Бильбо «кинуться вперед, обнаружить себя и во всем признаться Смаугу». Королев назвал его «почти неодолимым желанием» (Кр Х.255). Анонимный переводчик написал, что это было «безудержное желание». Грузберг назвал его «почти непреодолимым желанием» (Гр Х.211). Рассказчик Уманского говорит, что это было «необъяснимое желание» (У Х.143). По версии Бобырь, это было «непонятное желание» (Б Х.255). Варианты Грузберга, Бобырь и Уманского наименее близки к оригиналу. Анонимный переводчик и Королев выбрали вполне выразительные, но чересчур сильные формулировки. Бильбо все-таки не потерял способности сопротивляться.

В следующем абзаце, однако, Толкин показывает, что Бильбо все же не остался неуязвим перед властью речей Смауга, и в душе у Бильбо «зародилось мерзкое подозрение», что:

и гномы упустили из виду этот важный момент или же все время втихомолку над ним посмеивались? Вот как влияют драконьи речи на

неопытного слушателя. Разумеется, Бильбо следовало бы поостеречься; но уж больно подавляющей личностью был Смауг (Н.215).

«Подавляющая личность» Смауга, похоже, стала почти непреодолимым препятствием для переводчиков. Самым серьезным испытанием оказалось слово *personality*. Сталин был «подавляющей личностью» советских времен, начиная с 1922 года, когда он захватил лидерство в партии еще при жизни Ленина, и вплоть до его собственной смерти в 1953 году. Период сталинского террора известен как «культ личности». Этот термин впервые ввел Хрущев в своем секретном докладе, осуждающем Сталина, на XX Съезде КПСС в феврале 1956 г. Благодаря этому, слово *личность* оказалось слишком политически заряженным, особенно если речь шла таких отрицательных персонажах, как Смауг. Большинство переводчиков поэтому предпочли не употреблять его в этом эпизоде. Вариант Бобыр, который первоначально ходил в самиздате, и поэтому переводчице не надо было заботиться о прохождении цензуры, гласит:

Смауг был в состоянии подавить своей личностью кого угодно
(Б X₁₉₉₄.256).

Использование ею слова *личность* могло превратить этот отрывок в потенциально излишне политический, чтобы он мог пройти советскую цензуру. В постсоветской версии Каменкович, созданной в тот период, когда термин *культ личности* уже не горел клеймом в сознании каждого советского интеллигента, слово *личность* было реабилитировано:

Смауг просто подавил его своей личностью (Км X.226).

Для современного русского читателя постсоветского времени такой вариант вполне приемлем, хотя, возможно, он слишком вольный. В своей посткоммунистической редакции перевода (2000 г.) ВАМ изменила первоначальную, относительно мягкую формулировку «Смог подавлял его [Бильбо]» (ВАМ X₁₉₉₀.179) и также включила слово *личность*. В этом издании ее рассказчик говорит: «Смог как личность подавлял его [Бильбо]» (ВАМ X₂₀₀₀.273).

Анонимный переводчик и D&D (а следовательно, и Каминская) полностью уклонились от проблемы *личности*. У D&D эта фраза попросту отсутствует. Анонимный переводчик написал, что: «Смауг оказался гораздо сильнее его [Бильбо]». Такой перевод слишком неопределенный и совершенно не объясняет, как именно Смауг одолевал или подавлял Бильбо. Это — точно та же проблема, что была и в первоначальной версии ВАМ, и которую она устранила, добавив *личность*. Яхнин нашел легкое решение, заменив *Смога* на

его *колдовские чары* («да слишком уж сильны были колдовские чары Смога»), что придает фразе требуемый нематериальный контекст (Я Х.269).

Версия Уманского демонстрирует неизменную слабую сторону его переводов. Он может быть почти точным, но все же не до конца:

Таков вот эффект от разговора дракона с неопытным слушателем. Бильбо, конечно, не забывал, с кем имеет дело, но аргументы Смауга казались неотразимыми (У Х.144).

Дж. Р. Р. Т.: Вот как влияют драконьи речи на неопытного слушателя. Разумеется, Бильбо следовало бы поостеречься; но уж больно подавляющей личностью был Смауг (Н.215).

Толкиновскому Бильбо «следовало бы поостеречься», в то время как Бильбо Уманского остерегался и «не забывал, с кем имеет дело». Толкиновский Смауг был «уж больно подавляющей личностью», а у Уманского «аргументы Смауга казались неотразимыми».

Перевод Рахмановой вышел в 1976 г., в брежневский период, когда, после кратковременного хрущевского флирта с десталинизацией страны, Сталин вновь оказался в чести. В те времена цензор тотчас отреагировал бы на политический подтекст слова *личность*, и было абсолютно нереально, чтобы тогдашняя цензура одобрила любой перевод фразы *overwhelming personality*, содержащий слово *личность*. При переводе этого словосочетания Рахманова продемонстрировала свой профессионализм, высокий уровень мастерства переводчика и превосходное чувство языка. Ее версия *overwhelming personality* не включала слова *личность*, но все же содержала политически заряженное слово, которое упоминалось в секретном докладе Хрущева на XX Съезде КПСС 25 февраля 1956 г.

Конечно, Бильбо следовало бы остеречься, но уж очень деспотичной натурой был Смог (Р Х₁₉₇₆.186, Х₂₀₀₂.139).

В своей речи Хрущев, осуждая Сталина, все же отрицает, что тот был «безумным деспотом»⁸⁴. Он не стал бы опровергать это утверждение, если бы это не был широко бытующий эпитет. Цель Хрущева состояла в дискредитации Сталина, но дискредитировать саму систему он не собирался. Хрущев нуждался в системе, чтобы оставаться у власти. Менее чем двумя страницами ниже, обращаясь к делегатам с просьбой помочь ему устранить последствия «культы личности» Сталина, Хрущев призывает съезд «вести

⁸⁴ Хрущев, Н. С. О культе личности и его последствиях : Доклад на XX съезде КПСС 24–25 февраля 1956 года. — Munich, изд. «Голос народа», 1956. — с. 54.

борьбу против произвола лиц, злоупотребляющих властью»⁸⁵. По сути, он здесь дает определение деспотизма. Хрущев хотел, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Результатом его действий стал возврат к коллективному управлению, что сделало более безопасной жизнь высших чинов Коммунистической партии, но при этом не затронуло диктатуру пролетариата.

Читатели советских времен, хорошо знавшие секретный доклад, без труда видели скрытый намек на Сталина в словах «уж очень деспотичной натурой», вне зависимости от того, вкладывала ли в них этот смысл сама переводчица. В 1921 г., еще до того, как Сталин стал политическим лидером, Корней Чуковский написал детское стихотворение «Тараканище»⁸⁶. В пост-сталинский период целое поколение тех, кто не знал, когда в действительности эта история была написана, восхищалось ею как пародией на Сталина. Идентификация таракана с Сталиным повисала на одном единственном слове — *ушицах*, визитной карточке Сталина, — но именно таким образом обычно и играли в прятки с цензором.

Учитывая ее несомненное мастерство и чувство языка, Рахмановой не ставило бы труда подобрать другое, менее политически заряженное выражение. Остальные, отнюдь не настолько профессиональные переводчики, нашли вполне приемлемые варианты для фразы *overwhelming personality*. Свое умение играть в прятки с цензорами Рахманова уже продемонстрировала упоминанием слова *Бог* в обмен на *Запад/Восток*, поэтому выбор ею прилагательного *деспотичный*, никак не оправданный оригинальным текстом, был, вероятно, сознательным и рассчитанным на восприятие советскими читателями.

Перевод этой фразы у Грузберга был значительно лучше. Он избежал политических ловушек слова *личность*, сохранив смысл оригинала.

но уж очень подавляла натура Смога (Гр X.212).

Грузберг использовал то же самое существительное *натура*, которое употребила в этой фразе и Рахманова, но вместо того, чтобы объединить его с прилагательным *деспотичный*, выбрал комбинацию с глаголом, который, в различных формах, получил большинство голосов в качестве перевода слова *overwhelming*: *подавить*.

Королев при пересказе этого эпизода ловко обходит политические коннотации слова *личность*, и, переделывая оригинал, переносит акцент на силу воли Бяльбо.

⁸⁵ Хрущев, с. 56.

⁸⁶ Чуковский, Корней. Тараканище. — Петроград: Радуга, 1923 (первое издание).

У него зародилось ужасное подозрение — а что, если гномы и вправду замыслили обмануть его и все время втихомолку посмеивались над простаком Торбинсом? Нет, этого не может быть! Гномы — друзья, настоящие друзья!

Как видите, драконьи чары начинали действовать. И то сказать, редко кому удается против них устоять.

— Золото — не главное, — проговорил хоббит (Кр Х.256).

Дж. Р. Р. Т.: Теперь в душе у него зародилось скверное подозрение, что и гномы упустили из виду этот важный момент или же все время втихомолку над ним посмеивались? Вот как влияют драконьи речи на неопытного слушателя. Разумеется, Бильбо следовало бы поостеречься; но уж больно подавляющей личностью был Смауг.

— Вот что я тебе скажу, — произнес он, стараясь и сохранить верность друзьям, и не уронить достоинства, — поначалу мы и не думали о золоте. <...> (Н.215).

Версия Королева — это красивый рассказ, но это не Толкин. Это совершенно другая история, которая акцентирует внимание на иных вопросах и проблемах философского плана.

Золото

Сэму он дал мешочек с золотом.

— *Едва ли не последняя капля отборного вина из золотого урожая Смауга <...> Будет кстати, если надумаешь жениться, Сэм.*

Бильбо Бэггинс (R.328)

Золото — это корень всех зол в «Хоббите». Именно из-за него дракон Смауг попал в историю. Смауг был «особенно жадным, сильным и злобным» драконом (Н.35), который прилетел с севера и опустошил владения Короля-под-Горой, похитив сокровища гномов и богатства близлежащего Дэйла. Часть истории Толкина посвящена «власти, которую обретает над душами золото, когда его долго лелеет дракон» (Н.250), и воздействию золота на гномов, людей, эльфов и хоббитов. Золото — корень раздоров между гномом Торинном Оакеншильдом с одной стороны и Бэрдом, наследником Гириона из Дэйла, и Королем эльфов, с другой. На смертном одре, однако, Торин Оакеншильд осознает зло, исходящее от золота, и жалеет, что большинство его сородичей не похожи на Бильбо, который, в отличие от гномов, «не терял головы и устоял перед чарами золота» (Н.228). К этой теме Толкин кратко возвращается во «Властелине Колец», в пожелании Галадриэли Гимли, когда Братство покидает Лориэн. Она говорит ему: «пусть по рукам вашим будет струиться золото, но золото не будет над вами властно» (F.487). Это пожелание подводит итог искуплению вины гномов, начатому Торинном на смертном одре, и приводит к логическому завершению толкиновскую историю золота, поскольку золото в *ВК* не играет никакой роли. *ВК* — это история власти.

Толкин противопоставляет отношение к золоту гномов и Беорна. В то время как гномы «только и говорили, что о золоте, серебре и драгоценностях, да об изделиях искусных мастеров», «Беорна такие вещи не очень-то занимали — в зале не было ни одного золотого или серебряного предмета и, кроме ножей, почти ничего металлического» (Н.127). Всего лишь с незначительными расхождениями в формулировках все переводчики были единодушны в этом эпизоде и все прекрасно с ним справились, а вот у Уманского было интересное преувеличение. Его рассказчик говорит: «и вообще из металла были изготовлены только несколько ножей и топор» (У X86).

Даже в сокращенной версии D&D сохранилось противопоставление золота и серебра, но пропала неприязнь Беорна к промышленным изделиям: металлическим предметам.

Когда обед кончился, гномы завели свои разговоры о золоте и серебре и об изделиях искусных мастеров, но Беорн не слишком к ним прислушивался — его такие вещи, видать, не очень-то занимали (D&D H.66).

Перевод текста D&D Каминской вылился в интересную интерпретацию фразы «свои разговоры о золоте и серебре и об изделиях искусных мастеров». По ее версии, «гномы сели на своего конька — разговорились о сокровищах, о золотых дел мастерах» (Кск Х.66). В полной версии это было бы неуместно, поскольку само собой подразумевается, а подобных вещей Толкин не допускал. Его текст — воплощение многозначительной сдержанности. В сокращенной версии, однако, небольшие преувеличения время от времени необходимы.

В XIII главе («Никого нет дома») Бильбо приводит компанию к сокровищам, и в то время как они радуются найденным богатствам, Толкин противопоставляет воздействие, которое власть золота и богатства оказывает на Бильбо, воздействию ее на гномов.

Все же мистер Бэггинс, в отличие от гномов, сохранил ясность ума и устоял перед чарами сокровищ. Задолго до того, как гномы утомились обследовать богатства, он почувствовал смутное беспокойство и, усевшись на пол, принялся тревожно размышлять, чем же все это закончится. «Добрую долю этих драгоценных кубков, — думал он, — я бы отдал за глоточек чего-нибудь бодрящего из деревянной чаши Беорна!» (H.228–229).

Первое предложение содержит два ключевых элемента. Первый — слово *bewitchment* (чары). Оно выражает идею чарующей власти сокровищ. Это повторяющийся тезис у Толкина. Второй элемент — *Mr. Baggins kept his head more clear*. Это положительное утверждение, которое делает Бильбо активным участником действия. Чары богатств влияли и на него, но он сохранил ясность ума. Почти все переводы этого абзаца страдают тем, что недостаточно отдают должное Бильбо, усилием воли сохранившему ясность ума и не поддавшемуся чарам сокровищ. Наиболее часто переводчики использовали формулировку «не потерял голову». Версия Рахмановой была лучшей, поскольку она добавила фразу, благодаря которой Бильбо стал активным участником действия, каковым и заслуживает быть. Ее рассказчик говорит:

Мистер Бэггинс в отличие от гномов не потерял головы при виде богатств и устоял перед их чарами (Р Х.197).

Перевод этой фразы у Уманского также имел верную тональность. Его рассказчик говорит: «Все же мистер Бэггинс меньше поддался очарованию клада, чем карлики» (У X.152). Лаконичность и изящество этой фразы делает ее достойной соперницей рахмановской.

Варианты других переводчиков, которые использовали *чары* — Бобырь и ВАМ — были менее удачными, поскольку их конструкции приуменьшали активную роль Бильбо, сохранившего ясность ума. Согласно их формулировкам, чары сокровищ действовали на него меньше, и это, безусловно, так, но самому Бильбо при этом отводится пассивная роль, в отличие от оригинала и варианта Рахмановой.

Бобырь: Однако голова у Бильбо была яснее, чем у прочих, и чары сокровищ действовали на него меньше (Б X₁₉₉₄.273).

ВАМ: У господина Торбинса от сокровищ не так кружилась голова, как у остальных. Их чары на него не действовали (ВАМ X₁₉₉₀.190, X₂₀₀₀.290).

У Яхнина превосходный перевод слова *bewitched* — *зачарован*, но его формулировка, к сожалению, также лишает Бильбо активной роли в процессе сопротивления чарам сокровищ.

В отличие от гномов Бильбо не был зачарован несметными сокровищами дракона (Я X.285).

Фраза Грузберга — менее выразительная, хотя и вполне приемлемая, также превращает Бильбо в пассивный объект воздействия сокровищ.

И тем не менее сокровище не затуманило мистеру Бэггину голову, как гномам (Гр X.224).

У анонимного переводчика неплохая, хотя и лишенная очарования версия следует в том же самом направлении мысли.

И все же почтенный Торбинс менее всех потерял голову при виде груды сокровищ.

Каменкович использовала такую же основную конструкцию, как и анонимный переводчик, но, дойдя до наречия, свернула в другую сторону. Ее рассказчик говорит, что Бильбо «отнюдь не потерял головы при виде золота» (Км X.240). Власть сокровища действовала на Бильбо, но его голова при этом оставалась более ясной.

Королев полностью обошел проблему, целиком опустив первое предложение в этом эпизоде (Кр X.272).

Второе предложение этого эпизода делает конкретным абстрактное утверждение первого, и большинство переводчиков без труда справились с ним. «Задолго до того, как гномы утомились обследовать богатства он [Бильбо] почувствовал смутное беспокойство и, усевшись на пол, принялся тревожно размышлять, чем же все это закончится». Королев и ВАМ опустили наречие *nervously*, для которого остальные переводчики с легкостью подобрали слово *тревожно*. В идеально выверенном тексте Толкина любой допущенный пробел делает перевод лишь бледным отражением оригинала. И хотя Бильбо имел все основания испытывать тревогу на протяжении всего своего приключения, нет никакой причины убирать ее из перевода.

Яхнин опустил не только наречие *тревожно*, но и вообще все опасения Бильбо.

Он [Бильбо] уселся прямо на пол и, пока гномы лихорадочно копались в драгоценностях, перебирал в памяти прежние приключения (Я X.285).

Версия Рахмановой была еще более краткой. Она обрубала предложение — и абзац — в конце первой фразы:

Гномы всё ещё рылись в сокровищнице, но Бильбо прискучило это занятие [Новый абзац] (Р X.197).

Дж. Р. Р. Т. (кушоры **выделены**): Задолго до того, как гномы утомились обследовать богатства, он почувствовал смутное беспокойство **и, усевшись на пол, принялся тревожно размышлять, чем же все это закончится** (Н.228).

Третье предложение эпизода, внутренний монолог Бильбо, тщательно выстроено с целью еще четче продемонстрировать отношение Бильбо к золоту и драгоценностям. «Добрую долю этих драгоценных кубков, — думал он, — я бы отдал за глоточек чего-нибудь бодрящего из деревянной чаши Беорна!» (Н.229). Отвергнутые им *драгоценные кубки*, сделанные, скорее всего, из золота или серебра и инкрустированные драгоценными камнями, а вместо них желанный «глочек чего-нибудь бодрящего из деревянной чаши Беорна» однозначно помещает Бильбо в лагерь Беорна в том, что касается отношения к золоту, побуждая читателя вспомнить, что в зале Беорна «кроме ножей, почти ничего металлического» не было (X.127). Перевод Рахмановой этого эпизода разочаровывает, поскольку в нем пропущены второе и третье предложения. Это оправдано в сокращенной версии, такой

как у D&D, но в превосходном во многих других отношениях переводе Рахмановой подобные пропуски слишком резко выделяются.

Противопоставление *драгоценного кубка* и *деревянной чаши* — ключ к успеху в этом предложении. Версия Бобьерь была точно в цель: «драгоценные кубки» и «деревянная чаша». Вполне приемлемая версия Каменкович сравнивает «золотые кубки» с «деревянной чашей», но преувеличивает количество, которое Бильбо был согласен обменять: «Всю эту груду золотых кубков». Перевод Яхнина почти дословно повторяет Каменкович. Он лишь немногим более краток. У него Бильбо был готов обменять «все эти золотые кубки». Версия Грузберга несколько менее адекватна, поскольку он сравнил «бесценные кубки» с «деревянным кубком». Чтобы достичь полного эффекта, названия сосудов должны быть разными. У Уманского различные названия сосудов хорошо подобраны, но прилагательное перед *кубками* оставляет желать лучшего. Его Бильбо «отдал бы добрую часть этих прекрасных бокалов, — подумал он, — за то, чтобы вышить чего-нибудь ободряющего из деревянных чаш Беорна!» (У X.152–153). Версия ВАМ еще менее привлекательна, поскольку она пропустила прилагательное перед *кубками*. Бильбо у нее просто говорит: «Я бы много этих кубков отдал...» (ВАМ X₁₉₉₀.190, X₂₀₀₀.290).

В анонимной версии переводчик отказался от сравнения *кубков* с *чашами*, но, тем не менее, создал запоминающийся образ, вполне в духе взглядов Толкина на золото.

«Честное слово, — думал он, — я отдал бы половину всей этой золоченой чепухи за глоточек чего-нибудь бодрящего из Беорнова деревянного кубка!»

Королев сохранил *кубки* и чаши, но не учел, из чего они были сделаны. Вдобавок к пропущенному первому предложению, это полностью лишает толкиновский эпизод всякой силы.

Какой толк ото всех этих кубков, ведь они пустые, — подумалось ему. — Эх, глотнуть бы сейчас из Беорновой чаши!» (Кр X.272).

Добавление фразы «ведь они пустые» сводит комментарий Бильбо к одной лишь практичности, тогда как Толкин имел в виду комментарий философский. Благодаря практичности Королева желание глотнуть чего-нибудь из Беорновой чаши осталось без всякого *raison d'être*⁸⁷. Мечта глот-

⁸⁷ Разумное основание *фр.* — *Прим. перев.*

нуть чего-нибудь из Беорновой чаши уже не объясняется ничем, кроме приятного вкуса напитка и жажды, испытываемой Бильбо.

Смауг и гномы не одиноки в своей любви к золоту и сокровищам, как показывает Толкин в XIV главе («Огонь и вода»), в которой Король эльфов узнает о смерти Смауга и рпекает забрать себе часть сокровищ.

— Боюсь, мы больше никогда не услышим о Торине Оакеншильде, — сказал Король. — Уж лучше бы он оставался моим гостем! Но порой и самый дурной ветер приносит добрую весть, — добавил он, ибо тоже не забывал легенды о сокровищах Трора (Н.241).

Процитированный диалог, в котором Король предполагает, что Торин Оакеншильд погиб, не представлял проблемы для переводчиков, но зато таковой стала идентификация говорящего в конце первого предложения. Рахманова, Каменкович, Королев и Яхнин почувствовали необходимость разъяснить, какой именно это был «Король», словно читатель мог перепутать его с кем-то другим. Рахманова и Яхнин уточнили, что это был «король лесных эльфов» (Р X.210; Я X.303), в то время как Каменкович и Королев сказали, что это был «король эльфов» (Км X.255; Кр X.289). Их опасения на этот счет не были уж вовсе безосновательными, поскольку ВАМ назвала говорящего «новым Главарем орков» (ВАМ X₁₉₉₀.202). Очевидно, она просто не могла представить, что Король эльфов способен так поступить. Она забыла, что Лесные эльфы «были более опасны и менее мудры» (Н.164). Эту ошибку ВАМ исправила во втором издании, вышедшем в 2000 г. в издательстве «ЭСКМО» (ВАМ X₂₀₀₀.348).

Рахманова и Яхнин единственные из всех переводчиков почувствовали потребность устранить сарказм второго предложения — «Уж лучше бы он оставался моим гостем!». В своих вариантах они заменили *гостя* на *пленника*. ВАМ также испытывала затруднения с этим предложением и добавила в конце смешок — «ха-ха-ха» — чтобы читатель наверняка воспринял это должным образом. Все остальные переводчики нашли различные, но вполне приемлемые формулировки для этой фразы.

В третьем предложении при выборе варианта для пословицы: «an ill wind, all the same, [...] that blows no one any good», переводчики разделились на два лагеря. Одни использовали русскую пословицу, другие перевели дословно. Русская пословица, которую «Англо-русский словарь»⁸⁸ предлагает в качестве перевода «it is an ill wind that blows nobody good», чаще переводится

⁸⁸ *Новый англо-русский словарь*, в двух томах / под ред. И. Р. Гальперина. — М: Советская энциклопедия, 1972.

на английский как «every cloud has a silver lining» — «нет худа без добра». Именно эту поговорку использовали ВАР (ВАМ X.202), Каменкович (Км X.255) и Королев (Кр X.289). Формулировки анонимного переводчика, Яхнина, Грузберга, Уманского и Рахмановой просто перефразировали оригинал. Рахманова, добавившая «как говорится», пожалуй, выбрала лучший из всех вариантов, который придает фразе некоторый привкус поговорки.

Рахманова: Но, как говорится, и самый дурной ветер приносит добрую весть (Р X.210).

Анонимный переводчик: Впрочем, даже худой ветер иногда приносит добро!

Грузберг: Но даже дурной ветер способен принести добрую новость (Гр X.238).

Яхин: Но и плохой ветер приносит иногда хорошие вести (Я X.303).

Уманский: Но все-таки нет такого дурного ветра, который не принес бы чего-нибудь полезного (У X.161).

Перевод Бобьрь стоит особняком. Она единственная, кто не нашел ничего хорошего в новостях, принесенных ветром. Ее версия гласит:

Но все же эта весть — злой ветер, и он не принесет добра никому (Б X₁₉₉₄.291).

Она права с точки зрения развития сюжета, но это резко изменило образ Короля эльфов. Он стал намного мудрее, чем подразумевалось из контекста.

Чтобы узнать мнение Толкина о мудром отношении к золоту Высоких эльфов, читателю следует обратиться к «Властелину Колец», где об этом говорится в восьмой главе второй книги («Прощание с Лориэном»), в сцене, когда Галадриэль вручает подарок Гимли, незадолго до того, как Братство покинет Лориэн. Гимли поначалу вообще отказывается от подарка, говоря, что ему достаточно было видеть Владычицу галадрим и слышать ее нежный голос, но Галадриэль настаивает, и он просит одну прядь ее волос. Галадриэль удовлетворяет его просьбу со словами:

— Пусть напутствие мое следует за подарком, — произнесла она. — <...> Гимли, сын Глоина, пусть по рукам вашим будет сруться золото, но золото не будет над вами властно (F.487).

Яхин, оставаясь верным выбранному им стилю краткого пересказа, удалил эту часть повествования (Я Хр.303). У Бобьрь также был неболь-

шой, но существенный пробел в этом эпизоде. Она опустила тот момент, когда эльфы изумляются дерзости Гимли, а также одобрительную реакцию Галадриэли и ее вопрос. Гимли в ее версии говорит:

Если вы приказываете, — сказал Гимли, низко кланяясь, — то я посмею попросить у вас только прядь ваших волос, которые настолько же прекраснее золота, насколько звезды прекраснее всяких алмазов. Я сохраню их на память о ваших добрых словах при нашей первой встрече. И если я вернусь в свои родные пещеры, то велю заключить ваш подарок в нетленный хрусталь, дабы он был залогом дружбы между Горами и Лесом до конца времени (Б.120–121).

Дж. Р. Р. Т.: — Ничего, Владычица Галадриэль, — сказал Гимли, низко кланяясь и заикаясь. — Ничего, разве что... Если мне дозволено будет сказать... Я прошу прядь ваших волос, которые превосходят золото земли, как звезды превосходят сокровища недр. Я не стал бы просить такой подарок... Но вы сами приказали назвать мое желание. Эльфы зашевелились и зашутукались в изумлении, Келеборн удивленно взглянул на гнома, но Владычица улыбнулась.

— Говорят, искусство гномов в руках, а не в речах, — молвила она, — но к Гимли это не относится. Никто доселе не высказывал мне просьбы столь дерзкой, но и столь учливой. И как могу я отказать, коли сама приказала ему говорить? Но скажите, как поступите вы с таким подарком?

— Буду беречь, как сокровище, Владычица, — ответил тот, — в память о ваших словах, сказанных мне при первой встрече. И если я когда-нибудь вернусь к золотых дел мастерам моей родины, то оправлю его в нетленный хрусталь, дабы стал он наследием моего дома, залогом доброй воли между Горами и Лесом до конца дней (F.487).

Уманский не восстановил ни одну из пропущенных фраз, а оставил весь кусок в точности таким, как он был представлен у Бобырь (У II.444).

Используя совершенно разные формулировки, все остальные переводчики правильно передали смысл. Лучшим был Грузберг, поскольку его вариант ближе всего к оригиналу, хоть и не слишком литературен, и в нем сохранен повтор слова «золото», в то время как остальные переводчики второй раз использовали местоимение.

— Пусть слова мои пойдут вместе с подарком, — сказала она. — <...> Гимли, сын Глойна, пусть ваши руки будут полны золотом, но золото не будет иметь над вами власти.

Пожелание Галадриэли в сущности завершает искупление вины гномов, которое начато было еще в «Хоббите», и освобождает их сердца от власти золота. В XVIII главе («Обратный путь»), в которой на смертном одре Торин мирится с Бильбо, Толкин показывает, насколько изменились взгляды Торина. Он говорит:

Коли среди нас побольше было бы тех, кто ценит вкусные яства, веселье и песни превыше накопленного золота, то и мир был бы радостнее (Н.273).

Толкин поменял эту фразу во втором издании (1951 г.). В первом она гласила: «Коли бы больше людей...» (АН.328). Это серьезное изменение, поскольку *люди* — намного более узкое понятие, чем *мы*. *Мы* может включать и людей, и гномов, и хоббитов. Новая версия Толкина придает комментарию Торина более широкий спектр значений. Часть переводчиков сузила его. Торин у ВАМ ограничился «моими соплеменниками» (ВАМ X₁₉₉₀.228, X₂₀₀₀.348). Торин Каменкович обращался исключительно к гномам (Км X.292). У Яхнина та же самая идея, но его вариант был более многословным. Его Торин говорит: «если бы гномы, подобно вам, хоббитам» (Я X.342). У Рахмановой и Каминской Торин говорит: «наш брат» (Р X.240; Кск X.127). Торин Грузберга думал, что «мы тоже» должны ценить еду, веселье и песни больше золотых сокровищ, и в такой формулировке также дается сравнение гномов и хоббитов (Гр X.271). В анонимном переводе слова Торина «кое-кто из нас» почти соответствуют оригиналу. Торин у Бобырь, Уманского и Королева несколько преувеличил, говоря «большинство из нас» (Б X₁₉₉₄.331; У X.180) и «все мы» (Кр X.327).

Во второй части предложения с конструкцией «если... то» все прошло гладко — большинство переводчиков проголосовали за слово *веселее*. Королев и Яхнин выделяются и тут. У Королева Торин сказал, что мир будет «гораздо приятнее» (Кр X.327), а Яхнин написал, что мир был бы «намного светлее и радостнее» (Я X.342). Анонимный переводчик, однако, решил, что «мир бы был лучше», и при этом был абсолютно прав с философской точки зрения, но только не с лингвистической.

Другой эпизод из того же самого диалога дает представление о ценности золота и серебра в загробном мире гномов. Прощаясь с Бильбо, Торин говорит:

Я уйду в чертоги ожидания к моим праотцам до той поры, когда мир обновится. Сейчас я оставляю все золото и серебро, поскольку там, куда уйду, оно немногого стоит. Я хочу проститься с тобой

по-дружески и взять обратно свои слова, произнесенные у Врат, и заглядить свои поступки (Н.272).

В первом предложении диалога о примирении Торина с Бильбо рассказывается, куда Торин отправится после смерти и как долго будет оставаться там. Это предельно сжатый философский трактат о загробной жизни гномов, и любое искажение тщательно подобранных Толкином слов серьезно повредит философской системе, которую Толкин намеревался развернуть перед читателем.

Взгляд Яхнина на будущую загробную жизнь Торина наиболее далек от концепции Толкина. У Яхнина Торин уходит «в страну молчания», где он будет ждать вместе с предками обновления мира (Я X.341). Леденящая душу концепция, и целиком в стиле Яхнина. Чертоги ожидания Толкина, скорее всего, скопированы с Вальгаллы⁸⁹ (Valhalla — Val + Höll) — чертогов павших в бою храбрых воинов (эйнхериев) во дворце Одина из скандинавского мифа. Там павшие герои пируют с богами в ожидании Рагнарёка. Довольно сложно представить себе молчаливый пир викингов.

В своем варианте «Далекие Дворцы» Уманский уловил ощущение великолепия Вальгаллы, но такое название в этой истории кажется инородным (У X.180).

При переводе слова *halls* большинство голосов было отдано варианту *чертог*. Его использовали анонимный переводчик, Рахманова, Каменкович и Каминская, подразумевая при этом величественный, роскошно обставленный зал. Царским чертогом называется зал коронаций русских царей в Успенском соборе Московского Кремля. *Чертог* — также слово, используемое в «Советском энциклопедическом словаре» (СЭС, с. 192) в статье о Вальгалле.

Королев выбрал другое помпезное слово — *палата*, но в данном контексте *чертог* смотрится лучше. ВАМ и Грузберг использовали современный, буквалистский перевод: *зал*. Бобырь, как ни странно, остановилась на архаичном слове *обитель*. Это то же самое слово, которое анонимный переводчик и Королев («Хоббит»), а также М&К, Каменкович и Волковский (ВК) используют при переводе *The Last Homely House* (Н.60; F.296). В своем переводе «Хоббита», однако, для *The Last Homely House* Бобырь употребила выражение «последнее убежище» (Б X₁₉₉₄.62; У X.42), что верно в контексте истории, но само словосочетание лишено британской сдержанности

⁸⁹ Транслитерация приводится по переводу «Старшей Эдды» А. Корсуна. — *Прим. перев.*

толкиновского названия. Абзац из *ВК*, где упоминается *The Last Homely House*, пропущен и у Бобырь, и у Уманского (Б.47; У П.358).

В современном языке английское слово *hall* растеряло большую часть былого великолепия. «Оксфордский американский словарь» определяет его так: «большая комната или здание для собраний, банкетов, концертов и т.д.». Именно этот смысл ВАМ и Грузберг точно передают в своем переводе *залы* (Гр Х.270; ВАМ Х₁₉₉₀.228, Х₂₀₀₀.348). Однако при употреблении этого слова возникает проблема, связанная с распространенным русским словосочетанием. *Зал ожидания* — вариант Грузберга — наводит на мысль о вокзалах и аэропортах. Такая ассоциация вызывает в воображении русского читателя достаточно прозаический образ, и поэтому ее следует избегать.

ВАМ постаралась обойти эту ассоциацию, добавив к *залам* определение. По ее версии, это были «Залы Долгого Ожидания», где каждое слово начиналось с прописной буквы, как в заголовке. Однако наиболее интересный вариант придумал анонимный переводчик. Он назвал их «чертогами безвременья», что намного лучше, чем версия ВАМ. Он не только употребляет *чертоги*, вместо *залов*, но и самое долгое ожидание надоест меньше, если будет длиться в безвременье, где тысяча или десять тысяч лет пролетают как одно мгновение. Я предпочел бы ждать в «чертогах безвременья», чем в «Залах Долгого Ожидания».

Ни один другой вариант, использованный для перевода *hall*, не может сравниться с образом, вызываемым употреблением слова *чертог* — ассоциацией с царским, неземным величием. Для русского читателя оно гораздо бесспорнее и яснее сохраняет связь с Вальгаллой, нежели формулировка Толкина — для английских читателей, которые давно не перечитывали скандинавские мифы или забыли, что *halls* — это обиталище богов. Последнее хорошо иллюстрирует нижеприведенная цитата из «Скандинавских мифов»⁹⁰:

Чертоги имеют и прочие боги. Первый из них — Идалир — имя месту в тисовых долинах, где Ульв палаты построил. Второй зовется Альвхейм, «жилище альвов». Был Фрейром получен от богов на первый зубок. Третий — чертог, с крышей, серебром украшенной богами благими; Валаскьяльв, «Чертог павших», дворец тот, он асом воздвигнут в древнее время. Четвертый — то Сёкквабекк, «погруженная скамья» — плещут над ним холодные волны, там Один и Сага пьют каждый день из чаш златокованых.

⁹⁰ *The Norse Myths* (Introduced and retold by Kevin Crossley-Holland), New York, Pantheon Books, 1980, pp. 61–62.

Гладсхейм, «жилище радости», — то пятый, поблизости там, как золото, пышно Вальгала блещет. <...> Пять сотен дверей и сорок еще в Вальгале самой, верно; когда настанет час схватки с Фенриром, восемьсот воинов выйдут из каждой. <...> Двенадцатый — Види, Видара край, покрытый кустами и высокими травами⁹¹.

Скандинавские саги вполне соответствуют словам Торина о чертогах ожидания, как месте, где «золото и серебро <...> немногого стоит». В приведенной выше короткой цитате из «Скандинавских мифов» содержатся два упоминания о золоте и серебре: крыша Валаскьяльва, «Чертога павших», покрыта серебром, и «Один и Сага пьют каждый день из чаш златокованных». Золото и серебро используются самым прозаическим образом. Серебро в самом деле не представляет особой ценности, если им можно покрыть крышу огромного чертога. Несмотря на то, что купола русских храмов обычно покрывались сусальным золотом, параллели с малой ценностью серебра, используемого для покрытия крыш в чертогах богов, здесь не просматривается. На земле это демонстрация роскоши, гигантские денежные пожертвования Богу в надежде на Его милость, заслужить которую и призваны золотые купола и роскошное убранство храмов. В Чертогах богов — а богам не требуется прибегать ни к каким уловкам, чтобы произвести на кого-то впечатление, — ценность определяется в иных терминах.

Фраза «там, куда ухожу, оно [золото и серебро] немногого стоит» доставила переводчикам немало хлопот. Английское слово *worth* имеет двойной смысл, который трудно передать одним русским словом. «Англо-русский словарь» Апресяна переводит *worth* как: «ценность, значение, достоинство». Лучшее решение было у Уманского. Его Торин говорит: «все это [золото и серебро] ничего не стоит» (У X.180). Глагол здесь допускает двоякое толкование. Его употребляют при обозначении конкретной цены в таких фразах, как «эта книга стоит 10 долларов». Но также его можно использовать и в переносном смысле: «это не стоит усилий».

Варианты Грузберга, Королева и анонимного переводчика чуть менее точны, по сравнению с Уманским, а вот все остальные разбрелись далеко в разные стороны. Из этих двух лучшая версия у Грузберга. Он употребляет разговорное выражение «где от него мало проку». Хотя использованный

⁹¹ В переводе этой цитаты использован отрывок из перевода А. Корсуна «Речи Гримнира» из «Старшей Эдды». В нем для перевода слова *Hall* употребляется несколько вариантов: *чертог/чертоги, палаты и двор*. (Старшая Эдда / Перевод с древнеисландского А. Корсуна; Редакция перевода М. Стеблин-Каменского. — М.: Художественная литература, 1975). — *Прим. перев.*

им оборот слегка не соответствует стилизованной речи Торина, суть его верна, а это важнее. Анонимный переводчик придал фразе интересный философский поворот, переводя ее так: «золото и серебро мне там ни к чему», в результате чего утверждение общего плана конкретизируется до личной оценки Торина, но все еще сохраняет двусмысленность английского слова *worth*. Королев ликвидировал эту проблему, используя ту же самую формулировку, но без местоимения: «там оно ни к чему».

Четверо переводчиков — Рахманова, Каменкович, Каминская и ВАМ — решили, что в контексте гномов, золота и серебра Толкин имел в виду *стоимость*. Такой выбор легко понятен, и в данном контексте относительно неплохо передает смысл слова *worth*. Все эти переводы варьировались вокруг слова *цена*. Трактовка Рахмановой была наиболее изящной: «оно мало ценится» (Р Х₁₉₇₆.240). Каменкович и Каминская дали одинаково интересные формулировки в том же самом ключе: «они [золото и серебро] не в цене» (Км Х.292; Кск, Х.127). Вариант ВАМ был менее удачен: «оно не имеет ценности» (ВАМ Х₁₉₉₀.228), поскольку это менее двусмысленно, чем формулировка Толкина, согласно которой золото и серебро некоторой ничтожной ценностью все же обладают: ими, например, покрывают крыши.

Бобьрь, однако, решила, что Толкин имел в виду *бесполезность* золота и серебра для загробной жизни гномов. Такой подход приводит к серьезно-му философскому искажению смысла предложения. Выбор между *ценностью* и *полезностью* указывает на различные исходные послышки автора. Предпочтя *ценность*, Рахманова, Каменкович, Каминская и ВАМ акцентируют внимание на деньгах и богатстве, допуская также переносное значение, которое соответствует комментарию Торина о драконах, никогда не наслаждающихся ни одной из прекрасных вещей в своей сокровищнице. Выбрав *бесполезность*, Бобьрь акцентирует внимание на прагматизме и практичности, что до некоторой степени является вариантом, аналогичным тому, на котором остановились Грузберг, ВАМ и Рахманова, переводя *enjoy* словом *используют* в комментарии Торина о драконах (Н.35). Предельно марксистское, материалистическое различие: вещи имеют ценность, потому что они полезны, а не по какой-то другой причине, непосредственно относящейся к свойствам данной вещи. Иными словами, это вполне советское различие. У Бобьрь, как и у ВАМ, версия была весьма категорична. Она гласит: «где они бесполезны» (Б Х₁₉₉₄.331). Яхнин составил ей компанию. Он написал: «золото и серебро не нужно» (Я Х.341).

Пребывание Торина в «чертогах ожидания» не будет длиться вечно. Он останется там лишь «до той поры, когда мир обновится». Большинство переводчиков без проблем справились с этой фразой, используя в переводе глагол *обновиться* (Км Х.292; Б Х.331; Гр Х.270), или существительное *обновление* (анонимный переводчик). Королев предложил интересную альтернативу — *возродится* (Кр Х.327). У Уманского была фактически точно такая же формулировка: «пока мир не родится заново» (У Х.180). В контексте Толкина и скандинавских мифов фраза «пока мир не возродится» вызывает образ Рагнарёка, когда боги и павшие герои из Вальгаллы устремятся вперед в последнюю битву с Фенриром и силами зла — битву, которая закончится разрушением и возрождением мира.

Земля погрузится в пучину. Земля возродится вновь из вод, зеленая и прекрасная⁹².

У Рахмановой был совершенно иной подход к переводу слова *renewal*. По ее версии мир «изменится к лучшему» (Р Х.239). Каминская вторила ей, но изменила приставку у глагола: «переменится к лучшему» (Кск Х.127). Вариант ВАМ наименее удачный из трех — она хоть и тоже проголосовала за *перемену*, но не уточнила, какой именно эта перемена будет. Используя тот же самый глагол, что и Каминская, ВАМ просто написала, что «мир переменится» (ВАМ Х.228). Яхнин так и не смог решиться на что-то одно и взял у всех понемногу. Его Торин оставался бы в «стране молчания», пока «все обновится и переменится» (Я Х.341). Перемены могут быть и к лучшему, и к худшему, и именно поэтому Рахманова и Каминская определили, какими именно они будут. Хотя можно со всей убедительностью утверждать, что конец мира в Рагнарёке и его последующее возрождение — это и есть перемена, все же сам Толкин слово *переменится* не использует. Надежда, что обновленный мир будет лучше, безусловно, возникает при чтении этой фразы, но в формулировке Толкина это напрямую не утверждается.

Этот эпизод в переводе Утиловой — единственный отрывок из ее комикса по «Хоббиту», который рассматривается в данном исследовании. Уникальность фразы Рахмановой «когда мир изменится к лучшему», позволяет легко продемонстрировать, что ее перевод послужил исходным текстом для краткой версии Утиловой. У Утиловой читаем:

Прощай, добрый вор. Я уйду из этого мира к моим предкам до той поры, пока мир изменится к лучшему (Ут Х.59).

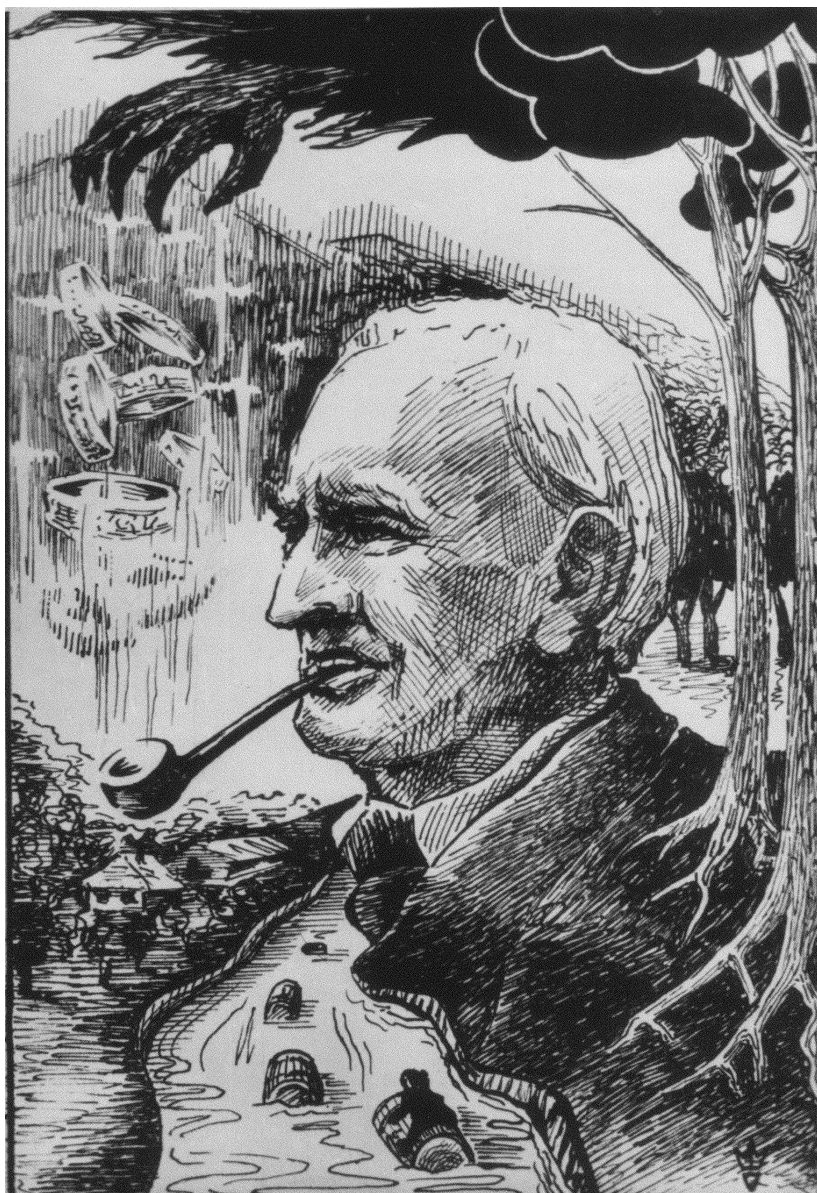
⁹² *The Norse Myths*, с. 175.

Ср. с версией Рахмановой:

— **Прощай, добрый вор,** — сказал он. — **Я ухожу** в чертоги ожидания к моим праотцам **до той поры, когда мир изменится к лучшему** (Р X.239).

Использование Утиловой перевода Рахмановой в качестве основы для ее сокращенного пересказа лишний раз подтверждает закрепившийся за этим переводом «Хоббита» титул образцового. Перевод Рахмановой, однако, все же нуждается в «осовремениваньи» с тем, чтобы избавиться от наследия «холодной войны» и досадных пропусков.

Иллюстрация Михаила Маторина к самиздатовскому переводу
«Хоббита» В.А.М. (1985 г.) по мотивам рисунка и фотографии Толкина

Глава III

ОТКАЗ ОТ КОЛЬЦА:

План, согласие и обещание

Свобода без идеалов приносит гораздо больше вреда, чем пользы.

Артуго Граф (1848–1913)

Итальянский писатель, историк культуры, филолог⁹³

Несмотря на краткость толкиновского описания решения Бильбо отказаться от Кольца, которое разыгрывается как две беседы между Бильбо и Гэндальфом, оно, тем не менее, насыщено информацией и демонстрирует читателю ключевые элементы характеристики каждого героя. В этом эпизоде образы персонажей Толкина представляют собой многослойную эволюционирующую структуру, основанную на словах: *план, согласие, обещание*. При таком типе структуры контекст остается тем же самым, но изменяется ключевое слово. В каждой из трех частей беседы контекстом является Кольцо. Гэндальф побуждает Бильбо отказаться от него, на каждом этапе усиливая моральное давление на Бильбо.

В первой части Гэндальф спрашивает Бильбо, собирается ли он действовать согласно своему плану. Гэндальф у Толкина повторяет слово *план* три раза, практически лишая читателя возможности упустить тот факт, что Бильбо выполняет некий план, о котором знает и Гэндальф.

— Ты хочешь сказать, что выполнишь свой **план**?

— Да. Я решил уже давно, и пока что не передумал.

— Отлично. Не стоит больше говорить об этом. Выполняй свой **план** — весь **план** целиком — и, я надеюсь, все обернется к лучшему и для тебя, и для всех нас (F.49).

⁹³ Жемчужины мысли, 3-е изд. — Минск: Беларусь, 1991 — с. 45.

Когда дальше по ходу повествования возобновляется беседа между Гэндальфом и Бильбо, Толкин показывает, что Гэндальф играет гораздо более важную роль в процессе формирования плана Бильбо. Гэндальф напоминает ему, что он уже «согласился» оставить Кольцо Фродо. Это явно предполагает, что так поступить Бильбо попросил именно Гэндальф. Для заключения соглашения необходимы двое участников. Напоминая Бильбо о его согласии, Гэндальф постепенно усиливает моральное давление на Бильбо, чтобы заставить его придерживаться плана.

— Я все оставляю ему, за исключением, конечно, нескольких мелочей. Надеюсь, он будет счастлив, когда привыкнет жить самостоятельно. Пора: с этих пор он сам себе хозяин.

— Все? — спросил Гэндальф. — И кольцо тоже? Ты согласился на это, вспомни (F.59).

В заключительной части этой многослойной эволюционирующей структуры Толкин описывает, как Гэндальф торопит Бильбо выполнить «обещанное», повторно подтверждая роль Гэндальфа в формировании плана: ведь обещание должно кому-то даваться. Раз Гэндальф знает о плане и возлагает на Бильбо ответственность за него, значит, ему и было дано обещание.

— Ну, ну, мой дорогой хоббит! — сказал Гэндальф. — Всю твою долгую жизнь мы были друзьями, и ты кое-чем мне обязан. Ну, давай же! Делай, как **обещал** — отдай кольцо! (F.60).

В некоторых переводах изменения текста привели к существенным сдвигам в характерах обоих — и Бильбо, и Гэндальфа. Основные различия заключаются в том, кто что знал и когда.

Бобьрь сократила всю первую главу до одного абзаца, вообще устранив Гэндальфа из этой картины. Ее версия гласит:

С помощью Кольца Бильбо прожил еще много лет; он мало им пользовался и не знал всей его силы, но ощущал на себе его влияние. Сам того не зная, он уже начал превращаться в призрак. Чувствуя, что с ним происходит что-то странное и неприятное (хотя он и не связывал этого с Кольцом), Бильбо решил покинуть родину и уйти странствовать. Так он и сделал; а свой дом и все свое имущество, включая Кольцо, он оставил своему молодому родичу и приемному сыну по имени Фродо (B.9).

Уманский восстановил первую главу.

Начальный элемент толкиновской структуры — план — стал жертвой двух обстоятельств. Во-первых, общей рекомендации преподавателей художественного слова повсеместно избегать повторов. Без сомнения, уже этого было достаточно, чтобы редактор предал забвению толкиновский *план*, троекратно повторенный в отрывке из 32 слов. Из всех переводчиков только Г&Г воспроизвели целиком последовательность толкиновских повторов.

Второй проблемой для *плана* стали пользующиеся дурной славой политические ассоциации, связанные с этим русским словом. Они напоминали о великих советских пятилетках — эпохе пламенных речей и кумачовых полотнищ, всесоюзных строек и номенклатурных кормушек, времени показного ударного труда и встречных сообязательств, набивших оскомину и настолько обыденных, что никого не удивляли, лозунгах: «Пятилетку — в четыре года!», «Выполним и перевыполним пятилетний план!». Пятилетние планы принимались при всенародном единогласном одобрении на съездах КПСС, а составлялись исходя исключительно из соображений престижа и количества — качество и потребительская ценность товаров в расчет не принимались. Соответственно, почти все переводчики, кроме Грузберга (Александровой), Уманского и Немировой, заменили толкиновский *план* на различные неудовлетворительные иностранные иносказания.

Хотя Грузберг и использует слово *план* в своем переводе первой части беседы между Бильбо и Гэндальфом, все же и он пропускает его дважды из трех раз, в том числе и в версии В. В версии Грузберг-А иносказание взамен первого употребления Толкином слова *план* ослабляет воздействие всей структуры. Грузберг-А начинает разговор не с той ноги, его Гэндальф выясняет у Бильбо, действительно ли он хочет уйти. Тот же самый подтекст подразумевается в вопросе толкиновского Гэндальфа, но сам вопрос у Толкина шире по смыслу. В обоих случаях Гэндальф знает, что Бильбо собирается уйти и выясняет, намерен ли Бильбо придерживаться своего плана. Разница состоит в том, что читатель Грузберга не знает о существовании плана до следующей реплики Гэндальфа, а читатель Толкина еще долго пребывает в неведении относительно того, что план Бильбо предполагает уход из Шира. Читатель Толкина остается заинтригованным, в то время как Грузберг уведомляет читателя о намерении Бильбо задолго до того, как это задумано у Толкина.

— Ты хочешь уйти?

— Да. Я задумал это давно, и теперь мой замысел окреп.

— Хорошо. Больше говорить не будем. Укрепляйся в своем плане, и так будет лучше и для тебя, и для всех нас (Грузберг-А).

В своей редакции грузбергского текста, вышедшей на CD-ROM, Александрова исправила несколько неточностей в этом диалоге. Хотя она и не смогла заставить себя использовать слово *план* три раза в одном отрывке, Александрова возвращает идею плана на ее законное место в первом вопросе, формулируя его так: «Так ты решил довести задуманное до конца?» Таким образом, она избегает политического подтекста плана, и восстанавливает недоговоренность формулировки Толкина. С незначительными стилистическими изменениями она сохраняет *план* там же, где и Грузберг.

— Так ты решил довести задуманное до конца?

— Да. Я давно решился и с тех пор не передумал.

— Отлично. Больше ни слова об этом: ни к чему. Не отступай от своего плана — *ни в чем* не отступай — и, надеюсь, все закончится хорошо и для тебя, и для всех нас.

Подобный подход использует и Немирова. Она начинает эпизод фразой: «Значит, ты действительно собираешься...», задерживая внимание читателя повисающим в воздухе вопросом, что же собирается делать Бильбо. Немирова использует *план* только один раз, что по существу аналогично версиям Грузберга/Александровой.

— Значит, ты действительно собираешься...

— Да. Я решился уже несколько месяцев назад и не передумал.

— Отлично! Тогда не стоит больше и говорить об этом. Держись только плана, не отступай ни в чем, и все обернется к лучшему и для тебя, и для нас всех (Н ХК.35).

Уманский начинает правильно — с двух повторов слова «план», но затем не просто выбрасывает третий повтор, а изменив к тому же порядок слов, серьезно искажает смысл.

— Следовательно, вы продолжаете настаивать на вашем плане?

— Да. Я пришел к этому решению много месяцев назад и не изменил его.

— Хорошо. Не будем больше говорить об этом. Держитесь вашего плана, — целиком вашего, заметьте, — и я надеюсь, что для вас — и для всех нас — все кончится к лучшему (У П.208).

Формулировка Уманского делает упор на слова «целиком **вашего**, заметьте» (то есть, никто другой к плану отношения не имеет) вместо «**весь** план целиком» (то есть не какую-то его часть). Если бы он просто убрал слово «вашего» заодно со словом «план», то такая конструкция сработала бы. Подробнее о варианте Уманского говорится дальше в данной главе, там, где разбирается, чей же это в действительности был план.

Подход Яхнина к вопросу о плане Бильбо чрезвычайно интересен и уникален. У Бильбо имеется план, но он и не подозревает, что Гэндальф знает о нем. Гэндальф Яхнина начинает беседу так: «У тебя прекрасный сад, Бильбо, — тихо проговорил Гэндальф. — Жалко, наверное, его покидать?» Бильбо поражен: «Покидать? А ты откуда знаешь?» Яхинский Гэндальф лишь усмехается в ответ (Я Хр.16–17). Такой перевод диалога полон скрытого смысла. Он устраняет Гэндальфа из процесса планирования отказа от Кольца, одновременно наделяя его ореолом всезнания и таинственности. Это полностью изменяет характер отношений между Гэндальфом и Бильбо, превращая их из друзей, пользующихся взаимным доверием и разделяющих тяжесть принятия сложного решения, в приятелей — маленького хоббита и настырного мага, любителя совать нос в чужие дела.

В этом эпизоде в переводе М&К Бильбо предстает обладателем гораздо более сильного характера, чем в оригинале. Такое различие очень резко контрастирует с замыслом Толкина: представить Гэндальфа как силу, побуждающую Бильбо оставить Кольцо Фродо. М&К изменяют соотношение силы характеров двух персонажей, что противоречит характеристике героев у Толкина и не соответствует оценке, данной профессором Н. А. Трауберг — российским специалистом по К. С. Льюису:

Важный, торжествующий, победивший не станет у них [Толкина и К. С. Льюиса] героем; смешной и негероический — станет. А главное — куда обращен взор, на себя или на других⁹⁴.

Если Гэндальф у Толкина спрашивает Бильбо, собирается ли тот выполнить свой план, то Гэндальф у М&К задает вопрос: «Значит, как сказал, так и сделаешь?» (М&К Х₁₉₈₂.14, Х₁₉₈₈.57). Сами по себе формулировки этих двух вопросов едва ли различаются, но следующие за ними ответы помещают их в контекст, делающий разницу ощутимой. У Толкина Бильбо отвечает, что «уже давно» решил осуществить свой план, но при этом добавляет, что пока еще не передумал («Да. Я решил уже давно, и пока

⁹⁴ Сказки старой Англии: Сборник / Составитель Т. Васильева — М.: Мастер, 1992. — (Венок сказок). — с. 208.

что не передумал» (F.49)). Благодаря этой реплике и само решение расценивается Толкином как все еще открытое для возможных изменений. Эта возможность изменить свое решение — отражение внутренней борьбы, которую переживает Бильбо, отказываясь от Кольца, и показатель важности свободы выбора в философии Толкина. В противоположность этому, М&К, используя в качестве трамплина вопрос «как сказал, так и сделаешь?», не оставляют сомнений в решимости Бильбо идти вперед: «Конечно. Я от своего слова никогда не отступаю!» (М&К X₁₉₈₂.14, X₁₉₈₈.57).

Этой формулировкой М&К ставят телегу впереди лошади. Они оголощают русского читателя известием, которое Толкин сообщает англоязычному гораздо позже и более тонко. В версии М&К [*честное*] слово Бильбо, от которого он никогда не отступает, однозначно подразумевает его обещание, о котором Толкин ничего не говорит на протяжении еще 11 страниц. Помещая обещание раньше — в этот диалог, М&К до неузнаваемости видоизменяют структуру *плана*, *согласия* и *обещания* и перерочивают вверх ногами характер Бильбо.

Волковский допускает такое же философское искажение, как и М&К. Его Гэндальф начинает беседу, спрашивая, не передумал ли Бильбо. Из чего становится ясно: Гэндальф знает, что именно Бильбо планирует сделать, но сам ответ Бильбо исполнен твердой решимости, и по существу исключает любую возможность изменения плана, устраняя все отражение внутренней борьбы Бильбо. Таким образом, Гэндальф оттесняется на периферию, в то время как Бильбо выходит на передний план в качестве силы, определяющей дальнейшее развитие событий.

— Выходит, ты не передумал?

— Нет. Да и с чего бы? Коли уж решил, надо действовать.

— Что ж, хватит об этом. Надеюсь, все пойдет так, как ты задумал, и сложится удачно для тебя и для всех нас (В ДК.44).

У Г&Г Гэндальф спрашивает Бильбо не о его плане, а о решении. «Значит, все-таки будешь делать, как решил?» (Г&Г БК.35). Различие между *планом* и *решением* очень небольшое, и по существу не изменяет воздействие на читателя. Его можно просто рассматривать как еще одно проявление нелюбви переводчиков к слову *план*. В то время, как другие переводчики избегали повторов, Г&Г даже переплонули Толкина, четырежды повторив однокоренные слова *решил/решился*, акцентируя внимание читателя и не давая ему возможность пропустить этот момент.

— Значит, все-таки будешь делать, как **решил**?

— **Решил**-то я давно, а вот **решился**, пожалуй, только сейчас.

— Ну и ладно. Раз **решил** — делай. Только уж делай, как задумал, глядишь, еще и обойдется все, и для тебя, и для других тоже (Г&Г БК.35, Г&Г₂₀₀₂.211).

Фраза Г&Г «а вот решился, пожалуй, только сейчас» изящно сохраняет указание Толкина на внутреннюю борьбу, переживаемую Бильбо при отказе от Кольца. Это выглядит как кульминация процесса, продолжавшегося длительное время.

У ВАМ формулировка основного вопроса в диалоге Гэндальфа и Бильбо является попыткой повлиять на чужое решение, с которым спрашивающий не согласен. Ее Гэндальф уточняет: «Все-таки стоишь на своем?». Он не задавал бы этот вопрос, если бы был согласен с решением. В своей версии диалога Толкин ясно дает понять, что Гэндальф принимал активное участие в создании плана, и прилагает максимум усилий для его выполнения. А вот Гэндальф у ВАМ все еще пробует влиять на решение, с которым он не согласен.

К&К умело перефразируют многослойную эволюционирующую структуру Толкина — *план, согласие и обещание* — в *замысел* (К&К СК.50), *уговор* (К&К СК.62) и *обещание* (К&К СК.64), но все же им не удается избежать некоторого многословия. Толкиновский «твой план» превращается в «свой давний замысел». Толкиновское «ты согласился на это» заменено на русскую поговорку «уговор дороже денег!» Толкиновское «делай, как обещал» преобразовано в совершенно не звучащую по-русски кальку английской поговорки «Обещание есть обещание».

В первой части диалога Гэндальф акцентирует внимание на выполнении всего плана целиком, таким образом, Толкин подчеркивает, что Бильбо свободен в выборе, выполнять ли вообще свой план и выполнять ли его полностью: «Выполняй свой план — весь план целиком — и, я надеюсь, все обернется к лучшему и для тебя, и для всех нас» (F.49). Это лишний раз подтверждает тот факт, что Бильбо все еще имеет свободу выбора в этом вопросе. Переводчики, которые устранили это замечание, устранили и всю возможность свободы выбора.

Грузберг-А целиком отказался от этой возможности, но в редакции на CD-ROM Александрова вернула ее назад. Вариант ВАМ «плана целиком» лучше, чем у Александровой, поскольку основан на использовании положительной конструкции, в то время как у Александровой — на отрицательной.

ВАМ: — Отлично. Значит, нечего и болтать. Делай, что задумал, — только учти, делай все до конца! — и, как мне кажется, всем будет лучше и тебе, и нам (ВАМ СК₂₀₀₃.230).

Александрова: — Отлично. Больше ни слова об этом: ни к чему. Не отступай от своего плана — ни в чем не отступай — и, надеюсь, все закончится хорошо и для тебя, и для всех нас.

Вариант Немировой вполне приемлем, толкование Волковского и Г&Г также допустимо, но все они, однако, проигрывают из-за того, что отказываются от толкиновского повтора слова *план*.

Бильбо Яхнина не имеет ничего, кроме свободы выбора, и явно не особенно сомневается в правильности своего решения. Он будет скучать по своему дому и саду, но полон решимости осуществить задуманный уход. Яхнинская версия диалога значительно более многословна, чем у Толкина, и открывает кое-что новое и интересное.

— У тебя прекрасный сад, Бильбо, — тихо проговорил Гэндальф. — Жалко, наверное, его покидать?

— Покидать? А ты откуда знаешь? — поразился хоббит.

Маг только усмехнулся.

— Да, — вздохнул Бильбо, — устал я. Мечтаю отдохнуть. Я очень люблю Хоббитанию, буду скучать по своему дому и саду, но решил и не отступлюсь.

— Тогда и говорить не о чем, — кивнул Гэндальф и загадочно добавил: — Может, это и к лучшему (Я Хр.16–17).

Источник для яхнинского приукрашивания диалога можно найти в оригинале, только десятью страницами дальше, в сцене прощания Бильбо и Гэндальфа (F.59). Подобное сжатие текста типично для пересказа Яхнина. *Согласие* и *обещание* также приносятся в жертву в результате сокращения им толкиновского повествования.

М&К полностью устраняют толкиновский акцент на «всем плане целиком». Если бы они его включили, возник бы повод заподозрить, что Бильбо не всегда до конца держит свое слово. В их версии Гэндальф отвечает: «Решил так решил — сделай все по-задуманному» (М&К Х₁₉₈₂.14; Х₁₉₈₈.57). Без дополнительного акцента, который в оригинале достигается при помощи повтора, не удастся достаточно ясно донести до читателя мысль о свободе выбора. По правде говоря, это не более, чем подсказка.

Хотя перевод К&К трех элементов многослойной структуры Толкина сохраняет ключевую роль Гэндальфа в выработке плана Бильбо, их версия совета Гэндальфа Бильбо выполнять «весь план целиком» унижает

Бильбо. Гэндальф у К&К говорит: «В таком случае выполняй свое решение — только смотри не струсь!» Обвинять Бильбо в недостатке храбрости ниже достоинства Гэндальфа. Он достаточно хорошо его для этого знает. Формулировка К&К имеет привкус школярской бравады вроде: «А слабо тебе?..».

Суть вопроса не в храбрости, а в силе воли. Формулировка Толкина сосредотачивает внимание читателя на свободе выбора у Бильбо. Бильбо согласен с планом, но может и передумать. Роль Гэндальфа — предложить Бильбо поддержку и одобрение мудрого советника, а не подбить его на дурацкую выходку, словно глупого мальчишку на детской площадке. Эта роль подтверждается в возобновившейся между ними беседе после эффектного исчезновения Бильбо, и Бильбо признает, что Гэндальфу «вероятно, как всегда, виднее» (F.58).

Перевод К&К строится на едва различимом философском искажении этой части беседы. Вместо слов: «Тебе <...> вероятно, как всегда, виднее» они заставляют Бильбо сказать: «Впрочем, ты, наверное, знал, что делаешь. Как и всегда» (К&К СК.61), что лишь слегка смещает акценты. Согласно К&К действия Гэндальфа хорошо продуманы, решения взвешены и напоминают о классическом английском определении джентльмена: тот, кто никогда никого не оскорбляет неумышленно. Бильбо у Толкина, однако, подчеркивает мудрость Гэндальфа по сравнению с другими, и в особенности с ним самим, и делает вывод, что Гэндальф мудрее. Несмотря на различные варианты формулировок, никто из остальных переводчиков, кроме, естественно, Яхнина и Бобырь, выбросивших эту фразу, не имел проблем с переводом «Тебе [Гэндальфу] <...> вероятно, как всегда, виднее» (F.58).

Грузбергу и Уманскому лучше других удалось сохранить две из трех составляющих толкиновского триптиха (*план, согласие, обещание*), что видно на примере грузберговской версии диалогов с *согласием* и *обещанием*.

— Я все оставляю ему, за исключением, конечно, нескольких мелочей. Надеюсь, он будет счастлив, когда привыкнет все это считать своим. С этого времени он сам себе хозяин.

— Все? — спросил Гэндалф — И кольцо? Вспомни, ты на это **согласился** (Гр ТК.56).

— Ну, ну, мой дорогой хоббит, — сказал Гэндалф. — Всю твою долгую жизнь мы были друзьями, и ты задолжал мне кое-что. Выполняй свое **обещание** — отдай кольцо! (Гр ТК.58).

Хотя Александрова слегка видоизменяет текст, ключевые элементы *соглашения* остаются на своих местах. Ее вариант *обещания* немного отличается, но это практически не влияет на смысл. Вместо «Делай, как обещал!» ее Гэндальф говорит: «Сдержи слово!» Небольшие стилистические изменения в ее формулировках делают текст изящнее.

— Ну, ну, мой дорогой хоббит, — сказал Гандальв. — Всю твою долгую жизнь мы дружили, и ты кое-чем мне обязан. Ну же! **Сдержи слово** — отдай кольцо!

У Уманского бывают порой удачные моменты, но в целом его текст весьма шероховат. Хотя те части диалога, которые относятся к *соглашению* и *обещанию*, переданы правильно, его перевод междометия *now, now* как *теперь же* никуда не годится. Грузберг поступил правильно. Уманскому тоже стоило бы сказать: *Ну, ну*.

— Оставляете все, вы говорите? — спросил Гандальф. — А как насчет кольца? Вы согласились расстаться с ним, помните? (У П.215)

— Теперь же, теперь же, мой дорогой коротыш! — сказал Гандальф. — Всю вашу долгую жизнь мы были друзьями, и вы кое-чем мне обязаны. Уходите! И сделайте, как обещали: оставьте эту вещь! (У П.216).

Немирова среднюю часть триптиха (*согласие*) полностью оставляет за бортом, зато выплывает на третьей (*обещание*). Ее Гэндальф указывает Бильбо, что это именно то, чего тот и хотел [«Ведь ты этого и хотел!»], вместо того, чтобы напомнить ему о согласии с планом (Н ХК. 44). Такая формулировка с одинаковым успехом может относиться как к решению, с которым Гэндальф не согласен, так и к «тому, чего ты и хотел, а теперь увидишь». В ее трактовке Гэндальф знает о решении, но неизвестно, принимал ли он какое-либо участие в его принятии. Когда для ее Гэндальфа наступает момент напомнить Бильбо об обещании, Немирова использует формулировку Грузберга (Н ХК. 45).

В своей версии, очень похожей на вариант Немировой, Г&Г также опускают *соглашение* между Бильбо и Гэндальфом, отстраняя Гэндальфа от принятия решения. Их Гэндальф напоминает Бильбо, что именно этого он и хотел [«Ты ведь так хотел?» (Г&Г БК.44, Г&Г₂₀₀₂.218)]. В переводах Г&Г и Немировой Бильбо наделяется намного более сильным характером, чем в оригинале. Г&Г неплохо интерпретируют *обещание* в продолжении беседы, но без опоры на многослойную эволюционирующую структуру *плана, согласия, обещания*, их усилия потрачены впустую (Г&Г БК.46, Г&Г₂₀₀₂.220).

Волковский также пропускает этап *согласия*. Его Бильбо и Гэндальф обсудили Кольцо, но не пришли ни к какому соглашению. Кроме этого по сравнению с Толкином, он изображает здесь Гэндальфа гораздо более грозным. Толкин приберегает это на финальный эпизод — *обещание*. Для читателя Волковского изменение в позиции Гэндальфа неоправданно из-за положительного отношения Бильбо к плану уже на первой стадии.

— *Все, говоришь, оставил?* — с нажимом спросил Гэндальф. — *И кольцо тоже? Помнишь, мы о том толковали?* (В ДК.55).

На третьей стадии Волковский наконец использует *обещание*, ради которого Толкин выстраивает всю свою структуру, но, поскольку Волковский опустил две первые ступени, это становится полной неожиданностью для его читателя.

— *А ну полегче, любезный хоббит,* — сказал Гэндальф. — *Как-никак, мы с тобой долго были друзьями, и ты мне кое-чем обязан. Так что выполняй-ка обещанное. Оставь кольцо!* (В ДК.56).

М&К также выбирают неверную тональность в части *согласия*. У них Гэндальф просто напоминает Бильбо, что именно так тот и решил. В результате Гэндальф снова устранен из процесса принятия решения. Он знает, что было решено, но не может заставить Бильбо сдержать слово.

— *Все оставил?* — спросил Гэндальф. — *И Кольцо тоже? У тебя ведь так было решено, помнишь?* (М&К X₁₉₈₂.20; X₁₉₈₈.65).

При таком развитии беседы русский читатель едва ли удивляется, когда Гэндальф у М&К приказывает Бильбо: «*Делай, как обещано*», раз уж М&К начали с [*честного*] слова вместо *плана*. Для англоязычного читателя *обещание* — кульминация многослойной эволюционирующей структуры Толкина: *план, согласие, обещание*, каждое из которых становится все более устойчивым. Для русского читателя, структура иная: [*честное*] слово, *план, обещание*. Это сдвигает акцент со свободы выбора Бильбо на вопрос, сдержит ли он свое слово.

— *Легче, легче, любезный хоббит!* — проговорил Гэндальф. — *Всю твою жизнь мы были друзьями, припомни-ка. Ну-ну! Делай, как обещано: выкладывай Кольцо!* (М&К X₁₉₈₂.21; X₁₉₈₈.67).

В этой части есть еще один маленький, но интересный камень преткновения для переводчиков — тонкий намек на воздействие Кольца на Бильбо, которое, как кажется, дарит ему «вечную молодость» (F.43). Гэндальф Толкина говорит: «*Всю твою долгую жизнь мы были друзьями*».

Трое переводчиков опустили этот намек. Двое (Бобырь и Яхнин) полностью исключили всю реплику. Грузберг, Александрова, Немирова, Уманский и ВАМ перевели ее правильно. У М&К Гэндальф говорит: «Всю твою жизнь мы были друзьями». У Г&Г и Волковского он заявляет: «Мы с тобой долго были друзьями», а у К&К настаивает: «Мы ведь с тобой не первый день знакомы». Эти утверждения абсолютно справедливы, но они не отвечают замыслу Толкина. Всего лишь одно слово, и большинство невнимательных читателей его даже не заметят, но переводчики, опускающие или изменяющие его, обедняют произведение Толкина и лишают его проработанности. Довольно странно, что именно те переводчики, чьи версии не получили широкую известность из-за недостаточных литературных достоинств, лучше всех справились с этой задачей.

Шутка Бильбо

Шутка — весьма серьезная вещь.

Чарльз Черчилль (1731–1764)

Призрак, книга III, строка 1386

На шутку Бильбо Толкин ссылается на протяжении всего эпизода, когда Бильбо сопротивляется, не желая расстаться с Кольцом.

— Но, во всяком случае, я собираюсь повеселиться в четверг и сыграть свою маленькую **шутку** (F.49).

— И испортить мою **шутку** (F.57).

— Это совсем испортило бы замечательную **шутку** (F.61).

Но вплоть до беседы Гэндальфа с Фродо (в конце главы) Толкин не использует свою конструкцию, основанную на повторах слова *joke* (*шутка*), чтобы подчеркнуть, насколько тяжело далось Бильбо это решение. Кульминационная сцена застает читателя врасплох.

— Я бы... вернее, до сегодняшнего вечера я надеялся, что это только **шутка**, — сказал Фродо. — Но в глубине души я знал, что он уйдет. Он всегда говорил **шутливо** о серьезных вещах. Приди я раньше, смог бы еще застать его (F.63).

Поскольку Бильбо всегда шутил, говоря о серьезных вещах, на первый взгляд, из разговора о шутке может показаться, что дело и впрямь пустячное, но это не так — вопрос на самом деле был слишком серьезным. Бильбо отказывался от Кольца и навсегда оставлял Шир.

Существует несколько превосходных переводов фразы Фродо о Бильбо, который «всегда говорил шутливо о серьезных вещах», но в эту бочку меда часто попадает ложка дегтя: потеря нарастающей напряженности при подходе к кульминации действия. Почти все переводчики включили *шутку* в первое звено этой цепи. Очевидным исключением стала Бобырь, которая сжала всю первую главу до одного абзаца. Однако не все переводчики смогли воспроизвести каждое из двух остальных звеньев. Второе звено отсутствует у Немировой и К&К, третье — у Грузберга, Уманского и М&К. В этих переводах потеря темпа нарастания напряжения ослабляет кульминацию.

Александрова несколько отступила от текста, когда готовила перевод Грузберга для публикации на CD-ROM. Она заменила *шутку*, которая бы-

ла у Грузберга, на *розыгрыш*. Хотя эта интерпретация и не нарушает логики повествования, она ломает связь между нарастанием напряжения и кульминационной фразой в беседе Фродо и Гэндальфа. В самой кульминации Александрова оставила *шутку*.

Грузберг и сам немного искажает текст по пути к кульминации, которая сама по себе передана превосходно. Второе звено в этой цепи — эпизод, когда Бильбо упрекает Гэндальфа за неожиданную вспышку, сопровождавшую его исчезновение. Хоббит считает, что это испортило ему шутку. В отличие от Толкина, Бильбо у Грузберга не упрекает Гэндальфа — разве что чуть-чуть, — и делает это иначе, нежели в оригинале. Замечание, которое в версии Грузберга Бильбо делает Гэндальфу — скорее одобрение, чем укор.

— Это еще улучшило мою шутку. Вы интересный старый хлопотун, — засмеялся Бильбо.

Александрова восстанавливает упрек, но ее использование *розыгрыша* вместо *шутки* лишь ухудшает общую картину.

— И испортить мой розыгрыш. Ах, несносный старик! — засмеялся Бильбо.

M&K пропустили третье звено в толкиновском нарастании напряжения и кульминации, которая в беседе Фродо и Гэндальфа призвана подчеркнуть трудность решения Бильбо. Одновременно с ослаблением воздействия кульминации на русского читателя, сама кульминация в их переводе теряет еще больше. В своей версии M&K используют наречие *всерьез*, которое сообщает читателю, как именно Бильбо шутил. В толкиновской формулировке это прилагательное *серьезный*. Бильбо «всегда говорил шутливо о серьезных вещах», и это объясняет, почему он продолжает настаивать на своей шутке во время разговора с Гэндальфом и с трудом принимает окончательное решение уйти. Это был один из тех серьезных вопросов, которые и имел в виду Фродо у Толкина, замечая, что Бильбо «всегда говорил шутливо о серьезных вещах». У M&K Фродо говорит: «Он всегда шутил всерьез» (M&K X₁₉₈₂.23, X₁₉₈₈.69). Перевод M&K — изящное литературное произведение, но все же это не совсем Толкин.

Версия кульминации у Уманского чрезвычайно интересна. В ней сохраняется повтор слова *шутка*. Образ, создаваемый описанием Уманского, заинтриговывает и запоминается, и его трактовка тщательно продуманной формулировки Толкина не уводит читателя в сторону от оригинала.

— Я хотел... вернее, я надеялся до нынешнего вечера, что все это было только шуткой, — сказал Фродо. — Но сердцем я чувствовал, что он действительно собирается уйти. Он всегда шуткой маскировал серьезные намерения. Мне жаль, что я не успел попроситься с ним (У П.218).

Хотя Яхнин сохранил первые два звена в цепи нарастания напряжения, но он упустил третье звено и саму кульминацию. В его трактовке беседа Фродо и Гэндальфа после ухода Бильбо принимает абсолютно иной оборот. Фродо у Яхнина ничего не говорит о шутке Бильбо; скорее, он искренне ему завидует. Гэндальф у Яхнина советует Фродо не переживать. «Может, и на твою долю выпадут далекие странствия и необыкновенные приключения» (Я Хр.25–26). Это предсказание, которого нет в оригинале, помогает Яхнину сократить рассказ, и уменьшить его глубину. В оригинале Фродо говорит, что, если бы мог, хотел бы отправиться в путешествие вместе с Бильбо, но Гэндальф не намекает на то, что это может произойти (F.69).

У Г&Г не было проблем с первыми тремя звеньями цепи нагнетания напряжения, вплоть до кульминации, но все они потерялись, поскольку сама кульминация целиком выброшена из заключительной беседы Фродо и Гэндальфа.

— Ушел? — спросил Фродо.

— Да, — ответил Гэндальф, — все-таки ушел.

— Я думал, ну, то есть надеялся до самого сегодняшнего вечера, что это только шутка, — вымолвил Фродо. — А в душе-то знал: уйдет он. Вот, хотел пораньше вернуться, застать его (Г&Г БК.48).

Дж. Р. Р. Т. (купюры **выделены**): — Ушел? — спросил Фродо.

— Да, — ответил Гэндальф, — он, наконец-то, ушел.

— Я бы... вернее, до сегодняшнего вечера я надеялся, что это только шутка, — сказал Фродо. — Но в глубине души я знал, что он уйдет. **Он всегда говорил шутливо о серьезных вещах.** Приди я пораньше, смог бы еще застать его (F.63).

Подобные купюры — основная неудача перевода Г&Г. Этот пропуск не был восстановлен и в исправленном издании, в которое были внесены другие существенные изменения (Г&Г БК₂₀₀₂.222).

Подходя к третьему звену цепи, Грузберг на секунду теряет нить повествования и перепрыгивает через две строки. Он пропускает шутку Бильбо, и вместе с ней ответ Гэндальфа. Между тем, в оригинале эти фразы подчеркивают роль Гэндальфа, который помогает Бильбо решиться отдать Кольцо.

— В конце концов я и прием устроил для этого же: чтобы раздать подарки и вместе с ними легче расстаться с кольцом. Это оказалось не так легко. Итак, кольцо вместе со всем остальным переходит к Фродо. — Он глубоко вздохнул. — А теперь я и в самом деле должен идти, иначе меня кто-нибудь увидит (Грузберг-В).

Дж. Р. Р. Т. (купюры **выделены**): — В конце концов, всю эту суматоху с приемом я и затеял ради этого — раздать побольше подарков, а заодно надеялся, что и с кольцом как-то легче будет расстаться. Но это оказалось не так-то просто сделать, **однако, было бы жаль, если бы все мои приготовления оказались напрасными. Это совсем испортило бы замечательную шутку.**

— **И впрямь, тогда пропал бы тот единственный смысл, какой я вообще вижу в твоей затее, — сказал Гэндальф.**

— Итак, кольцо переходит к Фродо вместе со всем остальным. — Он тяжело вздохнул.

— А теперь мне и в самом деле пора, иначе меня кто-нибудь застанет (F.61).

Такая ошибка нетипична для обычно очень внимательного к деталям Грузберга, но по его собственному признанию, если какой-то кусок оставался непонятен, он его просто опускал. Александрова восстанавливает две пропущенные строки и придерживается своего выбора: слова *розгрыши* в качестве перевода *joke*. Застырец внес в этот эпизод лишь небольшие стилистические изменения, но не восстановил саму *шутку* (Гр ТК.59).

У Уманского кульминация выполнена прекрасно, но остался еще больший пробел, чем у Грузберга. Он исключил весь абзац, где говорится о причине, по которой был устроен прием.

Некоторое время коротыш стоял в нерешительности, потом перевел дыхание. — Хорошо, — сказал он с усилием. — Я так и сделаю. — Затем пожал плечами и немного печально улыбнулся. — Дарить так дарить. Оно достанется Фродо вместе со всем прочим. — Бильбо глубоко вздохнул. — А теперь я действительно должен тронуться в путь, иначе кто-нибудь еще задержит меня (У П.217).

В остальном оставаясь верным толкиновскому приему — постепенно нарастанию напряжения к кульминации действия, — Волковский «оживляет» сцену, придавая ей зловецкий оттенок предсказания, который Толкин введет лишь значительно позже. В третье звено цепи Волковский лишней раз добавляет слово *шутка*, повторяя его в устрашающем предупреждении Гэндальфа. Это придает беседе значительно более серьезный

оттенков, чем рассчитывал сам Толкин, который подобрал для шутки Бильбо веселый контекст. Бильбо объясняет, что идея вечеринки заключалась в том, чтобы раздать побольше подарков, а с ними заодно расстаться и с Кольцом, поэтому, если он не оставит Кольцо Фродо, все усилия окажутся напрасными, и это «совсем испортило бы замечательную шутку». Гэндальф у Толкина отвечает: «И впрямь, тогда пропал бы тот единственный смысл, какой я вообще вижу в твоей затее» (F.61). Гэндальф у Волковского говорит другое: «Коли не решишься, так не только шутку испортишь, все прахом пойдет» (В ДК.57).

ВАМ также добавила лишнее повторение *шутки* к своему вполне приемлемому варианту нарастания напряжения и кульминации. Это происходит во втором звене цепи. В результате ее версия звучала несколько прямолинейнее, чем толкиновская. У Толкина Бильбо говорит Гэндальфу, что, вероятно, ему как всегда, виднее, на что Гэндальф отвечает: «Да — когда я вообще хоть что-нибудь знаю. Однако насчет этой твоей затеи у меня есть сомнения» (F.58). У ВАМ Гэндальф говорит: «Безусловно, — ответил маг. — Когда хоть что-то видно, то видней. Я еще не все понял, но не очень-то мне нравится твоя шутка» (ВАМ СК.47). Это один из характерных приемов ВАМ. Ее версия читается значительно легче, поскольку она делает явными многие скрытые намеки Толкина.

Переводы Грузберга и Немировой в основном следовали врачебной заповеди «не навреди», что и сделало их наиболее удовлетворительными с философской точки зрения, но оба страдают от недостатка изящно сформулированных фраз, необходимых для литературности. Награда за литературность достается М&К, Г&Г и К&К. М&К и Г&Г, однако, теряют очки из-за философских несоответствий оригиналу, а К&К из-за многословности. Уманскому просто недостает последовательности. В целом, перевод этого отрывка у К&К является лучшим.

Посвящаю перевод „Хоббита“ Алексею Побережнику,
вдохновителю этой работы и первому её читателю.
В. А. М.

Г Л А В А П Е Р В А Я

Н Е О Ж И Д А Н Н А Я В Е Ч Е Р И Н К А

В норе в склоне холма жил да был Хоббит. Бывают норы неуютные, грязные, мокрые, в которых полно червей и пахнет сыростью; бывают сухие, вырытые в песке, но голые, в них не на чем сидеть и нечего есть. Это же была настоящая хоббичья норка, а хоббичья нора означает прежде всего уют.

Дверь норы была совершенно круглая, как иллиминатор, крашенная в зеленый цвет, с блестящей желтой медной ручкой точно посередине. Длинный ход за дверью, напоминавший ^{шлюз} ~~штольню~~ ^{на 4-х поворотах} круглого сечения, очень удобен, совсем не закопчен, с деревянными панелями и плиточным полом, утепленным ковриками. Там были стулья из полированного дерева и множество вешалок и крючков для шляп и пальто — хоббит любил гостей. Ход ^э ~~штольня~~ ² ~~вился~~ довольно далеко, хоть и ² ~~был~~ не прямо в склон холма, который все в округе называли КРУЧА, и из него открывалось множество маленьких круглых дверок в обе стороны. Хоббиты не признавали верхних этажей: все спальни, ванны, чуланы, кладовые для продуктов (а их было много), гардеробные (у этого хоббита имелись целые комнаты специально для одежды), кухня, столовая — все были на одном этаже и выходили в один коридор. Лучшие

Глава IV

«ОСТАВЬ НАДЕЖДУ...»

Оставь надежду, всяк сюда входящий.

Данте Алигьери (1265–1321)

Ад, песнь третья.

Надежда — ключевое понятие христианства — играет ведущую роль в толкиновском повествовании. Это основополагающий структурный элемент его мировоззрения. «Я — христианин (что можно вывести из моих историй)», писал Толкин в одном из писем читателю (L.288). Вся миссия Фродо основана на надежде. Толкин ясно указывает на это в восьмой главе второй книги «Братства Кольца», где в беседе с Гимли Галадриэль говорит:

Я не предсказываю, ибо любое предсказание теперь тщетно: по одну сторону лежит тьма, по другую — лишь надежда. Но если надежда не обманет, то я скажу вам, Гимли, сын Глоина, пусть по рукам вашим будет струиться золото, но золото не будет над вами властно (F.487).

Однако не все переводчики, похоже, осознали это и у многих из них возникли проблемы с переводом слова *надежда*. Изменения, которые они вносили в те эпизоды, где речь идет о *надежде*, коренным образом изменили восприятие философии Толкина русскими читателями. У М&К Галадриэль, оставляет всякую надежду:

— Я ничего не хочу предрекать, ибо на Средиземье надвигается Тьма и мы не знаем, что ждет нас в будущем. Но если Тьме суждено развеяться, ты сумеешь добыть немало золота — однако не станешь его рабом (М&К X₁₉₈₂.300, X₁₉₈₈.463).

Мало того, что в версии М&К вообще нет дважды повторенного в оригинале слова *надежда*, использование слова *суждено* в толкиновской конструкции «если... то» придает их взгляду на будущее оттенок фатализма. М&К

придерживаются этой точки зрения повсеместно в тексте, что является одной из причин, обуславливающих типично русский характер их версии повествования.

Бобырь в своем сокращенном пересказе также полностью отказывается от *надежды*, оставляя исключительно пожелание богатства и золота.

— Пусть ваши руки струятся золотом, — сказала она, — и пусть над вами золото не имеет власти (Б.121; У П.444).

Несмотря на то, что эта трактовка сохраняет толкиновскую фразу об искуплении вины гномов, поддавшихся злой власти золота, полное отсутствие в ней *надежды* значительно обедняет идейное содержание предсказания Галадриэли. В своей версии Яхнин отказывается и от *надежды*, и от искупления вины гномов (Я Хр.303).

Все остальные переводчики сохранили *надежду* на своем месте в пожелании Галадриэли Гимли, но не все сделали это одинаково изящно. Грузберг привлек мое внимание близостью к оригиналу.

— Я не предсказываю, потому что любые предсказания теперь напрасны; на одной ладони лежит Тьма, на другой — лишь надежда. Но если надежда не обманет, то я скажу вам, Гимли, сын Глойна: что ваши руки наполнятся золотом, но золото не будет иметь над вами власти (Грузберг-В).

Немирова дважды повторяет *надежду*, но ее перевод не достигает желаемой цели, поскольку выбранный ею вариант для слова *vain* (*тщетно*) содержит в себе корень слова *надежда*. Она говорит, что «предсказания ненадежны», создавая в результате неудачную тавтологию, которая сводит на нет эффект хорошо сформулированного продолжения фразы.

— Я не стану пророчествовать, предсказания ныне ненадежны, ибо с одной стороны у нас тьма, а с другой — только надежда. Но если надежда не подведет <...> (Н ХК.441).

У Немировой конструкция «если... то» употребляется вполне изящно, чего нельзя сказать об остальных переводчиках.

В версии ВАМ *надежда* присутствует, но из-за способа, при помощи которого она выстраивает конструкцию «если... то», все же создается оттенок восприятия, аналогичный переводу М&К.

— <...> с одной стороны на нас надвигается Тьма, а с другой — мы вооружены только надеждой. Но если надежде суждено сбыться <...> (ВАМ СК.430).

Ее перевод конструкции «если... то», точно так же как и у М&К, базируется на вариации слова *судьба* — *суждено*.

Волковский следует за ВАМ. Его версия начинается относительно неплохо, но по существу использует тот же самый вариант конструкции «если... то», что ВАМ и М&К. Он говорит: «если нашим надеждам суждено оправдаться» (В ДК.519).

К&К лучше всех переводят конструкцию «если... то», но к сожалению, допускают философскую неточность, добавляя к *надежде* определение *единственная*.

— <...> по одну сторону — тьма, по другую — единственная надежда. Но если надежда наша оправдается <...> (К&К СК.552).

Их сужение смысла с *лишь надежды* до *единственной надежды* поддерживается сюжетной линией. Уничтожение Кольца — единственная надежда на успех. Однако внесенное изменение конкретизирует надежду, выкрадывая из высказывания Галадриэли универсальность, снижая его уровень с философского утверждения до простой констатации факта. У остальных переводчиков, сохранивших *надежду*, не возникло проблем с формулировкой этой части конструкции.

В отличие от многих других переводчиков, вместо стандартного словарного перевода⁹⁵ словосочетания *on the one hand... on the other hand* Г&Г используют чрезвычайно изящную, хотя и несколько многословную формулировку, которая вызывает в памяти образ весов правосудия, определяющих торжество добра или зла.

— Я не предсказываю, — молвила она, — ибо напрасны предсказания в наши дни, когда на одной чаше весов лежит Тьма, а на другой — лишь надежда. Но если наша надежда не обманчива, я скажу тебе, Гимли, сын Глоинна: золото будет само течь тебе в руки, но над сердцем твоим власти не будет иметь никогда (Г&Г БК.444).

Ранее в повествовании надежда тоже появляется, хотя на первый взгляд лишь мельком, в разговоре между Гэндальфом и Бильбо об откازه от Кольца. Там Гэндальф говорит: «Выполняй свой план — весь план целиком — и, я надеюсь, все обернется к лучшему и для тебя, и для всех нас» (F.49). Гэндальф, подобно Галадриэли, не может предсказывать результат их действий. Он может лишь надеяться, что они совершают правильный выбор.

Только К&К, Александра и Волковский использовали слово *надежда* в этом диалоге Гэндальфа с Бильбо. Исчезнувшая из ответа Гэндальфа

⁹⁵ Гальперин, с. 627.

надежда ослабляет толкиновскую многослойную структуру данного понятия и изменяет философскую перспективу повествования. Из-за того, что слово *надежда* здесь опущено, роль ее снижена, а Гэндальф кажется более уверенным в себе, чем это есть на самом деле.

У Грузберга Гэндальф вполне уверен в результате. Он говорит: «это **будет** к лучшему для тебя и для всех нас». В книжной версии сделаны небольшие стилистические изменения, но они по-прежнему столь же «безнадежны» (Гр ТК.46). Александрова проясняет этот абзац и возвращает *надежду* на ее законное место. Ее Гэндальф говорит: «и, надеюсь, все закончится хорошо и для тебя, и для всех нас». Гэндальф у Немировой высказывается примерно так же: «и все обернется к лучшему и для тебя, и для всех нас» (Н ХК.35).

У М&К Гэндальф одновременно и уверен, и не уверен в себе. Он говорит: «тебе же будет лучше, а может, и не только тебе» (М&К Х₁₉₈₂.14; Х₁₉₈₈.57). Это подразумевает, что Гэндальф в силах точно предсказать будущее Бильбо, но он не способен столь же ясно видеть и будущее остальных. Результат — в переводе возникает логическая нестыковка, которой, конечно же, нет у Толкина. Кроме того, в варианте М&К есть еще одно тонкое отличие. Оно касается вопроса, на кого повлияет решение Бильбо. Формулировка М&К «а может, и не только тебе» может подразумевать одного человека (или хоббита), а может, десять или тысячу. Она не настолько всеобъемлющая, как определение Толкина: кого затронут возможные перемены? — «всех нас». Толкиновская формулировка связывает не только судьбу Гэндальфа с действием, которое может предпринять или не предпринять Бильбо. До некоторой степени, с этим связана и судьба читателя, потому что подсознательно читатель стремится ощутить свою сопричастность любой группе, определяемой словом *мы*.

Г&Г присоединились к М&К, заменив слово *нас* на слово *других*, и обошли *надежду* выражением, типичным для беседы взрослого с ребенком, которого он пытается в чем-то убедить: «глядишь, еще и обойдется все».

— Только уж делай, как задумал, глядишь, еще и обойдется все, и для тебя, и для других тоже (Г&Г БК.35).

В своем переводе ВАМ также отказывается от *надежды*, но формулировкой «как мне кажется» передает ощущение неуверенности в результате действий Бильбо:

— Делай, что задумал, — только учти, делай все до конца! — и, как мне кажется, всем будет лучше и тебе, и нам (ВАМ СК.39).

Ее описание той группы, на которую повлияет решение Бильбо намного лучше, чем у М&К и Г&Г.

Фраза Яхнина туманна, и он отказывается одновременно и от надежды, и в целом от комментария о том, на кого повлияет решение Бильбо. Его Гэндальф «загадочно добавил: — Может, это и к лучшему» (Я Хр.17).

В эпизоде с советом Эльронда Толкин возводит решение отказаться от Кольца на более высокий уровень. Это уже не просто попытка отдельно взятого хоббита отказаться от Кольца, это борьба всего Средиземья. Спор между Гэндальфом и Эрестором — ключ к пониманию взглядов Толкина на *надежду* и *предсказание*. Эрестор называет план уничтожения Кольца «дорогой отчаяния. Или безумия, сказал бы я, если бы меня не удерживала глубокая мудрость Эльронда». Отвечая Эрестору, Гэндальф опровергает логическую посылку его аргументов.

— Отчаяние или безумие? — сказал Гэндальф. — Это не отчаяние — лишь тот отчаивается, кто видит неизбежный конец за пределами всех сомнений. К нам это не относится. Мудрость заключается в том, чтобы признать необходимость, когда взвешены все другие пути, хотя тем, кто лелеет ложную надежду, эта мудрость может показаться безумием <...> (F.352).

Использование *отчаяния* в качестве противоположного полюса *надежды* превращает этот спор в религиозный диспут, поскольку в таком контексте *надежда* и *отчаяние* являются антонимами. В словарной статье «Надежда» «Энциклопедия религии» определяет ее как оборотную сторону отчаяния, и сообщает, что отчаяние возникает там, «где все возможности, кажется, уже исчерпань»⁹⁶.

Утверждение Гэндальфа, что они не видят неизбежного конца за пределами всех сомнений, находит отражение во взглядах Галадриэли на предсказание: «любое предсказание теперь тщетно». Мир меняется: «по одну сторону лежит тьма, по другую — лишь надежда» (F.487). Отвергая *ложную надежду* тех, кто рассчитывал использовать Кольцо, Гэндальф подразумевает существование надежды истинной. Согласно религиозным доводам, надежда обречена на провал, когда становится чрезмерной и переходит в разряд вожделения. Толкин видит, что именно это быстро произошло бы и с Кольцом, и поэтому участники спора не могут надеяться управлять его мощью.

К&К, переводя фразу «видит неизбежный конец за пределами всех сомнений», оказываются по другую сторону философского смещения. У них Гэндальф возражает на аргумент Эрестора:

⁹⁶ *The Encyclopedia of Religion*, Mircea Eliade (ed.), New York: Macmillan, 1987, vol. 6, p. 461.

— Так безнадежность или безумие? — переспросил Гэндальф. —
О безнадежности речи нет: отчаиваются и теряют надежду только
те, чей конец уже предрешен. А наш — нет (К&К СК.403).

Философское смещение, разделяющее К&К и Толкина — это различие между предопределением и предвидением. Толкин не отклоняет полностью возможность предсказания. Утверждение Галадриэли: «любое предсказание **теперь** тщетно» подразумевает, что в другое время предсказание возможно и полезно. Толкин еще раньше, в беседе между Галадриэлью и Фродо, утверждает это недвусмысленно. Там Галадриэль говорит: «Я не стану вам советовать, говорить, поступайте так или иначе. Не в деяниях или замыслах, не в выборе того или иного пути могу я быть полезна, но лишь в знании прошлого и настоящего и отчасти будущего тоже» (F.462).

Гэндальф также не отвергает полностью способность прогнозировать возможный исход событий, а только степень уверенности, с которой члены Совета могут рассчитывать на результат предвидения. «Это не отчаяние — лишь тот отчаивается, кто видит неизбежный конец **за пределами всех сомнений**. К нам это не относится» (F.352). Именно предопределение является «концом за пределами всех сомнений», но не о нем говорит Толкин. Для него будущее может изменяться в зависимости от сделанного ими выбора.

Для Гэндальфа Толкина предстоящее решение — это интеллектуальная задача, решать которую нужно, опираясь на мудрость, а не полагаясь на судьбу: «Мудрость заключается в том, чтобы признать необходимость, когда взвешены все другие пути, хотя тем, кто лелеет ложную надежду, эта мудрость может показаться безумием» (F.352). К&К начинают свою версию этой строки с несколько переделанной формулировки в духе Сократа, которая дает определение истинной мудрости, зато *необходимость* в их интерпретации остается не у дел.

— В чем истинная мудрость? В том, чтобы, взвесив все возможные пути, выбрать среди них единственный. Может быть, тем, кто тешит себя ложными надеждами, это и впрямь покажется безумием (К&К СК.403).

В их версии приукрашивание определения *мудрости* состоит не только в добавлении слова *истинная*, которое является «заряженным» словом в любом русском философском споре, но и в сопровождающем текст странном комментарии, который подкрепляется использованием предрешенности в словах Гэндальфа строчкой выше в диалоге: «те, чей конец уже предрешен». К&К трактуют *истинную мудрость* как синоним теории

«северного мужества», которую Толкин развивает в «Чудовищах и Критиках»⁹⁷. Как пишут К&К, «необходимо бороться до конца, даже если на победу рассчитывать не приходится, бороться, зная, что высшие силы сражаются на твоей стороне и тоже могут в конечном итоге потерпеть поражение <...>» (К&К СК.685).

Интерпретируя «истинную мудрость» в примечании, К&К подкрепляют свои слова двумя цитатами из толкиновского эссе, где тот говорит, что автор «Беовульфа» «и его слушатели мыслили себя обитателями *eorthern-grund*, великого материка, окаймленного *garzeag* — безбрежным морем, под недостижимой крышей небес; и вот на этой-то земле, в небольшом круге света, окружавшем их жилища, мужественные люди... вступают в битву с враждебным миром и исчадиями тьмы, в битву, которая для всех, даже королей и героев, кончается поражением. То, что эта „география“, когда-то считавшаяся материальным фактом, теперь может классифицироваться лишь как обыкновенная сказка, ничуть не умаляет ее ценности. Она превосходит астрономию. Да и астрономия не очень-то способствовала тому, чтобы этот остров стал казаться более безопасным, а внешнее море — менее устрашающим и величественным» (ЧиК, с.18). И далее: «северное мужество — особая теория мужества, которая является великим вкладом ранней северной литературы в мировую... Я имею в виду ту центральную позицию, какую всегда занимала на Севере вера в непреклонную волю». «Северные боги, — цитирует далее Толкин одного исследователя, — похожи... более на Титанов, чем на Олимпийцев; правда, в отличие от Титанов, они сражаются на правой стороне, хотя эта сторона и не побеждает. Побеждают Хаос и Иррациональное... Но и побеждаемые, боги не считают поражение свидетельством своей неправоты». В этой войне люди — избранные союзники богов, и если они герои, то они могут иметь свою долю в этом «абсолютном сопротивлении, совершенном, ибо безнадежном» (ЧиК, с.20).

Ключевое отличие философии «Беовульфа» от ВК заключается в последнем слове этой толкиновской цитаты в изложении К&К: это слово *надежда*. В «Беовульфе» представлено то, что Толкин называет «старая догма, отчаяние по поводу события в сочетании с верой в ценность обреченного сопротивления»⁹⁸. Победа христианства над язычеством вытеснила рок в качестве независимой или высшей силы мироздания и утвердила вместо этого надежду. Толкиновский Гэндальф отвергает отчаяние —

⁹⁷ J.R.R. Tolkien, *The Monsters and The Critics and Other Essays*, Christopher Tolkien (ed.), Boston: Houghton Mifflin, 1984.

⁹⁸ Чудовища и критики, с. 23.

прислужника рока — и избирает надежду. «— Это не отчаяние — лишь тот отчаивается, кто видит неизбежный конец за пределами всех сомнений. К нам это не относится. Мудрость заключается в том, чтобы признать необходимость, когда взвешены все другие пути, хотя тем, кто лелеет ложную надежду, эта мудрость может показаться безумием» (F.352). У Гэндальфа есть надежда, но не ложная надежда на возможность использования Кольца, нет, это надежда Галадриэли на то, что они смогут преодолеть Тьму («по одну сторону лежит тьма, по другую — лишь надежда») (F.487). Надежда Эльронда в том, что они смогут победить, если выберут «трудный путь, путь непредсказуемый» (F.350). К&К вычитывают в ВК чересчур много от «старой догмы» «Беовульфа», где предопределение является данностью — в виде Рагнарёка.

М&К предлагают, по существу, ту же самую — чисто русскую — интерпретацию спора. В своих крайне многословных аргументах Эрестор у М&К также ничуть не сомневается в том, каков финал предложенного Гэндальфом пути — всеобщее поражение.

— Элронд мудр, мы все это знаем, и единственную дорогу, ведущую к победе, никто не назовет дорогой безрассудства... но вместе с тем она неодолима, и нас неминуемо ждет поражение (М&К X₁₉₈₂.201, X₁₉₈₈.333).

И это также философия Рагнарёка, которая обрекает богов на неминуемое поражение в битве с воинством зла, после которой мир будет обновлен. Толкин вовсе не говорит о неминуемом поражении, и это то самое главное отличие от философии северных преданий, которую Толкин, несомненно, использовал в своей эпопее, но переосмыслил и привел в соответствие со своим замыслом.

Текст М&К в целом более фаталистичен и мрачен, чем у Толкина. В восьмой главе четвертой книги («Лестницы Крит Унгол»), например, рассказчик описывает, как Фродо, Сэм и Голлум «думали, что это их последняя трапеза перед спуском в Неназываемую землю, и возможно, вообще последняя совместная трапеза» (Г.406). Все остальные переводчики точно уловили суть идеи, что это «возможно, вообще последняя совместная трапеза», и только М&К придали иной оборот этой фразе: «может, и последнюю [трапезу] в жизни» (М&К ДТ.378).

Ответ толкиновского Гэндальфа Эрестору отвергает предопределенность Рагнарёка. Логика его аргументов основана на неспособности участников спора ясно предвидеть будущее — и при этом на надежде. Они сопровождаются утверждением, которое ненавязчиво повторяет изрече-

ние Энгельса о том, что свобода — это осознанная необходимость, изречение, безусловно, знакомое образованным советским читателям, таким как М&К, для которых изучение марксизма-ленинизма являлось обязательным. «Мудрость заключается в том, чтобы признать необходимость, когда взвешены все другие пути» (F.352).

У М&К Гэндальф вместо этого отвечает Эрестору аргументами в терминах *храбрости* и *мужества*:

— Поражение неминуемо ждет лишь того, кто отчаялся заранее,— возразил Гэндальф... — Признать неизбежность опасного пути, когда все другие дороги отрезаны,— это и есть истинная мудрость (М&К X_{1982.201}, X_{1988.333}).

Для Гэндальфа М&К иного выбора не существует. Он между молотом и наковальней. Таким же был выбор у бойцов русских штрафных батальонов (штрафбатов) времен Второй мировой войны. Их посылали в атаку на хорошо укрепленные немецкие позиции, где вероятность гибели была предельно высока, и альтернативой этому мог быть только расстрел на месте. Для них выбор ограничивался по определению. Перед Гэндальфом Толкина стоит совсем иной выбор. Он сам определяет проблему и стремится опередить противника. Гэндальф у М&К принимает тяжесть положения как данность и реагирует соответствующим образом. У М&К Гэндальф — фаталист. Другого выбора нет, поэтому нам следует храбро действовать, как велит судьба. Гэндальф Толкина верит, что у него есть возможность своими действиями влиять на ход событий. Философская дистанция между ними предельно широка.

Волковский своей многословной формулировкой этого отрывка составил компанию М&К, он тоже определяет проблему в терминах *победы* и *поражения*. Использование в эпизоде военной терминологии переводит жанр в разряд приключенческого — роман меча и магии — чего сам Толкин здесь как раз тщательно избегал. Текст Волковского для русского читателя отдает привкусом литературы Второй мировой войны.

— Путь в Мордор — это тропа отчаяния! Да что там, лишь ведомая всем мудрость Элронда не позволяет мне сказать — тропа безумия!

— По-твоему выходит — отчаяние или безумие? — возвысил голос Гэндальф. — Но так ли это? Отчаяние — удел тех, кто уже потерпел поражение или не видит возможности победы. Но мы не побеждены, и знаем, что нам следует делать. Рассмотреть все возможности и выбрать из них единственно осуществимую, сколь бы ни была она опасна, — не безумие, а мудрость. Безумным такое решение

может показаться лишь тем, кто обольщается ложными надеждами (В ДК.374).

Дж. Р. Р. Т.: — Это дорога отчаяния. Или безумия, сказал бы я, если бы меня не удерживала глубокая мудрость Эльронда.

— Отчаяние или безумие? — сказал Гэндальф. — Это не отчаяние — лишь тот отчаивается, кто видит неизбежный конец за пределами всех сомнений. К нам это не относится. Мудрость заключается в том, чтобы признать необходимость, когда взвешены все другие пути, хотя тем, кто лелеет ложную надежду, эта мудрость может показаться безумием (F.352).

Несмотря на его воинственный тон в этом эпизоде, трактовка *надежды* у Волковского по сути верна.

Яхнин аналогично придает сцене военный колорит, но полностью устраняет Эрестора, *отчаяние*, *безумие* и *надежду* из своей переработки выступления Гэндальфа на совете.

— Не знаю, что случится с миром в далеком будущем, — медленно проговорил он, — но мы, живущие сегодня, должны избавить Средиземье от угрозы замогильного Мрака и всепоглощающей Тьмы. Да, дорога в Мордор смертельно опасна, и все же это единственный путь к победе (Я Хр.205).

Яхнин рисует эту сцену с леденящим душу мастерством, демонстрируя свой талант рассказчика, но при этом от философской аргументации Толкина практически ничего не остается.

Лучше всех, с точки зрения передачи смысла, спор между Гэндальфом и Эрестором перевел Грузберг. У него нет ни одного из перечисленных выше философских отклонений, хотя литературный стиль оставляет желать лучшего.

— Это путь отчаяния. Или безумия, сказал бы я, если бы не мудрость Эльронда.

— Отчаяние или безумие? — спросил Гандалв. — Это не отчаяние: отчаиваются лишь те, кто видит свой неизбежный конец. Мы не отчаиваемся. Мудрость заключается в том, чтобы признать необходимость, когда взвешены все другие пути. Хотя тем, кто лелеет живую надежду, эта мудрость может показаться безумием.

В версию Грузберга на CD-ROM, отредактированную Александровой и в изданную книгу под редакцией Аркадия Застырца (Гр ТК.358) внесены лишь небольшие стилистические изменения, которые не затрагивали смысла.

Немирова блеснула изяществом перевода этого эпизода, который от ее приукрашивания почти не пострадал.

— Этот замысел отчаянный, я даже назвал бы его безумным, если бы не помнил о копившейся веками мудрости Элронда!

— Отчаянный, безумный? — повторил Гэндальф. — Нет, об отчаянии стоит говорить, лишь когда приходит несомненный конец всему. Но этого пока не случилось. Мудрость заключается в том, чтобы распознать необходимое, когда все прочие средства отпали, сколь безумно ни выглядело бы оно в глазах тех, кто тешится ложными надеждами (Н ХК.316).

Версия Г&Г представляет собой несколько многословный пересказ, но и она очень близка к философской идее Толкина.

— Первый же шаг к Ородруину — шаг отчаяния. Я бы даже осмелился назвать это глупостью, и только известная всем мудрость правителя Элронда останавливает меня.

— Значит, ты считаешь — отчаяние или глупость? — усмехнулся Гэндальф. — Но отчаяние существует для того, кто увидел несомненный крах своих устремлений. Где он? Мы взвесили все пути, мы увидели всего лишь несомненную необходимость одного из них и выбираем его — это мудрость. Глупостью она может показаться обольщающемуся ложными надеждами (Г&Г БК.321).

Вариант Бобьрь, несмотря на лаконичность, верен в том, что касается предопределения и способности предвидеть будущее. Главная ошибка ее перевода — пропуск *надежды*, что превращает версию Бобьрь из философской беседы с религиозным подтекстом в приключенческий рассказ, который мог бы быть приемлем для советских цензоров.

— Мне кажется, это путь отчаяния; я сказал бы даже — безумия, если бы мудрость Элронда не останавливала меня.

— Отчаяния? — повторил Гандальф. — Отчаяние — это удел тех, кто видит впереди несомненную гибель. Мы ее не видим. Когда все возможности взвешены, то примирение с необходимостью — это мудрость, хотя со стороны оно может показаться безумием (Б.62).

Уманский восстановил опущенную у Бобьрь *надежду*.

— Это путь отчаяния. Я сказал бы — путь безумия, если бы глубокая мудрость Элронда не удерживала меня.

— Отчаяния или безумия? — сказал Гандальф. — Это [не]⁹⁹ отчаяние, потому что отчаиваются только те, кто види[т за] всеми трудностями лишь печальный конец. Мудро — сог[лаша]ться с необходимостью, когда все другие возможности [уже] взвешены, хотя это и может показаться безумным тем, [кто] цепляется за ложную надежду (У П.391).

Несмотря на семантические промахи, формулировка БобырЬ была значительно изящнее.

Несмотря на то, что у ВАМ в переводе беседы Гэндальфа с Бильбо *надежда* отсутствует, она лишний раз неожиданно появляется в версии спора Гэндальфа с Эрестором. Даже при том, что перевод спора, возможно, несколько вольный, он, однако, достаточно хорошо передает суть, а добавление *надежды* в начале усиливает повторное появление *надежды* в конце, способствуя концентрации внимания читателя на важности *надежды*.

— Это путь без **надежды**. Если бы меня не сдерживала вера в мудрость Элронда, я бы сказал, что это отчаянное безрассудство!

— Отчаяние или безрассудство? — сказал Гэндальф. — Это не отчаяние, ибо отчаиваются те, кто видит поражение и неизбежный конец. Мы его пока не видим. Понимание неизбежности риска, когда рассмотрены все возможные пути, — есть проявление мудрости. Безрассудством это может показаться тем, кто тешит себя ложными **надеждами** (ВАМ СК.308–309).

Ее добавление к *неизбежности* слова *риск* («неизбежности риска») также вполне согласуется с общей линией повествования, прямо выражая то, что Толкин лишь подразумевал, и делая текст более доступным для восприятия русскими читателями.

Намеки Толкина на то, что теория «северного мужества» по-прежнему является частью мировоззрения гномов, присутствуют в диалоге Эльронда с посланником короля гномов Даина II на Совете. Эльронд говорит:

Сегодня вы услышите достаточно, чтобы понять цели Врага. Вам не остается иного выбора, кроме как сопротивляться — с надеждой или без нее. Но вы не одиноки (F.317).

Сопротивление без надежды — это и есть теория «северного мужества», которая имеет с гномами общую литературную родословную. Большинство имен толкиновских гномов — включая *Даина* — заимствованы из «Старшей

⁹⁹ В этом месте край страницы оторван. Слова и буквы, которые, вероятнее всего, были на утерянной части, взяты в квадратные скобки.

Эдды» и «Младшей Эдды». Однако это не исключительно северная философия, но в равной мере и любая иная дохристианская. В «Илиаде» (написанной приблизительно за 800 лет до н.э.) говорится: «Одну они силу черпают из чаяния, и из отчаяния» («Like strength is felt from hope and from despair.»)¹⁰⁰. Напротив, Гёте (1749–1832), стоящий по другую сторону языческо-христианского рубежа, писал: «Во всех случаях лучше надеяться, чем отчаиваться». Толкиновское противопоставление «с надеждой или без нее», подчеркивает отличие языческой теории «северного мужества» от христианской надежды, которую Толкин и стремился выразить.

Бобьрь полностью отказывается от *надежды*, выкрадывая из утверждения Эльронда всякий философский смысл.

— Вы можете только защищаться — больше ничего (Б.55; У II.369).

Уманский ничего не исправил в этом отрывке.

Яхнин избегает любого философского намека, целиком устраняя этот отрывок.

Грузберг (Александрова и Застырец), ВАМ и Г&Г верно передали идейное содержание фразы «сопротивляться — с надеждой или без нее», в то время как другие переводчики заложили в формулу новые идеи. Лучшей является версия Грузберга, поскольку она наиболее точна.

— Вам ничего не остается делать, кроме как сопротивляться — с надеждой на победу или без нее (Гр ТК.322).

Версия Г&Г несколько излишне велеречива, но при этом почти не меняет заложенной в текст философии Толкина.

— Но выхода нет, и не только у гномов. С надеждой или без нее, вам придется противостоять Темной Стране (Г&Г БК.289).

А вот многословное перефразирование у ВАМ ведет к философскому искажению. Ее Эльронд говорил гному:

— Единственное, что вы сможете сделать, — это сопротивляться до последнего, пока есть надежда, и даже если ее не станет (ВАМ СК₁₉₉₀.275, СК₂₀₀₃.428).

¹⁰⁰ Английская цитата приводится в вольном переводе Поупа (1715), песнь xv, 852 строка. В русском переводе Н. Гнедича ей приблизительно соответствует строка «Нынче сожжем корабли и побьем героев ахейских» (Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. — М.: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1960. — с. 249). — *Прим. перев.*

В версии ВАМ отправная точка — это надежда, и сопротивление должно продолжаться, даже когда надежда пропадет. Эльронд у Толкина, с другой стороны, предлагает две возможные отправные точки: сопротивление, основанное на надежде и обреченное сопротивление без надежды, то есть теория «северного мужества».

Другие переводчики отказываются от противопоставления «с надеждой или без нее», что делает утверждение Эльронда однобоким. Эльронд у Немировой намекает на противопоставление, но этому намеку недостает убедительности утверждения у Толкина:

— Вам остается только сопротивляться — пусть даже без всякой надежды (Н ХК.282).

К&К следуют той же самой линии рассуждений. Их Эльронд говорит, что имеющаяся у гномов надежда слаба. Возможно, так оно и есть, но при этом устраняется выбор, который Эльронд Толкина предоставляет гномам.

— Гномам остается только стоять насмерть и надеяться на лучшее, хотя надежда эта будет слабой (К&К СК.362).

Такая формулировка придает совету Эльронда зловещий подтекст задолго до того, как сам Толкин готов был это сделать. Вариант М&К, как всегда, исполнен обреченности и уныния.

— Ты поймешь, что у вас нет иного выхода, кроме битвы с Врагом не на жизнь, а на смерть — даже без надежды победить в этой битве (М&К X₁₉₈₂.172; X₁₉₈₈.297).

Версия М&К отказывается от надежды на победу, в их изложении теория «северного мужества» эксплицитна и применима ко всем, в то время как Толкин предназначал ее лишь для гномов. Борьба с Врагом вплоть до всеобщей гибели в конце мира без надежды на победу — такова сущность теории «северного мужества». И она четко укладывается в версию «Властелина Колец» в трактовке М&К.

Волковский, как обычно, в этом эпизоде следует за М&К. Его Эльронд также говорит гномам, что они должны бороться «даже без надежды на победу» (В ДК.333), в соответствии с его — и М&К — определением проблемы в терминах *победы* или *поражения*.

Покорность судьбе — ключ к разгадке стойкости русских людей перед лицом всех тяжелых испытаний, выпадающих им на долю. Склонность русских к фатализму и предопределению отметил еще Петр Яковлевич

Чаадаев¹⁰¹, описывая русский национальный характер. «Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии. Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый важный факт нашей истории пришел извне, каждая новая идея почти всегда заимствована»¹⁰². Эта покорность усиливалась тем, что православная церковь всегда видела в безропотном принятии земного страдания путь к божественному искуплению. Русские «заимствовали» именно эту христианскую традицию. Такой взгляд на жизнь уравнивает отчаяние смирением и покорностью.

Чаадаев рассматривает этот выбор как ошибочный. «В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов. <...> Выдающиеся качества, которыми религия одарила современные народы и которые в глазах здравого смысла ставят их настолько выше древних, насколько последние выше готтентотов или лопарей; эти новые силы, которыми она обогатила человеческий ум; эти нравы, которые под влиянием подчинения безоружной власти стали столь же мягкими, как ранее они были жестоки, — все это прошло мимо нас. <...> Сколько ярких лучей тогда уже вспыхнуло среди кажущегося мрака, покрывающего Европу. <...> обращаясь назад к языческой древности, мир христианский снова обрел формат прекрасного, которых ему еще недоставало. До нас же, замкнувшихся в нашем расколе, ничего из происходившего в Европе не доходило»¹⁰³.

Философскую границу между православной и католической церковью можно наблюдать на карте Европы как разделение алфавитов, отмечающих, которая из церквей появилась на этой территории первой. Православие принесло кириллицу, а католичество латиницу. Русские, белорусы, украинцы, болгары и сербы пользуются кириллицей. Поляки, чехи и словаки используют латиницу.

¹⁰¹ Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856) — первый русский философ. Чаадаев провел шесть лет в Западной Европе, где встречался с такими выдающимися мыслителями, как Ламенне и Шеллинг. В XIX веке его «Философические письма» оказали влияние на противостояние славянофилов и западников.

¹⁰² Петр Яковлевич Чаадаев. Апология сумасшедшего. — Казань: Типография Д. М. Гран, 1906.

¹⁰³ Петр Яковлевич Чаадаев. Философические письма // П. Я. Чаадаев. Сочинения. — М: Правда, 1989.

Чаадаев был прав в том, что Россия заимствует приходящие извне идеи: на смену язычеству из Византии пришло христианство, которое в свою очередь сменил заимствованный коммунизм, впоследствии замененный импортом рыночного капитализма. Единственное, что он не учел — это факт, что заимствование всегда адаптируется к российской почве, на которой произрастает. Еще Дидро (1713–1784) в беседе с русской императрицей Екатериной Второй заметил: «Идеи, перенесенные из Парижа в Санкт-Петербург, приобретают иной оттенок»¹⁰⁴. Перевод М&К — хороший тому пример. Фатализм, предопределенность и мрачность — вот какие оттенки они добавляют к Толкину. И это всегда было характерной чертой русской литературы.

М&К — представители «старой гвардии». Другие переводчики в своих менее политизированных версиях представляют новый уклад жизни, заимствуя из-за границы более свежие идеи. Если какой-то христианский писатель и открыл заново красоту языческой старины, то это был Толкин, а новые переводчики преодолели раскол, описанный Чаадаевым, из-за которого идеи Европы оставались за пределами России.

Ясно, что такие идеи все же пробиваются. В своей вступительной статье¹⁰⁵ к русскому изданию К. С. Льюиса «За пределы безмолвной планеты» и «Переландра» Яков Кротов суммирует роль надежды во «Властелине Колец»:

Льюис выбрал первый путь, путь положительного богословия; Толкин — второй. Мир Средиземья, который он создал в фантастической трилогии «Повелитель колец», на первый взгляд близок к миру языческому, к миру рыцарских романов. Но и язычники, и рыцари были отнюдь не внецерковны и не безрелигиозны. Язычники знали очень даже много богов, а рыцари могли поклоняться Христу, Перуну, Одину, Аллаху, Фортуне или, на худой конец, собственной силе. Герои Толкина удерживаются от обращения к Богу, Удаче или своей мощи даже тогда, когда все их к этому подталкивает. Их мир начисто лишен тех религиозных субстанций, которые заполняли мировоззрение язычников или героических эпосов. Его герои переполнены надеждой — но надежда эта возложена на абсолютно не названное, не обозначенное пространство, на пустоту. И — держитесь! Вот эта огромная пустота, совершенно гениально не

¹⁰⁴ Цитируется в: Stuart Ramsay Tompkins, *The Russian Mind: From Peter the Great Through the Enlightenment*, Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1953, с. 230.

¹⁰⁵ Яков Кротов. Клаив С. Льюис : Вступительная статья к романам «За пределы безмолвной планеты», «Переландра». <<http://kulichki.rambler.ru/moshkow/LEWISCL/aboutlewis.txt>>

названная — и есть Бог, более того — Бог Библии, Бог Льюиса, Бог Церкви.

В главе «Белый всадник» сцена воскресения Гэндальфа переключается с Преображением Христа на горе Фавор (Матфей 17:1–9, Марк 9:2–9 и Лука 9:28–36). Трое оставшихся членов Братства — Арагорн, Леголас и Гимли, — испытывая одновременно восторг, изумление и страх, не находят слов (Г.125). Когда Арагорн вновь обретает дар речи, он говорит, что Гэндальф вернулся к ним «паче всякого чаяния». Это высказывание переключается с Католическим Катехизисом о последних словах Христа на кресте. Там они воспринимаются как молитва для всего человечества, на которую Святой Отец отвечает «паче всякого чаяния» Воскресением своего Сына (2606). Фраза толкиновского Арагорна переключается с этой строкой Библии: «Паче всякого чаяния, вы вернулись к нам в час крайней нужды!» (Г.125). В таком контексте слово *чаяние* настолько сильно отражает — сознательно или подсознательно — христианство Толкина, что переводчики, которые в этом месте отказываются от *надежды*, отнимают у читателей ключевой момент его философии.

Не удивительно, что Яхнин — один из тех, кто здесь оставляет «всякую надежду» (Я ДБ.82). Более неожиданно, однако, что Немирова, а не Бобырь составила ему компанию по *безнадежности* (Н ДТ.98). Бобырь, по-видимому, распознала ключевой характер этого эпизода, и ее перевод фразы Арагорна вполне адекватный, только без слов из библейского языкового пласта (Б.161; У Ш.517). Грузберг (Гр ДК.116) и ВАМ (ВАМ ДТ₂₀₀₃.667) тоже правильно передали фразу, и тоже упустили возвышенность стиля. Г&Г и Волковский почти одинаково мрачно оценили ситуацию, поскольку у них Гэндальф вернулся: «когда мы уже стали терять надежду» (В ДТ.142; Г&Г ДК.89).

К&К удалось справиться и со смыслом, и со стилем. У них Арагорн говорит, что Гэндальф возвратился «паче всякого чаяния» (К&К ДБ.130). Их успех дополняется сноской, в которой они указывают на параллели между библейским Преображением Христа на горе Фавор в присутствии трех Апостолов и явлением воскресшего Гэндальфа трем членам Братства (К&К ДБ.506).

Вариант перевода М&К ключевой фразы «паче всякого чаяния» указывает на близкую лингвистическую связь между *чаянием* (*надеждой*) и *отчаянием*. У М&К Арагорн говорит: «Ты ли это возвратился в час нашего отчаяния!» (М&К ДТ.110). Они употребляют здесь слово *отчаяние*, в отличие от К&К, которые используют слово *чаяние*. Эти два варианта разделяет только

приставка *от-*, добавление которой придает противоположный смысл корню слова.

Употребляя здесь слово *отчаяние*, М&К возвращают читателя к Совету Эльронда и к спору Гэндальфа с Эрестором, где Эрестор называет план уничтожения Кольца «дорогой отчаяния. Или безумия, сказал бы я, если бы меня не удерживала глубокая мудрость Эльронда» (F.352). Хотя слова *надежда/чаяние* и *отчаяние* определяют полюсы религиозного диспута, толкиновская фраза «паче всякого чаяния» не является синонимом отчаяния. В контексте, который Толкин вложил в этот отрывок, значение слова *чаяние* аналогично тому, в котором оно употребляется в Католическом Катехизисе. Это метафора неправдоподобного, абсолютно невероятного, на что нет смысла надеяться — воскресения Гэндальфа из мертвых. В этом контексте, фраза «паче всякого чаяния» не выступает синонимом отсутствия надежды или отчаяния у трех оставшихся членов Братства, а лишь описанием их безграничного удивления самим фактом возвращения Гэндальфа к жизни, то есть событием, на которое, с точки зрения логики, не было никакой надежды. Введя слово *отчаяние* в эту сцену, М&К возвращаются к своему определению *отчаяния* в споре на Совете Эльронда, что, в терминах М&К, неумолимо ведет к поражению (М&К X₁₉₈₂.201, X₁₉₈₈.333). Отзвук *отчаяния* из спора придает переводу М&К оттенок роковой предрешенности и мрачности, которого нет у самого Толкина, но который прекрасно вписывается в мироощущение М&К.

Глава V

ДЕЛО СЭМА: ДЕНЩИК ФРОДО

Но ты не страшись величия:
Иные рождаются великими,
Иные достигают величия,
А иным величие жалуется.

Вильям Шекспир
Двенадцатая ночь, или что угодно (1601),
акт 2, сц. 5. (пер. М. А. Лозинского)

Несмотря на то, что *BK* увидел свет только в начале 50-х годов, до некоторой степени роман этот все же — продукт войны, но не Второй мировой, а тех шести месяцев, которые Толкин провел на передовой Первой мировой в составе 11-го батальона ланкаширских стрелков, пока окопная лихорадка не вернула его назад в Англию. Толкин писал: «На самом деле мой Сэм Гэмджи списан с английского солдата, с тех рядовых и денщиков¹⁰⁶ [слуг офицеров], которых я знал во время войны 1914 года, и которым сам я уступал столь во многом»¹⁰⁷.

Для современного читателя слово *batman* скорее всего ассоциируется с Бэтменом и Робинотом — героями одноименного фильма и известной книжки комиксов. Толкин, однако, имел в виду совсем другой образ. Перед Второй мировой войной, когда офицеры действительно были джентльменами в британском смысле слова, при каждом из них традиционно состоял солдат-слуга. Слово *batman* происходит не от крикетной биты, как думают некоторые, а от французского слова *bât*, означающего *вьючное седло*. Соответственно, *денщик* — это человек, заботящийся о поклаже, перевози-

¹⁰⁶ Толкин употребляет здесь слово *batman* — денщик, вестовой, ординарец. — *Прим. перев.*

¹⁰⁷ Цитируется в: Х. Карпентер. Дж. Р. Р. Толкин. Биография / Пер. с англ. А. Хромовой под ред. С. Лихачевой. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — с. 132–133.

мой на выючной лошади или выючном муле. Со временем, это слово стало обозначать также лакея офицера.

В литературе Первой мировой войны приводится немало примеров верности и преданности армейских денщиков офицерам, о которых они заботились¹⁰⁸. Отличительные черты денщиков в точности соответствуют тем, какими Толкин наделяет Сэма. «Он не считал себя ни героем, ни храбрецом, вообще ничего выдающегося в себе не усматривал, — вот разве что служение и верность своему господину», — говорит Толкин в письме читателю (L.329).

Толкин четко определяет отношения Фродо с Сэмом, как «хозяина» со «слугой», повсеместно в тексте описывая их этими двумя терминами. Грузберг, М&К, К&К, ВАМ и Яхнин успешно воспроизвели толкиновские указания на этот тип отношений. Другие переводчики время от времени затруднялись с формулировками, ослабляя отношения, которые Толкин выстраивает на многочисленных повторах. Бобырь заново сформировала отношения между ними, сделав Сэма и Фродо просто «друзьями». Редактируя ее перевод, Уманский восстановил некоторые толкиновские указания на характер отношений *хозяин-слуга*, но далеко не все из них.

В сцене, где Бильбо и Фродо накануне Совета засиживаются допоздна за разговорами, Сэм заглядывает в комнату, намекая, что Фродо пора идти спать, поскольку завтра ему предстоит трудный день. Бильбо немедленно понимает намек и говорит: «Похоже, ты хочешь сказать, что хозяину твоему пора в постель» (F.313). Яхнин здесь переплюнул самого Толкина, вставив дополнительных *слугу* и *хозяина* в свою версию эпизода (Я Хр.181–182). Бобырь и М&К дружно исключили *хозяина* из своих переводов этой сцены (Б.52; М&К X₁₉₈₂.169, X₁₉₈₈.292), но Уманский восстановил его в своей редакции версии Бобырь (У II.367).

На пиру в Ривенделле Сэм просит позволить ему «прислуживать своему хозяину» (F.300). М&К заменили *хозяина* на *слугу*, не причинив большого вреда эпизоду. В их переводе рассказчик повествует, как эльфы убеждали Сэма, что «здесь он не слуга, а почетный гость, — он хотел прислуживать Фродо за столом» (М&К X₁₉₈₂.161, X₁₉₈₈.279). У Бобырь рассказчик вообще ликвидировал эту фразу. Он говорит: «Отглядывая стол, он увидел поблизости от Гандальфа всех своих друзей» (Б.49). Хотя Уманский тоже не перевел этот пропущенный эпизод, он все же восстановил *мистера Фродо*, которого Бобырь вырезала страницей раньше (Б.48; У II.359).

¹⁰⁸ Более подробно об этом рассказывается в статье Марка Хукера «Frodo's Batman», *Tolkien Studies*, 2003, pp. 127–137.

Однако не во всех переводах *слуге* повезло в сцене после распада Братства, когда Арагорн разгадывает загадку, куда ушел Фродо, и приходит к выводу, что «Фродо уплыл на лодке, и его слуга вместе с ним» (Т.25). В этом эпизоде, только Грузберг, М&К и К&К оставили *слугу* на своем месте (М&К ДТ.16; К&К ДБ.21). ВАМ написала близкую по смыслу фразу, которая намекает на обязанности Сэма как денщика и использует слово, восходящее к временам расцвета рыцарства. В ее переводе Арагорн говорит, что Фродо «уплыл в лодке со своим верным оруженосцем» (ВАМ ДТ.17). Все остальные опустили *слугу*, предпочтя в данном случае вместо этого сказать *Сэм* (Б.148; У III.469; Н ДТ.12; Я ДБ.10; Г&Г ДК.18; Г&Г₂₀₀₂.548; В ДТ.18).

Наибольшее число указаний на характер отношений между Фродо и Сэмом как между *хозяином* и *слугой* можно найти в эпизоде, где Фродо и Сэм встречаются Фарамира. Когда Сэм выступает вперед, чтобы защитить своего господина от инсинуаций Фарамира, тот твердо указывает Сэму его место: «Не открывай рта раньше своего хозяина, у которого мозгов поболее, нежели у тебя» (Т.346). У большинства переводчиков не возникло проблем с передачей этого резкого ответа (Н ДТ.284; М&К ДТ.322; К&К ДБ.380; ВАМ ДТ.309). Яхнин пропустил именно эту строку, но, чтобы восполнить пробел, в невероятных количествах разбросал *хозяина* по всему окружающему тексту. Бобырь (Уманский), Г&Г и Волковский дружно заменили в этой строке *хозяина* на *друга* (Г&Г ДК.258, Г&Г₂₀₀₂.727; В ДТ.424). Формулировка Бобырь наиболее изящна. Ее Фарамир говорит: «Довольно! Не говорите так в присутствии вашего друга, который, конечно, умнее вас» (Б.207; У III.561).

Ближе к концу эпизода с Фарамиром, Толкин дважды повторяет слово *слуга* в непосредственной близости от слова *хозяин*. Рассказ начинается со слов: «Рядом была поставлена вторая кровать для слуги» (Т.368). В последующем диалоге между Сэмом и Фарамиром, Фарамир называет Сэма «дерзкий слуга», а Сэм говорит о Фродо как о своем хозяине. Переводчики по-прежнему делятся на две группы. Грузберг, М&К, К&К и ВАМ следуют за Толкином (М&К ДТ.342–343; К&К ДБ.404–405; ВАМ ДТ.330). Остальные — нет.

Яхнин полностью исключил этот эпизод (Я ДБ.256). Волковский дважды пропускает *слугу*, но сохраняет *хозяина* (В ДТ.455–456). У Немировой смешанный вариант: *хозяин* остается на месте, но в компании с лишь одним из двух упоминаний *слуги*. Ее рассказчик говорит, что другая постель предназначалась «для Сэма» (Н ДТ.302).

Бобырь вновь не учитывает ни одно из указаний. Ее рассказчик говорит: «Другая постель, рядом, была приготовлена для его спутника». В ее

трактовке реплики Фарамира такова: «Вы хитрец, Сэмвиз». Сэм говорит о Фродо не как о своем хозяине, а как о друге [«мой друг»] (Б.221–222; У III.573). Этот эпизод — один из многих, где формулировка Г&Г слово в слово повторяет Бобырь, указывая на то, что Г&Г списывали с ее перевода (Г&Г ДК.277–278, Г&Г₂₀₀₂.741). Вероятность, что Бобырь и Г&Г независимо друг от друга именно таким образом сформулировали эти фразы, предельно мала. Из 7 других переводов ни в одной комбинация *стутника, хитреца и моего друга* не используется в этом эпизоде в качестве маркера. В данной главе рассматривается еще один пример подобного совпадения.

Сэм не родился великим, но величие было ему пожаловано¹⁰⁹. Его участие в миссии уничтожения Кольца было «наказанием» за подслушивание разговора Фродо и Гэндальфа, когда они планировали уход Фродо.

— Встань, Сэм, — сказал Гэндальф. — Я придумал кое-что получше. Это заставит тебя держать язык за зубами и накажет за страсть к подслушиванию. Ты пойдешь с господином Фродо! (F.98).

M&K, однако, избегают использовать слово *наказание*. Вместо этого, их Гэндальф «придумал кое-что пострашнее», чем превратить Сэма в жабу в заполненном ужами саду (F.98).

— Встань, Сэм! — велел Гэндальф. — Я придумал кое-что пострашнее: ни о чем ты не проболтаешься и впрямь будешь знать, как подслушивать. Ты пойдешь с Фродо! (M&K X₁₉₈₂.47, X₁₉₈₈.102).

По существу такая же формулировка и у Яхнина, что доказывает влияние M&K на его пересказ. Никто из остальных переводчиков не написал слова «пострашнее». Гэндальф Яхнина говорит: «Есть наказание пострашнее» (Я Хр.42–43). Делая наказание Гэндальфа чем-то «пострашнее», M&K и Яхнин обрушивают на русского читателя информацию, которую Толкин сообщает англоговорящему читателю гораздо медленнее и значительно тоньше. Гэндальф у Толкина не говорит, какое именно наказание ждет Сэма. Читатель, не умеющий предугадывать развитие событий, может предположить, что наказание заключается в уходе из Шира (что само по себе является необычным для хоббитов), или в изнурительном, полном тягот, и даже внушающем ужас походе, но из-за того, что Толкин не говорит об этом прямо, читателя — и Сэма — это не отпугивает сразу. Реакция

¹⁰⁹ Здесь имеется в виду фраза Шекспира «And some have greatness thrust upon them», которая дословно переводится, как «некоторым величие достается невольной», но поскольку в качестве эпиграфа мы взяли перевод Лозинского, то используем здесь слово, которое употребил он. — *Прим. перев.*

Сэма на такое «наказание» — бурный восторг. Он счастлив потому, что сможет пойти и увидеть «эльфов и все остальное! Ура!» (F.98). Значительно позже, совсем как британские солдаты, уходившие на Первую мировую войну исполненными энтузиазма, Сэм поймет, насколько ужасна его миссия. «И мы бы никогда не оказались здесь, если бы с самого начала знали больше», — говорит Сэм Фродо (Г.407).

Все остальные переводчики поставили *наказание* на место, и ни у одного не возникло проблем с фразой: «Я придумал кое-что получше». Практически все именно так и написали. Единственным исключением была Немирова. Она скомбинировала слова *наказание* и *почище*, создав вполне приемлемый вариант: «Я придумал тебе наказание почище» (Н ДТ.83).

Позже Толкин повторяет этот сюжетный ход, когда Сэм подслушивает разговор, не предназначавшийся для его ушей, в главе «Совет Эльронда». В этом эпизоде Сэм вновь пойман за подслушиванием. На сей раз, однако, есть некоторое отличие. Сэм уже принял свои новые обязанности — служить Фродо и защищать его. Поэтому приговор Эльронда — Сэм будет сопровождать Фродо — не наказание, как у Гэндальфа, а оценка исполнения Сэмом его новой роли денщика Фродо.

«Уж ты [Сэм] непременно пойдешь с ним [Фродо]. Вас невозможно представить друг без друга, даже когда его приглашают на тайный совет, а тебя нет» (F.355).

С этого момента Сэм становится «неразлучным спутником» Фродо, используя выражение из «Биографии денщика»¹¹⁰ подполковника Грэма Сетона Хатчисона (1890–1946), автора многочисленных книг о Первой мировой войне. Когда Фродо и Сэм обсуждают необходимость покинуть Лориэн, чтобы продолжить свой поход, Толкин выводит Сэма в роли советника — это была еще одна из обязанностей, которой Хатчисон наделял героя своего произведения, денщика Питера Маклинтока¹¹¹. Реплики Сэма создают ощущение, что ему не хочется уходить, но при этом он понимает необходимость поскорее «разделаться со всем этим».

— Ваша правда, — согласился Сэм. — <...> Не хочется мне уходить отсюда. А вот, однако ж, сдается мне, что уйти-то и придется, и тогда уж лучше не медлить.

¹¹⁰ LTC Graham Seton (Hutchison), «Biography of a Batman», *The English Review*, vol. XLIX, August, 1929, pp. 211–222.

¹¹¹ Hutchison, p. 215.

«*Дольше дела, за которое не брался, ничего не тянется*», — говаривал обычно мой старик. Да и здешний народ, похоже, больше не в силах нам помочь, хоть бы и волшебством (F.467).

Все переводчики, кроме Бобырь (Уманского) и Волковского, достаточно хорошо передали смысл диалога. Многословный вариант Волковского вводит элемент опасения, который лишь подспудно присутствует в оригинале.

— Вы правы, сударь, — кивнул Сэм. <...> уходить мне отсюда неохота, но чувствует мое сердце, что пора. Лучше уж не тянуть, да отрезать. **А что боязно**, так на сей счет мой Старбень так говаривал: «**Глаза бояться, руки делают**». **Наше ведь с вами, сударь, дело, за нас никто не сделает. Эльфы здешние с нами не пойдут**, так что от ворожбы ихней, **будь она хоть самой расчудесной**, нам помощи мало (В ДК.497).

Бобырь (Уманский) попросту выкинули весь этот эпизод (Б.116; У П.440). Другие переводчики точнее следовали оригиналу. Всем им удалось хорошо передать пословицу Толкина: «*It's the job that's never started as takes longest to finish*» («*Дольше дела, за которое не брался, ничего не тянется*»).

Job — ключевое слово в повествовании, и Толкин повторяет его вновь и вновь, чтобы помочь понять характер Сэма и объяснить мотивы его поступков. Его долг в качестве денщика Фродо — служить и защищать хозяина. Основная проблема для переводчиков — подобрать подходящее русское слово, которое в данном контексте передавало бы точное значение, вкладываемое Толкином в слово *job*. Словарь Мэрриам-Вебстер определяет слово *job* как:

job \jəb\ n. 1: часть работы 2: что-то, что должно быть сделано:
ДОЛГ 3: постоянно оплачиваемая должность — **jobless** *adj.*¹¹²

Второе значение из этого толкования — *долг* — однозначно реализуется в начале первой главы шестой книги («Башня Крит Унгола») где Сэм «быстро повернулся и побежал назад по ступенькам»:

— Опять неверно, слезается мне, — вздохнул он. — Но мое дело — перво-наперво идти напрямик наверх, а уж потом будь что будет (R.224).

Ранее в той же главе и точно в таком же контексте Толкин использует, однако, слово *duty* [*долг*] вместо слова *job* [*дело*], как в данном эпизоде, что ясно показывает его намерение трактовать слово *job* как *долг*. В конце концов, образцом подражания для его Сэма был рядовой и денщик, каких он

¹¹² *The Merriam-Webster Dictionary*, New York: Pocket Books, 1974, p. 386.

сам знал в Первую мировую войну. С точки зрения солдата на войне, чувство долга — это одна из основополагающих мотиваций поступков, позволяющая человеку сохранить рассудок и выстоять в условиях неимоверно тяжелых испытаний. И это основная черта характера Сэма.

Он [Сэм] больше не сомневался: его долг — спасти хозяина или погибнуть, пытаясь это сделать (R.211).

Основное различие этих предложений — от имени кого они написаны. Первую фразу — со словом *дело* — озвучивает Сэм, которого отличает простонародный характер речи. Второе предложение со словом *долг* — это голос рассказчика, и поэтому стиль литературный.

Грузберг выстраивает пару *дело/долг*, точно следуя оригиналу. У него Сэм думает: «Мое дело идти наверх». Рассказчик Грузберга, соответственно, говорит: «Он больше не сомневался в своем долге».

В переводе К&К пара *дело/долг* в предложении от лица рассказчика звучит весьма изящно и неожиданно кратко. И *долг*, и *хозяин* остаются на своих местах (К&К ВК.231). А вот в монологе Сэма, когда он бежит вверх по лестнице, *дело* остается на своем месте, но вся фраза, однако, философски несколько видоизменяется, когда доходит до слов «а уж потом будь что будет»:

— Наверное, я опять сделал что-то не так, — вздохнул он про себя. — Но мое дело — попасть на верхушку, а там будь что будет! (К&К ВК.246).

Несмотря на то, что «Большой толковый словарь русского языка» (БТСРЯ, с. 1305) приводит вторым значением слова *там* наречие времени, все же первое его значение — наречие места. Поскольку *там* непосредственно следует за существительным, указывающим на определенное место, такое соседство вынуждает воспринимать его в первую очередь как наречие места и позволяет предположить, что К&К подразумевали все же именно место — *там, на верхушке*. Это ограничивает разнообразие возможных последствий, с которыми Сэм может столкнуться в результате своего решения. У К&К Сэм думает лишь о ближайшем будущем, в то время как Сэм у Толкина размышляет не только о последствиях своих действий наверху. «А уж потом будь что будет» может относиться как к событиям наверху башни, так и к тому, что произойдет, когда он вообще спустится с нее. К&К могли бы избежать этой путаницы и лучше передать простонародный характер речи, если бы использовали разговорную форму *отосля*.

У ВАМ перевод предложения, написанного от лица Сэма, смещает акцент с *дела* на осознание Сэмом необходимости поступка. Ее Сэм думает: «Надо сначала сходить на самый верх» (ВАМ ВК.203). В версии предложения, написанного от лица рассказчика, используется точно такая же формулировка. Рассказчик у ВАМ говорит: «В том, что надо было делать, не было никаких сомнений» (ВАМ ВК.190). Это устраняет параллель между *делам* и *долгам* и снижает эффективность раскрытия характера Сэма. Мотивация *долга* до некоторой степени содержит и *необходимость*, но сама *необходимость* отнюдь не всегда включает чувство *долга*.

Формулировка предложения с *делам* у Немировой по существу не отличается от варианта ВАМ. Сэм у Немировой думает: «Нужно сперва поискать здесь» (Н ВК.179). Это делает сцену менее динамичной, устраняя долгие восхождение, которое Сэм совершает одновременно с принятием решения. Продолжение данного предложения в ее переводе еще более прозаическое. Сэм у нее восклицает: «Только Фродо одного оставлять больше нельзя!» (Н ВК.179). Толкиновское окончание этого монолога намекает на потенциальные неизвестные опасности, с которыми его Сэм готов столкнуться ради спасения Фродо. Сэм у Немировой мог с тем же успехом решать — а не сходить ли ему в магазин на угля.

Версия предложения с *долгам* у Немировой построена по тому же принципу: ее Сэм «должен спасти Фродо» (Н ВК.169). Несмотря на то, что наметанный взгляд лингвиста сразу же выделит корень *долг* в ее формулировке, общепотребительное значение слова *должен* с долгом не ассоциируется. Возникает ощущение обязанности, но оно не имеет отношения к понятию чести, чем собственно и является *долг*. В ее формулировке также отсутствует указание Толкина на характер отношений между Фродо и Сэмом как между хозяином и слугой. Ее Сэм «должен спасти Фродо», а долг Сэма у Толкина — спасти своего хозяина. В переводе Немировой пары *дело/долг* преданное служение Сэма хозяину отсутствует, в результате чего ослабляется характер Сэма.

Заключительная часть фразы, однако, Немировой удалась. Ее Сэм должен спасти Фродо «хотя бы и ценой собственной жизни». Кроме того, она сделала очень изящную добавку в духе Толкина. Рассказчик Толкина объясняет, что у Сэма не было времени на раздумья. Он должен был действовать немедленно, потому, что «каждая минута на счету». Рассказчик у Немировой говорит, что «каждая минута на вес мифрила». Это хорошая находка, но она не компенсирует неудачи остальной части эпизода.

K&K аналогично, хотя и менее в духе Толкина, формулируют то, как Сэм спешит, принимая решение. Их рассказчик говорит: «Время было на

вес золота» (К&К ВК.231). Для рассказчика Толкина крайне нехарактерно сказать так, учитывая взгляды самого Толкина на золото как корень всего зла в истории с драконом в «Хоббите» (см. главу «Хоббит»).

Формулировка монолога Сэма у Г&Г еще слабее, чем у ВАМ и Немировой. В ней даже не подразумевается обязанность. Их Сэм думает: «Но уж пусть я сначала поднимусь на самый верх» (Г&Г ВК.190, Г&Г₂₀₀₂.919). Мотивация поступка Сэма полностью устраняется. Сэм Толкина поднимается вверх по лестнице потому, что таково его дело (долг). Без подобного объяснения мотива его поступка, Сэм у Г&Г выглядит скорее авантюристом, чем преданным слугой. В придачу, Г&Г искажают и, соответственно, философски видоизменяют вторую часть примерно так же, как и К&К. Их Сэм говорит: «а там — будь что будет!» (Г&Г ВК.190, Г&Г₂₀₀₂.919).

Перевод Г&Г пары *дело/долг* в речи рассказчика, по существу, не отличается от вариантов у ВАМ и Немировой, но из-за замены *хозяина* на *друга* у Г&Г выглядит еще хуже. У них Сэм говорит: «Надо спасти друга» (Г&Г ВК.180, Г&Г₂₀₀₂.911). Несмотря на то, что желание спасти друга — само по себе достаточно сильная мотивация, которая, несомненно, стоит за решением Сэма, — это только часть причины, подразумеваемой Толкином. Сэм Толкина выполнял свой долг. Долг может быть и по отношению к друзьям, но далеко не в каждом случае.

Рассказчик у Г&Г несомненно повторяет Бобьрь, которая первой написала, что Сэм должен был «спасти своего друга».

А то, что он должен сделать, Сэм знал совершенно твердо: спасти своего друга или погибнуть, спасая (Б.371; У IV.712).

В версии Бобьрь монолог Сэма был весьма сильно переделан, но все же узнаваем по сохранившимся деталям сюжетной линии. Ее Сэм видит, что орки боятся его и его Жала, и думает про себя, что события принимают лучший оборот, чем он надеялся. Ему кажется, что Шаграт и Горбаг со своими собратьями сделали за него всю работу. За исключением одной «испуганной крысы», чей писк он услышал, в башне, похоже, нет ни одной живой души. Увиденное поражает его как удар обухом по голове. Тот крик, должно быть, исходил от Фродо. Поднимаясь вверх по лестнице, Сэм у Бобьрь зовет:

— Фродо! Фродо! Друг мой! — вскричал Сэм, почти рыдая. — Если вас убили, что мне делать? Ну вот, я пришел, наконец. Я иду прямо наверх, а там — увидим! (Б.378; У IV.719).

Такая версия устраняет не только дело Сэма, но также и само решение, которое он должен принять. Бобырь целиком меняет образ Сэма — из преданного слуги он превращается в верного друга, и отнимает у читателя напряженный момент выбора. Столь же вольно и легко обыгрывает она и «а уж потом будь что будет».

Г&Г не единственные, кто наделяют Сэма чертами авантюриста. М&К также проигнорировали ссылки на *дело* и *долг* Сэма. Рассказчик у М&К говорит: «А что ему делать, это он [Сэм] понимал» (М&К ВГ.193), устраняя долг Сэма и заменяя его холодным резонансом. Дело Сэма также было удалено из второй половины пары *дело/долг*:

— Опять небось маху дал, — вздохнул он. — Но будь что будет, сперва доберусь до этой каморки на верхотуре (М&К ВГ.203).

Несмотря на изменение философского смысла *дела*, версия М&К — это мастерская стилизация простонародной манеры речи Сэма. Она содержит три оборота, которые встречаются в разговорной речи: *маху дать*, *каморка* и *верхотура*. Они добавляют тонкий дополнительный пласт в характере Сэма, который большинство других переводчиков не учли. М&К также используют правильную идиому для перевода фразы «а уж потом будь что будет».

В своей версии монолога Сэма о его деле Волковский склоняется в сторону М&К, копируя их вольную формулировку фразы: «Опять, небось, маху дал». В заключительном предложении, однако, он присоединяется к К&К и Г&Г, располагая наречие *там* в столь же двусмысленной позиции, что обуславливает искажение философского смысла фразы «а уж потом будь что будет».

«Опять, небось, маху дал, — думал он на бегу. — Ну да ладно, доберусь до верхушки, а там будь что будет» (В ВГ.308).

В переводе той части пары *дело/долг*, которая вложена в уста рассказчика, Волковский также отказывается от *долга*, используя тот же самый подход, что и у ВАМ. У Волковского рассказчик говорит: «А вызволять хозяина надо» (В ВГ.289).

В третьей главе четвертой книги «Черные ворота закрыты», когда надежде Сэма приходит конец, рассказчик Толкина вновь подтверждает, что дело Сэма основано на чувстве долга, и на основании этого Сэм решает продолжать путь. «[Сэм] всю дорогу оставался со своим хозяином, собственно ради этого он и отправился в путь, так что не покинет его и дальше. Хозяин его в Мордор один не пойдет» (Г.310). Толкин дважды повторяет слово *хозяин* на протяжении фразы из 21 слова, таким образом, подчерки-

вая отношения хозяина и слуги. Но не все переводчики сумели воспроизвести повторы Толкина или даже чувство долга в деле Сэма.

В своем пересказе Яхнин и не пытается передать эту философскую фразу. Не удивительно также, что и Бобьрь в своем сокращенном переводе выбрасывает за борт как чувство долга Сэма, так и указания на характер отношений между Фродо и Сэмом. Все, что оставлено, — это общий смысл решения Сэма не позволить Фродо идти в Мордор одному.

Фродо хочет уйти в Мордор; но Сэм отнюдь не собирается отпустить его туда одного (Б.187; У Ш.544).

Бобьрь оценила решение Сэма идти с Фродо как ключевой элемент в повествовании, но пропущенная мотивация поступка Сэма упрощает рассказ, делая его менее жизненным.

Этот эпизод — один из многих, где формулировка Г&Г почти дословно повторяет Бобьрь. То, что до некоторой степени прощательно в сокращенном пересказе, гораздо меньше подходит для полного перевода. В версии Г&Г читаем:

Фродо собирался в Мордор, Сэм отнюдь не собирается отпустить его одного (Г&Г, Г&Г ДК.225, Г&Г₂₀₀₂.705).

Очень невелика вероятность, что Бобьрь и Г&Г независимо друг от друга одинаково сформулировали это предложение. Из семи других переводчиков ни один не использовал слово *отнюдь* в этом эпизоде. И оригинал к этому тоже не располагает.

Волковский повествует о решении Сэма идти вместе с Фродо в возвышенном стиле, подробно останавливаясь на важности для Сэма надежды — вернее, на ее нехватке — в их приключении. Рассказчик Волковского неплохо начинает, но продолжает развивать тему после того, как Толкин поставил точку. У Толкина рассказчик говорит: «В конце концов, с самого начала пути [Сэм] ни на что не надеялся. Но, будучи неунывающим хоббитом, он и не нуждался в надежде, до тех пор, пока можно было не предаваться отчаянью» (Т.310). Перевод этого предложения у Волковского вполне приемлем, но его рассказчик не останавливается, а добавляет: «вплоть до последнего момента [Сэм] надеялся невесть на что — то ли на чудо, то ли просто на авось» (В ДТ.377).

Тип удачи, на которую надеется рассказчик Волковского, отразился и в русском менталитете, воплотившись в *авоську* — маленькую, растягивающуюся хозяйственную сетку, сплетенную так, чтобы ее удобно было носить в кармане. Советские лавки и магазины не снабжали покупателей па-

кетами для покупок. Покупатели вынуждены были приносить свои собственные сумки. При этом из-за неспособности плановой экономики удовлетворять потребительский спрос, в магазинах и лавках далеко не всегда можно было найти нужные товары, и людям приходилось, отправляясь по другим делам, всегда иметь при себе авоську — авось повезет, и случайно наткнешься на «дефицит», выброшенный в продажу.

Превосходным примером этому может служить фильм «Москва на Гудзоне» с Робинном Уильямсом¹¹³. Персонаж Уильямса видит длинную очередь, и тут же, еще не зная, за чем она, встает в нее, поскольку, пока дефицит есть, его надо брать. Очередь стоит за ботинками. Когда он подходит к прилавку, то просит две пары, но продавец отвечает, что отпускают только по одной паре в руки. Кроме того, выясняется, что его размер закончился, но герой все равно покупает положенную ему пару. Дефицитный товар всегда можно было выгодно продать или обменять на что-то другое, столь же дефицитное. *Авоська* и привычка сначала занимать очередь, а уж потом выяснять, за чем она, были неотъемлемой частью советского образа жизни.

Приукрашивание Волковского используется как отправной момент для решения Сэма не покидать Фродо на пути в Мордор. Это лишает решение Сэма мотивации и усиливает в версии Волковского роль судьбы или случая.

Последний момент настал, никакого чуда не произошло, но это ничуть не поколебало намерения Сэма держаться с хозяином до конца. Не отпускать же его в Мордор одного (В ДТ.377–378).

Волковский, по крайней мере, позаботился включить в свою версию слово *хозяин*.

Немирова в своем переводе вынесла чувство долга Сэма на передний план, но она не смогла заставить себя дважды повторить в этом эпизоде слово *хозяин*.

Всю дорогу Сэм преданно выполнял свой долг — затем и пошел, чтобы идти до конца. Господин Фродо не пойдет в Мордор один (Н ДТ.253).

Такая декларация цели намного сильнее, чем у Толкина. А использование его *долга* было бы гораздо уместнее в эпизоде *дело/долг*, обсуждавшемся выше.

ВАМ приблизительно так же декларирует цели Сэма, но при этом она не уклоняется от повторения толкиновского *хозяина*.

¹¹³ *Moscow on the Hudson*, Columbia Pictures, Directed by Paul Mazursky, Writing credits Paul Mazursky and Leon Carptanos, 1984.

Сэм был верен хозяину, потому и шел с ним, чтобы не оставлять его одного. Нет, хозяин один в Мордор не пойдет. Сэм его не покинет (ВАМ ДТ.277–278).

Грузберг также дважды повторяет слово *хозяин*, и его перевод этого эпизода был бы очень удачным, если бы не замена единственного числа на множественное во второй части первого предложения. Вместо того чтобы сказать «собственно ради этого он [Сэм] и отправился в путь», рассказчик Грузберга говорит: «для этого они и пустились в путь». Александрова устранила эту проблему в издании на CD-ROM. Зато Застырец, редактор напечатанного перевода, целиком выбросил эту фразу (Гр ДК.304–305).

Перевод этого эпизода у К&К — наилучший, все необходимое в нем на своих местах.

Но Сэм всю дорогу держался рядом с хозяином, он и пошел-то с ним ради этого, и вовсе не собирался оставлять Фродо. Нет! Хозяину не придется идти в Мордор одному. Сэм отправится с ним! (К&К ДБ.339).

По мере приближения Сэма и Фродо к Роковой горе, внимание Толкина возвращается к делу Сэма. Даже несмотря на то, что смерть кажется наиболее вероятным результатом, долг и честь требуют, чтобы Сэм, подобно Питеру Маклинтоку, денщику Хатчисона, шел вперед.

«Вот, кажись, на какое дело подрядился я с самого начала, — думал Сэм. — Помочь господину Фродо сделать последний шаг и умереть вместе с ним. Что ж, коли таково мое дело, его-то я и обязан выполнять» (R.259).

Толкин здесь по существу описывает то же самое дело Сэма, которым Хатчисон наделяет и своего героя-денщика: «И он последовал за своим офицером на вершину, и сражался там вместе с ним. И когда офицер пал в бою, денщик был подле него»¹¹⁴.

Волковский искусно вставляет в свой перевод слово *дело*, создавая наиболее изящную версию описания дела Сэма. Основной ее недостаток — она не учитывает толкиновский повтор *дела*.

«Ну что ж, — подумалось Сэму, — что-то такое я чувствовал с самого начала. Взялся за дело, чтоб помогать хозяину, а коли в конце придется умереть вместе — так тому и быть» (В ВК.358).

¹¹⁴ Hutchison, p. 220.

У Бобьрь перевод этого эпизода чуть менее изящный, хотя и философски точный. Она комбинирует ощущение обязанности, передаваемой словом *должен*, с формулировкой, которая подошла бы скорее военному контексту, такому, как описание отношений между офицером и его денщиком. Задача денщика — служить и защищать вверенного его заботам офицера, и он должен выполнить эту задачу. Однако для тех, кто не служил в действующей армии, подобный эффект теряется.

«Так вот как кончится то, что я должен был начать! — подумал он. — Я помогу Фродо дойти до самого конца, а тогда умру с ним вместе? Что ж, если такова моя задача, я должен ее выполнить» (Б.441).

Уманский слегка изменил это предложение, в результате чего оно отходит от восприятия долга у Бобьрь и возвращается к русскому видению роли рока как основной движущей силы человеческой жизни. Его Сэм говорит:

«Так вот как кончится то, что мне суждено было испытать! — подумал Сэм. — Я помогу Фродо дойти до самого конца, а тогда умру вместе с ним. Что ж, если такова моя задача, я должен ее выполнить» (У IV.782).

Такая формулировка слишком далека от оригинала. Даже обычно фаталистически настроенные М&К выразились гораздо точнее.

М&К удачно справились с началом монолога, скомбинировав существительное *дело* с глаголом *подрядился*.

— Вот, оказывается, на что я подрядился, — думал Сэм. — Дело-то, стало быть, маленькое, — помочь господину Фродо погибнуть и сплунуть вместе с ним, а что? Так — значит, так (М&К ВГ.233).

Грузберг передает чувство обязанности, но его версия слишком краткая и не столь изящная, как у М&К.

— Итак, я должен идти до конца с мастером Фродо и умереть с ним вместе, — подумал Сэм вслух. — Что ж, если это так, я должен сделать это.

Дж. Р. Р. Т.: «Вот, **кажись, на какое дело подрядился я с самого начала**, — думал Сэм. — Помочь господину Фродо сделать последний шаг и умереть вместе с ним. Что ж, коли таково мое дело, его-то я и обязан выполнять» (R.259).

Александрова приукрашивает вариант Грузберга ощущением *цели*, чтобы сбалансировать ощущение *обязанности*.

«Стало быть, вот что погнало меня в эти странствия, — подумал Сэм. — Помочь мастеру Фродо дойти до конца и умереть с ним вместе? Что ж, если так, я должен это сделать».

У Застыльца, редактора напечатанного перевода Грузберга, также была своя собственная версия этого предложения. Однако его единственная неудача — в использовании слова *работа* в качестве перевода *job*, слова, которое абсолютно не отражает значение *долга*, присущее английскому *job*.

«Я чувствовал, когда начал эту работу, — подумал Сэм, — что должен буду помочь мастеру Фродо сделать и этот, последний шаг и умереть вместе с ним. Так я и поступлю, раз по-другому нельзя» (Гр ВК.251).

Интересный подход Немировой очень хорошо передает смысл *обязанности*.

Вот какую обязанность я взвалил на себя, когда напросился в поход (Н ДТ.206).

Это адекватная и яркая констатация цели. К сожалению, Немировой не удалось повторить ее везде, где Толкин использует пару *дело/долг*.

Изящный перевод К&К звучит почти как афоризм. Они обыгрывают однокоренные слова: существительное *дело* и глагол *делать*.

— Вот, оказывается, к чему я готовился, — подумал Сэм. — Помогать хозяину до последнего, а потом умереть с ним рядом... Ну что ж! Дело на то и дело, чтобы его делать» (К&К ВК.285).

Их версия, однако, отчасти утрачивает ощущение долженствования, имеющегося в английском слове *job* и употребляемого в таком контексте, который Бобырь, М&К, Грузберг и Александрова разглядели и постарались передать соответствующими терминами и фразами: «задача», «я должен», «вот что погнало меня», «на что я подрядился».

Остальные переводчики отходят от философского смысла этой сцены еще дальше. В своей самиздатовской версии Г&Г так начинают этот монолог: «Так вот каков конец у этой сказки». Здесь улавливается отзвук эпизода, в котором Сэм уподобляет их с Фродо миссию героическому сказанию (Т.407–408, R.281). Там Г&Г переводят *tale* тем же словом: *сказка*¹¹⁵ (Г&Г ДК.312–313, ВК.243, Г&Г₂₀₀₂.764–765, 956). Такой подход намного интереснее, чем измененная версия для печати. Следовать своим путем — это маркер предопределенности. Г&Г стоило бы обратить больше внима-

¹¹⁵ «Наверное, так часто бывает в старых сказках о всяких подвигах и приключениях» (Г&Г ДК.312–313, Г&Г₂₀₀₂.764–765).

ния на Бобырь, чье влияние (ниже в цитатах выделено автором) все еще легко можно заметить и в изданной, и в самиздатовской версиях.

Самиздатовская версия:

— Так вот каков конец у этой сказки, — подумал он. — Я помогу Фродо идти, а потом умру с ним вместе. Что ж, если это — моя дорога, надо ее пройти.

Изданная версия:

— Значит, обратной дороги не будет, — подумал он. — Ну что ж, примерно так я себе и представил с самого начала: **помогу Фродо идти, а потом умру с ним вместе**. Если это моя дорога, надо ее пройти (Г&Г ВК.222, Г&Г₂₀₀₂.942).

В переводе ВАМ предопределенность проступает еще решительнее.

— Вот, значит, что было мне предназначено с самого начала, — подумал он. — До конца помогать господину Фродо, а потом умереть вместе с ним. Ну что ж, дело есть дело, придется все выполнить (ВАМ ВК.233).

Яхнин в этом эпизоде переставляет местами фразы Сэма и рассказчика, подчеркивая созвучность высказывания Сэма изменению психологии британских солдат, ушедших на фронт Первой мировой войны. Поначалу они испытывали энтузиазм, но со временем поняли, в какую переделку попали. В этом эпизоде, по версии Яхнина, Сэм говорит себе: «Обратно, глупый хоббит, тебе уже не вернуться» (Я ВК.200). Рассказчик Яхнина медленно подхватывает эту мысль, и продолжает:

Как далек был тот день, когда любопытный простак Сэмми с радостью согласился сопровождать хозяина, лишь бы поглядеть на эльфов да мир повидать. Тогда он и представить себе не мог всех опасностей, подстерегавших их на пути. И только теперь до конца осознал, что шли они навстречу неминуемой смерти (Я ВК.200).

Питер Маклинток погиб рядом с Хатчисоном и похоронен на военном кладбище Ратион Фарм, около города Ля Шапэль-д'Армантьер, во Франции. У истории толкиновского денщика счастливый конец: Сэм возвращается в Шир, чтобы жениться на возлюбленной, Розе Коттон.

Дело Сэма было действительно «наказанием», и не только из-за тех лишений, которые он перенес, сопровождая Фродо к Роковой горе и обратно. Ради своего дела Сэму пришлось оставить Розу Коттон, а она не была от этого в восторге. Год, который он провел в походе с Фродо, Роза рассматривала как «потраченный впустую». В целом, это отражает воспри-

ятие службы рядовыми солдатами, широко распространенное в Англии в период после Первой мировой войны.

— В Розн, в Розе Коттон, — сказал Сэм. — Сдается мне, ей совсем не по нраву мое дальней странствие, бедняжке, но раз я тогда с ней не объяснился, то и она ничего об этом не могла сказать. Я же с ней не объяснился, потому что надо было сначала дело сделать. А теперь я объяснился с ней, и она ответила мне: «Ну, ты потратил впустую целый год, так зачем же тянуть дальше?» — «Впустую? — говорю я. — Я бы так не сказал». Хотя я понимаю, о чем это она (R.376).

В этом эпизоде Толкин замыкает кольцо повторов слова *дело* на протяжении всего повествования. Здесь снова основным смыслом является долг. Только М&К сумели передать этот смысл, объединив слово *надо* с вполне приемлемым переводом *job* как *дело*. ВАМ попробовала точно так же, как М&К, замкнуть круг на слове *job*, но ее попытка споткнулась о перевод этого слова. Она перевела его как *работа*, в результате чего теряется чувство *долга*, даже несмотря на комбинацию с ощущением *обязанности*, передаваемой словом *надо*. Версия М&К звучит так:

— Розочка же, ну Роза Кроттон, — объяснил Сэм. — Ей, бедняжке, оказывается, вовсе не понравилось, что я с вами поехал; ну, я-то с ней тогда еще не разговаривал напрямик, вот она и промолчала. А какие же с ней разговоры, когда сперва надо было, сами знаете, дело сделать (М&К ВГ.344).

Иносказательно выраженное у Толкина намерение Сэма жениться Невмирова делает намного более понятным современному читателю, для которого «поговорить с девушкой» больше не является синонимом «сделать ей предложение». *OED* приводит в качестве первого примера такого значения цитату из «Отелло», акт 1, сцена 3:

«Спасибо. Вот что. Если бы у вас
Случился друг и он в меня влюбился,
Пусть вашу жизнь расскажет с ваших слов —
И покорит меня». В ответ на это
Я тоже ей признался. Вот и все.¹¹⁶

(Пер. Б. Пастернака)¹¹⁷.

¹¹⁶ «She thank'd me, And bad me, if I had a Friend that lou'd her, I should but teach him how to tell my Story, And that would wooe her. Upon this hint I spake.»

¹¹⁷ Вильям Шекспир. *Трагедии. Сонеты*. — М: Художественная литература, 1968. — с. 263.

Немирова использовала гораздо лучшую формулировку. У нее Сэм говорит: «а недавно мы объяснились» (Н ВК.311), что по-русски является синонимом признания в любви/предложения замужества. Однако Немирова не смогла заставить себя употребить ту же самую формулировку три раза подряд, как это сделал Толкин. Что не делает ее многословный перевод этого эпизода более изящным.

Дело, сударь, в Розочке. Понимаете, она убивалась, бедняжка, когда я отправился с вами, но смолчала, я тогда и не подозревал, даже и не говорил с ней ни о чем таком. И теперь все откладывал — думал сперва с делами управиться. Ну вот, а недавно мы объяснились (Н ВК.311).

Такая версия полностью опускает причину, почему Розы «ничего не могла сказать». Она не имела на это права, поскольку Сэм еще не сделал ей предложение. Если бы Сэм уже его сделал, то, учитывая ее прямолинейную оценку года, когда он вдали от дома выполнял вместе с Фродо их миссию уничтожения Кольца, как «потраченное впустую» время, она, несомненно, не колеблясь, запретила бы Сэму отправляться с Фродо.

Последовательность событий — кто что кому сказал и когда, — опущенная в этом эпизоде, стала камнем преткновения для большинства переводчиков. У Толкина, М&К и Немировой Сэм говорит о том, почему он не сделал предложение до того, как ушел. Все остальные объясняют, почему он не сделал предложение после возвращения.

По версии ВАМ последовательность событий была такой: Сэм не понял, что Розы страдала во время его отсутствия, пока он не вернулся, но тогда не было времени на объяснения, и потом он тоже «молчал, потому что надо было сначала сделать всю эту работу».

— Девочка, оказывается, очень переживала, когда мы ушли в Путешествие. Я это понял, когда вернулся. Но тогда, как вы помните, не до объяснений было. Потом я молчал, потому что надо было сначала сделать всю эту работу (ВАМ ВК.345).

ВАМ, возможно, намеревалась использовать ту же самую формулировку, при помощи которой Немирова передает *признание в любви/предложение замужества*, но у ВАМ получилось хуже. Существительное из формулировки Немировой она употребила во множественном числе. Правильно было бы поставить его в единственном числе, поскольку во множественном оно означает *объяснения* (в широком смысле), а не *признание в любви*.

Яхнин полностью выбросил за борт фразу «я тогда с ней не объяснился». Рассказчик Яхнина объясняет, что, когда Сэм вернулся после их при-

ключений, Рози дала ему понять, что весьма на него сердита. Фродо спрашивает, на что именно она сердится, и Сэм отвечает:

— Роззи попрекала меня тем, что я, не сказавшись, уехал с вами и целый год пропал на невесте где, а она, бедняжка, не имела от меня ни весточки. Уж я ей объяснял, растолковывал, что мы не на прогулку отправились, да разве женщину переговорить? Одним ее можно успокоить...

— ...Жениться, — закончил за Сэма Фродо (Я ВК.314–315).

Хотя Толкина часто критикуют за его трактовку женских образов, по сравнению с Яхниным Толкин в описании образа Рози выглядит почти что феминистом.

В своем варианте Грузберг допускает ту же временную погрешность, которая есть и у большинства других переводчиков. Сэм у Грузберга говорит о настоящем времени, а не о прошедшем. Рози в трактовке Грузберга не нравится, что Сэм занят очищением Шира. Нет никакого упоминания о ее чувствах по поводу того, что Сэм ушел с Фродо выполнять их миссию.

— Ей не нравятся эти мои разъезды, но она ничего не говорит. А я, пока был занят, тоже молчал, потому что хотел сначала закончить работу.

В самиздатовской версии Г&Г также изменяют временные рамки, в которых дело Сэма препятствовало разговору с родителями Рози, и полностью опускают фразу «я тогда с ней не объяснился».

Самиздатовская версия:

— Похоже ей, бедняжке, не очень-то по праву был наш отъезд тогда. Ну, а когда мы вернулись, работы невпроворот навалилось, тоже как-то не до этого было.

В изданной версии восстанавливается фраза «я тогда с ней не объяснился», но сохраняется временная погрешность, и *дело* Сэма по-прежнему неверно переведено как *работа*.

— Похоже, ей, бедняжке, не очень-то по праву был наш отъезд тогда. Ну я, как собрался, ничего говорить не стал, и она не сказала. А потом я не говорил, потому что работы невпроворот навалилось (Г&Г ВК.334).

Дж. Р. Р. Т.: «Сдается мне, ей совсем не по праву мое дальней странствие, бедняжке, но раз я тогда с ней не объяснился, то и она ничего об этом не могла сказать. Я же с ней не объяснился, потому что надо было сначала дело сделать» (R.376).

На перевод K&K, похоже, повлиял вариант Г&Г, поскольку они также написали «навалилась работа», имея в виду часть дела Сэма, кроме того и у них имеется та же временная погрешность, что у ВАМ, Грузберга и Г&Г.

— Бедняжке совсем не по душе пришлось, что я пропал столько времени. Я с ней сразу не успел поговорить, и она, конечно, тоже смолчала. А потом я опять с ней не поговорил, потому что навалилась работа, и надо было сначала разобраться с делами (K&K ВК.420).

Бобырь не включила этот эпизод в свой пересказ, но Уманский восстановил его — к сожалению, с теми же искажениями, что и все остальные переводчики. Его Сэм говорит:

— В Рози, Рози Коттон, — ответил Сэм. — Кажется, ей вообще не нравились мои отлучки, бедной девочке; но так как я не говорил с ней об этом, она не могла высказать свое мнение. А не говорил я потому, что прежде всего должен был закончить работу (У IV.856).

Сэм не сделал Рози предложение не потому, что ему предстояло слишком много работы. Он не сделал предложение, поскольку долг велел ему сопровождать Фродо, выполнявшего свою миссию, а Сэм не хотел говорить о чем-либо до того, как ушел с Фродо в приключение, из которого он мог и не вернуться. «Я же с ней не объяснился, потому что надо было сначала дело сделать» относится ко времени до их ухода, а не после возвращения. С другой стороны, сам Толкин женился на Эдит прежде, чем ушел на войну.

Глава VI

ИСКУШЕНИЕ ЗНАНИЕМ И ВЛАСТЬЮ

И увидела женщина, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания.

Книга Бытия, гл. 3:6,7

Сказание об искушении эльфийских кузнецов и о том, как они были преданы, относится ко Второй эпохе Средиземья. И в сказании этом речь идет о воздействии *власти* (*power*), которую Толкин рассматривает как «во всех этих преданиях — слово злое и недоброе, за исключением тех случаев, когда оно применяется по отношению к богам» (L.152). В глуши Средиземья, опустошенного в результате битв с Изначальным Врагом, эльфы-изгнанники игнорируют настоящий совет вернуться на Запад. Для Толкина это сказание — «что-то вроде второго падения или, по крайней мере, „заблуждения“ эльфов» (L.151), когда они «оказались на волосок от того, чтобы взяться за „магию“ и машины» (L.152). Отказываясь возвращаться на Запад, эльфы «хотели наслаждаться миром, блаженством и совершенной памятью „Запада“ — и в то же время оставаться на брэнной земле, где их престиж как высшего народа, стоящего над дикими эльфами, гномами и людьми, был несравненно выше, нежели на нижней ступени иерархии Валинора» (L.151).

Саурон также отказывается возвращаться на Запад, не желая предстать перед судом богов. Мало-помалу, следуя по пути, вымощенному благими намерениями, он постепенно перерождается, становясь воплощением Зла,

и стремясь к абсолютной власти. Он играет на стремлении эльфов к величю, убеждая их, что вместе они смогут исцелить пустоши и «сделать западное Средиземье столь же прекрасным, как Валинор. На самом-то деле то был завуалированный выпад против богов; подстрекательство попытаться создать отдельный независимый рай» (L.152). Гиль-Галад и Эльронд отвергли замыслы Саурана, но эльфы Эрегиона попались в его западню. Именно о них повествует Эльронд во второй главе второй книги *ВК*. Это сказание:

об эльфийских кузнецах Эрегиона и их дружбе с Морией, об их жажде знаний, сыграв на которой, Саурон и заманил их в западню. Ибо тогда его злая сущность в облике еще не отражалась, и они приняли его помощь и стали искусны в своем ремесле, в то время как он вызнал все их секреты, и предал их, тайно выковав в пламени Огненной горы Единое Кольцо, чтобы стать их господином. Но Келебримбор постиг его замысел и спрятал созданные им Три Кольца. И вспыхнула война, и земли были разорены, а ворота Мории закрылись (F.318).

Ключом к этому эпизоду является фраза: «их [эльфов] жажде знаний, сыграв на которой, Саурон и заманил их в западню». Эта фраза связывает *знание* со злом, которое воплощает Саурон. Без этой связи ослабляется сама основа толкиновской философии знания. Большинство переводчиков успешно справились с этой фразой, и их удачные формулировки скорее отличаются по стилю, чем по содержанию. Сокращенный пересказ Бобьери, к сожалению, не содержит ни этого, ни всех остальных эпизодов, рассматриваемых в данной главе.

В версии K&K сказания Эльронда повествуется «об их [эльфов] страсти к знаниям, через которую Саурон и уловил их в свои сети» (K&K СК.363). В переводе Грузберга Эльронд рассказывает Совету «об их страсти к знаниям, из-за чего Саурон и заманил их в ловушку». Изменения в формулировке Грузберга, которые внесли Александрова и Застырец, были чисто поверхностными (Гр ТК.322). Эльронд у ВAM повествует «о жажде знаний, из-за которой они попались в сети Саурана» (ВAM СК.275). У Немировой получилось нечто среднее между Грузбергом и ВAM. Ее Эльронд рассказывает об «их жажде знаний, которой воспользовался Саурон, чтобы заманить их в ловушку» (Н ХК.283). Версия Грузберга носит чуть более разговорный характер, чем у K&K, а у ВAM она менее дословная. Все четыре, однако, достаточно хорошо передают смысл эпизода.

Волковский напрямую связывает зло Саурона со стремлением эльфийских кузнецов к знанию. Хотя фраза «Саурон и заманил их в западню» пропущена, его точный и изящный перевод, тем не менее, откладывается в памяти. Согласно Волковскому, гости на Совете Эльронд слушали сказание

о живших в тесной дружбе с морийскими гномами эльфах-кузнецах из Эрегиона, — эльфах, которых погубила неумная тяга к знанию. В ту пору Саурон еще не стал зримым воплощением зла: прекрасен был его облик и обольстительны речи. Он предложил эльфам свою помощь и вправду научил их многому, но сделал это лишь для того, чтобы вероломно выведать самые сокровенные тайны. Добившись желаемого, Саурон выковал в горниле Огненной горы Кольцо Всевластья, которое должно было дать ему власть над всеми магическими Кольцами эльфов (В ДК.333).

Для советского читателя ключевое слово здесь — *вероломно*, что дословно означает «сломанная вера». Использование этого слова обычно связывают с нападением нацистской Германии на Советский Союз в июне 1941 года. Практически каждая русская книга по истории Второй мировой войны, написанная в советский период, включает это слово в первое же предложение своего описания нападения немецко-фашистских войск. В «Военном энциклопедическом словаре» о начале войны говорится следующее: «22 июня 1941 года, без объявления войны, **вероломно** нарушив договор о ненападении, немецко-фашистские войска внезапно вторглись на территорию СССР»¹¹⁸. Гражданский, хотя не менее прямолинейный, «Советский энциклопедический словарь» начинает статью, посвященную первому периоду войны (1941 — ноябрь 1942) точно так же, указывая на «**вероломное** нападение немецко-фашистских армий на СССР в ночь на 22 июня» (СЭС, с. 204.а). Для советского читателя использование этого слова в таком контексте вызывает столь же привычные ассоциации, как для американцев фраза «день вечного позора» из речи Рузвельта, последовавшей за нападением Японии на Пёрл-Харбор.

У читателей Волковского вся эта сцена вызывает ощущение *déjà vu*. Параллели между Советами и нацистами и эльфийскими кузнецами и Сауроном бросаются в глаза. Пока остальная Европа балансировала на грани войны, Сталин и Гитлер занимались внешнеполитическими интригами, тайно сотрудничая и сговариваясь между собой, каждый в надежде получить преимущество над противником. Все это отчасти напоминает Саурона и эльфийских кузнецов. В августе 1939 года Гитлер и Сталин за-

¹¹⁸ Военный энциклопедический словарь. — М: Военное издательство, 1983. — с. 116.

ключили Пакт о ненападении, который содержал секретные соглашения, по сути делившие между ними Восточную Европу. По этому разделу Сталин получал Западную Украину и Белоруссию, до того входившие в состав Польши, и три балтийских государства: Литву, Эстонию и Латвию. Гитлер получал западную часть Польши, а также гарантии, что при вторжении на свою часть территорий, предназначенных для оккупации, ему не придется воевать одновременно на двух фронтах. Результатом раздела Польши между Россией и Германией явился *casus belli* — формальный повод к объявлению Второй мировой войны. Меньше, чем спустя два года Гитлер нарушил Пакт и вторгся в Россию, «и вспыхнула война, и земли были разорены» (F.318).

Формулировка М&К не только опускает «предательство» Саурона, но также и нарушает связь между жаждой знаний у эльфов, которую Саурон использовал в качестве приманки для своей западни, и злой сущностью Саурона, поскольку пропускает фразу «Саурон и заманил их в западню» и явную ассоциацию Саурона со злом. У М&К сказание выглядит так:

о стремлении эльфов Остранны к знаниям и о том, как Саурон, прикинувшись другом, предложил им помощь, и они ее приняли, и достигли замечательной искусности в ремеслах (М&К X₁₉₈₂.173, X₁₉₈₈.298).

Дж. Р. Р. Т. (кушпоры **выделены**): «об их жажде знаний, сыграв на которой Саурон и заманил их в западню. Ибо тогда его злая сущность в облике еще не отражалась, и они приняли его помощь и стали искусны в своем ремесле» (F.318).

Версия М&К полностью исключает подразумеваемую ассоциацию знания со злом, которую заключает в себе формулировка Толкина.

Яхнин также отказывается от толкиновской ассоциации знания со злом. Его Эльбронд рассказывает совершенно иную историю. В забытые, стародавние времена эльфы и гномы были верными друзьями, разделявшими «великие знания и тайны ремесел». Это было в ту эпоху, когда они выковали «Кольца Счастья». «Но Саурон, древний Властитель Мордора, выведал тайны эльфов-кузнецов, и, желая властвовать над всем миром, выковал на Огненной Горе Кольцо Всевластья» (Я Хр.187). Осталось зло, воплощенное в желании править всем миром, но пропали предательство и хитрость, благодаря которым он исполнил свой злой замысел. Точно так же изгоняется и предается забвению Келебримбор и его роль в раскрытии заговора. Это Толкин, но переделанный в роман меча и магии, безо всякого намека на философию.

У Г&Г формулировка создает ощущение системы дзэн¹¹⁹.

Он начал говорить об эльфийских кузнецах Эрегиона, друживших некогда с гномами Морийского Царства. Эльфы искали все большей и большей мудрости на пути знания, и Саурон подстерег их. <...> Но Саурон, вызнав многие секреты, предал эльфов Эрегион» (Г&Г БК.289, Г&Г₂₀₀₂.399).

Это неудовлетворительная формулировка, поскольку она смешивает *мудрость* и *знание*. Толкин всегда разграничивал эти два понятия. Мудрость — компетенция Гэндальфа (F.76; R.105), Эльронда (F.352, 420, S.298), Глорфиндэля (F.299), Арагорна (R.304, 323) и Арвен Ундомиэль, дочери Эльронда (A.422). Мудрыми являются истари и повелители эльдар (A.456). Саруман когда-то был в числе Мудрых, но его изгнали, и теперь его мудрости хватает лишь на то, чтобы не доверять оркам (Г.210). *Мудрость* — благо, а *знание* — компетенция Сарумана — зло. Поэтому путать одно с другим — это главное отступление от толкиновской философии *знания*.

Злой потенциал знания — одна из главных повторяющихся тем у Толкина. Наиболее четко он просматривается в его пренебрежении к механическим продуктам знания. Такое отношение отражено в его изложении сказания о предательстве эльфийских кузнецов: они «оказались на волосок от того, чтобы взяться за „магию“ и машины» (L.152). Просматривается оно и в его критике «гнусных химиков и инженеров», которые вложили такую силу в руки тех, кто хотел уподобиться царю Ксерксу¹²⁰, «что у людей порядочных, похоже, никаких шансов не осталось». Он видит лишь один просвет, «и это — крепнущая привычка недовольных взрывать фабрики и электростанции» (L.64).

Картина индустриализованного Шира под управлением Лотто в последней части *ВК* — это воплощение идеи Толкина о том, что могло бы произойти, если бы знанию «гнусных химиков и инженеров» было позволено взять верх. Одним из первых нововведений Лотто было разрушение старой мельницы и строительство новой «со множеством колес и разных диковинных приспособлений» (R.361). За ней последовали и другие, и единственным результатом всего этого стали грохот, клубящийся дым,

¹¹⁹ Дзэн-буддизм — разновидность японского буддизма, проповедующий медитацию, созерцание и интуицию как путь к достижению гармонии с окружающим миром. — *Прим. перев.*

¹²⁰ Ксеркс I (? — 465 до н.э.), царь государства Ахеменидов с 486. Сын Дария I. В 480–479 возглавлял поход персов в Грецию, окончившийся их поражением. Убит заговорщиками. — *Прим. перев.*

зловоние, и выбросы грязи. Мельницы работали круглосуточно, и фермер Коттон полагал, что «если они [Шарки и его подручные] собираются превратить Шир в пустыню, то выбрали верный путь» (R.361). Когда закончилось сражение у Байуотера и незваные гости были изгнаны из Ши́ра, хоббиты стали избавляться от «новых мельниц» и сносить все, что было построено «людьми Шарки» (R.373). Хоббиты, подобно Толкину, «не понимали, не понимают и не любят машин сложнее кузнечных мехов, водяной мельницы или ручного ткацкого станка» (P.19).

Толкин использует слова *металл*, *колеса*, *механизмы* и *машины* всегда в отрицательном контексте. Древоград говорит о Сарумане: «у него вместо мозга механизм из стали и колес» (Г.96). В описании Айзенгарда фигурируют «кузницы и огромные печи. Бесконечно вертелись здесь железные колеса и гремели молоты. Ночью из вентиляционных отверстий вырывались столбы пара, освещенные снизу красным отблеском, или голубым, или ядовито-зеленым» (Г.204). В Органке Саруман боролся с энтами при помощи «своих драгоценных машин» (Г.220), как насмешливо назвал их Мерри. «Внезапно по всей равнине скважины и шахты начали извергать и изрыгать огонь и смрадный дым» (Г.221).

Беорн — положительный, хотя и загадочный персонаж, с другой стороны, вообще обходился без вещей, сделанных при помощи кузнечного ремесла, и в его доме, кроме ножей, почти ничего металлического не было (Н.127). Он противопоставлен гоблинам (оркам), которые «делают хитрые штуки». «Не исключено, — повествует рассказчик, — что именно они изобрели некоторые машины, которые доставляют неприятности человечеству, особенно те, что предназначаются для уничтожения большого числа людей за один раз. Механизмы, моторы и взрывы всегда занимали и восхищали их» (Н.70). Толкин видит «особый ужас современного мира» (L.64) в его глобализации. Если не найдется достаточного числа таких, как Фродо, и недовольных, готовых взрывать фабрики и электростанции, чтобы бороться против знаний, направленных во зло, не будет никакого толку, «если привычка эта не распространится по всему миру» (L.64).

Для советского читателя, знакомого с самиздатовской литературой, негативное изображение Толкином *металла*, *колес*, *механизмов* и *машин* явно переключается с романом-антиутопией Евгения Замятина «Мы». Роман был переведен на английский язык в 1924 году, то есть даже раньше, чем был написан «Хоббит». Однако с этого момента роман «Мы» в Советском Союзе был запрещен, поэтому количество советских читателей, для которых подобная ассоциация возникала, было относительно невелико, но на тех, кто ее замечал, она оказывала сильное воздействие. После того, как

роман «Мы» был издан в постсоветской России, количество читателей, заметивших эту параллель, вероятно, возрастет.

Герой Замятина Д-503 — имена были упрзднены, как проявление индивидуализма — служит знанию («Я служил и буду служить знанию») ¹²¹, он математик, строящий ИНТЕГРАЛ — ракету, которая передаст обращение Единого Государства «неведомым существам, обитающим на иных планетах». Он живет за Стеной, которая изолирует «машинный, совершенный мир» (Замятин, с. 60), процветающий «под благодетельным игом разума» (Замятин, с. 14), где работа людей сливается «в точный механический ритм», «в такт, как рычаги одной огромной машины» (Замятин, с. 55). «Тихонько, металлически-отчетливо постукивают [его] мысли» (Замятин, с. 71). Даже фигура замятинского Большого Брата — «Благодетеля» рисуется «металлическими» терминами и движение его руки описано как «медленный, чугунный жест» (Замятин, с. 36). «Все новое, стальное: стальное солнце, стальные деревья, стальные люди» (Замятин, с. 37).

Замятинская «последняя мудрость» основана «только на незыблемых и вечных четырех правилах арифметики» (Замятин, с. 71). К концу романа, общество, наконец, успешно «совершенствуется», развивая способ очистки людей от их способности к мечтам и фантазиям. Подвергнувшиеся этой «Великой операции», номера Единого Государства будут «совершенны», «машиноравны» (Замятин, с. 103), и смогут наслаждаться «математически безошибочным счастьем» (Замятин, с. 14). Однако прежде, чем подвергнуться «Великой операции», Д-503 увидев прошедших ее, понимает, что это уже вовсе не люди: «человек» — это не то: не ноги — а какие-то тяжелые, скованные, ворочающиеся от невидимого привода колеса; не люди — а какие-то человекообразные тракторы» (Замятин, с. 108). Негативное использование Толкином слов *металл*, *колеса*, *механизмы* и *машины* бледнее по сравнению с этим романом, но, тем не менее, содержит сходную философию.

В своем послесловии, сопровождающем публикацию «Мы» в сборнике романов-антиутопий, изданном на исходе эры коммунизма (1989 г.) ¹²², Алексей Зверев дает краткий обзор восприятия романа русскими читателями советской эпохи. Роман был назван «Мы», потому что «В Едином Государстве исключена какая бы то ни было индивидуальность. Подавляется самая возможность стать «я», тем или иным образом выделенным из «мы». Наблюдается только обезличенная энтузиастическая толпа, которая легко поддается железной воле Благодетеля. Заветная идея сталинизма —

¹²¹ Евгений Замятин. *Мы // Антиутопия XX века*. — М.: Книжная палата, 1989. — с. 33.

¹²² Антиутопии XX века. — М.: Книжная палата, 1989.

не человек, но «винтик» в гигантском государственном механизме, который подчинен твердой руке машиниста,— у Замятина показана осуществленной»¹²³. Несмотря на то, что роман был написан в 1920 году, еще до смерти Ленина, этот комментарий демонстрирует, насколько велико было воздействие Сталина на советское общество — настолько, что для многих Сталин являлся ориентиром, по которому определялось восприятие других подобных событий и явлений. Для молодого поколения читателей, однако, этот эффект уже не настолько очевиден.

Злой потенциал знания — это также и библейская тема. Ипполит¹²⁴ писал, что невежество — это дар Господа, намеревавшегося держать каждое существо в его естественном состоянии, предотвращая желание чего-нибудь неестественного¹²⁵. Эта тема приходит напрямик из Книги Бытия. Адам и Ева были изгнаны из Райского Сада после того, как змей соблазнил Еву вкушать плод с дерева познания добра и зла (Бытие 2:9, 17). «И увидела женщина, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание» (Бытие 3:6). Именно это слово, используемое в данных стихах Библии, большинство переводчиков употребили для обозначения цели, к которой стремились эльфы: получить «знание». Исключение составили Бобурь, полностью опустившая этот эпизод, и Яхнин, который ничего не сказал о «жажде знаний» эльфийских кузнецов.

Для русского читателя слово *знание* почти наверняка вызовет ассоциацию со «Знанием — силой» — прочно установившимся названием издающегося с 1926 года ежемесячного научно-популярного журнала, предназначенного для молодежной аудитории. Для большинства русских читателей название этого журнала станет ключевым элементом в восприятии слова *знание*, и, как правило, оно будет положительным. Русскому читателю будет сложно понять различие между толкиновскими *Знанием* и *Мудростью*.

Искушая Гэндальфа, Саруман называет *знание* одной из трех целей, которых они могли бы достичь совместными усилиями.

Мы можем выжидать благоприятного случая, можем, затанув свои мысли глубоко в сердцах, сокрушаться о причиняемом иной раз зле,

¹²³ Алексей Зверев. Зеркала антиутопий // Антиутопии XX века. — М.: Книжная палата, 1989. — с. 341.

¹²⁴ Ипполит (Hippolytus) Римский (около 170 — около 236), христианский писатель и учёный, мученик, пресвитер в Риме. Возможно, ученик Иринея Лионского. Автор полемического труда «Обличение всех ересей» и других догматико-полемических апологетических и экзегетических сочинений (на греческом языке). — *Прим. перев.*

¹²⁵ *The Encyclopedia of Religion*, Mircea Eliade (ed.), New York: MacMillan, 1987, vol. 8, p. 346.

оправдывая, однако, высокую конечную цель — Знание, Право, Порядок (F.340).

Все остальные переводчики, за исключением М&К, Бобырь и Яхнина, в эпизоде искушения Саруманом Гэндальфа перевели *Knowledge* словом *Знание*. И Бобырь, и Яхнин вольно интерпретируют этот отрывок. Рассказчик Бобырь сокращает повествование до двух абзацев, опуская философскую суть эпизода (Б.59–60). Яхнин переделывает эпизод Искушения Гэндальфа, заменяя предлагаемые *Знание, Право, Порядок* простой угрозой. Саруман у Яхнина сообщает Гэндальфу, что в мире появилась Новая Сила. Это Великий Властитель, и его не могут победить ни люди, ни эльфы, ни гномы, «ни тем более — слабые хоббиты». Чтобы спасти Средиземье, они должны дать ему Кольцо Всевластья, «иначе мир погрузится во Тьму и не успеет ни одно живое существо» (Я Хр.195). Это прямое описание угрозы, гораздо более пугающее, чем то, которое дает читателю в этом эпизоде сам Толкин.

Гэндальф Яхнина устраняет все недомолвки и спрашивает, не Саурон ли этот Великий Властитель. Саруман подтверждает, что это именно так. После чего Гэндальф отклоняет предложение Сарумана, указывая на непоследовательность его действий по спасению мира. «Но он и есть Повелитель Тьмы и Владыка Мрака. Как же, по-твоему, власть Тьмы спасет мир от Мрака?» (Я Хр.196). Логическим продолжением этого является вопрос яхнинского Гэндальфа — стал ли Саруман одним из подручных Саурона? Рассказчик Яхнина предоставляет и ответ. Гэндальф видит одно из Девяти колец на пальце Сарумана. Яхнин рисует захватывающую сцену, но ей недостает философской тонкости и отсутствия нюансов толкиновских штрихов. Это дешёвая подделка, а не художественная репродукция, какой должен быть хороший перевод.

У М&К есть две различные версии трех целей. И обе значительно отступают от текста Толкина. В первом издании (1982 г.), цели Сарумана, согласно М&К были «Мудрость, Всеобщее Благоденствие и Порядок» (М&К Х₁₉₈₂.191). Цели настолько превосходные, что каждая из них могла бы улучшить общество. *Мудрость* — цель, достойная похвалы, и необходимое условие существования цивилизованного общества. *Всеобщее Благоденствие* — основа перевода на русский язык термина *The Welfare State* — *Государство всеобщего благоденствия*¹²⁶. *Порядок* — необходимое условие функ-

¹²⁶ «Государства всеобщего благоденствия теория», одна из современных буржуазно-реформистских апологетических теорий о сущности капиталистического общества и буржуазного государства, которое изображается как сила, устраняющая несправедливость и социальное неравенство. (БСЭ) — *Прим. перев.*

ционирования общества. Однако не они являются целью толкиновского Сарумана. Он добивается «Знания, Права, Порядка». Замена *Знания Мудростью* переворачивает с ног на голову всю систему ценностей ВК. Для Толкина Мудрость — положительная черта, компетенция истари и эльдар. *Знание* — отрицательная черта, компетенция Сарумана и Саурона. Жажда знаний стала причиной падения эльфийских кузнецов и причиной изгнания из Рая Адама и Евы. Такие цели могли быть заимствованы прямоком из романа «Мь» Замятина. «Последняя мудрость» Замятина основывалась «на незабываемых и вечных четырех правилах арифметики». Существительное в формулировке *Всеобщее Благодеяние* имеет общий корень с замятинским Благодетелем. *Порядок* — результат математической завершенности.

Во втором издании М&К (1989 г.), вышедшем накануне падения коммунизма, эти три ценности уже изменились. Они превратились во «Всезнание, Самовластие и Порядок» (М&К X₁₉₈₈.320). Это цели Сарумана — «Знание, Право, Порядок», но в их крайнем проявлении. Здесь потенциальный обладатель Кольца прозрачно напоминает деспотического Сталина, который все это хорошо знал и железной рукой поддерживал порядок.

Omniscience очень редко переводят на русский язык словом *всезнание*. Оно даже не значится в наиболее популярном русском толковом словаре¹²⁷, более общепринятый перевод — *всеведение*. *Всезнание* вышло из употребления благодаря близкому родству с уничижительным словом *всезнайка*, которое и заняло место *всезнания* в толковом словаре. Каждый читатель, потрудившийся поискать в нем *всезнание*, немедленно наткнется именно на это значение, хотя для того, чтобы подобная ассоциация возникла, многим вообще не понадобится заглядывать в словарь. Для советского читателя, выросшего в атмосфере деспотизма, значение слова *всезнайка* будет ясно указывать на пренебрежительный эпитет в адрес Сталина, которого почитали непререкаемым авторитетом в любой области знаний. Эта особенность его культа личности была увековечена в песне Юза Алешковского, начинающейся словами: «Товарищ Сталин! Вы — большой ученый». Запоминающийся образ и изящная формулировка. Во втором издании М&К для советского читателя зло трех целей несравнимо более ужасно, чем у Толкина; и имеет гораздо более отчетливый советский привкус.

В письме в 1943 года к своему сыну Кристоферу, призванному в Королевские Воздушные силы, Толкин писал: «самое неподобающее занятие для любого <...> — это распоряжаться другими людьми. На миллион человек не найдется ни одного, кто бы подходил для такой роли, а уж ме-

¹²⁷ Ожегов/Шведова, с. 104.

нее всего — те, что к ней стремятся» (Л.64). Осуждение, аналогичное толкиновскому, тех, кто стремится братья за узды правления, можно увидеть и в стихах популярного русского барда-диссидента советского периода А. Галича, которые цитируются в современном переиздании романа Замятина «Мь»¹²⁸. В этих стихах Галич предупреждает читателя:

Не бойтесь чумы, не бойтесь тюрьмы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»¹²⁹

Контекст предложения, предшествующего трем целям, также выдержан в советском духе, и этот эффект еще усиливается при помощи искусного приукрашивания, добавленного М&К.

О наших планах никто не узнает, нам нужно дождаться своего часа, и сначала мы будем даже осуждать **жестокие методы Новой Силы, втайне** одобряя ее конечную цель (М&К X₁₉₈₂.191, X₁₉₈₈.320).

Дж. Р. Р. Т.: Мы можем выжидать благоприятного случая, можем, затаив свои мысли глубоко в сердцах, сокрушаться о причиняемом иной раз зле, оправдывая, однако, высокую конечную цель (F.340).

Добавляя всего несколько с виду простых слов, М&К удастся перенести советского читателя назад к периоду Октябрьской революции и Гражданской войны. Осуждение жестоких методов Новой Силы при тайном одобрении ее конечной цели напоминает полемику между Карлом Каутским и Львом Троцким в начале 20-х годов, когда новая сила, пришедшая к власти в России — большевики — использовала эти же постулаты для достижения окончательной цели коммунизма. Каутский был известным социалистом и противником большевиков. Он лично знал Маркса и Энгельса и был их главным литературным душеприказчиком. Его влияние на социалистическое сообщество распространялось по всему миру. Троцкий в то время был еще одним из лидеров нового российского правительства, которое утверждало свою власть высоко поднятым мечом.

За Октябрьской революцией последовало всеобщее ожидание того, что волна социализма захлестнет весь мир. В то время как русские выбрали в качестве своих методов революцию и террор, большая часть социалистического движения Западной Европы хотела достигнуть тех же целей

¹²⁸ Антиутопии XX века. — М.: «Книжная палата», 1989. — с. 5.

¹²⁹ Поэма о Сталине. Глава 5: Глава, написанная в сильном подпитии и являющаяся авторским отступлением.

с помощью демократического парламентского процесса. Троцкий защищал жесткие методы нового Советского государства от критики Каутского¹³⁰. В ответ на книгу Каутского «Терроризм и коммунизм» он дал идейное обоснование террора: «Устрашение является могущественным средством политики и надо быть лицемерным ханжой, чтобы этого не понимать»¹³¹. Троцкий был не единственным, кто полемизировал с Каутским. Международная известность Каутского привела к тому, что на него ополчились все. Вкладом Ленина в драку стала речь на IV Региональной Конференции Чрезвычайной Комиссии (ЧК) 6 февраля 1920 года, в которой он сказал: «История показала, что без революционного насилия невозможно достигнуть победы. Без революционного насилия, направленного на прямых врагов рабочих и крестьян, невозможно сломить сопротивление этих эксплуататоров»¹³². Бухарин высказал мнение о том, что: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрела... является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи»¹³³. Однако наиболее меткую квинтэссенцию всех этих споров, можно найти в передовице первого выпуска газеты «Красный Меч», органа Украинского ЧК: «Для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации низших классов»¹³⁴.

По сдержанной оценке Роберта Конквеста за период правления Ленина в России между 1919 и 1923 годами минимум 200 000 человек были расстреляны по официальному приговору и еще, по крайней мере, 300 000 умерли в тюрьмах и лагерях из-за плохого обращения, голода и болезней¹³⁵. Методы Новой Силы были действительно жесткими. Когда моряки Кронштадта подняли восстание против нового режима в марте 1921 года, одним из поводов для него послужило то, что новый режим «принес рабочим

¹³⁰ Karl Kautsky, *Terrorism and Communism: A Contribution to the Natural History of Revolution*, translated by W.H. Kerridge, London: The National Labour Press, 1920; reprinted in 1973, Westport, CT: Hyperion Press.

¹³¹ Leon Trotsky, *Terror and Communism: A Reply to Karl Kautsky*, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1961; reprinted in 1986, Westport, CT: Greenwood Press, pp. 58–59.

¹³² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, 5-е изд., том 40 (декабрь 1919 — апрель 1920). — М: Государственное издательство политической литературы, 1963. — с. 117.

¹³³ Цитируется в: Сергей Петрович Мельгунов. Красный террор в России: 1918–1923, изд. 2-е дополненное. — Берлин, 1924. — с. 55.

¹³⁴ Цитируется в: Мельгунов, с. 70.

¹³⁵ Robert Conquest, *The Human Cost of Soviet Communism*, Washington: Committee on the Judiciary, United States Senate (91st Congress, 2nd Session), 1970, p. 11.

вместо свободы повсеместный страх оказаться в пыточных камерах ЧК, которые во много раз ужаснее жандармских участков царского режима»¹³⁶.

«Новая Сила» M&K находит отражение в формулировке Волковского: его «новый порядок» не менее красноречив (В ДК.360). Однако его перевод трех целей несколько напоминает Г&Г.

Неоднозначность толкиновской формулировки трех целей Сарумана оказалась крепким орешком для переводчиков. Их версии разделились на два основных лагеря по принципу передачи слова *rule*. Вариант перевода Г&Г *Rule* — с четырьмя поданными за него голосами — представляет самый большой лагерь. К Г&Г присоединились Немирова (Н ХК.304) и Александрова. У них у всех версия трех целей — «Знание, Власть, Порядок» (Г&Г БК.309, Г&Г₂₀₀₂.416). Волковский подал четвертый голос за *Власть* (В ДК.360). Перевод *Rule* словом *Власть* четко фокусирует внимание на значении слова *rule* в Заклинании Кольца: «One Ring to rule them all» («Одно Кольцо, чтобы властвовать над ними всеми»), которое совершенно недвусмысленно вытекает из его контекста. Для русского читателя подобный перевод зловец переключается с утверждением Толкина, сделанном в одном из писем: «„власть“ (*power*) во всех этих преданиях — слово злоещее и недоброе, за исключением тех случаев, когда оно применяется по отношению к богам» (L.152). Предлагать Гэндальфу объединить силы ради *Власти* — это уже явно чересчур, и никак не может служить правдоподобным искушением. Учитывая, что Саруман был известен могуществом своих речей, этим переводчикам следовало бы более тщательно выбирать слово для создания наилучшего эффекта. *Власть* — то, о чем Саруман, возможно, думал про себя, но не то, что произносил бы вслух. Формулировка Толкина, как видно из различных вариантов передачи переводчиками трех целей, достаточно неоднозначна.

Использование *Власти* как ключевой цели трех искушений переключается с переводом названия Кольца Саурона: «the Ruling Ring» (F.340). Пятеро переводчиков назвали его *Кольцом Всевластия* (M&K X₁₉₈₂.191, X₁₉₈₈.320; ВAM СК.81; В ДК.360; Н ХК.304; Я Хр.195). У Бобырь, К&К и Александровой похожий вариант: *Кольцо Власти* (Б.60; К&К СК.389). Это однозначно склоняет чашу весов в пользу *власти* в толкиновском уравновешенном, сдержанном высказывании о Кольце. В стране, где лозунг Октябрьской революции 1917 года «Вся Власть Советам!» ежедневно пережевывался в

¹³⁶ «Izvestia of the Provisional Revolutionary Committee of Sailors, Red Army Men and Workers of the Town of Kronstadt», 8 March 1921, Quoted in Conquest, p. 11. (Цитата приводится по английскому переводу данной газетной статьи. — *Прим. перев.*)

школах до тех пор, пока государство, пришедшее к власти под этим лозунгом, не развалилось в начале 90-х годов, термин *Всевластье* имеет убедительную политическую окраску. В русском языке валентность слова *власть* непосредственно соотносится с правительством и носит отчетливо политический характер. Переводчики, использовавшие это слово, находились, скорее, под влиянием русского менталитета, нежели Толкина. Только Г&Г и Грузберг использовали политически нейтральные варианты. Г&Г назвал его *Великим Кольцом* (Г&Г БК.310, Г&Г₂₀₀₂.416). Грузберг, как всегда верный оригиналу, назвал его *Правящим Кольцом*.

У Волковского первые две из трех целей абсолютно идентичны варианту Г&Г: «Знание, Власть». Однако его третья цель, похоже, является возвратом к первому изданию М&К: «Мудрость, Всеобщее Благодеяние и Порядок» (М&К X₁₉₈₂.191). Саурон Волковского соблазняет Гэндальфа возможностью достижения «Всеобщего Лада» (В ДК.360), что напоминает антиутопию Замятина, где номера Единого Государства работают «в точном механическом ритме <...> с механической четкостью <...> машиноравно», наслаждаясь «математически безошибочным счастьем».

В контексте с *rule and order* (*право и порядок*) слово *rule* (*право*) может напоминать о выражении *общественный правопорядок*, что является синонимом *законности* и *правовой нормы*. Подобные выражения часто встречаются в религиозных текстах — то есть в таком контексте, в котором Толкин чувствовал себя как дома — где *право* и *порядок* появляются вместе настолько часто, что их можно рассматривать как устойчивую идиому. Такую фразу, например, дважды находим в проповеди Джона Оуэна (1616–1683), в которой он говорит: «Следуйте церкви усердно и по правилам. Когда я говорю о правилах, я имею в виду жизнь по правилам. Ничто так не гнетет меня, как подозрение, будто бы Господь отошел от собственных установлений из-за грехов людских, оставив нам лишь каркас мирских правил и законов. Зачем ему делать это? Ради нас самих? Нет; но для того, чтобы мы могли облачиться в любовь и веру, смирение духа и сострадание, бдительность и усердие. Уберите их — и можете прощаться со всеми мирскими правилами и законами, каковы бы они ни были»¹³⁷. Аналогичные взгляды выражает в своем эссе и современник Толкина, Г. К. Честертон (1874–1936). В книге «Ортодоксия», в 6-й главе «Парадоксы Христианства», Честертон¹³⁸ пишет¹³⁹: «[С наступлением христианской эры] мы должны

¹³⁷ «Perilous Times: II Timothy 3:1» <<http://www.sovereign-grace.com/357.htm>>.

¹³⁸ Gilbert K. Chesterton, *Orthodoxy*, London: The Bodley Head, 1957, p. 158. This is the 18th printing. The first printing was in 1908.

возмущаться кражей сильнее, чем прежде, и быть добрее к укравшему, чем раньше. Гнев и милость вырвались на волю, где смогли разгуляться без оглядки. И чем больше я присматривался к христианству, тем яснее видел: оно установило правила и порядок, и целью этого порядка было выпустить на волю все добродетели, где они смогли разгуляться без оглядки» (использован перевод Н. А. Трауберг)¹⁴⁰.

В своем переводе «Ортодоксии» Честертон, Н. А. Трауберг, успешно и профессионально справилась с фразой *rule and order... order*, игнорируя *право* и оставляя только *порядок*. Ее версия звучит так: «И чем больше я присматривался к христианству, тем яснее видел: оно установило порядок, но порядок этот выпустил на волю все добродетели».

Именно с этой точки зрения К&К, ВАМ и Грузберг подходят к искушениям, которые предлагал Саруман. К&К и ВАМ перевели *Rule* словом *Закон*, как в словосочетании *власть закона* (К&К СК.388; ВАМ СК.296). Грузберг выбрал *Право*, как в слове *правопорядок*. Хотя *закон* — более буквальное значение *rule*, чем то, которое выбрал Грузберг, тем не менее, его выбор более привлекателен с философской точки зрения, как политическая система, при которой предстоит жить. Такая цель показалась бы более привлекательной и в глазах Гэндальфа. Симпатии Сарумана больше склонялись бы к жесткому правопорядку (закону).

Версия Грузберга лучше и с лингвистической точки зрения, поскольку наиболее близко передает неоднозначность и повторы толкиновского оригинала, где *Право* — одно из трех искушений («Знание, Право, Порядок»), переключается с Заклинанием Кольца: «One Ring to rule them all», и с формулировкой «Правящее Кольцо». В версии Грузберг-А, перевод *Rule* словом *Право* отлично вторит его Заклинанию: «Одно Кольцо, чтобы править всеми ими», и его переводу «the Ruling Ring» как «Правящее Кольцо» (F.340). Никому из остальных переводчиков не удалось повторить это достижение. В более поздних версиях перевода Грузберга Заклинание изменено, и связь ослабляется. В версии Грузберг-В, перевод *rule* в Заклинании по-прежнему основан на том же корне, но с приставкой, которая изменяет его значение: «Одно Кольцо, чтоб ими управлять».

¹³⁹ «[With the coming of Christianity] we must be much more angry with theft than before, and yet much kinder to thieves than before. There was room for wrath and love to run wild. And the more I considered Christianity, the more I found that while it had established a rule and order, the chief aim of that order was to give room for good things to run wild».

¹⁴⁰ Gilbert K. Chesterton, Вечный человек (перевод с английского Н. Трауберг, Л. Сумм). — М.: Политиздат, 1991. — с. 427. (см. также http://www.benjamin.ru/gkc/ortodoxy_chapter_6.html)

Эта сцена, восстановленная в версии Уманского, предлагает читателю совершенно оригинальный, необыкновенно меткий перевод высокой конечной цели, достижением которой Саруман искушает Гэндальфа: «Знание, Принципы, Порядок» (У II.382). В некотором смысле, Уманский присоединяется к К&К, ВАМ и Грузбергу в том, что принципы являются по сути своей неписаным законом, по которому живут люди. Для Гэндальфа это было бы мощным стимулом объединить свои силы с Саруманом. Этот стимул не настолько жесткий, как закон (устав или право), поскольку принципы могут быть более гибкими. В то же время, это очень двусмысленный термин, потому что принципы исключительно индивидуальны. Принципы Сарумана никак не подходят Гэндальфу. Это, несомненно, более подходящий перевод слова *Rule*, чем *Власть*, и он обладает определенной привлекательностью по сравнению с изданными переводами, но перевод Грузбергом *Rule* как *Права* остается лучшим из всех.

Глава VII

ОДИН ДЕНЬ ФРОДО ДРОГОВИЧА:

Сталин и Ежов в Шире

Засыпал [Иван Денисович] Шухов вполне удовлетворенный.

Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый.

А. Солженицын.

Один день Ивана Денисовича

В своем первом примечании к восьмой главе шестой книги («Беспорядки в Заселье») К&К пишут, что, по единодушному признанию исследователей, эта глава — пародия на социализм в стиле таких антиутопий, как «1984» и «Скотный двор» («Звероферма») Джорджа Оруэлла и описания муравьиной цивилизации в «Короле былого и грядущего» Теренса Хэнбери Уайта. Они также ссылаются на общезвестное, крайне отрицательное мнение Толкина о такой политической системе, цитируя его письмо Кристоферу (L.64) от ноября 1943 года. «У Толкина, — пишут они, — никогда не было никаких сомнений по поводу истинного лица социалистической утопии, которую пытается внедрить Лотто Саквиль-Бэггинс» (К&К ВК.647).

Параллели между этой главой и советским обществом, несомненно, очевидны любому, кто изучает советскую историю. Однако этого не скажешь о многих современных русских читателях, которые весьма агрессивно реагируют на предположение, что данная глава действительно описывает Сталина. В советское время только ее было бы достаточно, чтобы включить ВК в список запрещенных цензурой книг. Несомненно, это одна из причин, по которым третий том так и не был официально издан вплоть до 1992 года, и появился уже лишь в посткоммунистической России — десять лет спустя после первой официальной публикации «Хранителей».

Муравьев, который переводил «Возвращение Государя» уже после смерти Кистяковского, даже не попытался сделать свою версию этой главы, наполненную реалиями советских времен, более пригодной для прохождения цензуры. Его вариант эпизода, в котором предводитель шпирриффов приказывает Фродо сохранять спокойствие, изобилует выражениями ярко стилизованной пародии на жаргон арестов и показательных процессов середины 30-х годов.

Сударь, сударь, одумайтесь. Согласно личному приказу **Генералиссимуса** вы обязаны немедля и без малейшего сопротивления проследовать под нашим **конвоем** в Приречье, где будете сданы с рук на руки **охранцам**. Когда **Генералиссимус** вынесет приговор по вашему делу, тогда и вам, может быть, дадут слово. И если вы не хотите провести остаток жизни в **Исправнорах**, то мой вам совет — прикусите языки (М ВГ.314—315).

Версия Толкина, для сравнения, совершенно не оказывает столь мощного воздействия на советского читателя. Как всегда, она — воплощение британской сдержанности.

Довольно, довольно, сударь! Сохраняйте спокойствие, так шеф приказал. Мы отведем вас в Байуотер и передадим людям шефа; и когда он начнет разбирать ваше дело, тогда и сможете высказаться. Но если вы не хотите оставаться в Тюремных норах дольше, чем требуется, советую вам говорить покороче (R.346).

Изящное подражание советскому чекисту, производящему арест, у Муравьева не уступает образу копируемого Толкином английского полисмена, выполняющего свои обязанности. Оба они — расхожие типажи для сцены, экрана и литературы. Читатель может идентифицировать говорящего как полицейского просто по манере речи, даже если его профессия не указана в тексте.

Однако политически заряженная терминология в версии Муравьева, придает этому эпизоду более зловещий, специфически советский оттенок. Первый такой термин в эпизоде — *Генералиссимус*. В Советском Союзе существовал только один Генералиссимус — Сталин. Статья в «Большой Советской Энциклопедии» 1952 года издания, озаглавленная «Генералиссимус Советского Союза»¹⁴¹, занимает четыре колонки и включает портрет Сталина во всю страницу. Статья не оставляет сомнений в том, что, увидев

¹⁴¹ Большая советская энциклопедия, т. 10, 1952, «Генералиссимус Советского Союза», с. 401–403.

одного советского Генералиссимуса, знакомившись с ним со всеми. Практически каждый советский читатель незамедлительно заменил бы *Генералиссимуса* на Сталина, и предложение воспринималось бы как: «согласно личному приказу Сталина <...>».

Волковский делает маленький шаг назад от края политического обрыва, к которому Муравьев подвел свой текст. Он использует термин *Главкомандующий* (В ВГ.490) вместо *Генералиссимуса* у Муравьева. В период Второй мировой войны Сталин был Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба, что приблизительно соответствует субординации, существующей между президентом и начальниками штабов в США. Это слово придает тексту прозрачный военный оттенок, равно как и многие другие фразы Волковского. В его формулировке содержится намек на Сталина. У Муравьева же этот намек деликатен, как брошенный в окно кирпич.

Слово, которое употребил Толкин для названия этой должности, было просто *Chief* — *Шеф, Начальник, Руководитель, Глава*. Все остальные переводчики нашли для него подходящий альтернативный вариант. К&К использовали наиболее распространенный перевод слова *Chief: Начальник* (К&К ВК.385). Хотя у него тоже есть некоторые ассоциации с советским периодом, они не настолько сильные, чтобы наложить откровенно советский отпечаток на весь эпизод. Г&Г выбрали архаичное слово *Предводитель* (Г&Г ВК.306, Г&Г₂₀₀₂.1000), его же использовала и Бобырь (Б.483). Для русского читателя это слово совершенно свободно от советского багажа. Уманский, который полностью восстановил эту главу в своей редакции сокращенного перевода Бобырь, употребил слово *Правитель*, которое также имеет некоторые исторические ассоциации (У IV.835). ВАМ изящно обошла проблему, используя слово *Шеф* (ВАМ СК.315), которое происходит от французского *chef*, как и английское *chief*. По существу, этот вариант не имеет никакого специфически советского контекста. Грузберг полностью избежал всяких потенциально советских ассоциаций, употребив абсолютно иноязычное слово: *Шериф*. Это не просто транслитерация, но и, как указано в «Советском энциклопедическом словаре» (СЭС, с. 1532), заимствованное из английского языка слово, благодаря которому повествование Толкина остается английской историей английского писателя, а не приобретает русский антураж. Александрова заменила *Шерифа* Грузберга словом *Голова*, что значит: «человек, отвечающий за что-то», например, городской голова, голова управы. В таком значении оно пришло из досоветского прошлого. В словаре говорится, что это значение было в обиходе до революции 1917 года (БТСРЯ, с. 214). Немирова решила, что

Chief должен быть *Губернатором*, — еще одно слово с иностранными и до-революционными ассоциациями. Однако она поместила его в кавычки, дистанцируясь, таким образом, от первоначального значения (Н ВК.281). Яхнин использует вымышленный титул, словно выпавший со страниц римских хроник. Его перевод слова *Chief* — «его главенство *Капитанус Хоббитанус*» (Я ВК.287). С таким, безусловно, широким выбором возможных вариантов более-менее нейтрального перевода слова *Chief*, решение Муравьева использовать именно *Генералиссимуса* было принято, очевидно, для усиления воздействия на советского читателя.

Для тех, кто мог бы пропустить скрытый в *Генералиссимусе* смысл, несколькими страницами дальше Муравьев вслед за Толкином заменил кличку *Шефа* на другой термин в том же самом ключе. В эпизоде, где рассказывается о первом убитом в ходе Восстания, предводитель бандитов, прибывших, чтобы восстановить порядок, говорит: «Босс начинает сердиться» (R.358). Муравьев превращает *Босса* в *Вождя* (М ВГ.326), что является еще более распространенным эпитетом Сталина. Генералиссимусом он стал только в 1945 году. Эдвард Радзинский повсеместно в своей книге¹⁴² использует по отношению к Сталину именно слово *Вождь*. В кругах русских политэмигрантов часто было принято с большим восторгом указывать на то, что *Вождь* — это буквальный русский перевод *der Führer* — эпитета Гитлера.

Вождь настолько однозначно воспринимается в контексте данной главы, что ни один другой переводчик не осмелился его использовать. ВАМ перевела *Boss* как *Шеф* (ВАМ ВК.327), используя то же самое слово, что и для *Chief* — просчет, который никогда не одобрил бы Толкин. Будучи филологом, он подбирал слова настолько тщательно, что, если использовал два различных названия, то и переводить их следует также двумя разными словами. Версия *Босса* у K&K была такая же: *Шеф* (K&K ВК.398), что хорошо подходит для второго элемента пары *Chief/Boss* — *Начальник/Шеф*. Г&Г избежали проблемы обычным для них способом, попросту опуская фразу со вторым прозвищем (Г&Г ВК.317, Г&Г₂₀₀₂.1007). Волковский и Яхнин составили им компанию (В ВГ.510; Я ВК.298–299). Грузберг, оставаясь верным своей цели не русифицировать повествование, употребил еще одно слово, заимствованное из английского, такое, о котором, когда я учил русский язык, все студенты — с напускной серьезностью — говорили: «это — старое русское слово». Перевод Грузберга — *Босс*. Оно точно соответствует другой половине его пары *Chief/Boss* — *Шефиф*. Александрова не согла-

¹⁴² Эдвард Радзинский. Сталин. Жизнь и смерть. — М: Вагриус, 2003.

сила с этим и заменила второй элемент пары на *Хозяина*, слово, которое употребил также и Уманский (У IV.843), что по тону соответствует ее использованию *Головы* в досоветском значении. В рамках того времени *Хозяин* был владельцем поместья или состояния. Тем не менее, ее выбор неудачен по нескольким причинам. В контексте Толкина, слово *Хозяин* уже используется применительно к Тому Бомбадилу и Фродо как хозяину Сэма. Толкин никогда не одобрил бы употребления одного и того же слова в таком двойном назначении. В советском контексте, окружение Сталина называло его не иначе, как Хозяин. Это вновь добавляет политический нюанс, которого однозначно стремился избежать Грузберг. У Немировой «Губернатору» соответствует *начальство*, существительное, которое обычно означает несколько больших начальников, а в разговорной форме используется в значении *босса*.

В версии Муравьева следующим политически заряженным словом в эпизоде ареста было *конвой* (фраза «проследовать под нашим конвоем»). Хотя слово *конвой* по смыслу не отличается от английского *convoy*, применительно к военно-морским конвоям периода Второй мировой войны, но «под конвоем» заключенных доставляли в ГУЛАГ. Эта фраза выделяется в описании Надежды Яковлевны Мандельштам того, как НКВД использовало «бессонный режим» и многочасовое ожидание «под конвоем» у дверей следователя в качестве тактики допросов в тридцатые годы¹⁴³. Примеры, которые предлагает толковый словарь для *конвоира* и *конвоировать*, непосредственно относятся к *заключенным* (БТСРЯ, с. 447–448). «Военный энциклопедический словарь» далее уточняет, что обязанности вооруженного конвоя возложены на специальные милитаризованные части Министерства внутренних дел (МВД), выполняющие задачи по охране и сопровождению (конвоированию) арестованных, осужденных, военнопленных (с. 350) <...> а также находящихся под следствием и судом или осужденных (с. 349)¹⁴⁴. Для советского читателя слово *конвой* связано со значительно более мрачными образами, чем эрзац-полисмен Толкина, предлагающий Фродо «сохранять спокойствие».

У других переводчиков фразы о том, как хоббитов попытались препроводить в Байуотер, были гораздо банальнее. Вариант Грузберга наиболее точно соответствовал оригиналу, без всяких попыток подражать стилю речи советского чекиста. Его полицейский говорит Фродо: «Шериф приказал, чтобы вы вели себя спокойно. Мы отведем вас в Байуотер». Подход Груз-

¹⁴³ Н. Я. Мандельштам. Воспоминания. — М.: Книга, 1989. — с. 69.

¹⁴⁴ Военный энциклопедический словарь. — М.: Воениздат, 1983. — с. 349–350.

берга сохраняет иностранный характер повествования, и не обременяет его каким бы то ни было советским психологическим багажом, который мог бы оказаться у читателя. Даже трактовка Грузберга названия *Vunwater* — это транслитерация, а не перевод: *Байуотер*. Такая транслитерация скорее передает звучание слова, а не его написание. Александрова внесла некоторые стилистические изменения и преобразовала *Байуотер* в *Приречье*, которое явно лидирует — за него проголосовало большинство переводчиков.

У К&К и ВАМ полицейские в романе просят Фродо: «следовать за нами» (К&К ВК.385; ВАМ ВК.315). Эрзац-полисмен у Волковского говорит, что ему приказали «доставить» Фродо в Заручье «без лишнего шума» (В ВГ.490). Карикатурный полицейский у Немировой велит «последовать за нами без сопротивления!» (Н ВК.281). Г&Г целиком замяли вопрос о сохранении спокойствия, как всегда, ощутив это в своей версии.

По приказу Предводителя я должен передать вас его людям в Уволье (Г&Г ВК.306, Г&Г₂₀₀₂.1000).

Дж. Р. Р. Т. (купюры **выделены**): **Сохраняйте спокойствие**, так шеф приказал. **Мы отвеем вас** в Байуотер и передадим людям шефа <...>.

Бобырь отправила всю эту сцену в небытие, но Уманский восстановил ее, не используя нарочитые намеки на советскую действительность. Его карикатурный полицейский говорит:

Есть приказ Правителя, чтобы вы вели себя тихо. Нас послали препроводить вас в Байуотер и передать Людям Правителя (У IV.835).

Яхнин превращает собирающихся совершить арест полицейских в оралу запуганных шутков. Когда полицейский у Яхнина зачитывает свою официальную речь, рассказчик сообщает читателю, что полицейский замечает, как Фродо хватается за свой меч (что совершенно нехарактерно для толкиновского Фродо). Эрзац-полисмен Яхнина сразу приходит в замешательство и начинает запинаться и мямлить, что они, дескать, лишь выполняют распоряжение (Я ВК.287). Полицейские подобного толка вообще не представляют никакой угрозы, и Фродо с компанией вдоволь посмеялись над ними.

Оправдание «я лишь выполнял распоряжение» доказало свою несостоятельность на Нюрнбергском процессе и повсеместно привило солдатам и полицейским ощущение личной ответственности. Личная ответственность и свобода выбора — сердцевина философии Толкина, и ответ полицейского у Яхнина — плевок в лицо толкиновскому мировоззрению. Толкин вы-

двигает на первый план свободу выбора у Бильбо и Фродо в «Походе на Эребор», где Фродо говорит, что каждый из них — и он, и Бильбо — могли бы отказаться делать то, что они делали, и что Гэндальф «был бы не в силах заставить» их. Ему не дозволялось даже пытаться (АН₂₀₀₂.370).

В то время как Гэндальфу не дозволялось их принуждать, Темные силы подобного ограничения не имеют. Толкин показывает это, оправдывая участие Робина Смоллбарроу в действиях пиррифов. Участие Робина вынуждено. Если кто-нибудь из хоббитов отстаивает свои права, сознавая свою личную ответственность, люди Шефа тащат их в тюрьму или избивают (R347). Философская пропасть между оправданием полицейского у Яхнина и тем, как оправдывается Робин Смоллбарроу, столь же глубока, как Большой Каньон. Яхнин опускает слова Смоллбарроу, которые в политическом климате СССР произвели бы эффект разорвавшейся бомбы на советского читателя, которому ситуация Робина показалась бы неприятно знакомой. Оправдание Яхнина не сильно побеспокоило бы советского цензора, настолько явно оно указывало на нацистов, а не на советских чекистов как прототипов отрицательных персонажей. Хотя пересказ Яхнина был издан в постсоветский период, тем не менее, до некоторой степени его версия является вполне советской.

Ответ на вопрос, кому Фродо с компанией были бы переданы в Байутере, стал в версии Муравьева третьим политически заряженным словом в этом эпизоде. Согласно Муравьеву, в Приречье они были бы «сданы с рук на руки охранцам» (М ВГ.314) — явная ссылка на царскую охранку. Для советского читателя, переход от одной позорной тайной полиции — неважно, царской или нет, — к другой — НКВД, КГБ — осуществлялся бы почти машинально. В толкиновском оригинале Фродо с компанией должны были быть переданы «людям Шефа» (R.346). Само собой разумеется, что у других переводчиков варианты «людей Шефа» были гораздо более нейтральными. Этим третьим заряженным ключевым словом, Муравьев готовит сцену для последующего «показательного процесса». Для советских читателей из версии Муравьева однозначно следует, что Фродо с компанией, арестованных по приказу *Генералиссимуса* (Сталина), доставят под конвоем в Приречье, где их передадут *охранцам* (НКВД — предшественник КГБ), для «выбивания» из них показаний, которые затем могут быть использованы на показательном процессе.

То, что Муравьев имел в виду показательный процесс, явствует из его описания суда. На этом суде, по версии Муравьева, Фродо не сможет выступать в свою защиту, вплоть до вынесения приговора. В своей книге о

показательных процессах Джоэл Кармайкл пишет: «в подавляющем большинстве случаев о защите речь вообще не шла»¹⁴⁵.

Когда Генералиссимус вынесет приговор по вашему делу, тогда и вам, может быть, дадут слово (М ВГ.314–315).

Версия Муравьева соответствует тому, о чем рассказывала в своих мемуарах¹⁴⁶ Надежда Яковлевна Мандельштам, жена репрессированного поэта Осипа Эмильевича Мандельштама. Приговор был предопределен, пишет она. Многие процессы проводились по подготовленным сценариям, которые включали и заранее вынесенный приговор¹⁴⁷. С другой стороны, суд, по версии Толкина, является отражением английской судебной системы. Обвиняемый имеет возможность выступать в свою защиту в процессе слушаний. «Когда он [Шеф] начнет разбирать ваше дело, тогда и сможете высказаться» — уведомляет полицейский у Толкина (R.346). Однако обвинительный приговор и в версии Толкина тоже предопределен заранее, что вытекает из совета предводителя шпиррифов: «Но если вы не хотите оставаться в Тюремных норах дольше, чем требуется, советую вам говорить покороче» (R.346).

И срок тюремного заключения, и место его отбывания, в версии Муравьева, конечно, являются слепком с советской действительности. В его переводе *Lockholes* превратились в Исправноры, вымышленное слово, созданное на основе сокращения: *исправ.* Использование сокращенной, а не полной формы слова придает *Исправнорам* поразительно злорадный привкус бюрократического жаргона, который является очень тонким, но искусно добавленным мазком в определении характера предводителя шпиррифов. Полная форма — «исправительно-трудовой» — прилагательное, которое используется только как часть официального названия тюрем. Единственный пример, который дается в «Толковом словаре русского языка» — это исправительно-трудовая колония¹⁴⁸, остров в архипелаге ГУЛАГ.

По версии Толкина, срок тюремного заключения, к которому собираются приговорить Фродо, не определен: «не дольше, чем требуется». Тем не менее, такая формулировка предполагает возможное освобождение из тюрьмы. Толкин намекает, что срок мог быть совсем небольшим — около

¹⁴⁵ Joel Carmichael, *Stalin's Masterpiece: The «Show Trials» and Purges of the Thirties — The Consolidation of the Bolshevik Dictatorship*, New York, St. Martin's Press, 1976, p. 149.

¹⁴⁶ Мандельштам, с. 72.

¹⁴⁷ Alexandr N. Jakowlew, «Blutige Vergangenheit», in *Jahrbuch für historische Kommunismusforschung* 1993, Akademie Verlag, Berlin, 1993, p. 233.

¹⁴⁸ Ожегов/Шведова, с. 254.

года. В эпизоде, где рассказывается о первом убитом в ходе Восстания, предводитель бандитов, которые прибыли, чтобы восстановить порядок, говорит: «Или мы полсотни ваших на год отправим в Тюремные норы» (R.358). Предводитель ширрифов у Муравьева выражается гораздо более определенно и гораздо более по-советски, рассуждая о том, сколько времени Фродо мог бы провести в Исправнорах: «остаток жизни» (М ВГ.315). В версии Муравьева изменена и угроза заключить на год пятьдесят хоббитов в Тюремные норы, «на год» исчезает, а хоббиты превращаются в «заложников»: «а то заберем сразу полсотни заложников в Исправноры» (М ВГ.326).

Небольшое изменение у Муравьева вновь переносит советского читателя назад в эпоху Октябрьской революции и Гражданской войны. Захват заложников был распространенным методом репрессий в молодом Советском государстве. Сергей Мельгунов посвящает этому целую главу в своей книге «Красный террор в России»¹⁴⁹. В этой главе в хронологическом порядке излагается случай за случаем, когда в качестве репрессий Советы расстреливали заложников: 500 расстрелов в Санкт-Петербурге, 400 расстрелов в Кронштадте, больше 300 расстрелов в Москве, 59 — в Пятигорске, и так далее.

Яхнин избегает этой проблемы, пропуская весь эпизод (Я ВК.298–99). Все остальные переводчики, при различии формулировок, остались верны первоначальному замыслу Толкина.

Толкин оговаривает год в Тюремных норах, но в Советском Союзе для многих лагерный приговор был равносильен смертному. По оценке Роберта Конквеста в лагерях за годы Большого Террора выжило не более 10% заключенных¹⁵⁰. Пытаясь замаскировать масштабы казней, вместо того, чтобы сообщить, что человек был расстрелян, Советы эвфемистически заявляли, что обвиняемый был приговорен «к десяти годам без права перепишки»¹⁵¹. Эти люди уже никогда не попадали в лагерь.

Приблизительно через страницу после эпизода, в котором арестовывают Фродо с компанией, Толкин описывает, как ширриф Смоллбарроу объясняет Сэму, почему хоббиты больше не противостоят Шефу и его политике. Толкиновский текст — это завуалированное обвинение полицейскому государству. Муравьев в своей версии продолжает ронять пудовые гири, наводящие советского читателя на мысль о периоде сталинского террора.

¹⁴⁹ Сергей Петрович Мельгунов, *Красный террор в России: 1918–1923* / изд. 2-е дополненное. — Берлин, 1924, с. 37–55.

¹⁵⁰ Robert Conquest, *The Great Terror: A Reassessment*, Oxford University Press, 1990, p. 485.

¹⁵¹ Conquest, p. 486.

Повсюду эти Большие начальники, громили Генералиссимуса. Чуть кто из нас заартачится — его сразу волокут в Исправноры. Первого взяли старину Пончика, Вида Туполапа, голову нашего, а за ним уж и не сочтешь, тем более с конца сентября сажают пачками. Теперь еще и бьют смертным боем (M&K ВГ.316).

Дж. Р. Р. Т.: Но люди, Сэм, люди шефа. Он шлет их повсюду, и если кто-нибудь из нас, малого народа, заявляет о своих правах, его тащат в Тюремные норы. Они взяли первыми старого Флоурдамплинга, старого Билла Вайтфута, мэра, и еще многих других... Потом стало гораздо хуже. Теперь их часто избивают (R.347).

В то время как Толкин говорит лишь: «**Потом** стало гораздо хуже. **Теперь** их часто избивают» (R.347), Муравьев конкретизирует время, с которого «громили Генералиссимуса» начали избивать заключенных в Исправнорах: «с конца сентября». Это добавка немедленно привлекает внимание того, кто параллельно читает русский и английский текст. Когда «конец сентября» рассматривается в контексте «Больших начальников», а «громили Генералиссимуса» (то есть, подручные Сталина), «сажают пачками» да еще к тому же и «бьют смертным боем», советский читатель тут же вспоминает, что Ежов был назначен народным комиссаром внутренних дел на основании телеграммы Сталина в Политбюро, датированной 25 сентября 1936 года¹⁵². Эта дата стала широко известна из секретного доклада Хрущева на XX Съезде КПСС в 1956 году, когда он начал процесс десталинизации (развенчания культа личности Сталина).

Добавляя к этому эпизоду указание времени, когда в Исправнорах произошли изменения, Муравьев точно укладывается в хронологию Толкина. Временные рамки соответствуют толкиновским, но Толкин сообщает читателю, когда именно Шарки прибыл в Шир, намного позже в повествовании, в беседе между Мерри и фермером Коттоном (R.361). Сдвиг вперед информации о дате прибытия Шарки в тексте у Муравьева превращает Сарумана в Ежова. Все признаки налицо. Период, когда Ежов возглавлял НКВД (1936–1938), а уровень сталинистского террора резко возрос, назван его именем — ежовщина.

Народный комиссар внутренних дел — это была должность одного из «Больших боссов» в Советском Союзе времен Сталина, и с назначением на нее Ежова НКВД получила неограниченные полномочия в использовании любых средств, включая «физические меры воздействия», в деле пре-

¹⁵² Речь Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС (24–25 февраля 1956 г.). — Мюнхен: «Голос народа», 1956. — с. 18.

следования «врагов народа»¹⁵³. Рукописные пометки наподобие «побой вновь и вновь!» делались членами Политбюро на полях списков «подследственных» НКВД¹⁵⁴.

Надежда Яковлевна Мандельштам пишет о различных типах следователей, работавших в НКВД до и после 1937 года¹⁵⁵. До 1937 года следователи были начитаны, интеллектуальны, идеологизированы — передовой отряд «новых людей» и «подвергали все обычные взгляды коренной сверхчеловеческой ломке. Их сменили люди совершенно другого физического типа, у которых вообще никаких взглядов, перевернутых или правильных не было». Также изменились и методы. До 1937 года НКВД «щеголял» своими психологическими методами пыток. «Но потом они сменились физическими, совершенно примитивными избиениями»¹⁵⁶. Единственное, о чем заботились следователи — о выполнении своей нормы полученных признаний. Одним словом — головорезы.

Во время ежовщины людей почти буквально сажали пачками. Количество политических арестов в 1937 году в десять раз увеличилось по сравнению с 1936 годом¹⁵⁷. Роберт Конквест оценивает их количество в период 1937–1938 годов приблизительно в 7–8 миллионов¹⁵⁸, что составляет 4,5–5% населения¹⁵⁹. Однако наиболее пострадали как раз партийные кадры. Из 1966 делегатов XVII Съезда партии в 1934 году, 1108 человек — 56% — были арестованы как «враги народа»¹⁶⁰.

Сталин взял на вооружение термин времен Французской революции «враг народа»¹⁶¹, который теперь неразрывно связан с периодом сталинского террора. Намек на него Муравьев даже вставил в свой перевод разговора между фермером Коттоном и Фродо о ситуации в Шире. По версии Толкина, фермер Коттон говорит: «и если кто-то становился «наглым», — так они [власть имущие] это называют, — то отпралялся вслед за Биллом», мэром, в Тюремные норы (R.360). У Муравьева фермер Кроттон говорит: «если же кто, говоря по-ихнему, «проявлял враждебность», тот жи-

¹⁵³ Хрущев, с. 27.

¹⁵⁴ Jakowlew, p. 234.

¹⁵⁵ Мандельштам. «Христофорич», с. 73–79.

¹⁵⁶ Мандельштам, с. 69.

¹⁵⁷ Хрущев, с. 20.

¹⁵⁸ Conquest, p. 485.

¹⁵⁹ Население в то время составляло 156 миллионов.

¹⁶⁰ Хрущев, с. 16.

¹⁶¹ Хрущев, с. 9.

во оказывался, где и Вил Туполап» (М ВГ.329). В контексте политических репрессий намек Муравьева — явная подсказка советскому читателю.

Один Уманский составил компанию Муравьеву в политизации этой фразы. По его мнению, *urpish* означало «вступаться за наши права» (У IV.836). У остальных переводчиков — за исключением Яхнина и Бобырь, которые опустили эту строку — были гораздо менее вызывающие версии слова *urpish*. Перевод Грузберга наиболее точен благодаря наличию элемента «высоко»¹⁶² в выбранном им глаголе. Его версия звучит так: «становился „высокомерным“». Александровой это не понравилось, и она изменила ее на «задирать нос». Формулировка Немировой очень похожа: «А кто осмеливался дерзить» (Н ВК.295). У Г&Г был вполне приемлемый вариант: «начинал „воображать о себе“» (Г&Г ВК.319, Г&Г₂₀₀₂.1009). К&К подстраховались, используя два разговорных глагола, чтобы лучше объяснить концепцию «urpishness» русскому читателю. Их версия звучит так: «начал <...> „заноситься“ или „высовываться“» (К&К ВК.401). Формулировка Волковского вполне сдержанна. Он написал: «голос подать» (В ВГ.493). ВАМ оказалась наиболее близка к формулировке Муравьева: «проявлял <...> «непослушание»» (ВАМ ВК.329). Однако никто из них даже не приблизился к фразе Муравьева — «проявлял враждебность» — по силе воздействия на советского читателя.

Все остальные переводчики в целом скорее сохраняли толкиновское сдержанное осуждение полицейского государства, чем пытались сделать его более специфически советским. Однако было несколько интересных интерпретаций «the Chief's Men», в паре с «us small folk» (R.347), создававших противопоставление *нас* — *их*, и повторявших противопоставление «всяких бестолковых, неуклюжих верзил, вроде нас с вами» (Н.16) с полуросликами (R.510). Лучший вариант перевода этой фразы у Уманского. Он противопоставляет «людей» и «нас, малый народ» (У IV.836). Версия Грузберга необыкновенно запоминающаяся: «люди» против «нас, маленьких хоббитов». Александрова испортила эффект, заменив *маленьких хоббитов* Грузберга на *простых хоббитов*. Версия К&К — *Большие* против *хоббита* (К&К ВК.386) — менее удачна, поскольку пропускает слова *нас* и *маленьких* и использует единственное число вместо множественного во второй половине фразы. У ВАМ имеются две версии противопоставления. В первой — это *громадины* и *неввысоклик* (ВАМ ВК₁₉₉₁.316). Во втором издании (2003 г.), она изменила оба элемента противопоставления на *огромны* и более буквальное *полуростик* (ВАМ ВК₂₀₀₃.1157). Вторая версия звучит не-

¹⁶² Английское слово «*urpish*» содержит элемент «*ur*» — «*наверх*». — Прим. перев.

сколько лучше. Г&Г уклонились от проблемы противопоставления, сделав вторую его часть общей взамен конкретной. Их вариант гласит:

<...> вся беда в **Людях**, в **Людях** Предводителя. Они всюду шныряют, и чуть только **кто-нибудь** против, сразу хватают (Г&Г ВК.307).

Волковский и Немирова вторую половину пары передают в той же тональности, что и Г&Г. Перевод первой половины у Волковского, однако, очень неплох. Он отыскал устаревшее слово и использовал его в качестве усиления: «в людях, в большунах Главногокомандующего» (В ВГ.493). Немирова употребила то же самое слово, что и ВАМ в своем первом издании (1991 г.): *громадины* (Н ВК.283).

Обычно точный перевод Грузберга испорчен изменением в последнем предложении этого абзаца. Он заканчивается так: «Они [люди шефа] нас часто избивают», в то время как у Толкина сказано: «Теперь их [узников] часто избивают» (R.347). Эта опечатка Грузберга распространяет террор физических побоев с одних лишь заключенных на все население в целом, что является важным изменением политического диапазона полицейского государства в Шире в 3019 году (1419 г. Л.Ш.) в сторону экстремизма. Волковский присоединяется к Грузбергу, допуская ту же самую трактовку. «Как что не по-ихнему, сразу бьют» (В ВГ.493). Александрова вернула текст Грузберга назад к толкиновской трактовке.

Некоторый контекст, который может подтверждать взгляд Грузберга на все население как объект побоев, имеется дальше в этой главе в эпизоде, где Мерри противостоит бандитам в Байуотере. Предводитель бандитов по глупости решает силой вырваться из ловушки и призывает своих людей напасть на хоббитов. «На них, парни! — закричал он. — Покажем им!» (R.358).

Версия Волковского — так же, как и большинство его диалогов в этой главе — полностью состоит из сленга, который был бы уместен в армейских пехотных казармах. Его предводитель бандитов кричит:

— За мной, ребята! — скомандовал он. — Вмажем мелюзге по соплям! (В ВГ.511).

«За мной, ребята!» — это клич пехоты и общепринятая на сцене и на экране фраза, с которой командир поднимает бойцов в атаку на врага. Дополнение «скомандовал он» накрепко привязывает ее к военному жаргону, и следующая сленговая фраза добавляет отличный привкус казарменного колорита. К сожалению, и хоббиты у него выражаются не намного лучше.

Все остальные переводчики, за исключением Г&Г, Уманского и Яхнина, использовали словосочетание «Бей их!» в первой или во второй части этого предложения (М ВГ.327; К&К ВК.399; ВАМ ВК.328; Н ВК.294; Я ВК.299). Муравьев вообще употребляет слово «бей» в обеих частях фразы и подчеркивает это повтор:

— Бей их, ребята! — крикнул он. — Бей насмерть! (М ВГ.327)

Такой повтор искусно подкрепляет контекст ежовщины конца 30-х годов, во многом тем же самым способом, каким сам Толкин тщательно наставляет информацию преднамеренными повторами, с тем, чтобы придать своим образам наибольшую глубину. Несмотря на то, что это хорошая имитация стиля Толкина, идейное содержание принадлежит самому Муравьеву, и оно высказывается гораздо прямее, чем толкиновское смягченное «На них, парни!» и «Покажем им!». Версия ВАМ была очень близка к Муравьеву, вот только результат подразумевался не настолько фатальный. Ее вариант выглядит так:

— Бей их, ребята! — зарычал он. — Никого не щадить! (ВАМ ВК.328).

НКВД Ежова действительно не щадило никого. В тюрьмах и лагерях попросту не хватало мест, чтобы разместить всех репрессированных. Немирова последовала за ВАМ. Ее предводитель бандитов говорит: «Бей, не жалей!» (Н ВК.294).

Толкиновская версия событий в полицейском государстве Шира в 3019 году (Л.Ш. 1419) отражает апологетику Сталина, поддержанную многими и на Западе, и в Советском Союзе. В разговоре между Фродо и Пиппином, Фродо защищает Лото — у Муравьева *Генералиссимуса* и *Вождя* — потому что:

Лото никак не рассчитывал, что дела так обернутся. Да, он злобный дурак, но теперь он сам попался. Бандиты взяли верх: они отбирают, грабят и запугивают, бесчинствуют или разоряют в свое удовольствие от его имени. А скоро даже и его именем прикрываться перестанут. Он сам теперь узник в Бэг Энде, я думаю, и ужасно напуган. Мы должны постараться освободить его (R.352).

В Советском Союзе широко бытовало мнение, что Сталин был заложником системы, которую сам же и создал. Илья Эренбург, известный советский писатель, рассказывал в своих мемуарах: «Мы думали (вероятно, потому, что нам хотелось так думать) что Сталин не знает о бессмысленной расправе с коммунистами, с советской интеллигенцией. <...> Да не

только я, очень многие другие думали, что зло исходит от маленького человека, которого звали «сталинским наркомом»¹⁶³. Эта вера была настолько широко распространена, что Хрущев был вынужден опровергнуть ее в своем секретном докладе в 1956 году. «Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела репал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать»¹⁶⁴.

Этот эпизод, переданный Муравьевым почти буквально, резко выделяется на общем фоне его творческого, вольного подхода к переводу остальной части этой главы. При том, что он, не колеблясь, отступал от оригинала в других местах, такая точность при переводе именно этого эпизода позволяет предполагать, что он узнал толкиновское описание апологетики сталинизма как неразрывной части истории Советского Союза (а именно ее он и старался воспроизвести со всеми изменениями и приукрашиваниями в этой главе), и счел это описание достаточно точным, чтобы оставить его как есть. Его изменения в тексте, обсуждавшиеся выше, показывают, что он, не колеблясь, приспособлял повествование к собственным нуждам, когда видел в этом необходимость.

Лотто не только не виновник, он даже не зачинщик всего этого безобразия. Ну, дурак он, конечно, злобный дурак, в том его и беда. А подручные взяли верх: они и отбирают, и грабят, и бесчинствуют его именем. Он заключенный, узник в Торбе-на-Круче. И наверно, перепутан до смерти. Хорошо бы его все-таки вызволить (М ВГ.321).

Советский читатель данной главы в версии Муравьева в этом абзаце воспринимает *Лотто* как Сталина и *подручных* как Ежова с компанией. Главное отличие между вариантом Муравьева и оригиналом Толкина — в пропущенной фразе: «А скоро даже и его именем прикрываться перестанут». Хотя это повтор более ранних упоминаний о смещении Лото, нет никакого смысла удалять эту строку из эпизода. Повторы — неотъемлемая часть стиля Толкина, добавляющие глубину его повествованию. Сокращение повторов лишь обедняет его.

Однако Фродо не в силах спасти Лото, поскольку Змиеуст — прихвостень Сарумана — уже убил его, и, как намекает Толкин, даже съел. Здесь Муравьев вновь близко следует Толкину. Его версия гласит:

Саруман: Это он, Гниль, прикончил вашего Генералиссимуса, вашего разлюбезньего Вождя. Что, Гниль, неправда? Правда! Заколол

¹⁶³ И. Эренбург. *Люди, годы, жизнь*. — Новый мир, № 5, 1962 — с. 152.

¹⁶⁴ Хрущев, с. 26.

его, я так думаю, во сне. А потом закопал, хотя вряд ли: Гниль у нас всегда такой голоденский (М ВГ.338-339).

За исключением титулов (*Chief/Boss* — *Генералиссимус/Вождь*), отличие от толкиновского оригинала всего лишь стилистическое.

Саруман: Змий, убил вашего Шефа, такого маленького и бедненького — вашего миленького Босса. Не так ли, Змий? Уверен, заколол его ножом во сне. И, надеюсь, закопал, хотя Змий был сильно голоден с недавнего времени. <...> (R.370).

В действительности история в Советском Союзе закончилась по-другому. Ежов, подобно следователям образца до 1937 года, описанным Н. Я. Мандельштам, пал жертвой системы, которую сам же и усовершенствовал. Сталин сместил Ежова 8 декабря 1938 года. И только 4 февраля 1940 года Ежов был, наконец, расстрелян. Однако смерть Сталина 5 марта 1953 года настолько загадочна, что даже известное высказывание Черчилля¹⁶⁵ о России как головоломке, завернутой в загадочность и окруженной тайной, не передает всей ее неопределенности. Существуют многочисленные противоречивые версии его кончины. Ключевой, нерешенный вопрос, как выразился Виктор Александров: «Сталину позволили умереть, или, как гласит широко распространенное мнение, имел место заговор против него его преемников?»¹⁶⁶ Сын Сталина был уверен, что его отца убили. В своей книге «Загадка смерти Сталина»¹⁶⁷ Авторханов утверждает, что Берия убил Сталина и затем сам был ликвидирован в 1953 году.

¹⁶⁵ Winston Churchill, Radio talk, 1 October 1939, quoted in *Into the Battle* (1941), p. 131. Речь идет об известной шутке Черчилля о Советском Союзе.

¹⁶⁶ Victor Alexandrov, *The Kremlin: Nerve-Centre of Russian History*, New York: St. Martin's Press, 1963, p. 326.

¹⁶⁷ Абдурахман Авторханов. *Загадка смерти Сталина: заговор Берии*. — Франкфурт/М: Посев, 1979. — с. 214.

Глава VIII

«ЧТО В ИМЕНИ?»

Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет.

Вильям Шекспир.
Ромео и Джульетта
Акт II, сцена 2
(пер. Б. Пастернака)

Что в имени? То, что зовем мы розой, —
И под другим названьем сохраняло б
Свой сладкий запах!

(пер. Т. Щепкиной-Куперник)

Baggins. Baggins — одно из имен, которые, по мнению Толкина, следует переводить. В «Руководстве по переводу имен собственных из «Властелина Колец»» (ТС.168–216) говорится, что в переводе это имя должно содержать элемент, означающий *мешок* или *сумка*. «Руководство» также указывает на два других наименования, в которых должен быть тот же самый элемент с тем, чтобы все три могли бы обыгрываться вместе: **Bag End** (дом Бильбо) и **Sackville-Baggins** (никчемные родственники Бильбо).

Поступая так же, как и со всеми другими именами, Грузберг оставил и эти в их первоначальной форме, транслитерировав их: *Бильбо Бэггинс*, *Бэг-Энд* и *Сэквил-Бэггинс*. Хотя среди русских читателей есть те, кто находят этот подход неудовлетворительным, он вполне оправдан, когда применяется повсеместно, как у Грузберга. При этом для русского читателя к повествованию добавляется некоторое ощущение экзотики. Сохранение имен и названий в транслитерации придает рассказу английский колорит.

В письме к Райнеру Анвину Толкин писал:

«В принципе я со всей категоричностью вообще возражаю против «перевода» имен собственных (даже компетентным специалистом). Удивляюсь, с какой стати переводчик считает себя призванным или обязанным это делать. То, что это — «воображаемый» мир, не дает ему никаких прав перекраивать его по своему капризу, даже будь он способен в течение нескольких месяцев создать новую согласованную систему, над которой сам я трудился долгие годы. <...> В конце концов, книга написана по-английски и англичанином; и, по всей видимости, даже те, кто хотел бы переложить повествование и диалог на понятный им язык, не станут просить переводчика, чтобы он сознательно попытался уничтожить местный колорит» (L.249–250).

Вариант *Бэггинс* также используется и многими другими переводчиками. Его можно найти в переводах «Хоббита» Рахмановой, Уманского, К&К, Яхнина и в адаптированном для изучающих английский язык «Хоббите» Черхановой. Бобьрь именно так называет главного героя своего «Хоббита», но в *ВК* вовсе не упоминает фамилию Бильбо и Фродо. В повести Суслина по мотивам «Хоббита» и в малоформатных детских книжках-картинках по «Хоббиту», а также в русских субтитрах к киноэпопее Питера Джексона употребляется эта же версия имени.

Хотя К&К транслитерировали имена *Baggins* и *Sackville-Baggins*, *Bag End* они перевели. В своем комментарии к Бэггинсу, они объясняют, что это имя является не просто производным от названия поместья Бильбо — *Bag End*, которое они перевели как *Котомка*, а скорее ссылкой на обычай сельской Англии устраивать четырехчасовое чаепитие, известное как *baggins*, между традиционным английским ленчем и общепринятым чаепитием в пять часов (Км X.312–313).

Другая форма перевода *Baggins*, получившая широкое распространение в России — *Торбинс*. Ее употребили М&К в первом русском официальном издании *ВК*. Затем эта форма использовалась и многими другими переводчиками. Г&Г употребляли ее в своей самиздатовской версии *ВК*, точно так же, как ВАМ и Немирова (переводы которых тоже первоначально распространялись в самиздате). Каминская и анонимный переводчик используют ее в своих «Хоббитах». В версии Грузберг-Б она также присутствует. Такую форму можно найти в «Толкиновской энциклопедии» Королева и в *ВК*, выпущенном в серии «Читаем в оригинале» издательством «Рольф» (Москва) с русскими комментариями.

Имя, придуманное Кистьяковским, происходит от слова *торба*, которое, однако, не самое распространенное русское обозначение *мешка*. Оно даже

не перечислено среди вариантов перевода в двухтомном «Новом англо-русском словаре»¹⁶⁸. Варианты, предлагаемые там, — *мешок*, *сума* и *сумка*. *Торба* имеет некоторый привкус «иностранности». Большинство русскоязычных читателей ошибочно предполагают, что *торба* — слово, заимствованное из украинского или польского языка. Беглый взгляд в русско-польский и русско-украинский словарь позволяет понять, почему. Предлагаемые ими варианты перевода *сумы* и *сумки*: на польский¹⁶⁹ *torba* и *torba*, *torbka*; на украинский¹⁷⁰ *торба* и *сумка*, *торбинка*. На самом же деле, *торба* — изначально турецкое слово, и действительно использовалось в русском языке в XIX столетии (Даль, IV.418).

В своей самиздатовской версии, предназначенной для заполнения вакуума, создавшегося из-за того, что за официальным изданием первого тома эпопеи М&К не последовала публикация остальных двух, Г&Г первоначально использовали имена Кистяковского. Однако в опубликованной версии Г&Г построили свой вариант фамилии Бильбо на широко используемом слове *сумка*. Зато кончалась их фамилия не на *-инс*, а на *-икс*, и *Baggins* стал *Сумниксом*. Вместе с *Бэггинсом*, фамилии *Bolger* и *Boffin* также получили новое окончание.

Bolger (Г&Г_{II}) — Пузик: ассоциируется с выражением «наестся от пуза». Прозвище Фредди Болджера — «Fatty» («Гостячок»).

Bolger (М&К и Г&Г_c) — Боббер: производное от *бобр*, *бобёр*.

Boffin (Г&Г_{II})¹⁷¹ — Умник: производное от *ум*, *умный*¹⁷².

Boffin (М&К) — Булкин: производное от *булка*.

Однако окончание *-инс* Г&Г применяли не ко всем именам.

Holman (Г&Г_{II}) — Хаткин: производное от *хатка*.

Holman (М&К₂)¹⁷³ — Норн: производное от *норный*.

Hornblower (Г&Г_{II})¹⁷⁴ — Дуакин: производное от *дудка*.

¹⁶⁸ Новый англо-русский словарь. В 2-х тт./под ред. И. Р. Гальперина. — М: Советская энциклопедия, 1972.

¹⁶⁹ Podręczny słownik Rosyjsko-Polski, J. H. Dworecki (red.), Warszawa: Wiedza Powszechna, 1963.

¹⁷⁰ Русско-украинский словарь, М. Я. Калинович (ред.). — Киев: изд. Академии наук Украинской ССР, 1962.

¹⁷¹ Это имя появляется только в первой части — «Братство Кольца» и поэтому не вошло в самиздатовскую версию Г&Г_c.

¹⁷² «Новый англо-русский словарь» определяет *boffin* как ученый, специалист-консультант (с. 173). В таком разговорном значении это слово было популярно в Британии в период Второй мировой войны как описание интеллигенции, внесшей свой вклад в достижение победы.

¹⁷³ Это имя появляется только в первой части — «Братство Кольца» и поэтому не вошло в самиздатовскую версию Г&Г_c; оно также опущено в М&К₁.

Hornblower (M&K) — Дудстон: производное от *дудка*.

Sandyman (Г&Г_и) — Песошкинс: производное от *песок*.

Sandyman (M&K и Г&Г_с) — Пескунс: производное от *песок*.

Smallburrow (Г&Г обе версии) — Норкинс: производное от *норка*.

Smallburrow (M&K)¹⁷⁵ — Норочкинс: производное от *норочка*.

Когда меня, наконец, осенило, что фамилия Бильбо написана у Г&Г *Сумникс*, а не *Сумкинс*, первой моей мыслью было, что окончание *-никс* напминает имена, используемые в серии комиксов Госинни об *Астериксе*, с иллюстрациями Юдерзо, в которой многие имена персонажей оканчиваются на *-икс*, например, Астерикс, Обеликс, Гетафикс, Виталстатистикс и Какофоникс. Серия была впервые переведена на русский в 1994 году, в то время как перевод Г&Г первый раз был издан в 1991 году, так что Г&Г наверняка имели в виду что-то иное, когда выбирали такое окончание. По мере того, как Астерикс все шире распространяется среди русского толкиновского фэндома, вполне возможно, что и у кого-то из русских читателей будут возникать подобные ассоциации. Серия об *Астериксе* повествует об истории маленькой деревушки в непокорной Галлии, противостоящей римским завоевателям в 50 г. до н.э. Этот образ прекрасно соответствует непокорному Фродо Сум-нику, противостоящему распространяющейся тени Мордора в Третью эпоху Средиземья.

Перевод Кистяковского *Vag End* как *Торба-на-Круче* не передает смысл, который в него вкладывал Толкин. Этот смысл являлся более-менее калькой с французского слова *cul-de-sac*, что по-французски буквально значит *дно мешка/сумки*, которое широко используется в английском языке. Торба-на-Круче обыгрывает описание скорее дома Бильбо (мешок (нора), вырытый в склоне холма), чем переулка, который вел к ферме, где жила тетя Толкина, Джейн, в Дормстоне, графство Вустершир. Переулок вел к ферме и больше никуда, и местные жители иногда называли ее просто «Бэг-Энд» (буквально — «тушик»)¹⁷⁶.

На русский *cul-de-sac* переводится как *тупик* или *глухой переулок*. Было бы трудно придумать что-нибудь с этими словами, что бы оказалось настолько созвучно слову *Baggins*, как *Vag End*.

Переводя *Vag End*, M&K, Немирова и Г&Г, кажется, так и не смогли остановиться на чем-то одном. Все они имеют по две версии названия для *Vag End*. У Кистяковского и Немировой полное название (*Торба-на-Круче*)

¹⁷⁴ Пропущено в самиздатовской версии Г&Г_с.

¹⁷⁵ Появляется только в «Возвращении Государя» и поэтому отсутствует в M&K₁.

¹⁷⁶ Х. Карпентер. Дж. Р. Р. Толкин. Биография / Пер. с англ. А. Хромовой под ред. С. Лихачевой. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — с. 169, 274.

чередуются с сокращенной формой (*Горба*) практически бессистемно. В опубликованной версии Г&Г *Засумки* и *Сумкина горка* чередуются друг с другом точно так же. Двойное название одного и того же места у Г&Г запутывает больше, чем полная и краткая формы этого названия у Кистяковского. Сокращение длинных названий свойственно всем языкам и легко воспринимается читателем. Хотя взаимозаменяемые *Засумки* и *Сумкина горка* не противоречат толкиновской практике приводить различные варианты названия топонима, сам Толкин при этом использовал разные языки. Оба же названия Г&Г даны на Всеобщем наречии.

Название *Засумки* составлено из предлога *за* плюс слово *сумка*. Г&Г используют множественное число, что вполне характерно для российских топонимов. В этой форме *Засумки* можно интерпретировать как место позади мешка. *Сумкина горка* — только комбинация арханчской формы прилагательного, образованного от слова *сумка*, со словом *горка*. Оба они весьма удачно сочетаются с их переводом *Baggins* как *Сумник*, в результате чего становится ясно, что фамилия Бильбо и название его дома имеют нечто общее.

В первой версии своего перевода ВАМ в большинстве случаев следовала за Кистяковским в отношении имен и названий. *Bilbo Baggins* был у нее *Бильбо Торбинс* и *Vag End* — *Торба-на-Круче*, но *Sackville-Bagginses* стали *Сумкин-Торбинсами*, что не настолько смешно, как пародии М&К и Г&Г, но отвечает замыслу Толкина: два по существу синонимичных элемента со значением *мешка* и *сумки*. Так что такой выбор вполне удачен.

В пересмотренном издании ВАМ оставляет неизменным имя Бильбо — *Бильбо Торбинс*, но *Vag End* превращается в *Торбу-в-Холме*. Замена *Кручи* на более общепринятый перевод слова *hill* — *Холм* — позволяет названию жилища Бильбо выглядеть несколько более прозаическим и домашним, что больше соответствует идее дома тети Джейн.

Перевод Кистяковского *Саквиль-Бэггинсов* наиболее образный. Толкин хотел, чтобы это имя содержало два различных элемента, каждый со значением *мешка* или *сумки*, которые составляли бы две половинки написанной через дефис фамилии. Такие написанные через дефис фамилии обычно подразумевают, что их обладатели принадлежат к старинным — и снобистским — аристократическим семействам. Чтобы написанная через дефис фамилия звучала еще более претенциозно, Толкин придал ей французский (нормандский) колорит, добавив суффикс *-ville* к слову, используемому для первой части имени — части, которая означала *мешок*¹⁷⁷. Для

¹⁷⁷ Реально существующая английская фамилия *Sackville* действительно восходит к французскому топониму *Sauquenille*; кроме того, Саквилли — одно из старинных аристократических английских семейств, фамилия графов Дорсетских. — *Прим. перев.*

этой части имени Кистьяковский выбрал арханчное слово *кошель*. Чтобы создать требуемый французский колорит, он просто поместил перед ним французский определенный артикль женского рода *la*. Комбинация *Лякошель-Торбинс* имеет весьма комичный оттенок.

Немирова еще немного усовершенствовала подход Кистьяковского. Она заменила первую часть написанной через дефис фамилии на *Кошелье*, что рифмуется с фамилией *Ришелье*, известной читателям по роману «Три мушкетера» и из учебников истории. Эта эффектная и изящная замена по сути имеет то же самое значение, что и у Кистьяковского, но более тонкая.

Пародирование Г&Г фамилии никчемных родственников, написанной через дефис, по воздействию приближается к фарсу: *Дерикуль*. Это имя составлено из двух слов, которые могут читаться как императивное предложение. Первое слово — повелительное наклонение глагола *драть*, встречающегося в выражениях «драть втридорога» и «драть с живого и мёртвого». Вторая часть подразумеваемого предложения — слово *куль*. Вместе они составляют выражение, очень хорошо характеризующее Саквиль-Бэггинсов.

Версии Яхнина фамилии *Sackville-Baggins* даже в сравнении с фарсом Г&Г недостает изящества. Его откровенно грубоватый вариант имени — *Грабинс-Бэггинс* рассчитан на детскую аудиторию. В основе его лежит глагол *грабить*, который Яхнин комбинирует с типично хоббитским окончанием *-инс*. В такой прямолинейной формулировке Яхнина теряется всяческий намек на нормандскую претенциозность.

Волковский также переводит эти три имени и названия, но с использованием арханчного слова, столь непонятного, что в поисках его значения русские толкинисты вынуждены рыться в словаре Даля. Но делают они это напрасно. Из-за того, что это слово не является частью повседневной лексики, Волковский с легкостью пересматривает его значение, делая его пригодным для контекста повествования. Он предлагает в тексте свое собственное измененное определение этого слова, толкуя его как *котомка*, что не соответствует Дально. Фактически, Волковский воскресил лишь звуковую оболочку и принцип словообразования, а не непосредственно само слово. Он умело усиливает свою лингвистическую иллюзию, расставляя стилистические отметки такому «возрожденному» при помощи нескольких добавок к «Прологу». Произведя этот лингвистический фокус, он затем выстраивает на нем все три имени.

Первое дополнение сделано к последнему абзацу главы «О том, как было найдено Кольцо». Волковский объявляет слово *бёбень* «старохоббитским», объясняя его значение как «заплевная котомка», и используя при этом то же самое слово, которым К&К переводят *Bag End*.

В свою усадьбу, называвшуюся **Бебень** (словечко тоже не иначе как старохоббитское — так испокон веку именовали запеченую котомку), Бильбо вернулся на пятьдесят втором году жизни, 22 июня 1342 г. по Л.У., и с той поры в Уделе не случилось ничего примечательного, покуда в 1401 г. он не собрался отметить свое сто-одиннадцатилетие. Вот тут-то и начинается наша история (В ДК32).

Дж. Р. Р. Т.: Он вернулся домой в Бэг-Энд 22 июня, на пятьдесят втором году жизни (в 1342 г. ЛШ), и в Шире не происходило ничего выдающегося до тех пор, пока господин Бэггинс не начал подготовку к празднованию своего сто-одиннадцатого дня рождения. Отсюда, с 1401 года по летосчислению Шира, начинается наша История (Р.35–36).

Волковский продолжает создавать родословную для слова *бебень* в своем приукрашивании к «Замечаниям о Летописях Шира», в котором Толкин перечисляет сочинения Мериадока. Одно из них называется «О старинных словах и именах Шира». В оригинале книга свидетельствует о «пристальном интересе [Мериадока] к выявлению родственной связи таких «ширских слов», как «*матом*», с языком народа рохиррим, а также к обнаружению старинных элементов в названиях местностей» (Р.39). По версии Волковского, в книге исследуется происхождение архаизмов, подобных слову «мутень» и «бебень», которые он выделил кавычками. Это напрямую помещает перевод Волковского *Bag End* и, по аналогии, его вариант фамилии *Baggins* в категорию «ширских слов», подобных слову *mathom* (В ДК.34), которое Толкин объясняет несколькими страницами раньше (Р.25). Принцип словообразования, который использует Волковский, не применяется в современном языке, из-за этого создается определенное ощущение архаичности, усиливающее впечатление, что имена Волковского, оканчивающиеся на *-ень* — действительно старые слова.

У Волковского есть много названий и имен с тем же самым окончанием, придуманных, чтобы усилить ощущение глубины его лингвистической иллюзии, что *бебень* и *мутень* — старые «ширские слова». Его названия для *Stoors* и *Fallohides* оба в единственном числе оканчиваются на *-ень*: *Схватень* и *Скрытень*, точно так же, как и его версия прозвища Хэмфаста Гэмджи: *Старбень*. Эффект еще более усиливается, когда Бебень и Старбень появляются рядом — один за другим в тексте (F.47; В ДК.42). Первая часть прозвища *Gaffer* — *Стар* моментально распознается как корень прилагательного *старый*. Это служит намеком на то, что подобные названия могут быть проанализированы лингвистически, и значение слова *мутень* тоже внезапно становится понятным широкому кругу читателей, у которых не было ни желания,

ни возможности заглянуть в словарь Даля. Оно получено от прилагательного *мутный*, что означает *неясный, перепутанный, неопределенный*.

Полученное значение *мутень* намного более пригодно для контекста, чем воскрешенное из Даля. По Далю, это слово означает: «смутчик, сплетник, кто мутит людей, ссорит, подстрекает к беспорядкам», в то время, как у Толкина это вообще предмет. Все это лишний раз подтверждает, что Волковский воскрешал звуковую оболочку и принцип словообразования, а не непосредственно само слово.

Свою полную версию названия *Бэг Энда* — *Бебень-на-Бугре*, Волковский еще более отшлифовывает, усиливая элемент «привычной экзотики», методом сворачивания *the Hill* и *Bag End* в единое понятие подобно тому, как это делади Кистяковский, Немирова и ВАМ с их *Торбой-на-Круче* (Кистяковский, Немирова) и *Торбой-в-Холме* (ВАМ). Использование *Бегня* в комбинации с обычными словами — это типичный прием, преследующий цель помочь читателю в «узнавании» слова *бебень*.

Создав, таким образом, основу со словом *бебень*, Волковский искусно продолжает ее *Беггинсом* для *Бэггинсов*. Лингвистические связи относительно очевидны и для нелингвиста, и при этом не ощущается интерференции широко употребляемых в современном языке слов. Ни одно из них не начинается с *бб*. Удвоенная «бб» делает слово очень похожим на иностранное и не противоречит толкиновскому удвоению буквы «G» в *Baggins*. Фамилия *Саквилль-Бэггинсов* в переводе Волковского напоминает *Дерикуль-Сумниксов* у Г&Г, но его попытка, возможно, более успешная. Первая часть фамилии у Волковского — *Ханни*, что является повелительной формой разговорного глагола *ханнуть*. Объединенное с *Беггинс*, это имя отображает именно то, что Ханни-Беггинсы и пытались сделать.

Cotton. Толкин объясняет, что изначально эта фамилия была географическим названием, и переводить ее следует как комбинацию элементов: *col* — небольшой дом, коттедж и *-ton* — обычное сокращение от слова *town* (*город, городок; деревня, деревушка*). Он особенно подчеркивал, что фамилия «по происхождению никак не связана со словом *cotton* (*хлопок*), хотя в наши дни, естественно, ассоциируется именно с ним» (ТС.174). Однако Г&Г в своей самиздатовской версии перевели именно таким образом: они трактовали эту фамилию так, словно она была одним из «ботанических» имен Бри. Их перевод — *Хлопчатник* — русское название растения (по-латыни *Gossypium*), из которого производят хлопковую ткань. В изданной версии Г&Г изменили это имя на *Недосёлок*, взяв за основу корень, с помощью

которого образуются слова, обозначающие населенные пункты: *поселок*, *новоселок* (новое селение) (Даль, П.551), *выселок* (небольшой поселок на новом месте, выделившийся из другого селения (БТСРЯ, с. 182) и *отселок* (поселок, образованный отселившимися жителями) (БТСРЯ, с. 761).

Хотя Г&Г в своей самиздатовской версии *ВК* в большинстве мест использовали имена Кистяковского, в данном случае они не могли так поступить. Имя *Коттон* появляется только в последнем томе эпопеи. А в тот момент, когда Г&Г создавали свой самиздатовский перевод, был опубликован лишь первый том сокращенного перевода М&К. Поэтому Г&Г не имели никакой возможности узнать, как перевел бы имя *Коттон* Кистяковский, и были вынуждены изобрести свой собственный вариант.

Немирова была в той же ситуации, что и Г&Г, и ее версия *Коттона* не намного лучше, чем у них. Она назвала *Коттона Шерстоном*, скомбинировав слово *шерсть* с оригинальным толкиновским окончанием *-тон*. Окончание *-тон* не характерно для русских топонимов и может быть найдено только в заимствованных словах типа *бетон* и *жетон*. Поэтому в результате, скомбинировав русское слово с иностранным окончанием, Немирова создала всего лишь двуязычную кашу, которую моноязычный читатель вряд ли способен переварить.

Муравьев (Кистяковский умер до того, как завершилась работа над третьим томом), перевел *Коттон* как *Кроттон*, что делает фермера Коттона скорее героем «Ветра в ивах»¹⁷⁸. Вариант *Кроттон* Королев использует в своей «Энциклопедии» (Кр Э.146).

Грузберг и Бобырь/Уманский, естественно, транслитерировали это имя как *Коттон*.

Волковский дал фермеру Коттону одно из своих «старохоббитских» имен: *Сдружень*. Имя, основанное на глаголе *сдружить*, создает фермеру Коттону ауру миротворца.

У Яхнина расправа с именами была короткой, и фермер Коттон еще легко отделался. Большинство эпизодических персонажей Толкина вообще утратили свои имена в пересказе Яхнина. Роль Коттона в повествовании просто была слишком значима, чтобы позволить ему выйти на сцену безымянным, поэтому Яхнин превратил его титул в имя. Он назвал его *Огородником*.

ВАМ использовала окончание *-инс* для своей версии имени *Коттон*. Она назвала его *Норкинс*. Фамилии, оканчивающиеся на *-инс*, уже стали типичными для имен хоббитов в России. Их можно найти у большинства

¹⁷⁸ Кэннет Грэм. Ветер в ивах. — М: ЭКСМО-Пресс, 2002. — (Детская библиотека; Антология). Сказка, героиней которой — Крот, Крыс, Жаб и Барсуков.

переводчиков во многих именах, имевших в оригинале совсем другие окончания. Например:

- Boffin**¹⁷⁹ (M&K) — Булкинс: булка,
Boffin (Немирова) — Мудренс: мудрый,
Brockhouse¹⁸⁰ (ВАМ) — Барсучинс: барсук,
Chubb¹⁸¹ (субтитры) — Пышкинс: пышка,
Flourdumpling¹⁸² (Г&Г) — Булкинс: булка,
Grubb¹⁸³ (субтитры) — Хрюшкинс: хрюшка,
Grubb, Grubb and Burrows¹⁸⁴ («Хоббит», анонимный переводчик) —
 Коппинс, Коппинс и Норытвинс: копать и нора + рыть,
Holman¹⁸⁵ (Г&Г) — Хаткинс: хата,
Sackville-Baggins (Яхнин) — Грабинс-Бэггинс: грабить,
Smallburrow (Волковский) — Горушкинс: горушка, гора,
Smallburrow¹⁸⁶ (Немирова) — Ямкинс: яма,
Underhill¹⁸⁷ (K&K) — Подхолминс: под + холм.

Версия ВАМ имени *Cotton* — *Норкинс* базируется на существительном *nora*. Употребление такого корня могло бы создать проблему при переводе имени *Smallburrow*, что буквально значит *маленькая нора*, но ВАМ вышла из положения, использовав тот же самый корень, что и в названии адвокатской конторы, распродававшей с аукциона имущество Бильбо, когда он вернулся после своих приключений: господа *Грабб*, *Грабб* и *Барроуз* (Н.284). У нее адвокатская контора называлась *Ройл*, *Ройл* и *Закопанс*. При этом, если в последней из трех фамилий четко просматривается словообразовательная схема — комбинация суффикса *-нс*, который стал почти неизменным атрибутом имен хоббитов, с глаголом *закопать*, то при создании имени *Ройл* она не позаимствовала ни толкиновское окончание, ни один из русских словообразовательных суффиксов. Эта фамилия основывается на глаголе *рыть* и суффиксе *-л* — непродуктивном в русском языке, в отличие от *-ло*, который можно скомбинировать с корнями, оканчивающимися на *-й*, чтобы

¹⁷⁹ Boffin — учёный; специалист-консультант, эксперт.

¹⁸⁰ Brock — барсук; house — дом; здание.

¹⁸¹ Chubby — круглолицый, полнощёкий; полный.

¹⁸² Flour — (пшеничная) мука; крупчатка; dumpling — клёцка, пышка. Билл Уайтфут, мэр.

¹⁸³ Grub — копать; рыться (*в земле и т. п.*).

¹⁸⁴ Burrow — рыть нору, ход.

¹⁸⁵ Hole — яма, нора; man — человек.

¹⁸⁶ Small — маленький, небольшой; burrow — нора; норка; ямка.

¹⁸⁷ Under — нижний, находящийся внизу, под (*зем.-л.*); покрытый (*зем.-л.*); hill — холм; возвышенность; пригорок.

создать существительное, как, например, *стойло* — производное от глагола *стоять*. По аналогии, *ройло* было бы место, вырытое хоббитами. Мог бы получиться интересный неологизм. У Даля есть похожее слово — *ролья*, означающее: «пашня, пахота, пахотное поле» (Даль, IV.103).

У ВАМ имя *Smallburrow* — *Мелкорой*. Элемент *-рой*, использованный ею во второй части фамилии, раньше применялся в русском словообразовании, но тоже довольно редко, а теперь вообще вышел из употребления. Только большие любители копать в словарях могут найти примеры подобных слов. В современных толковых словарях они вообще отсутствуют. В словаре Даля упоминается *пескорой* — «рыбка *Ammodytes*» (Даль, III.104) (по-гречески *песчаный житель*). Другое значение приводится в словаре Ушакова: «ПЕСКОРОЙ, пескороя, м. (зоол.). Перепончатокрылое насекомое, роющее норки в песчаных местах»¹⁸⁸.

Версия *Коттона* у K&K также имеет окончание *-ins*, идущее от фамилии Бильбо. Их вариант — *Хижинс*. Именно это слово используется при переводе «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу. Оно подразумевает намного более бедное жилье, чем коттедж, который представлял себе Толкин. Значительно лучше было бы употребить здесь имя, которое Г&Г использовали для фамилии *Holman* — *Хаткинс*, производное от слова *хата*.

Crickhollow — место, куда отправился Фродо, оставив Хоббитон в самом начале своей миссии. В «Руководстве» Толкин отмечал, что это название составлено из двух элементов. Первый из них, устаревший корень *crick*, необходимо оставить без перевода. Предполагалось, что второй элемент — *hollow* — будет узнаваем, и должен быть переведен по смыслу. Грузберг и Уманский, оставаясь верными выбранному принципу, транслитерировали это название: *Крикхоллоу*.

Бобырь игнорирует его так же, как Г&Г в своей самиздатовской версии.

Волковский перевел его как *Сухой Овражек*, что скорее подходит вестерну, чем Ширу. В своем опубликованном издании Г&Г попытались следовать совету Толкина и создали название, которое сохраняло *crick*, комбинируя его с переводом *hollow*. Они урезали *crick* до *кри-* и убрали первую букву в слове *овражек* (овражек > вражек). Получились *Кривражки*, с окончанием множественного числа, характерным для российских географических названий. Из-за того, что они адаптировали составляющие название

¹⁸⁸ Толковый словарь русского языка / под ред. Ушакова. — М: Государственное издательство иностранных национальных словарей, 1939. — с. 239.

элементы, эта версия выпадает из нужного русла и приобретает иное значение. Вместо *Crickhollow* она предлагает комбинацию слов *кривой* и прерительно-уменьшительного — *вражки*.

Большинство переводчиков отдали свои голоса превращению *hollow* в *балку*. Для Кистяковского *Crickhollow* стало одним из имен его «кроличьего» цикла (см. главу «**Fallohide**»). Он перевел это название как *Кроличья Балка*. Образный перевод ВАМ, очень удачно базирующийся на слове *балка*, почти дословно следует инструкциям Толкина. Из *crick* она сделала слово, звучащее как прилагательное, добавив окончание, характерное для названий видов животных, то же самое, которое можно увидеть и в *Кроличьей Балке* Кистяковского. Это мягкое окончание, заменяющее конечный звук «К» в *crick* на русское «ч». Когда прилагательное, которое она придумала, объединяется с переводом *hollow*, набравшим большинство голосов, получается легко воспринимаемая *Кричьа Балка*. Именно то, что предписывал Толкин. К сожалению, большинство моноязычных русских читателей видят в ее варианте существующее слово *крик*. С другой стороны, такие читатели, как автор, знающие несколько языков, находят в попытке ВАМ, хоть она и не вполне удалась, изящный путь транслитерировать первую часть толкиновского названия, вполне вписывающийся в русскую словообразовательную схему.

К&К, следуя рекомендации Толкина, также решили не переводить *crick*. Чтобы избежать неминуемой ассоциации со словом *крик*, они создавали прилагательное архаичного стиля с удвоенной буквой «кк», ясно указывающей на иностранный характер слова, поскольку удвоенные буквы (за исключением «сс» и «нн», которые возникают на стыке двух корней) очень редки в русском языке. Конечный результат вполне приемлем: *Криккова*, но все же некоторых русских читателей по-прежнему беспокоит схожесть их варианта с существительным *крик*. Выбор К&К второй части названия был, несомненно, ответом на необходимость разграничить *hollow* в *Crickhollow* и *dingle* в *Derndingle* (см. главу «**Derndingle**»), где они уже использовали слово *балка* для перевода *dingle*. Все вместе выглядит очень неплохо: *Криккова Лоцинка*.

Немирова перевела *Crickhollow* как *Ручейная Балка*, по-видимому, интерпретируя *crick* как вариант слова *creek* (небольшой залив или бухта; устье реки), которое существует в некоторых диалектах английского языка, что подтверждает, например, выражение: «The good Lord willin', and the crick don't rise» [«Даст Бог, речушка не выйдет из берегов»]. Яхнин также испытывал затруднение при переводе *crick*. Он сделал из него *Сверчковую Лоцинку*.

ну), скорее всего, следуя своему англо-русскому словарю, и не заглянув в словарь топонимов, чтобы найти действительное значение слова *crick*. Английское слово *cricket* означает *сверчок*.

В примечании K&K объясняют этимологию слова *crick*. Они дают правильное произношение *Crickhollow* и указывают на место, называемое *Crickhowel* в качестве примера того, как *crick* используется в топонимах (K&K СК.630, Х.337). Однако их этимология слова *crick* довольно спорна. K&K пишут, что *crick* связан с толкиновским Карроком, основанным на валлийском слове *carreg* (*камень, скала, откос*).

Crickhowel — переделанное на английский лад валлийское название *Crucywel*, которое принято считать обозначающим каирн Хивела. В «Валлийских географических названиях» Джона Джонса¹⁸⁹ говорится, что Хивел, упомянутый в этом названии, был принцем Гламоргана, который отметил границы своей земли каменными пирамидами — *каирнами*¹⁹⁰. Отражение этого значения может быть найдено в гэльском языке и ирландском слове *crioch* (*criche* в родительном падеже), что означает *границу, предел, рубеж*. В современном валлийском языке *crug* (произносится [krik]) все еще означает *бугор, куча, груда камней*.

Слово *crug* в первом своем значении в «Большом валлийско-английском словаре» чаще всего встречается в географических названиях. Это *холм, пригорок*. Это значение можно найти в таких географических названиях, как *Cricklas* [*зеленый холм*], *Yr Wyddgrug* [*заметный холм*] (с переходом [k] в [g], что распространено в валлийских составных названиях), более известный в нормандском переводе, *Mold* (сокращение от *Mont haut*), *Cricieth* [*холм пленников*], и в тавтологии *Creech Hill: cric* (древневаллийский) + *hill* (английский). Толкин, несомненно, также был знаком с этим значением, но не перевел *crick* в «Руководстве». Он лишь указал, что это устаревший элемент. Зная любовь Толкина к лингвистическим шуткам, вполне можно предположить, что он, видя в *Crickhowel* игру слов, превратил его в *Crickhollow*, и не захотел «испортить шутку», как выразился Бильбо. Комбинация *crug* (*холм по-валлийски*) и *hollow* (*впадина, лощина по-английски*) — двуязычный оксюморон.

¹⁸⁹ *Welsh Place Names*, Cardiff: John Jones Publishing, 1996.

¹⁹⁰ *Каирн* — груда камней, насыпанная над погребением или в качестве пограничного знака. Термин часто используется как синоним слова «курган» в областях, где насыпи состояли из камня. — *Грим. перев.*

Derndingle. Элементы названия места собрания энтов на Всеобщем наречии Толкин рекомендовал переводить. Он объясняет первый элемент — *dern* — как устаревшее слово, означающее *тайный* или *скрытый*. Второй элемент — *dingle* — означает *глубокую (затененную деревьями) лощину*. Толкин считал, что переведенное название также должно быть построено на устаревших, поэтических или диалектных элементах.

Г&Г и не пытались переводить *Derndingle* ни в одной из своих версий, и точно так же, как Бобырь, исключили его вместе с *Entmoot* (см. главу «**Entmoot**»). Уманский восстановил главу о Древобраде, но допустил опечатку — первая буква «н» потерялась, так что *Дерндингл* превратился в *Дердингл*.

Грузберг транслитерировал это название как *Дердинггл*. Учитывая, что для большинства англоязычных читателей, которые не читали «Руководство» Толкина, *Derndingle* — не более чем звуковой винегрет, у транслитерации Грузберга привкус примерно такой же, как и у оригинала. Очевидно, что у Грузберга не было доступа к «Руководству» Толкина, однако, в своем примечании к слову *Дердинггл* он называет его *травяной лощиной*. Застырец, редактор книжной версии перевода Грузберга, удалил это примечание (Гр ДК.95).

Муравьев использовал общеупотребительный элемент для первой части своего названия: *тайно*. Для второго элемента он употребил то же самое слово, что и в переводе второго элемента в слове *Rivendell*: *дол* — архаичное обозначение *долины*, этимологически связанное со словом *dell*. В результате такое название становится гораздо более понятным русскому читателю, чем *Derndingle* англоязычному. Часть той секретности, которая по версии Толкина окружала место встречи энтов, таким образом, пропадает. Но хотя название и становится несколько менее таинственным, это, однако, хороший перевод, более-менее отвечающий рекомендациям Толкина; этому варианту недостает лишь стилистической окраски фрагмента, подразумевающего *тайну*.

К&К также выбрали общеупотребительный элемент для первой части своего названия, но его значение отличалось от того, которое использовал Толкин. Вместо того чтобы быть *тайной*, их лощина стала *заколдованной*. Это еще один шаг в сторону от замысла Толкина, в результате чего энтам приписывается гораздо больше магических свойств, чем в оригинале. Для второй части названия К&К использовали слово *балка*. В целом, однако, это название воспринимается хорошо. Связь между версиями ВАМ и К&К можно проследить по переводу ВАМ *Derndingle* как *Заколдованный Овраг*. Они были единственными переводчиками, кто использовал прилагательное *заколдованный* вместо *тайный* для слова *dern*. Выбранное ВАМ слово

овраг, однако, является более прозаическим, чем *балка*, в результате чего в ее версии меньше магии, чем у K&K.

Перевод Немировой *Derndingle* не относится ни к одному из вышеперечисленных. Она превратила это название в *Запретное Урочище*. В контексте встречи энтов на высоком уровне, название Немировой напоминает термин *запретная зона*, который обычно применяется для названия территории военных и правительственных объектов, куда широкой публике вход воспрещен. В советское время, когда Немирова создавала свой перевод, большинство из них не имели названий для внешнего мира. Они были просто номерами почтовых ящиков, не обозначенными ни на одной карте. Это интересный образ, хотя и недолговечный: слишком силен в нем подчеркнуто советский оттенок.

Волковский взял неверное толкование из двухтомного англо-русского словаря¹⁹¹ и превратил *Derndingle* в *Латаную Лоцину*. Англо-русский словарь¹⁹² переводит *damn* не как *скрытый, тайный*, а как производное от слова *damn* — *защипанное место, штопка; штопать, чинить*. Есть также и просторечное произношение слова *damn* — (вполне безобидное ругательство) которое мог бы употребить Джек Клампетт¹⁹³. На странице, где переводится слово *damn*, есть два омонима: 1) *штопать, чинить (носки, например)* и 2) эвфемизм для проклятия *damn (проклинать; ругаться)*. Поскольку в словарной статье не указывалось, какое из этих двух значений имелось в виду, Волковский выбрал первое значение слова *damn* — *штопать, чинить*. Интригующий образ, но он скорее подходит для Латаной девочки из сказки Фрэнка Баума «The Patchwork Girl of Oz», чем для тайного места собрания энтов в книге Толкина. Волковский, несомненно, «Руководство» Толкина не читал.

Яхин своим переводом названия *Derndingle* демонстрирует навыки детского сказочника. Он обосновывает элемент *секретный* в названии места встречи энтов, описывая его как: «самое тайное место, куда нога пришельцев не ступала» (Я ДБ.62). Затем он дает этому месту название с аллитерационной игрой слов, которая восхитила бы любых юных читателей. Он называет его *Бор-Бормотун*. Первое слово означает сосновый лес, обычно на холме. Вторая часть — разговорное слово *бормотун*, что является наме-

¹⁹¹ Гальперин, 341.а.

¹⁹² Гальперин, 366.а.

¹⁹³ Герой популярной комического сериала 60-х годов «Beverly Hillbillies». Простой, грубоватый парень из Техаса, обнаруживший на своем ранчо нефть и в одночасье превратившийся в миллиардера, а затем купивший роскошный особняк в Беверли Хилс и переехавший туда со всей семьей. — *Прим. перев.*

ком на то, как звучит энтийская речь Древобрада. Яхнин, безусловно, получает удовольствие от такой игры слов, поскольку создает целую вереницу подобных словосочетаний в своем описании леса Фангорн. Среди прочего, в нем можно найти *чащи молчащие* и *гуши гудящие*. Эти две аллитерации обыгрывают синонимы *чащи*. Первая — тихая, вторая шумная.

Durin. Родовое имя королевской династии гномов не было включено в «Руководство» Толкина, и это значит, что он предполагал транслитерировать его, а не переводить. Однако это имя представляет собой специфическую проблему для русских переводчиков, поскольку, если его транслитерировать, возникает ассоциация со словом *дурень*. В девятнадцатом веке это слово писалось *дурить* (Даль, I.502), что в точности соответствует толкиновскому имени. *Дурень* — слово, которым Немирова переводит *fool* в диалоге двух противоборствующих сил в душе Фродо — в главе «Отряд распадается», когда один голос кричит: «Сними его! Сними! Дурень, сними Кольцо!» (F.519; Н ХК.469).

Хотя подобная ассоциация совершенно недопустима для такого королевского имени, как *Durin*, тем не менее, именно *Дурин* используется в субтитрах и Уманским в его переводах «Хоббита» и ВК. Надо отметить, однако, что субтитры имеют свою специфику: поскольку зрители могут одновременно слышать и английскую речь, субтитры не должны слишком отходить от оригинала.

Рахманова и Грузберг умело обошли эту проблему, транслитерируя имя как *Дьюрин* (Рахманова) и *Дюрин* (Грузберг). Это достаточно нерусская буквенно-звуковая комбинация, чтобы ее не пугали с *дурнем*. Она традиционно используется в транслитерации французских имен собственных, например, автора «Трех Мушкетеров» Александра Дюма (1802–1870). По-французски его имя пишется *Alexander Dumas* и произносится через «у» («с» на конце не произносится).

K&K, Каминская и Перумов пошли по стопам Рахмановой, в то время как Бобыр (Баталина) в «Хоббите» использовала подход Грузберга. В ВК Бобыр вообще не упоминала это имя. Все остальные переводчики транслитерировали его как *Дарин*. Такая версия, если вообще вызывает какую-либо ассоциацию у русских читателей, то превращает имя в своего рода производное от слова *дар*. *Дарины* — старый русский обряд помолвки, когда невеста и жених обмениваются принятыми по обычаю подарками. «Невеста дарит белье своей пряжи, ткань и шитья, а жених — бабий головной убор, сороку» (Даль, I.415).

В своем обширном примечании к именам гномов, К&К указывают, что эти имена у Толкина заимствованы из «Старшей Эдды» («Прорицание вёльвы»), которую они цитируют по русскому переводу А. Корсуна. Их примечание — по существу, краткий пересказ анализа имен гномов из «Введения в эльфийский» Джима Аллена¹⁹⁴.

Та же самая проблема интерференции слова *дуринь* возникла и при переводе толкиновского названия меча, которое меч получил после того, как был сломан и перекован вновь: *Anduril*. Большинство переводчиков просто опустили букву «у» в названии, превратив его в *Андрил*. Создается вполне естественно звучащее русское название и ликвидируется сама проблема с толкиновским вариантом, возникающая из-за того, что корень *дур* лежит в основе таких слов, как: *дурь*, *дурак*, *дурман*, и *дурдом*. К&К использовали подход, который большинство переводчиков применяли к *Durin*, и назвали меч *Андариллам*. Поскольку *Anduril* — это квенийское название, удаление или изменение букв в его написании усложняет задачу тех русских толкинистов, которые хотят изучать эльфийский. Грузберг и Уманский оставили это название без изменения, транслитерировав его как *Андуриль*. Бобырь опустила само название и сохранила только его перевод (Б.68; У П.397).

Entmoot. В «Руководстве Толкин не дает никаких рекомендаций относительно перевода слова *Entmoot* — собрания энтов (Г.103). Он рекомендует сохранять слово *Ent* само по себе и в составе сложных слов. Грузберг, оставаясь верным себе, транслитерировал *Entmoot* как *Энтмут*, равно как и Уманский. Толкин, несомненно, обыгрывал устаревшее значение слова *moot* (*встреча, собрание*), которое в этом значении также может иметь и иное написание: *mote*, в таких словах, как *burgh-mote* (*городское собрание*), *folk-mote* (другое написание *folkemoot*) (*народное собрание*), *hall-mote* (*ассамблея*), *hundred-mote* (*окружное собрание*). Этот корень и по сей день сохранился в современном голландском языке в значении *встретиться*. В предложении «я встретил Джона», употребляется голландское слово *ontmonet* (*встретил*), что произносится как [ont-mu:t].

В англосаксонской и позднесредневековой Англии слово *moot* обозначало место заседания судов и других органов управления в пределах таких административных единиц, как *сотня* (*hundred* или *wapentake*) или *графство* (*shire*). Эти суды, несомненно, продолжают традицию *витенагемотов* (*witena-gemot*), советов старейшин (от слова *witan* [*мудрые*]) при короле у англосак-

¹⁹⁴ *An Introduction to Elvish*, Jim Allan (compiler and editor), Frome, Somerset: Bran's Head Books, 1978, pp. 220–226.

сов¹⁹⁵. В древнеисландской «Саге о людях с Песчаного берега» («Erybyggja Saga»), датированной примерно серединой XIII века, король Харальд созывает совет восьми фюльков (fylki — административная единица в Норвегии того времени) в Трандхейме [Thrandheim], чтобы объявить Бьорна Кетильсона [Biorn Ketilson] вне закона. На этот совет собрались представители восьми фюльков, входивших в область Трандхейм, которые проводили свои народные собрания на Эйратинге [Eyrathing].

«Муты» созывались в известных всем местах, отмеченных какой-нибудь характерной деталью ландшафта вроде холма или дерева или искусственным сооружением — вроде земляной насыпи или установленного камня. Места, использовавшиеся для мут, можно найти повсеместно в Англии, Шотландии, Ирландии и в Уэльсе. Память о предназначении Холма Мута и по сей день жива в некоторых подобных местах. Шотландия была объединена Кеннетом Макапином, который одержал победу над пиктами в 838 н.э., и в честь нее установил Камень Судьбы на Холме Мута в Скунском аббатстве. Короли Шотландии (включая Макбета и Роберта Брюса) короновались на этом Холме вплоть до Эдуарда I, который в 1296 году переместил Камень Коронации в Вестминстер. Холм Мута поблизости от Эллона, города к северу от Абердина, который был главным поселением пиктской провинции Бьюкен до 400 г. до н.э., служил местом, где вершили правосудие кельтские мормаеры (правители), а затем Комины, нормандские графы Бьюкены¹⁹⁶. На Холме Мута в торговом городе Дриффила собирался первый парламент.

Хотя первоначально муты созывались под открытым небом в сельской местности, со временем они переместились в закрытые помещения. Название *зал мута* (*moot hall*) пережило его реальное использование в качестве палаты совета и сейчас представляет собой лишь исторический и архитектурный памятник в тех английских городах, где сохранились подобные сооружения.

Немирова переводит *Entmoot* реальным русским историческим термином, функция которого соответствует английскому *moot*. Она приравнивает *moot* к *вече*. Русским читателям это название знакомо еще со школы. Вече — народное собрание в древней и средневековой Руси в период с X по XV век. Подобно муту, вече собиралось под открытым небом. Наиболее известное — Новгородское вече. Оно обладало властью избирать духов-

¹⁹⁵ Также известны как *Weidenagamoot*.

¹⁹⁶ После нормандского завоевания графами Бьюкенами стала нормандская семья Коминов. — *Прим. перев.*

ных, гражданских и военных должностных лиц города: епископа (затем архиепископа), посадника, тысяцкого. Новгород, один из древнейших городов России, впервые упоминается в летописи в 859 году. Вече существовало в Новгороде вплоть до 1478 года, когда Иван III завоевал город и распустил его вече. Такая же судьба постигла в 1510 году и псковское вече. Слово *вече*, выбранное Немировой для *moot*, подходит очень хорошо, единственный недостаток — она не скомбинировала его со словом *Ent*. Ей достается приз за историческую правильность. Кистяковский же получает балл за изобретательность.

Кистяковский предлагает весьма изящный вариант перевода для слова *moot*. Большинство переводчиков, следуя рекомендации Толкина, транслитерировали *Ent*. Кистяковский, однако, передает *Ent* как *онт*, основываясь на синдарском слове *Onod*, вместо слова *Ent* на рохиррике, используемого в оригинале *BK* и образованного от древнеанглийского слова, которое встречается в «Беовульфе» и означает *великан*. Кистяковский добавляет к нему архаичный корень со значением *молвить* (Даль, II.340) и образует от него окончание существительного, создавая, таким образом, весьма запоминающееся название: *Онтмолвище*, которое может интерпретироваться как *беседа энтов*. Тем самым, несомненно, обыгрывается одно из определенных слова *moot* в *OED*: «Спор; дискуссия; диспут; беседа». Изобретение Кистяковского — несомненный победитель в том, что касается образности. Волковский слегка видоизменил находку Кистяковского, написав *энт* вместо *онт*, в результате чего получилось *Энтмолвище*.

Г&Г опустили *Entmoot* и *Demdingle* (см. главу «**Derndingle**») и сократили весь эпизод, в котором они фигурируют, в результате чего сохранилось только объяснение Древобрада слова *Энтмут*. Бобьер также не упоминает эти два названия. Г&Г используют словосочетание «сбор энтов». *Сбор* — современное слово, которое часто связывается с призывом резервистов на военные сборы. Реже оно может означать место встречи. В данном контексте возможно любое значение, но поскольку глава завершается выступлением энтов на Айзенгард, военный контекст выходит на первый план.

К&К также пренебрегли возможностью создать новое слово для *Entmoot* и использовали вместо этого объяснение Древобрада. Но если Г&Г используют современную форму *сбор*, то К&К для перевода *moot* воспользовались архаичной версией этого же самого слова: *собор* (К&К ДБ.107). В советский период слово *собор* старались по возможности не употреблять. До революции оно означало собрание правящих классов или духовенства. Это же слово присутствует и в названии «кафедральный собор». Подобные ассоциации наложили табу на употребление этого слова в советские

времена. В своем первоначальном значении оно было заменено на *собрание*. Использование К&К слова *соброр* в самом начале постсоветского периода задает своеобразный позитивный тон, возвращая к жизни старые досоветские ценности, в том числе религию.

ВАМ также не создает нового слова для *Entmoot*, а использует вместо этого архаичное слово *сход*. Это лишь немногим более новое слово, чем *вече*. Оно существовало в обиходе вплоть до конца XIX — начала XX века. Обычно это слово ассоциируется с сельскохозяйственными общинами и колхозами, что придает ему некоторый просторечный оттенок, весьма уместный в легендариуме Толкина. Оно неплохо конкурирует с *вече*, но функции вече больше соответствуют понятию *moot*.

Яхнин также не стал выдумывать новое слово для *Entmoot*, а написал: «мы собираемся скопом» (Я ДБ.62). Это совершенно разговорное выражение не содержит в себе ни малейшего намека на историю или традиции, но такая аллюзия в любом случае потерялась бы из-за того, что Яхнин ориентировался на детскую аудиторию. События, описанные в подобной манере, по логике должны были бы закончиться пьяной дракой, которая едва ли является подходящим результатом для собрания энтов.

Кистяковский, Грузберг, Немирова и Волковский одинаково хорошо передали объяснение Древобрада значения *Энтмута* современным словосочетанием «собрание энтов».

Толкин также использовал слово *moot* в своем описании политики Шира. Там он упоминает Тана в качестве главы *Shire-moot* (F.30). В идеале, перевод *Shire-moot* должен соответствовать переводу *Entmoot*. Четверо переводчиков использовали различные варианты слова *сход*, которое ВАМ употребляет для перевода *moot* в ее варианте *Entmoot*. К сожалению, как раз ВАМ не была одной из них. Ее перевод *Shire-moot* базировался на том же самом слове, которое Г&Г использовали в беседе об *Entmoot*: *Сбор*. Она дополняет его прилагательным, которое выглядит сошедшим прямоком со страниц советской газеты. Ее название *Shire-moot* — *Великий Всехобитский Сбор*. Приставка *Все-* использовалась для описания грандиозных советских социалистических народных конгрессов, таких как Всероссийский Съезд Советов, который с 1918 по 1925 год являлся руководящим органом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), и Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), название КПСС с 1925 по 1952 год. Социалистическо-советский намек, содержащийся в этой версии названия, не останется незамеченным для большинства русских читателей, и Толкин, несомненно, его бы не одобрил.

Лишь у двух переводчиков *Entmoot* и *Shire-moot* соответствуют друг другу. Эти переводчики — Грузберг и Немирова. Они оба повторили слово *собрание*. Грузберг написал, что *Shire-moot* был *собранием Шира*, что перекликается с его переводом объяснения Древобрадом слова *Энтмут* — *собрание энтов*. Немирова превратила его в *Хоббитское собрание*, и затем подстраховалась, назвав его *Вече* подобно тому, как она поступила с *Entmoot*. Последовательность терминов очень важна при переводе Толкина, о чем Грузберг и Немирова, по-видимому, знали.

Большинство переводчиков, которые не выбросили слово *Thain*, как Бобырь и Яхнин, попросту транслитерировали его как *Тан* (в русском языке нет звука «Th»). Это тот самый вариант, который использует Пастернак в переводе «Макбета»¹⁹⁷ для названия *Thane*, титула знатного землевладельца в свите Короля. Макбет в пьесе Шекспира получает титул Кавдорского тана. Такое написание представляет шотландский вариант этого названия. *OED* выдвигает гипотезу, что если бы древнеанглийское слово с тем же значением (*thegn*) активно использовалось бы до нашего времени, то в результате стандартных орфографических изменений, оно приняло бы ту самую форму, что используется у Толкина — **thain*. Некоторые современные историки употребляют слово *thegn*, проводя различие между англосаксонскими и шотландскими танами.

Корень **thain* можно найти в современных английских словах *captain* и *chieftain*, означающих *глава*, *вождь*. Эти слова — комбинация латинского слова *галола* — *caput* (*capitis* в родительном падеже), и французского *chef* [*глава*] с элементом *thain*. Ср. немецкое обозначение *капитана*, *Haupmann*, что буквально означает *глава*.

Кистяковский предпринял попытку спасти *Thain* от смысловой каши, которая возникает при транслитерации у большинства русских читателей. Он переделал его в *Хоббитан*, что рифмуется с русским словом *капитан*. Это изящная реконструкция лингвистического процесса, который привел к появлению *капитана*, но с толкиновским начальным элементом. Точно такой же подход очень успешно использует ВАМ для своей версии Шира (см. главу «**Shire**»): *Хоббитшир*.

Уманский был единственным, кто перевел *Thain*. Он использовал слово *Правитель* (У II.201, IV.842). Современному читателю этот вариант полностью понятен, но при этом теряются изящество и глубина толкиновского архаизма. Что еще хуже, Уманский пытается одним словом *Правитель* переводить и *Thain*, и *The Chief* (У IV.836). Такой подход демонстрирует не-

¹⁹⁷ Вильям Шекспир. Трагедии. Сонеты. — М: «Художественная литература», 1968.

позволительно поверхностное отношение к толкиновской терминологии с ее тщательно продуманными нюансами и подбором слов.

Немирова могла бы использовать свою удачную переводческую находку — *вече* — с двойной выгодой, если бы продолжила ту же самую историческую, функциональную линию, и сделала бы *Тана Посадником*. Их функции, по существу, были одинаковыми.

Fallohide. Толкин обращает внимание, что с этим названием могут возникнуть особые сложности из-за первого элемента, *fallow*, который он использует с архаичным значением *бледный, желтоватый*. Он предлагает переводчику в первую очередь обратить внимание на смысл слова *fallow* и не пытаться обязательно передать архаичность формы, если невозможно подобрать подходящий вариант. Только К&К в своей версии названия сумели объединить два корня, соответствующие английским *pale* и *hide*, придумав слово *Белоскоры*. В то время как элемент *бело-* общеупотребительный, *скор-* является архаичным. В современном языке он присутствует в словах *скорлупа* и *скорняк*. А слово *hide* в современном языке переводится как *шкура*. Двуязычный читатель, который знаком с инструкциями Толкина в «Руководстве», сочтет такое решение этой трудной проблемы весьма успешным. Однако некоторые носители языка настроены более скептически, поскольку усматривают в корне *скор* связь со *скоростью*, и, соответственно, *Белоскоры* воспринимаются ими как «белые и скорые».

Г&Г пошли по совершенно иному пути. Они превращают *Fallohides* в *Лесовиков*, при этом используется суффикс *-овик*, который часто встречается в существительных, обычно обозначающих род занятий. Очевидно, такая трактовка взята из описания Толкином фэллоухайдов в «Прологе»: «им по душе были деревья и лесные просторы» (F.22). Замена их отличительного признака с цвета кожи на любимое занятие могла бы восприниматься как уступка современной политкорректности, но она немногим более уместна, чем любое другое политическое искажение, введенное в текст.

Кистяковский использовал в своем переводе лишь один из этих двух элементов, что для него абсолютно не характерно. Его название — *Беляки*. Однако его выбор такого названия определялся иными соображениями. В предисловии ко второму, несокращенному изданию первого тома эпопеи, опровергая утверждение самого Толкина (L.158_n; L.406–407), Муравьев определяет этимологию слова *hobbit* как: «ho(mo) [лат.], «человек», + (ra)bbit [англ.], «кролик»» (M&K X₁₉₈₈.20). Кистяковский, придумывая свои имена и названия, следовал этимологии Муравьева, а не Толкина. Все его названия для трех племен хоббитов ассоциируются с зайцами и кроликами:

Fallohides — Беляки: русское название *зайца-беляка*;

Stoors — Струсы: это название получено от глагола *струсить*: характеристика, столь типичная для кроликов, что даже является частью их латинского названия (*Lepus timidus*), так же, как эпитет, прилагаемый к зайцу в списке Живых Существ Фангорна (Т.84); и

Harfoots — Лапитупы: это название расшифровывается как «тулая лапа». *Лапитуп* — имя одного из героев сказки Юрия Олеши (1899–1960) «Три Толстяка»¹⁹⁸, в которой Олеша использует образы животных для описания персонажей. «Испанец походил на крысу, прыгающую на задних лапках, а директор хромал, как подстреленная ворона»¹⁹⁹. Лапитуп был цирковым силачом, и когда он выходил на подмостки, «мускулы у него ходили под кожей, точно кролики, проглоченные удавом»²⁰⁰.

Эта история, являющаяся аллегорией революции 1917 года, написана в форме детской сказки, где Три Толстяка играют роль буржуазии. Лапитуп — один из сторонников Трех Толстяков, служащий им ради денег²⁰¹. В свете описания, даваемого К&К Бильбо как «пищичного современного сельского „буржуа“» (Км Х.313), это делает Лапитупа любопытным прообразом харфугтов. С другой стороны, учитывая отношение Толкина к золоту (см. главу «**Хоббит**»), сам Толкин, конечно, не одобрил бы такое сравнение.

«Три Толстяка» были написаны в 1924 году, но не издавались вплоть до 1928 года. Это была первая революционная сказка в советской литературе. Критика приняла ее неоднозначно, но А. В. Луначарский (1875–1933), ведущий советский литературный критик того времени, расценил ее как свидетельство принятия революции творческой интеллигенцией. По мотивам этого произведения были написаны пьеса, опера, балет, снят кинофильм и создана радиопостановка. Имя *Лапитуп* было знакомо старшему поколению советских читателей. Однако у более молодых русских читателей с этим названием не возникает никаких ассоциаций.

Но акцент Кистяковского на «кроличьем» элементе в хоббитах этим не ограничился. Он выстраивает целую систему имен и названий, основанных на *зайцах* и *кроликах*. *Vandobras Took* становится *Брандобрасом Кролом*; *Tookland* — *Укральем*; а *Tuckborough* — *Укральными Низинами*. *Crickhollow*, куда отправился Фродо перед началом своей миссии, превращается в *Кроличью Балку*.

¹⁹⁸ Юрий Олеша. Повести и рассказы. — Москва: Художественная литература, 1965. — с. 121–238.

¹⁹⁹ Олеша, с. 168.

²⁰⁰ Олеша, с. 164.

²⁰¹ Олеша, с. 164.

Buckland становится *Заячьими Холмами*; *Buckelbury* — *Зайгородом*; а *Brandybicks* — *Брендизайками*. Этот акцент еще больше усиливается при помощи слова *нора*, как составной части некоторых имен и названий. *Hobbiton* — это *Норгород*, а *Smallburrow* — *Норочкинс*. Для большей слащавости *Longbottom*, источник лучшего в Шире табака, переведен как *Длиннохвостье*. *Длиннохвост* — имя героя русской сказки о бесстрашном кролике.

Все это создает совершенно иное видение хоббитов для русских читателей, нежели то, которое Толкин рисует для англоговорящего читателя. В своем письме к Роджеру Ланселину Грину Толкин утверждает, что «единственное англ. слово, на него [название «хоббит»] повлиявшее, это «*bole*» [*нора*]; <...> слово «*rabbit*» [*кролик*] в устах троллей — это просто-напросто самоочевидное оскорбление и с точки зрения этимологической значит ничуть не больше, нежели оскорбительная реплика Торина: «крысиное отродье!»» (L.406). Вне всякого сомнения, Толкин был бы недоволен этимологией Муравьева или заячь-кроличьим циклом имен Кистяковского. Тем не менее, хоббитские имена у Кистяковского — проявление лингвистической изобретательности, свидетельствующей о его мастерстве и воображении.

В версиях Грузберг-А и Б для перевода *Fallobide* использовано существующее прилагательное *светлоликий*. Редакторы попросту опустили окончание прилагательного, получив в результате название *Светлолики*. В версии Грузберг-Б для трех ветвей хоббитов неизвестные редакторы использовали те же самые названия, что и в версии А, однако, когда они встречаются в первый раз, каждое из них сопровождается названием Кистяковского, помещенным в круглые скобки [например: Светлолики (Беляки)] так, чтобы читатели, уже знакомые с этими названиями, могли следить за ходом повествования. В версии Грузберг-В, полученной непосредственно от автора и не менявшейся бесчисленное количество раз в процессе подготовки к публикации в Интернете, *Fallobide* транслитерированы обычным для Грузберга способом — *феллоужайды*, так же, как *Harfoots* — *харфуты* и *Stoors* — *стуры*. Книжная и изданная на CD-ROM версии унаследовали эти же названия. Уманский употребляет такую же транслитерацию: *харфуты* и *стуры*, но выбирает другое написание для *Fallobide* — *фэллоужиды*. Вариант Грузберга точнее соответствует английскому произношению.

Перевод ВАМ *Fallobide* — *Светлинги*. Первый элемент тот же самый, который используется в версии Грузберг-А: *светло*. Второй элемент (*-линги*) вероятно взят из названия, данного хоббитам людьми — *Halfings*, и из аналогичного *Easterlings*, которые ВАМ очень искусно перевела как *полуростки* и *востокане*. В результате *Светлинги* — лингвистический гибрид, не имеющий отношения ни к русскому языку, ни к Толкину, и способный

заинтриговать разве что двуязычного читателя. Ее варианты названий остальных двух племен хоббитов демонстрируют два противоположных подхода к переводу. *Stoors* — *Сторы*, транслитерация со звуком «о» вместо «у», и *Harfoots* — *Мохноноги*.

Немирова превращает *Fallohides* в *Буроголовых*. Ее название — комбинация цвета волос (*бурый*) и прилагательного от слова *голова*, и основывается на описании Толкином волос хоббитов как «в основном каштановых» (Р.20), что служило характеристикой всех хоббитов, а не только фэллоухайдов. Ее версия *Harfoots* — *Шерстоноги*, с другой стороны, вполне приемлема. *Stoors* она переводит как *стурсы*, с помощью транслитерации, которая включает английское окончание множественного числа *-s*, с последующим русским окончанием множественного числа *-ы*. ВАМ и Грузберг убрали английское окончание множественного числа перед добавлением русского. Для русского читателя это в любом случае двуязычная каша, и дополнительное «s» никак на нее не влияет, а только приводит в замешательство двуязычного читателя. Еще более неприятно, что она смешала перевод и транслитерацию в своем подходе к этим трем названиям. Всех их надо или переводить, или транслитерировать. Комбинация двух подходов неприемлема.

Волковский переводит слово *Fallowhide* также описательно, стараясь уподобить его старым ширским словам, которые в единственном числе оканчиваются на *-ень*. Его перевод основан на корне *скрыть* — *Скрытни*. Эта интерпретация подкрепляется последним предложением Волковского в абзаце, описывающем фэллоухайдов, который лишь отдаленно напоминает оригинал Толкина.

Копни поглубже родословную любого видного семейства и наверняка наткнешься на скрытня: Туки ведь от них пошли, да и хозяйва Баковин тоже (В П.17).

Дж. Р. Р. Т.: Даже во времена Бильбо в знаменитых семьях вроде Туков и Хозяев Бакленда было заметно сильное влияние фэллоухайдов (F.22).

Если для того, чтобы обнаружить предков фэллоухайдов, надо рыться в генеалогиях, значит, их присутствие скрыто. По версии Толкина, не требовалось никаких усилий, чтобы обнаружить их в знаменитых семьях Ширы. Волковский, по-видимому, ошибся при переводе и приспособил текст к своей интерпретации. Он запутался в омонимах *hide* — *скрывать* и *hide* — *шкура*.

Его версии названий *Harfoot* и *Stoor* столь же необычны. *Harfoots* стали *Расторопами*. Это название получено от прилагательного *расторопный*. В результате харфуты наводят на мысль о бизнесменах, или Практичном Поросятке из «Трех Поросят», вместо толкиновского описания: «это были типичнейшие хоббиты — и самая многочисленная их разновидность» (F.22).

Stoors в версии Волковского — *Схватни*. Это название выбивается из ряда устаревших «ширских слов». Другие его названия представляют собой субстантивированные прилагательные. Даль приводит соответствующую форму прилагательного: «Схватной, ко схвату относящ.», соответственно *схват* — это «перехват, талия; пережабина» (Даль, IV.369). Такое значение едва ли подходит для *Stoors*, чье название вызывает ассоциацию с голландским словом *stoer*, означающим *храбрый*, если только Волковский не искал перевод слова *tuck* [*схват* — выточка на платье] (ср. с *Tuckborough*), что вполне вероятно, учитывая его трактовку *Fallowhides*. Другие объяснения этого корня, предлагаемые Далем, придают варианту Волковского значение *цепкости, хваткости*, что делает стуров или способными очень быстро *схватывать* суть вещей, или очень *цепкими*. *Хваткими* скорее уж были Саквиль-Бэггинсы, которые не являлись такими уж типичными хоббитами.

Еще одно возможное толкование названия Волковского основывается на слове *схватка* — «драка, кулачная расправа» (Даль, IV.369). В таком случае, стурсы превращаются в задир и драчунов, отчасти напоминая литературный стереотип ирландца. Достаточно вспомнить продолжительную драку в фильме «Тихий человек» с Джоном Уэйном и Морин О'Хара²⁰².

То, как ВАМ сокращала старые ширские названия дней недели с их длинных, архаичных форм, до форм современных и не столь очевидных, дает возможность с иной стороны взглянуть на смысл, заложенный Волковским в его перевод *стуров*.

Толкин объясняет, что ширские дни недели имели наименования: 1) Звезда, 2) Солнца, 3) Луны, 4) Двух Древ, 5) Небосвода, 6) Моря и 7) Валар, или стихий, в том же порядке. «Их исконные значения вскоре были забыты или о них более не задумывались, а форма названий редуцировалась, особенно в повседневном бытовом произношении» (A.484). Затем Толкин приводит обе формы — архаичную полную и сокращенную, используемую во время Войны Кольца. ВАМ превосходно воспроизводит эти пары, все ее современные формы оканчиваются на *-ень*, а архаичные — на *-день*. Некоторые из названий дней недели в современной форме у ВАМ столь же загадочны, как и *бебень*.

²⁰² «Тихий человек» (1952). Реж. Джон Форд.

Современная	Архаичная	Значение
1) звездень	звездодень	звезда,
2) солдень	солнцедень	солнце,
3) лунень	лунодень	луна,
4) древень	древодень	дерево ²⁰³ ,
5) небень	небодень	небо,
6) морень	моредень	море,
7) высень	высокодень	высокий ²⁰⁴ .

Подход Волковского к переводу этого названия выглядит так, словно это сокращенная форма словосочетания «Схвати день!». Оно является переводом латинской поговорки *Carpe Diem!*, и используется некоторыми переводчиками с английского, которые недостаточно знакомы с классическими языками, чтобы знать, что *Carpe Diem!* обычно переводится на русский как «Лови день!», и буквально переводят английский вариант этой поговорки (*Seize the day!*)²⁰⁵. «Схвати день!» представляет собой интересный философский взгляд на хоббитов, которые меньше сторонились людей и долго жили по берегам реки Андуйн, пока они не последовали за харфутами на запад, обосновавшись между Тарбадом и границами Дунленда, перед тем, как двинуться дальше на север (F.22).

Бобьрь и Яхнин не стали экспериментировать с названиями трех племен хоббитов и просто опустили их.

Frogmorton. В указаниях Толкина переводчикам говорится, что *Frogmorton* должен быть переведен как комбинация элементов: *frog* (*лягушка*) + *moor* (*болотистая местность*) + *town* (*городок*). Фрогмортон четырежды упоминается в *БК*: трижды в восьмой главе шестой книги («Очищение Ши́ра») и один раз в «Приложении Б» («Повесть Лет»). Волковский не использовал ни одну из трех возможностей, предоставленных ему Толкином, для демонстрации своего искусства в области словотворчества. В издании, содержащем *БК* Волковского, перевод «Приложений» был сделан Королевым, который опустил дату ареста Фродо во Фрогмордоне.

Грузберг и Уманский транслитерировали название как *Фрогмортон*. Немирова использует эту же версию на своей карте, но в тексте она дает ва-

²⁰³ Более подробно об этимологии слова *tree* и его связи со словом *Druid* см. в главе «**Treebeard**».

²⁰⁴ Ширский выходной (А.484).

²⁰⁵ Примеры такого перевода этой поговорки: <<http://vbooks.by.ru/jelya010/00000018.htm>>, <<http://jezktl.narod.ru/robin/filmography.html>>

риант перевода *Лягушачий Луг*, выстраивая его на той же самой лингвистической основе, что и Муравьев (Н ВК.281).

Муравьев использует существующее слово — *Лягушатник* — которое имеет три возможных значения: 1) аквариум для лягушек в исследовательской лаборатории, 2) детский (мелкий) плавательный бассейн, и 3) водоем, в котором водится много лягушек. Чтобы название больше походило на географическое, Муравьев употребляет его во множественном числе, что является распространенной особенностью русских топонимов. Его *Лягушатники* — лучшая из версий перевода.

Фрогмортон появляется только в третьем томе, поэтому когда Г&Г работали над своей самиздатской версией, продолжающей сокращенный перевод первого тома М&К, они не могли знать, во что Муравьев превратит Фрогмортон, однако и они также использовали *Лягушатники* в самиздатской версии своего перевода. Но в изданной версии они изменили его на слово *Дрягва*. Это диалектное обозначение *трясины, топи, болота*. Такое название менее удачно, чем у Муравьева, поскольку его смысл будет непонятен большинству читателей, незнакомых с этим словом и не потрудившихся заглянуть в словарь Даля. Слово *Дрягва* в качестве перевода *Frogmorton* употребляют только Г&Г, что позволяет однозначно идентифицировать их как переводчиков «Приложений»²⁰⁶ к выпущенному в 1993 году в издательстве «Олимп» сборнику, в который входили «Хоббит», *ВК* и «Сильмариллион». В самом сборнике переводчики ни одного из произведений указаны не были. Помимо «Приложений» Г&Г там были переводы «Хоббита» Рахмановой, *ВК* М&К и «Сильмариллиона» Н. Эстель. Составители сборника скопировали перевод *ВК* с издания «Радуги» 1988–1992 гг., которое вообще не содержало «Приложений», поэтому они вынуждены были добавить их в переводе не М&К, а Г&Г.

Яхнин использует устаревшую форму прилагательного и переводит это название как *Лягушкина Запруда*. Эта элегантная конструкция в тексте вполне уместна. Такой образный вариант неплохо конкурирует с Муравьевым.

ВАМ выстраивает свое название на слове *жаба*. На первый взгляд, лингвистическая модель, по которой образуется это название, выглядит несколько странно, поскольку в ней используется не соответствующий русским правилам словообразования суффикс *-с*. Ее вариант — *Жабс*. Однако тем, кто знаком с советской детской литературой, эта модель намного понятнее. Именно этот тип словообразования использует Николай Носов в

²⁰⁶ Дж. Р. Р. Толкиен. Хранители: [Собрание сочинений: В 3 т.]. — Баку: Концерн «Олимп», 1993. — с. 77.

популярной детской книжке «Незнайка на Луне»²⁰⁷. Когда Незнайка прилетает на Луну, он встречает господина Спрутса, господина Клопса, капиталиста Тупса и господина Крабса. Несомненно, все эти персонажи пародировали врагов рабочего класса — буржуазию, побуждая читателя вспомнить дореволюционную подобострастную форму обращения с использованием частицы *-и*, написанной через дефис, как например в выражении «Что изволите-с?». В советские времена употребление таких словоерсов означало уже обратное — оттенок издевки, подчеркнутое неуважение к собеседнику.

В контексте Толкина имена Носова обладают дополнительной притягательностью для знакомого с ними исследователя, поскольку, например, Незнайка и его друзья зовутся *коротышками*, что является уменьшительной формой слова, которое Бобырь/Уманский употребляли по отношению к *хоббитам*.

<...> за быстрым, прозрачным Брендивейном, живут среди зеленых холмов Ши́ра Коротыши (Б.5).

— Теперь же, теперь же, мой дорогой коротыш! — сказал Гандальф (У II.21б).

Дж. Р. Р. Т.:— Ну, ну, мой дорогой хоббит! — сказал Гэндальф (F.60).

Но и этого мало, в «Незнайке на Луне» также есть два персонажа, чьи имена выглядят совершенно по-хоббитчьи: *Скрягинс* и *Гадкинз*. Нечего и говорить, что имена эти принадлежат отрицательным героям. Скрягинс — фабрикант, Гадкинз — газетный магнат. Особую пикантность сходству с хоббитами придает описание Носовым пристрастия Незнайки к яркой, пестрой одежде. Он носил голубую шляпу, желтые штаны, оранжевую рубашку и зеленый галстук. Представляется совершенно невероятным, чтобы Толкин и Носов могли знать о произведениях друг друга, но толкиновское описание одеяния хоббитов выглядит весьма схоже: «одевались они пестро, питая особое пристрастие к желтому и зеленому цветам» (F.20).

Поэтому нетрудно предположить, зачем ВАМ выбрала именно такую словообразовательную модель. В остающемся под запретом²⁰⁸ продолже-

²⁰⁷ Носов Н. Н. Незнайка на луне. — М: Детская литература, 1965.

²⁰⁸ Борис Карлов написал и издал продолжение «Незнайки», не имея на то авторских прав. Наследники Николая Носова добились через суд признания этого издания незаконным, поэтому больше «Новые приключения Незнайки» не издавались и на сегодняшний день являются библиографической редкостью. Прочсть аннотацию и посмотреть обложки книги можно на сайте: <<http://bkarlov.narod.ru/neznayka.htm>>.

нии сказок Носова, написанном Борисом Карловым — «Новые приключения Незнайки: Снова на Луне»²⁰⁹ — появляется господин Жабс, чье имя только подтверждает действенность модели, которую используют Носов и ВАМ для создания своих имен и названий. Если предположить самое невероятное, то, зная политический подтекст словообразовательной модели Носова, Жабс может быть воспринят как наследственное поместье буржуйского землевладельца, мистера Жаба (Mr. Toad) из «Ветра в ивах»²¹⁰.

K&K выстраивают свое название скорее на звукоподражании «квак», чем на самом слове *лягушка*. К сожалению, они не переводят оставшиеся два элемента, что приводит к образованию другого гибрида, наполовину переведенному, наполовину транслитерированному названию *Квакмортон*. Сноску с объяснением этого названия они не дают, что на них отнюдь не похоже. Без контекстной подсказки или сноски, помогающей читателю связать *лягушку* с *кваком*, первая часть названия представляет собой еще одну порцию двуязычной каши, добавленную ко второй его части. Такие смешанные названия могут только запутать русскоязычного читателя, который и первую часть будет склонен воспринимать как транслитерацию иностранного слова, что в данном случае вполне допустимо. *Квакмортон* K&K вполне мог бы быть транслитерацией, если бы у Толкина это место называлось *Quackmorton. По-английски *quack* — это утиный крик, поэтому гипотетический *Quackmorton стал бы городком на болоте, в котором водится множество крякающих уток. Но и этого мало: в таком городке к врачу лучше не обращаться, поскольку *quack* — это еще и *знахарь-шарлатан*. K&K могли бы добавить сноску, но шутка, требующая объяснения, перестает быть шуткой.

Gamgee. В «Руководстве» Толкин пишет, что эта фамилия встречается в Англии, хотя и редко, и ее происхождения он не знает. Поэтому он рекомендует «обходиться с этой фамилией как с «бесмысленной» и сохранить ее, внося изменения, необходимые для соответствия стилю языка перевода». При транслитерации английских имен и названий на русский обычно не ищут точного соответствия латинских букв кириллице, а вместо этого

²⁰⁹ Борис Карлов. Новые приключения Незнайки: Снова на Луне. — М: Азбука, 1999.

²¹⁰ Кэннет Грэм. Ветер в ивах. — М: ЭКСМО-Пресс, 2002. — (Детская библиотека; Антология).

стараются передать звучание слова. В «Руководстве» Толкин по существу цитирует статью из *OED* относительно *Gamgee*, которая объясняет, что повязка «гэмджи»²¹¹ была изобретена доктором Сэмпсоном Гэмджи (1828–1886). Произношение, предлагаемое *OED* — *гэмджи*.

Фонетический подход, применяемый к написанию *Gamgee* по-русски, привел к некоторым интересным результатам. Грузберг, Уманский, Г&Г, ВАМ и переводчики субтитров пишут это имя как Гэмджи. У Бобырь было по существу идентичное написание, с той разницей, что первым гласным была «а». Это произношение, рекомендованное в *OED*.

К&К и неизвестные редакторы версии Грузберг-А написали Гэмги. Немирова использовала еще один вариант, превратив имя в Джемджи. Услышав такое произношение, Дэвид Даган немедленно усмотрел в нем возможность нового смысла, приобретаемого фамилией *Gamgee*: некто «слишком равнодушный к варенью, что, несомненно, является характерной чертой хоббитов».

Несмотря на рекомендацию Толкина в «Руководстве» «обходиться с этой фамилией как с „бессмысленной“» и просто транслитерировать ее, Кистяковский дал Сэму значащую фамилию, основанную на слове *скромный* — *Скромби*. Это хорошая характеристика, но она упрощает Сэма, скорее предопределяя читательское восприятие, чем позволяя читателю самому делать выводы о характере Сэма, на что рассчитывал Толкин. Сэм — намного более сложный персонаж, чем просто «скромный» слуга Фродо. Эта версия имени была повторена в редакции Грузберг-Б.

Волковский также перевел *Gamgee*. По его версии, фамилия Сэма — *Гужни*. Это еще одно из устаревших «ширских имен» Волковского, оканчивающихся на *-ень* (см. главу «**Baggins**»), с беглым «е» в родительном падеже, которое изменяет окончание с *-ень* на *-ни*. Имя у Волковского происходит от слова *гуж*, что означает часть упряжи. Гужевые перевозки практически вышли из употребления, но в современном русском языке *гуж* сохранился в пословице: «взялся за гуж, не говори, что не дюж». В таком контексте вариант Волковского — интересный комментарий относительно стойкости Сэма. Порой стойкость его как будто убывает, как в третьей главе шестой книги («Роковая гора»). Сэм падает духом, но едва он облакает в слова свое отчаяние перед лицом надвигающейся гибели, как рассказчик (Толкин) являет ему новую надежду (R.259). Сэм был вполне в силах

²¹¹ Повязки «гэмджи» — особый перевязочный материал (слой ваты между двумя слоями марли), изобретенный английским хирургом Джозефом Сэмпсоном Гэмджи (1828–1886). — *Прим. перев.*

справиться с задачей, которую принял на себя, когда взялся за гуж сопровождать Фродо в его миссии, и перевод Волковского это подчеркивает.

Версия Яхнина фамилии *Gamgee* демонстрирует его эрудицию, но не все читатели способны ее оценить. Его перевод, *Плуту*, комбинирует русский корень с окончанием, которое маркирует это имя как иностранное. Русские имена не заканчиваются на *-оу*. Такая комбинация возможна только в транслитерации иностранных имен. Если бы это имя действительно существовало в английском, то писалось бы *Plutow (ср. транслитерацию Грузберга *Crickhollow: Крикхоллоу*).

Это, однако, «говорящее» имя. Оно обыгрывает русский термин «плутватый слуга». В театральном жаргоне это *дзанни*, типичный шутовской слуга, в бродячих европейских театральные трушпах комедии дель арте, которая предназначалась для невзыскательной аудитории, и разыгрывалась на городских площадях во время ярмарок. Представления были скорее импровизированными, чем отрепетированными заранее, и отличались грубоватым юмором и непристойностями. Сценарии были рассчитаны в первую очередь на массового зрителя, а не на элиту, и дзанни — слуга — вызывал всеобщие симпатии, в отличие от своего господина. Цель дзанни состояла в том, чтобы избежать побоев и перехитрить своих господ: такая тема была близка и понятна аудитории комедии дель арте. В центре сюжета подобных постановок оказывалась пара (иногда даже две) молодых влюбленных, которых разлучали хозяева дзанни. Дзанни брался помочь влюбленным, и после того, как вроде бы уже погубил все дело, в конце концов, все же выходил победителем. Английское слово *zany* [*смешной, потешный; простофиля, шут*] — близкий лингвистический родственник слова *дзанни* (*zanni*). Само это название происходит от диалектного прозвища Джованни, что отражает итальянские корни комедии дель арте, которая процветала с XVI по XVIII век. Ближе к концу этого периода сюжеты дзанни из комедии дель арте были записаны и перекечевали в «законный» театр, в результате чего появились такие классические пьесы, как: *Il Servitore di Due Padroni* [«Слуга двух господ»] (1745 г.) Карло Гольдони (1707–1793), *Crispin, rival de son maître* [«Криспен, соперник своего господина»] (1707 г.) Алена Рене Лесажа (1668–1747), и *Les Fourberies de Scapin* (1671 г.) Мольера (1622–1673), которая в русском переводе называется «Плутни Скапена».

Все это наделяет Сэма абсолютно иной ролью в повествовании, но на фоне остальных глобальных искажений сюжета, вводимых Яхниным, наподобие эльфов, создавших все кольца, лишнее изменение, погоды не делает.

Goldberry. Толкин включает *Goldberry* в список имен, подлежащих переводу. Г&Г превратили ее в *Златенику*, скомбинировав архаичный корень *злат* с окончанием *-ника*, часто встречающимся в названиях ягод, таких как *земляника*, *клубника*, *черника*, *брусника*. Это наиболее образный из всех вариантов, придуманных переводчиками. По-видимому, с такой оценкой согласилась и Александра, поскольку она тоже его употребляет. Перевод Г&Г успешно охватывает оба элемента имени, тогда как у большинства остальных переводчиков имена передают только один из них.

К&К также выстраивают свое имя на архаичном корне *злат*, но они добавляют другое окончание: *-вика*, как например в слове *ежевика*. С одной стороны, конструкция К&К менее удачная, чем у Г&Г, поскольку окончание *-вика* встречается реже, чем *-ника*²¹². Но с другой стороны, *Goldberry* К&К превращается в более редкий сорт ягод, чем у Г&Г.

Кистяковский использует существующее слово *Золотинка*, которое означает *золотой самородок*. Эта изящная замена, которая изымает *Goldberry* из мира живых растений и делает ее скорее частью самой Арды — минералом. ВАМ, Немирова, Волковский и неизвестные редакторы версии Грузберг-Б тоже использовали это имя Кистяковского. Оригинальная версия Грузберга, как всегда, была транслитерацией — *Голдберри*. Уманский написал практически то же самое, только удвоил согласные: *Галдберри*.

Волковский добавляет интересный штрих к полному имени *Goldberry*. По Толкину, она представляется Фродо как «Златеника, дочь Реки» (F.172). По версии Волковского, она представляется как «Золотинка, дочь Водяницы» (В ДК.178). *Водяница* — архаичное название класса речных духов, в современной России известных только как русалки. Однако в прошлом между ними существовала разница. Русалки воспринимались как нежить — общее название злых духов природы. Они изображались как прекрасные, бледные женщины с длинными зелеными волосами, которые они, по мнению художников, неизменно расчесывали. Русалки пели колдовские песни, заманивая свои жертвы в воду, и топили их. Существовало поверье, что они были духами детей, умерших до крещения, и девушек, утопившихся из-за неразделенной любви.

Однако *водяница* не рассматривалась как нежить. Она была духом крещеной утопленницы (Даль, I.219). Поэтому для тех немногих, кто сегодня осознает эту разницу, *Goldberry* — положительная героиня. Для тех же, кто об этой разнице не знает, она просто дочь русалки, традиционно зло-

²¹² Обратный словарь русского языка. — М.: «Советская энциклопедия», 1974. — с. 34–35.

го духа. Это делает приукрашивание Волковского гораздо менее успешным, чем у Кистяковского.

Кистяковский сделал ее дочерью *речной царицы* (М&К X₁₉₈₂.89, X₁₉₈₈.166), что вызывает образ сказочной красоты и великолепия, избегая ассоциаций с русалками и нежитью. Такая характеристика намного определеннее, чем просто написанная с прописной буквы «Река» Толкина, но, возможно, правильно расставляет акценты для менее внимательной аудитории, равнодушной к значимости прописных букв. Все остальные переводчики, за исключением Яхнина, использовали значительно более буквальное словосочетание *Дочь Реки*. Яхнин присоединяется к Кистяковскому и делает ее дочерью *царицы речной*, используя инверсию, чтобы титул ее звучал еще сказочнее (Я Хр.91). С другой стороны, сам перевод имени у Яхнина слишком прозаичен. Он называет *Goldberry Златовлаской*. Это имя построено на том же архаичном корне *лат*, который используют Г&Г и К&К. Но в пару ему дан второй архаичный элемент, который не имеет никакого отношения к *ягодам*, а означает *волосы*, и вставлен для того, чтобы читатели ни в коем случае не пропустили значение имени, «скрытое» за архаичными элементами. Представляя ее строкой выше, Яхнин использует в описании современные слова: «с золотыми волосами». Почти незаметная замена, но *Goldberry*, несомненно, от этого проигрывает.

Hobbiton. В своем «Руководстве» Толкин писал, что перевод названия *Hobbiton* «должен содержать слово *hobbit* и корень, означающий „деревня“». Поскольку *hobbit* по-русски — хоббит (одни лишь Бобыр и Уманский написали иначе), все переводчики *ВК*, за исключением Кистяковского, *ВАМ* и Яхнина просто транслитерировали *Hobbiton* как Хоббитон. Несмотря на то, что *К&К* транслитерировали это название, в своем примечании к нему они объясняют, что *-ton* — это распространенный элемент британских топонимов, и сокращенная форма слова *town*.

Кистяковский выдумал живописное название, обыгрывающее исторические русские топонимы и первую строку «Хоббита»: «В норе под землей жил-был хоббит». Он взял русское слово, которое Рахманова использует в переводе этой строки — *нора* (Р X.5), и скомбинировал его с архаичным элементом *-город*. Этот элемент отдаленно связан со второй частью названия *Midgard* из скандинавских мифов. В современных русских географических названиях он присутствует в двух формах: *-город* или *-град* — например, Нижний Новгород, Ленинград. Перевод Кистяковского — *Норград*, что дословно означает «город нор». Возможно, применительно к провин-

циальному городку, каким задумывал его Толкин, такое название звучит несколько помпезно, но с другой стороны, у Кистяковского *The Shire* называется *Хоббитания* (см. главу «**Shire**»).

ВАМ избрала крайне необычный подход. Она транслитерировала *Hobbiton* так, как если бы он произносился *Хоббиттаун*. Конечно, именно это и имел в виду Толкин, и написание ВАМ понятно моноязычному русскому читателю, который увидит в нем аналог таких известных географических названий, как Джеймстаун, Джорджаун, Кейптаун. Таким образом, *Хоббиттаун* наводит на мысль о городе с мировым именем. Ее перевод, возможно чуть напыщенное, чем стоило бы, но он демонстрирует то же язвительное лингвистическое остроумие, что и ее вариант *the Shire* — *Хоббитшир* (см. главу «**Shire**»), а также перевод Кистяковским *Thain* — *Хоббитан* (см. главу «**Entmoot**»). ВАМ, как это обычно делается в русских текстах, имеющих дело с географическими названиями, в первом абзаце первой главы I тома перед названием употребляет слово *городок*. Тем самым в перевод вносится ясность: такова одна из ключевых характеристик перевода ВАМ. Яхнин пошел по ее стопам.

В «Хоббите» название *Hobbiton* появляется в объявлении о продаже с аукциона «имущества покойного Бильбо Бэггинса, эсквайра, из Бэг-Энда, Андерхилл, Хоббитон» (Н.284). Рахманова по существу транслитерировала все, за исключением слова *Underhill*, которое она перевела: «Бильбо Бэггинс, эсквайр, из Бэг-Энда Под Холмом, графство Хоббитон» (Р X.251). Так же, как и ВАМ, она снабжает это название индикатором, указывающим русскому читателю на то, что это было иностранное географическое название. Однако Рахманова называет его графством. Она спутала *Hobbiton* с *Shire*, а Каминская и Королев дружно повторили ее ошибку.

Каминская перевела фамилию Бильбо и адрес на объявлении об аукционе, следуя за Кистяковским, но с уклоном в сторону ВАМ и с оглядкой на Рахманову. Ее версия звучит: «Бильбо Торбинс, эсквайр, проживавший по адресу Торба-в-Холме, Хоббитания» (Кск X.132). Совсем как Рахманова, она пугает *Хоббитон* с *Широм*, но использует перевод Кистяковского *Хоббитания*, вместо *графства Хоббитон* Рахмановой. Совсем как ВАМ, она меняет *Торбу-на-Круче* Кистяковского на *Торбу-в-Холме* (см. главу «**Baggins**»). Добавление словосочетания «проживавший по адресу» придает объявлению оттенок советского бюрократического жаргона.

Королев, переводя адрес Бильбо, также последовал за Кистяковским, но с уклоном в сторону Каминской. Совсем как Каминская, он превращает *Hobbiton* в *Shire* (*Хоббитанию*). Его версия адреса, также весьма ужатая, не передавала всех характерных особенностей толкиновской формулировки,

и оставляла от нее лишь жалкие обрезки. Объявление сообщало о продаже с аукциона «вещей господина Бильбо Торбинса. Аукцион состоится в Торбе-на-Круче, Хоббитания» (Кр Х.343). Еще одна досадная оплошность состоит в использовании русского слова *господин* вместо *эсквайр*. Хотя на первый взгляд, *эсквайр*, возможно, и выглядит как совершеннейшая двуязычная каша для русских читателей, это слово все же значится в русских словарях, где трактуется как «почетный титул в Великобритании» (СЭС, с. 1579). Несмотря на то, что *эсквайр* не входит в активный словарный запас каждого русского читателя, не существует другого готового русского эквивалента, который был бы более узнаваем. Однако надо отдать должное Королеву, *господин* известен шире, и также отмечен, как почетный титул иностранца. После революции 1917 года это слово не применялось по отношению к гражданам Советского Союза, а использовалось исключительно в отношении иностранцев. Вежливым считалось обращение по имени-отчеству. Если бы существовал подлинно русский хоббит, то таким вежливым обращением к нему было бы не *господин Бэггинс*, а *Бильбо Бунгович*, и объявление об аукционе говорило бы о распродаже имущества покойного Бильбо Бунговича Бэггинса из Бэг-Энда, Андерхилла, Хоббитон.

У Яхнина дан очень краткий перевод объявления о распродаже «с аукциона имущества покойного Бильбо Бэггинса, владельца имения Под Холмом в городе Хоббитауне» (Я Х.357). Те сокращения, с помощью которых Яхнин ужимает объявление, отчасти компенсируются его изменением имен поверенных, управляющих аукционом: *Grubb, Grubb and Burrows*. По версии Яхнина, первое имя в списке — *Граббинс-Бэггинсы (Sackville-Baggins)*. Эта добавка придает списку гротескно-смешной вид. Вероятно, Яхнин прочитал биографию их тезки — сэра Ричарда Саквила (1516–1566), который действительно был адвокатом. Он был настолько (печально) известен своим накопленным за долгую жизнь богатством, что современники чаще называли его «fill-sack», чем «Sack-ville»²¹³.

Isengard. Это роханское название крепости, которая на холдорине была известна как *Ангреност*, *angren* = *железный*, *ost* = *крепость*²¹⁴. Поскольку это роханское название, его элементы заимствованы из древнеанглийского языка. Толкин рекомендовал его не переводить, поскольку составляющие его элементы, были настолько арханчны, что утратили свое первоначаль-

²¹³ Игра слов: «fill-sack» — «наполни мешок» (деньгами), «Sack-ville» — «мешочье», т.е. фамильная деревня семьи Sack (Мешочкинсов).

²¹⁴ НоМЕ, том.5, с.386, с. 423.

ное значение. Он писал, что «*isen* — это древний вариант английского слова *iron* (железо)», и оно по-прежнему распознается как значимое в германских языках; таким образом, его смысл становится понятным читателю. Однако русский язык принадлежит к группе славянских языков, и в нем эквивалент английского *iron* — *железо*. Это означает, что у русского читателя не возникнет никакой ассоциации между элементом *isen* и его архаичным значением. Во всех русских переводах, кроме Кистяковского и самиздатовской версии Г&Г, *Isengard* был транслитерирован.

Остальные переводчики, за исключением Волковского, а также Перунов транслитерировали это название с использованием буквы «и» — *Изенгард*. Читая свои произведения вслух, Толкин произносил букву «f» в слове *Isengard* так же, как и в слове *iron*, которое звучит одинаково с современным немецким словом *Eisen* (железо). Чтобы добиться аналогичного звучания и по-русски, что, как правило, является целью транслитерации иностранных названий, «f» в *Isengard* надо транслитерировать как «Ай». Изменение, на первый взгляд, незначительное, однако благодаря ему в первом элементе названия скрывается значение *железа* для тех русских, которые говорят по-немецки. Волковский верно передает это в своей версии: *Айсенгард*. Королев использовал эту же форму в своей «Энциклопедии».

Во втором несокращенном издании М&К в переводе первого тома (1988 г.) *Isengard* транслитерирован, но в первом сокращенном издании (1982 г.) и продолжающей его самиздатовской версии Г&Г, *Isengard* был переведен как *Скальбург* (М&К X₁₉₈₂.189, X₁₉₈₂.193). Подход Кистяковского к этому названию, так же, как и к остальным, состоял в придумывании варианта, который базировался бы скорее на толкиновском описании, чем на переводе или транслитерации самого названия. На странице, где впервые упоминается *Скальбург*, *Isengard* описан как «кольцо отвесных скал, стеной окружающих долину, в середине которой находится каменная башня, называемая Ортан» (F.338). В своем переводе этого описания Кистяковский использует слово *скала*.

Окончание *-бург* с легкостью узнается русскими читателями как немецкое обозначение замка. Оно имеет отдельную словарную статью в энциклопедическом словаре (СЭС, с. 178). Это окончание присутствует в ряде названий русских городов, таких как Санкт-Петербург, Екатеринбург, Шлиссельбург. Все они в советское время были переименованы. Санкт-Петербург стал Ленинградом, Екатеринбург — Свердловском, Шлиссельбург — Петрокрепостью, последний получил это название уже в период Второй мировой войны. Для многих русских поколения Кистяковского и Муравьева, Вторая мировая война закончилась лишь недавно, и ассоциа-

ция, связанная с окончанием *-бург*, вызывала резко отрицательный образ враждебной крепости, которая должна быть покорена. Поэтому *Скальбург* Кистяковского может интерпретироваться, как «враждебный замок, расположенный на утесе». Для советского читателя, это гораздо более запоминающееся название, чем *Айзенгард*, который не несет никакой психологической нагрузки, способной повлиять на воображение русского читателя. Воздействие *-бург* на постсоветское поколение читателей было в значительной степени стерто. Вслед за падением коммунизма прежние названия городов были восстановлены.

Причина, по которой *Скальбург* во втором издании превратился в *Изенгард*, вероятно, заключалась в том, что у Толкина есть и другие названия, оканчивающиеся на *-бург*. *Мундбург* (*Минас Тирит*) и *Хорнбург* — замки, которые принадлежат «хорошим парням»; учитывая четко продуманные нюансы толкиновской терминологии, названия замков, которые принадлежали «плохим парням», по-видимому, не могли иметь такое же окончание. Эти названия, однако, появляются только во втором томе, соответственно, до тех пор, пока через семь лет после сокращенного первого тома, не вышел второй, проблема интерференции между *Скальбургам* и *Мундбургам* или *Хорнбургам* не возникала.

По всей видимости, перевод *Isengard* как *Скальбург* не был для Кистяковского столь уж принципиальным, так что возврат к транслитерации *Изенгард* вряд ли явился большой неожиданностью. В промежутке между двумя упоминаниями *Скальбурга* это название появляется еще раз, но там оно уже пишется как *Скальград* (M&K X₁₉₈₂.192). Такое же окончание имелось и в названиях городов *Сталинград* и *Ленинград*. Возможно Кистяковский (и Муравьев) намеревались *Скальградом* создать завуалированную политическую аллюзию на Сталинград, но или они, или цензор были недостаточно внимательны, редактируя текст впоследствии. Безусловно, у них имелась на то политическая мотивация (см. главу «Один день Фродо Дроговича»), да и контекст этому способствовал. Молодое поколение русских читателей отказывается в это верить.

Lithe. Толкин определяет «предшествующий» и «следующий за лайт» как древнеанглийские обозначения месяцев июня и июля. И раз хоббитские календарные названия не были частью Всеобщего наречия, а пришли из языка хоббитов до их переселения, Толкин считал, что их не следует переводить.

Бобырь, Г&Г и Яхнин избежали проблемы, связанной с этим названием, целиком опустив слово *Lithe*. Грузберг последовал совету Толкина и транслитерировал название по принципу «как пишется»: *лите*. K&K и

ВАМ использовали транслитерацию по звучанию и создали *lit*. OED обращает внимание на то, что *lithe* [laið] произносится так же, как *blithe* [счастливыи] и *scythe* [коса]. K&K также добавили примечание, где объяснили происхождение слова *Lithe*, по существу цитируя «Руководство» Толкина, и указывая, что *Lithe* не имеет ничего общего с летним солнцестоянием (K&K СК.606). Уманский решил опустить название *Lithe* и написал, что мэра выбирали «незадолго до Дня летнего солнцестояния» (У II.201).

Немирова правильно транслитерирует звучание *Lithe* как *Laiim*, что рифмуется с *light* [свет]. Однако это неудачный вариант, поскольку в русском нет различия между «f» и «th», а без возможности передать разницу между этими двумя звуками (t/th), транслитерация Немировой ничем не отличается от транслитерации *laiim*, слова, которое все увереннее входит в повседневную русскую речь на волне новой рыночной экономики, наводящей страну лайт-напитками, лайт-сигаретами и лайт-версиями программного обеспечения. Для нового поколения читателей перевода Немировой, успешного привыкнуть к лайт-продуктам, толкиновский праздник *Lithe* превратился в «лайт-праздник», что не слишком-то вписывается в хоббичью склонность плотно поесть, выпить и покурить. Однако надо отдать должное Немировой: когда она работала над своим переводом в Советском Союзе, в период первого самиздатовского «переводческого бума» начала 80-х годов, никаких побочных ассоциаций с ее транслитерацией еще не существовало. Лайт-продукты появились на российском рынке лишь после распада Советского Союза. Это также свидетельствует о том, что Грузберг, ВАМ и K&K не стремились избежать ассоциации с продукцией лайт, а просто не были уверены в произношении слова *lithe*.

Немирова, к счастью (или наоборот), использовала транслитерацию для слова *Lithe* только в первом томе. При повторном его появлении в третьем томе, она написала «в канун Купаль» (Н ВК.311). Это именно та трактовка, которой Толкин был недоволен в шведском переводе (ТС.214). И, как везде при переводе Толкина, одни и те же имена и названия следует переводить одинаково во всех случаях.

Александрова уклонилась от перевода *Lithe* и превратила его в *Поворотный день* в середине лета. Ее вариант делает значение слова более понятным читателю, но при этом, к сожалению, убывает толкиновская магия, которая вырастает из имен и названий, создававших в воображении Толкина свои собственные истории²¹⁵.

²¹⁵ Х. Карпенгер. Дж. Р. Р. Толкин. Биография / Пер. с англ. А. Хромовой под ред. С. Лихачевой. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — с. 271.

Кнстьяковский, словно прочтя объяснение в толкиновском «Руководстве», создал подходящий перевод *Lilbe* на основе старославянского названия месяца июля. Этот корень и по сей день представлен в современных названиях *июля* на польском, белорусском и украинском: *lipiec*, *ліпень* и *липень*. Кнстьяковский добавил приставку *при-*, и поставил слово во множественном числе (названия многих русских праздников имеют множественное число), создав название со значением, которое выглядит как *праздник, приложенный к июлю: прилипки*. Это очень удачная находка, которая столь же непонятна современному русскому читателю, как *Lilbe* современному английскому. Выдающееся достижение лингвистического искусства, оно сохраняет толкиновскую взаимосвязь между *Lilbe* и старым названием месяца июля.

Волковский также продельывает интересный лингвистический фокус, но, подобно ученику волшебника, теряет контроль над чарами. Его название для *Lilbe* начинается со слова *хмелина* — лозы растения хмель (*Humulus lupulus* по-латыни) (Даль, IV.554). Он использует множественное число — *хмелины*, что созвучно существующим названиям праздников, многие из которых были религиозными и перестали отмечаться с приходом к власти коммунистов и проведением ими политики государственного атеизма. Прагматически исчезли из употребления, например, такие слова, как *проводины* — аналог поминок, *сороковины* — сорокадневный период траура, *именины* — день святого, в честь которого назван празднующий их человек, и *пчельники* — праздник меда и пчеловодов, отмечаемый второго июля²¹⁶.

Хмель используется в пивоваренье (Даль, III.116). Вплоть до конца XIX столетия в России пивоваренье отмечалось как праздник, в котором принимало участие все население. Он был известен как *пивной праздник* (Даль, III.116). Пивоваренье традиционно сопровождалось песнями²¹⁷ в честь бога урожая Ладо²¹⁸, и кульминацией пивного праздника было прибитие Ладо в канун дня Ивана Купалы (24 июня)²¹⁹, поскольку на широте

²¹⁶ Полина Рожнова. Радоница: русский народный календарь. — М.: «Дружба народов», 1997. — с. 88.

²¹⁷ А. Б. Терещенко. Быт русского народа, т. 4 и 5. — М.: Русская книга, 1999 (печатается по оригиналу 1847–1848 годов). — с. 195.

²¹⁸ Терещенко, с. 250;

Josef Ružička. Slovánská Mythologie, Praha: Nakladatel Alois Wiesner, 1924, p.74; Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, М. Забылин (собр.) — М.: М. Березина, 1880. Репринтное воспроизведение: Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собранные М. Забылиным. — М.: Книга Принтшоп, 1990. — с. 67.

²¹⁹ Ružička, p.117; Терещенко, с. 256.

России первый урожай совпадает с летним солнцестоянием, которое приходится на это время²²⁰. Несмотря на то, что *хмелины* — придуманное название, смысл его достаточно прозрачен. Это всего лишь попытка обойти то, чем был недоволен Толкин в шведском переводе.

Как проходили пивные праздники, можно узнать из описания в книге А. В. Терещенко «Быт русского народа»:

Неподдельно русское веселье, когда варят пиво. Тогда бывает радость не только в семейном кругу, но в целом околотке. Везде говорят: «Там варят пиво, там и веселье» <...> кому не радостно позабавиться! И кто, как не русский, веселится от полноты души! Разгул сельской жизни открывается любимой забавою — пиво варить. <...> Случается, что от нее перепиваются и что назавтра встают с головной болью сами девушки²²¹.

Подробно останавливаясь на праздновании 24 июня в XVI веке в Пскове, Терещенко добавляет:

<...> праздновали день Купалы (июня 24) с не меньшим заблуждением: они собирали травы в пустынях и дубравах с суеверными обрядами; ночью веселились; били в бубны, играли на сопелях; молодые жены и девицы плясали и обнимались с юношами, забывая стыд и целомудрие²²².

М. Забылин добавляет еще один штрих к картине подобных праздников, описывая происходящее на ярмарке: «Это празднество сопровождалось играми и плясками, лакомством и пьянством, особенно кулачным боем»²²³.

Несомненно, время веселья наступало для всех, но все же это слишком далекий отголосок упоминаемой Толкином «Вольной ярмарки на Белых Меловых Холмах в день Лайт» (Р.31).

Lune [Lhûne]. Толкин прокомментировал слово *Lune* как заимствование хоббитами эльфийского слова *lûne*, которое, поэтому, не требует перевода, а должно быть транслитерировано. В особенности он не хотел, чтобы это слово в переводе имело значение, связанное с луной, но именно так поступили Уманский, ВАМ, Немирова, Кистяковский, Волковский, Перу-

²²⁰ И. Панкеев. Русские праздники. — М: Яуза, 1998. — с. 241.

²²¹ Терещенко, с. 194, 195.

²²² Терещенко, с. 257.

²²³ Забылин, с. 83.

мов и редакторы версии Грузберг-А. В версии Грузберг-А они называются *Горы Луны*, у всех остальных — *Лунные Горы*.

Г&Г решили проблему, переведя слова *lhyne* по смыслу. Оно означает *синий*. На синдарине горы Луны называются *Ered Linn*: *Синие горы*. Поэтому у Г&Г они везде стали *Синими горами*. Такое же название они носят и на карте у К&К. Яхнин не упоминает это название в тексте, но на своей карте он использует тот же самый подход, что и Г&Г. При этом слово *blue* он переводит прилагательным *голубой*. Его вариант названия гор Луны — *Голубые Горы*.

Именно под этим названием Королев вносит горы Луны в свою «Энциклопедию». Он дает значение названия по-английски и на синдарине и предлагает перевод на вестрон как *горы Лун*. Такой перевод совершенно неприемлем, поскольку обычный русский читатель воспримет его как родительный падеж множественного числа слова *Луна*. Эффект множественных лун способен переместить читателя из мира Толкина в царство научной фантастики. На своей карте Немирова использует то же самое название, что и Яхнин и Королев, но под ним она в круглых скобках дает название *Ered Linn*.

Только Грузберг и К&К последовали совету Толкина и транслитерировали это название. В книжной версии перевода Грузберга оно выглядит как *Горы Луны* (Гр ТК.21). Однако такое написание совпадает с дательным падежом единственного числа слова *Луна*. Это смутит русских читателей, как смутило редакторов версии Грузберг-А, которые изменили это название на такое, которое имело для них смысл. Грузбергу стоило бы заменить окончание дательного падежа *-e* на букву *-з*, которая однозначно воспринималась бы как окончание несклоняемого иностранного слова.

У К&К решение этой заковыристой проблемы было наиболее удачным. Они транслитерировали это название как *Льюнские горы*, дав ему русское окончание прилагательного. Подобная транслитерация является настолько нерусской комбинацией букв и звуков, что русский читатель не увидит в ней ни малейшей связи с Луной. Подобным образом Грузберг и Рахманова вышли из положения и при транслитерации имени *Durin* (см. главу «**Durin**»).

Michel Delving. *Michel Delving* не был включен в толкиновское «Руководство» переводчикам, а значит, автор не считал, что его стоит переводить. ВМ, К&К, Уманский, Перумов и Грузберг (Александрова) учли отсутствие рекомендации Толкина и транслитерировали это название. Различия в их транслитерациях касаются произношения «Д» и «СН» в слове *Michel*. Грузберг транслитерировал название как *Майкл-Дельвинг*. Александрова,

ВАМ, Уманский, К&К и Перумов — как *Мичел*. Несмотря на то, что К&К транслитерировали название как *Мичел Делвинг*, в своем примечании они пояснили его смысл, ссылаясь на древнеанглийский, где *Michel* означает *большой*, и предложили два приблизительных перевода: *Большие Карьеры* или *Большие Горы* (К&К СК.604).

Michel обычно присутствует на карте Англии в парных топонимах, где одно из мест называется *Michel* (также *Great*), а другое — *Little*. Толкин, несомненно, обыграл это значение, поскольку на его карте Шира (F.40) имеются стрелки, указывающие и на *Michel*, и на *Little Delving*. Карта у К&К (К&К СК. на обороте задней обложки) показывает *Малый Делвинг*. Карта Немировой (Н ХК. на обороте задней обложки) показывает направление на *Великие Горы*, название, которое она также использует и в тексте.

Г&Г транслитерировали *Michel*, но перевели *Delving*. В своей транслитерации, они последовали примеру Грузберга и передали «ШН» как «к». Их перевод слова *Delving* был основан на корне глагола *рыть* с окончанием множественного числа *-ы*, что характерно для российских топонимов. В результате получилось название *Микорыты*. Однако на карте Г&Г указано направление на *Малоройку* (Г&Г БК.28), благодаря чему разрушается пара *Michel-Little Delving*. В этом варианте не употребляется даже одинаковый основной элемент, не говоря уже о том, чтобы использовать в обоих случаях перевод прилагательного. Версия Г&Г *Малого Делвинга* составлена из элементов *мало* и *рой*. Окончание *-ка* используется для образования отглагольного существительного. Чтобы создать пару *Малоройке*, им стоило бы назвать *Мичел Делвинг Великоройка*. Хотя их перевод *Микорыты* далеко не так хорош, как у Кистяковского, *Малоройка* вполне может составить ему конкуренцию.

Кистяковский уделил наибольшее внимание значению глагола *to delve*, на древнеанглийском *delfan*: *рыть землю лопатой*. Он использовал ту же самую форму глагола, которую Г&Г употребили в своем переводе *Little Delving* — *рой*. При этом он объединил ее с распространенным окончанием российских географических названий: *-ск*. Это окончание можно встретить в таких названиях городов, как Архангельск, Челябинск и Норильск. Первый элемент названия Кистяковского образован от слова *земля*. Оба элемента вместе создают название, которое можно интерпретировать как *город, вырытый в земле*. *Землеройск* — изящное и образное решение, абсолютно понятное русскому читателю. К сожалению, оно не очень подходит для образования пары *Michel* — *Little*, но это не составляло серьезной проблемы, поскольку никакой карты в издании М&К не было, а название *Малый Делвинг* присутствует только на ней.

Волковский, подобно Кнстяковскому, сосредоточился на *Delving*, но добавил кое-что дополнительное к *Michel*. Его название, *Грабарня*, основано на сейчас уже архаичном заимствованном немецком названии *землекопа*: *грабарь* (Даль, I.388). По-немецки *graben* означает *рыть*. Он добавляет окончание, которое используется для создания названий мастерских, таких как *столярня* и *пекарня*. Оба эти слова имеют точные параллели в немецком. Немецкий *столяр* (*Tischler*) работает в *столярне* (*Tischlerei*), а немецкий *пекарь* (*Bäcker*) — в *пекарне* (*Bäckerei*).

Использование Волковским архаичного слова как основы для названия соответствует употреблению Толкином слова *delve*: общераспространенное издание «Оксфордского американского словаря» определяет этот глагол как *глубоко зарыться в поисках информации* (OAD, с. 226). Современному читателю, у которого не будет времени заглянуть в словарь более полный, это название будет столь же непонятным, как и толкиновское — не очень любознательному англоговорящему читателю, но его окончание настолько привычно, что название в целом тоже покажется знакомым.

Волковский добавляет изюминку, превращая «главный город Ши́ра» (F.26) в «стольную Грабарню» (В ДК.21). Возникает ощущение, что название сошло со страниц русских былин, где *стольный* — прилагательное, образованное от слова *престол*. В былинах богатыри Илья Муромец и Добрыня Никитич едут в *стольный Киев-град*²²⁴. Князя Владимира, чье имя означает «владыка мира», называют «Владимир *стольно-киевский*»²²⁵. Такое определение звучит чересчур помпезно и слишком по-русски для *Мичел Дельвинга*. Толкин специально не называет его столицей Ши́ра, преуменьшая представление о его административной иерархии: «В те времена в Ши́ре не было никакого «правительства». <...> Единственной реальной властью в Ши́ре тогда обладал только мэр Мичел Дельвинга (или Ши́ра)» (F.30–31).

В своей «Энциклопедии» Королев, вслед за Волковским, использует тот же корень для перевода *Мичел Дельвинга*, но добавляет к нему другое окончание. Он назвал его *Грабарнцем*, применяя суффикс, который превращает слова в нечто «огромное». Именно при помощи такого суффикса Волковский описал шаги гигантских людей-деревьев, замеченных в Северных Пустошах — *шажища* (В ДК.72). Это нетривиальный выбор, но он не производит нужного впечатления из-за иностранного корня, к которому прилагается.

Бобырь и Яхнин избежали проблемы с переводом *Мичел Дельвинга*, полностью опустив это название.

²²⁴ Былины — М: Детская литература, 1969 — с. 32, 138.

²²⁵ Былины, с. 18, 97, 145, 219.

Mirkwood. Толкин определяет слово *Mirkwood* как название, заимствованное «из древних германских легенд и географии». Он рекомендовал «переводить по смыслу, используя, по возможности, поэтические или устаревшие обороты».

Переводчики были гораздо более единодушны в выборе слова для второго элемента, нежели для первого. Все выбирали или само слово *лес*, или превращали его во вторую часть сложного слова: *-лесье*.

К&К, Волковский, Перумов и редакторы Грузберг-А и «Хоббита», выпущенного издательством «Эгмонт» употребляют существующее слово — *Чернолесье*, означающее *лиственный лес*. Использование существующего слова в новом толкиновском контексте ослабляет воздействие созданного Толкином образа, поскольку оно изначально навязывает читателю знакомые образы. Бобырь²²⁶ и Уманский вышли из положения, создав необычную комбинацию — *Чернолес*, которая, безусловно, не лишена обаяния. Рахманова, Седов, Утилова и Яхнин избежали проблемы интерференции существующего слова, скомбинировав полную форму прилагательного *черный* со словом *лес*. Таким образом, это название достаточно отличается от существующего слова *чернолесье*, чтобы значение прилагательного можно было воспринимать самостоятельно, и в результате получается *черный лес* вместо *лиственного*. Их выбор *черного* в качестве определения *леса* вполне уместен. *Черный* — прилагательное, которое Толкин повсеместно использует для описания сил зла — ср. *Черная Страна* (Мордор), *Черные Ворота* (Мораннон), *Черные Всадники* (Назгул), *Черная Земля* (Мордор) и *Черный Властелин* (Саурон).

Надо отдать должное К&К, Волковскому и редакторам Грузберг-А: первый элемент в слове *чернолесье* также означает *черный*. В дополнение к этому, в его изначальном значении лиственного леса, *чернолесье* — подходящий перевод для названия, которое эльфы дали Мирквуду после своей победы на Севере: *Eryn Lasgalen, Зеленолесье* (R.468).

Любопытно также, что даже первая часть придуманного Толкином названия *Lasgalen* имеет некоторое лингвистическое отношение к русскому слову *лес*. Название Толкина содержит видоизмененные элементы, в основе которых лежат валлийские корни: в валлийских топонимах *glas* означает *зеленый*, а *dalen* — *листья*. Слово *glas* можно найти в таких валлийских названиях, как *Rhinlas* [*зеленый склон*], где оно пишется как *las*, поскольку валлийские слова, начинающиеся с «G», теряют первую букву в сложных словах и после артиклей в словах женского рода. Русское слово *лес* имеет

²²⁶ Это название использовано в двухтомнике («Хоббит и ВК»), изданном в 1991 г., но в версии, отредактированной Баталиной и изданной в 1994 г. «Книжным миром», оно заменено на *Крамешинный лес*. — Прим. перев.

отчетливую связь с *(g)las* [зеленый], поскольку леса в большинстве зеленые и поскольку в слове *лес* те же согласные, что и в валлийском *(g)las*. Гласные — наименее устойчивая часть любого слова, и в польском *лес* — по-прежнему *las*. Совпадение и оболочки согласных, и семантической валентности позволяет предположить, что когда-то эти слова были родственны друг другу.

Кистьяковский успешно избежал интерференции слова, означающего *лиственный лес*, придумав новое название: *Лихолесье*. Его первый элемент — *лихо* — является архаичным словом, означающим *зло*, и звучит подобно *лиходою* из русского фольклора. Таким образом, по-русски весь лес ощущается как нечто более зловещее, чем *mirke* по-английски, отчасти обретая смысл дополнительного названия Мирквуда: «лес великого страха» (Taur e-Ndaedelos) (R.515). Подобно слову *mirke*, *лихо* часто встречается в старинных былинах и сказках. В целом, получилось изящное, запоминающееся название.

В третьем томе, одном из тех, что Муравьев переводил без Кистьяковского, он точно так же использует название леса, взятое напрямик из старинных былин и сказок. В девятой главе пятой книги Леголас обещает, что будет бороться во всех предстоящих сражениях от имени народа Великого Леса (R.188). Так назывался Мирквуд до того, как на него пала тень Дол Гулдура. Муравьев дает ему русское фольклорное название глухого, темного леса: *дремучий лес* (М ВГ.170). Буквально его название означает *дремлющий лес*, но в сказках и легендах этот дремлющий лес наводняется различными темными силами, наводящими ужас на путников и бросающими вызов героям. Такое название точно соответствует восприятию толкиновского Мирквуда, и могло бы стать неплохой альтернативой *Лихолесью* Кистьяковского, но воспринимается неуместным как название леса, за который готов сражаться Леголас.

Название Кистьяковского используют Немирова в переводе ВК и Королев, Каминская и анонимный переводчик в своих «Хоббитах». Встречается оно и в версии Грузберг-Б, где при первом появлении сопровождается примечанием в круглых скобках, гласящим: «(реже Чернолесье)». В версии Грузберг-В, оригинальной версии, предоставляемой автором и не распространяющейся в Интернете, и в его переводе «Хоббита» *Mirkwood* транслитерирован как лес *Мерквуд*. Впервые появляясь в «Прологе» версии на CD-ROM, название сопровождается кратким пояснением: *Лес Мрака*. Эта добавка отсутствует в версиях Грузберг-В и Д (книжная версия) (Гр ТК.21).

Хотя Волковский не последовал за Кистьяковским в переводе *Mirkwood*, он отыскал другое интересное слово, основанное на *лихо*. *Лихолетье* — слово, которым он назвал «двадцатство, как хоббиты именуют безответст-

венные двадцатые — возраст между детством и вступлением в возраст в тридцать три года» (Р.44). Буквально это означает лишние годы, вполне подходящее описание для многих подростков. Ни один другой переводчик не воспользовался этим живописным образом.

В своем первом издании «Хоббита» и ВК ВАМ использует *Лихолесье* Кистяковского. Для своего второго издания она придумала собственный оригинальный перевод *Мирквуда*. Ее название основано на прилагательном *темный*, которое она использует как альтернативное определение сил зла, почти так же, как это делает сам Толкин. Сравните: *Черная Страна* (R.302) и *Темная Страна* (Т.273), и то, и другое относится к Мордору; *Темный Повелитель* (F.81) и *Черный Властелин* (R.64) — эпитеты Саурана. Ее вариант для *Mirkwood* — *Темнолесье* избегает интерференции с существующим словом *чернолесье* и придает Мирквуду зловещую атмосферу, соответствующую контексту Толкина.

Подход Г&Г в изданной версии их перевода был совершенно иным. Своё название они выстраивали на прилагательном *сумеречный*, добавляя обычное для топонимов окончание *-ье*. На первый взгляд, это кажется хорошим выбором благодаря ассоциации с «сумерками богов» из северной мифологии. Но, к сожалению, их название не содержит никаких лингвистических указаний на то, что речь идет о лесе. Словообразовательная модель скорее указывает на то, что это оно связано с рекой. Именно так образуются слова, описывающие места, которые названы по их расположению относительно реки, например:

- заречье — местность, расположенная за рекой,
- поречье — местность вдоль течения реки,
- староречье — старое русло реки; старица,
- междуречье — пространство, местность между двумя реками,
- приречье — местность, расположенная возле реки, на берегу реки.

Слово *Приречье* Кистяковский, а вслед за ним ВАМ, К&К и Александра, использовали для своего перевода названия *Bywater*. Это прекрасное решение, поскольку *Bywater* — городок, расположенный на речке *Water*. Реально существующие слова с окончанием на *-речье* накладываются на читательское восприятие *Сумеречья*, благодаря чему оно в первую очередь представляется территорией по берегам сумеречной реки, а не лесом, открытым сумерками.

У тех, кто неплохо знаком с древней историей, возникает еще одна ассоциация. Примерно за 4000 лет до н.э., на территории южной части современного Ирака, на равнинах между двумя реками Тигр и Евфрат суще-

ствовала древняя цивилизация, известная как Шумер (Сумер). По-русски эти равнины называются *Двуречье*. Поэтому комбинация элементов *Сумер* и *речье* может напомнить читателям о крае между двумя реками, населенном шумерами.

Неизвестный переводчик отрывка из «Хоббита», опубликованного в журнале «Англия», так же, как и Рахманова использовал существительное *лес*, но объединил его с прилагательным *глухой*, получив в результате *дикий, едва проходимый лес*. Словосочетание *глухой лес* — первый пример, который приводится в современном толковом словаре для иллюстрации значения слова *глухой*²²⁷. Однако его выбор был бы более удачным, если бы он употребил слово *глушняк* — «глухой, непроходимый бор, вековой, первозданный лес» (Даль, I.359), что прекрасно соответствует описанию Толкина: «обширный гористый лесной массив, в древности ограждающий с юга земли, на которых расселялись германские племена» (I.369).

В «Хоббите» Бобырь *Чёрный Лес* присутствует на карте на форзаце, но в самом тексте *Mirkwood* называется *Кромешным лесом*. Это название обыгрывает ассоциации со злом библейского масштаба, связанным с прилагательным *кромешный*, которое используется в терминах *ад кромешный* и *тьма кромешная*. *Кромешный* — церковное старославянское слово, означающее *крайний*, образованное от слова *кром*. *Ад кромешный* используется как синоним *Содома и Гоморры*, то есть крайнего хаоса и беспорядка. *Тьма кромешная* — синоним ада в Евангелии от Матфея 8:12²²⁸.

А сыны царства извержены будут во тьму внешнею: там будет плач и скрежет зубов.

Использование слова *кромешный* создает ощущение страха и зла, более уместное в «Сильмариллионе», чем в *ВК*.

Mount Doom. Толкин рекомендовал в этом названии перевести *doom* в значении *doomsday* (*судный день*), поскольку с Роковой горой были «связаны древние и малопонятные пророчества, касающиеся „рока“, конца Третьей эпохи, который, как было предсказано, свершится, когда отыщется проклятие Ислъдура». Он обращает внимания, что «слово *doom*, первоначально означавшее *суждение* (официальное решение, приговор суда, или же личное суждение), стало ассоциироваться в английском языке, частично благодаря своему звучанию, и в немалой степени из-за использования в

²²⁷ Ожегов/Шведова, с. 133.

²²⁸ Н. Николаюк. Библейское слово в нашей речи. — СПб: Светлячок, 1998. — с. 17 и 404–405.

слове *doomsday* (*судный день*), со смертью, неотвратимостью и судьбой (ожидаемой или предсказанной)».

Судьба [*Fate*] стала ключевым словом во всех переводах *Mount Doom*. Англо-русский словарь Гальперина предлагает два перевода *fate*: *судьба* и *рок*²²⁹. Между ними существует тонкое различие. Современный русский толковый словарь определяет *судьбу* как «стечение жизненных обстоятельств, не зависящий от воли человека ход событий»²³⁰. Он же определяет *рок* как «неблагоприятную судьбу»²³¹. Из этих двух слов, *рок* наиболее близок по значению к тому, что хотел передать Толкин. Роковая встреча никогда благополучно не заканчивается, в то время как судьбоносная встреча может быть благоприятной или наоборот.

К&К и Грузберг употребили слово «судьба»: *Гора Судьбы*. Такой подход мог бы оказаться успешным, если бы они не использовали слово *судьба* в другом контексте. Например, в первой главе второго тома Гэндальф и Фродо обсуждают спасение Фродо от Черных Всадников, и Гэндальф говорит ему: «Да, тебе помогли удача или судьба, я уж не говорю о храбрости» (F.293). И Грузберг, и К&К вполне мастерски переводят *fortune or fate* как *счастье или судьба*. Хотя *doomsday* в России — это *день Страшного суда*, использование *судьбы* для перевода слова *fate* здесь и в аналогичных местах текста делает невозможным повторное употребление его в качестве перевода *doom*. Толкин очень тщательно подбирал слова, и никогда не одобрил бы использование одного и того же слова, одновременно для *fate* и *doom*.

Кистяковский, ВАМ, Г&Г, Волковский и Немирова использовали слово *рок* в своих названиях *Mount Doom*. Кистяковский, ВАМ, Волковский и Немирова написали *Роковая гора*. На карте Немировой *Mount Doom* представлен как *Ородруин*, а ниже в круглых скобках помечен как *Роковая гора* (НХК. на обороте передней обложки). Так же переведено у нее и заглавие третьей главы шестой книги.

Г&Г чередуют *Роковую гору* и *Гору рока*. Однако глава у них называется «Огненная Гора» и в самиздатовской, и в печатной версиях. Это буквальный перевод *Orodruin* (A.515). Яхнин использует также название *Огненная Гора* на своей карте и в тексте. В самиздатовской версии перевода первой главы шестой книги, когда толкиновский Сэм вступает в Мордор и видит «Ородруин, Огненную гору» (R.214), у Г&Г Сэм видит «Ородруин, Гору Ужаса», название, которое используют Боберь/Уманский (Б.56, 373, 440;

²²⁹ Гальперин, с. 496.

²³⁰ Ожегов/Шведова, с. 778.

²³¹ Ожегов/Шведова, с. 683.

У П.370, IV.714, 782), что служит еще одним подтверждением связи между текстами Бобырь и Г&Г. Хотя *Гора Ужаса* — это хорошее описание, но именно так называются Эред Горгорот, Горы Ужаса в Дорнате, и такое название как раз «Сильмариллиону» и подходит. Название *Горы Ужаса* появляется в ВК лишь дважды (F.260; T422). В печатной версии Г&Г исправили эту фразу (Г&Г ВК.181).

По-настоящему успешный перевод *Mount Doom* должен соответствовать переводу *Crack(s) of Doom*, огромной вулканической трещины, в недрах которой пылал огонь, единственный способный уничтожить Кольцо (F.94, R.274-76). Переводчики, которые остановили свой выбор на словах *судьба* и *рок* для передачи *Mount Doom*, почти все без исключения сохранили это слово и в своей интерпретации *Crack(s) of Doom*. Кистяковский, ВАМ, Г&Г, Волковский и Немирова употребили слова *роковой* или *рок*, переводя *Crack(s) of Doom*. Кистяковский, ВАМ, Г&Г, Волковский и Немирова использовали слова *роковой* или *рок* в своих названиях *Crack(s) of Doom*. К&К и Грузберг придерживались своего выбора — *судьбы* — как перевод *doom*. Им составил компанию и Уманский. Немирова стала исключением из правил. Она предоставила читателю на выбор три различных названия. В первом томе, *Crack of Doom* превратилась в *Роковую Щель* (Н ХК.79, 80, 84, 472), повторяя ее выбор перевода слова *doom* в названии главы. Во втором томе она становится *Гибельной пропастью* (Н ДТ.354), давая читателю отчетливое представление о грозящей там Фродо и Сэму гибели. В третьем томе название меняется на *Гибельную Щель* (Н ВК.212, 220, 224). Кашу из различных вариантов перевода названия, для которого Толкин дал лишь одну версию, никак нельзя назвать удачной, она может только запутать читателя. Немирова преуспела бы больше, если бы повсюду придерживалась своего первоначального выбора.

Oliphant. Толкин подразумевал, что это просторечный вариант слова *elephant*. Слово следовало слегка исказить, исходя из того, что названия чужеземных зверей, которых люди никогда или почти никогда не видели, также должны звучать несколько странно. Автор был разочарован тем, что голландский переводчик воспользовался словом *olifant*, в современном голландском языке означающим *слон*, потеряв при этом тот оттенок арханчности, что Толкин хотел придать этому названию. Кистяковский и Волковский употребляют слово *олифант*, а Грузберг — *олифонт*, но современное русское слово — *слон*. Немирова и Яхнин продолжили традицию, назвав зверя *олифантом*. Для русского читателя любая вариация слова *олифант*, несомненно,

звучит непривычно. Ни один из вариантов, используемых переводчиками, не встречается в популярных толковых словарях, и для большинства русских читателей *олифант* никогда не станет чем-то большим, нежели двуязычная капша, не содержащая в себе и намека на слонину. Г&Г употребляют слово *елефант*, а редакторы Грузберг-А — *лефант*, что попросту является транслитерацией слова *elephant*. К&К и ВАМ написали *олифан*, а К&К в своем примечании к нему толкуют это название не только как древнеанглийское²³² слово *слон*, но также и как название рога Роланда из старофранцузской эпической поэмы «Песнь о Роланде» (К&К ДБ.524).

Púkel-men. Толкин указывает на происхождение этого названия от слова *риск* — которое «обозначает проказливого духа или одного из мелких домовых, леших и т.п.» в фольклоре Англии, Уэльса, Ирландии, Норвегии и Исландии. В древнеанглийском оно было известно как *рйса*. Двухметровый невидимый кролик Харви в одноименном фильме (Юниверсал, 1950 г.), с Джимми Стюартом в главной роли, был *рйса*.

В валлийском языке есть два слова, родственных *рйса*: *рвсса* и *бвсса*. Обозначают они, по существу, одного и того же духа: в кельтских языках зафиксирован сдвиг согласных «Р>В». Одна из основных характерных черт *бвсса* — он перестукивается по ночам. В корнуэльских оловянных рудниках, по преданиям, жили гномы — *бвссас* (позже название их было переделано на английский лад — *нокеры* (*клопскер* (англ.) — *стучащий*)), которые с помощью стука предупреждали шахтеров о надвигающемся обвале или указывали им на залегающие поблизости рудные жилы. Перестукивание в темноте — настолько распространенная характеристика духов, что она входит в состав голландского названия *полтергейста* — *klopgeest*. В голландском языке *kloppen* — глагол, означающий *стучать* или *производить глухой шум*. Слово *полтергейст*, пришедшее в русский и английский языки из немецкого, также первоначально означало духа, который «перестукивается в ночь». По-немецки *poltern* — *стучать, греметь, барабанить*. Подобные духи стали источником для общеизвестной молитвы из старой корнуэльской литании²³³ об избавлении от обычных в былые времена ночных страхов, которые для многих воплощались в перестукивающихся во тьме духов:

²³² Слово *olifan/oliphant* изначально старофранцузское. Оно перешло в английский язык только в среднеанглийский период, в древнеанглийском его вообще не было. — *Прим. перев.*

²³³ Литании — *гrec. litaneia* — это молитвы или песнопения, в католической традиции обращенные к Богу, Богородице и святым. — *Прим. перев.*

«From ghoulies and ghosties and long-legged beasties, and things that go bump in the night, Good Lord, deliver us!» («От чуда и юда, от леших оттуда и тех, кто шуршит во тьме, о Господи, сохрани нас!» — *Пер. автора*). Лингвистическая связь между валлийским *pwcca/bwcca* и русским словом *пукать* ясно прослеживается благодаря значению, которое это слово имело в XIX столетии — «хлопать, щелкать; лопаться со звуком; стрелять» (Даль, III.537). В современном языке его употребление редуцировалось до значения «производить неприятные звуки», оставив все свое путающее прошлое слову *пугало*.

Толкин также замечает, что производными от *ruck* часто «называют безобразного уroda». Описание внешности *Rúkel-men* вполне этому соответствует. Он предоставил переводчику самому решать, сохранить ли корень *Rúkel* или «заменить на аналогичный (желательно родственный) с таким же смыслом».

Бобырь/Уманский опустили этот эпизод вкупе с содержащимся в нем названием.

В своем примечании K&K объясняют это название, интерпретируя *Rúkel-men* как *людей-гоблинов*, приводя этимологию и ссылаясь на Пака (Puck) Шекспира из пьесы «Сон в летнюю ночь» и персонажа Киплинга из сборника сказок «Пак с холмов Пука» как на примеры употребления слова *pwcca* в английской литературе (K&K ВК.605). В тексте, однако, K&K демонстрируют свои глубокие познания в фольклоре, используя для перевода этого названия архаичное слово *шишига*.

В начале XVII века в России *шиши* было название, применяемое к бродягам и вора́м. К XIX столетию *шиши* и все производные от него — *шишига*, *шишиган*, *шишико*, *шишикун*, *шишок* — были обобщенным названием всех видов нечистой силы, населявшей лес, воду, овины и бани. В те времена, увидев, что вихрем пыль по дороге подняло столбом, люди говорили: «шишига свадьбу играет» (Даль, IV.636). *Шшиига* — очень подходящее название для *Rúkel-men*, не только с точки зрения фольклора, но еще и потому, что точно так же, как *ruck*, оно иногда применялось по отношению к маленьким, уродливым людям.

У Грузберга более буквалистский подход. Он транслитерировал *Rúkel* по принципу «как пишется» и перевел *men*: *Пукель-люди*. Александрова, к сожалению, удалила *-людей* и оставила русских читателей с одной лишь двуязычной кашей, а функция автоматического пояснения, встроенная в английский текст диска, не содержит никакого определения *Rúkel-men*.

Кистяковский и ВАМ также транслитерировали *Rúkel*, но по принципу «как слышится». ВАМ транслитерировала его как *пуколы*. Для современного русского читателя, если название *пуколы* вообще будет с чем-то ассо-

цироваться, то вероятнее всего напомним современное значение глагола *пукать*. Несомненно, именно поэтому, Кистяковский удвоил букву «к» в своей версии — *Пукколы* — желая заставить его звучать как иностранное, и помешать читателю искать русский корень в названии. Удвоение букв довольно редкое явление в русском языке. В своей «Энциклопедии» Королев следует за Кистяковским.

Грузберг избежал интерференции слова *пукать*, поскольку к тому моменту, как это название впервые встречается в повествовании, его читатели уже знают, что Грузберг транслитерирует все названия, и не ищут русских ассоциаций.

Волковский следует примеру Кистяковского, но добавляет приложение, чтобы затем пояснить, кто такие *Пукколы*. Он называет их *Пукколы-Пузаны* (В ВГ.98). При следующем их появлении, он делает *Púkel-men истуканами* (В ВГ.99), а когда они появляются в третий и последний раз, редуцирует их до *каменных пузанов* (В ВГ.170). Таким образом, Волковский отделяет *Púkel-men* от их былой славы и изображает их значительно более беспомощными и жалкими, нежели у Толкина.

Немирова пытается перевести это название, но эта попытка уводит ее в другую сторону. Она называет их *Пучеглазами* (Н ВК.58). Толкин описывает глаза *Púkel-men* как «темные провалы, которые печально взирали на проходящих» (R.80). Провалы глазниц были единственными чертами лица, оставшимися у статуй, все остальные уже стерлись. Немирова правильно переводит эту часть описания, в результате чего создает логическое противоречие: статуи со стершимися чертами лица не могли иметь выпученных глаз.

В своей самиздатовой версии Г&Г избежали проблемы, связанной с названием *Púkel-men*, полностью опустив это название. В печатной версии *Púkel-men* были восстановлены, но в значительно упрощенной форме, как *идолы*, в результате чего этот образ существенно обедняется. Ср. версию Г&Г с Толкином:

Всадники не обращали на идолов внимания, а Мерри разглядывал скорбные силуэты статуй с любопытством и почти с жалостью (Г&Г ВК.61, 830).

Дж. Р. Р. Т.: Всадники их едва замечали. Они называли их Пукельлюдьми и почти не обращали на них внимания: в них не осталось ни силы, ни ужаса. Но по мере того, как их силуэты скорбно вырисовывались в сумерках, Мерри пристально вглядывался в них с удивлением и жалостью (R.80).

У Яхнина аналогичный подход. Он описывает *Rûkel-men* сначала как «сидящие фигуры», затем как «каменные изваяния», и в третий раз как «истуканы» (Я ВК.54–55). Яхнин также перестраивает текст, существенно его обедняя, и смещая интерес Мерри на историю строителей дороги, по которой они проезжают.

Всадники не обращали внимания на безобидных истуканов, которые, по преданию, колдовской силы не имели. Но Мерри разглядывал их с интересом, прикидывая, из какой же седой древности дошли эти посланцы далеких предков (Я ВК.55).

Мастерство Яхнина как рассказчика очевидно в том, как он рисует читателю эту сцену, но его изложение столь же очевидно показывает, что это не перевод.

Radagast. Толкин не сопровождал это имя никакими указаниями в своем «Руководстве, из чего следует, что, по мнению автора, его надлежит транслитерировать. Неудивительно, что все переводчики (и «Хоббита», и ВК) именно так и поступили. Ведь Радегаст — это имя божества, заимствованное непосредственно из русской мифологии. Только неизвестный переводчик отрывка из «Хоббита», напечатанного в журнале «Англия», транслитерировал это имя как *Рэдегаст*. Все остальные, вероятно, распознав, что это за имя, написали *Радагаст*. Это не единственное заимствование Толкина из наследия славянской старины — имя *Боромир* также славянского происхождения (см. главу «**Shadowfax**»).

Радегаст — божество бранной славы и войны северных славян — входил в пантеон богов, несколько напоминающий толкиновский пантеон в «Сильмариллионе». Так же, как Айну́р — порождение мысли Эру, Единого, что в Арде зовется Илуватаром (S.15), Сварожичи были детьми Единого бога Сварога (*rog*, ср. *rog изобилия*). Кроме Радегаста Сварожичами были: Дажьбог, солнце; Перун, бог грома и молнии; и Велес, бог животных, который мог оборачиваться медведем, и потому отчасти наводит на мысль о Беорне.

Имя Радегаста интерпретируется как *долгожданный гость* (*рад* и *гость*), но при этом изображали Радегаста вооруженным с ног до головы, с круглым щитом, украшенным бычьей головой — символом беззаветной отваги, в правой руке, и с боевой обоюдоострой секирой — в левой. Статуи показывали его сидящим верхом на белой лошади, а в святилище Радегаста всегда держали самых лучших коней. Почитатели и жрецы Радегаста верили, что бог ездит по ночам верхом, и если поутру видели, что какой-то конь утомлен более прочих, то догадывались, что Радегаст именно его

отличил и выбрал для своих незримых поездок. Коня — божественного избранника отныне поили чистойшею водою, кормили отборным зерном и украшали цветами.

Шлем Радегаста был увенчан фигуркой петуха с распростертыми крыльями. Славяне полагали, что петух олицетворяет огонь, и в качестве такового петух считался лучшей жертвой, способной задобрить верховное божество — Сварога, создателя огня и отца солнца. Существовало народное поверье, что петушиный крик на рассвете знаменует конец правления злых сил тьмы, которые господствовали в мире от заката до рассвета. Петух на шлеме Радегаста призван был предостеречь силы зла, что их время на исходе, и вселить страх в их сердца.

В *ВК* Толкин именно так и использует петушиный крик в одиннадцатой главе первой книги («Клинок во тьме»). Черные Всадники из Мордора рыщут под покровом ночи в поисках Фродо, врываются в дом в Крикхоллоу и учиняют разгром в комнате, в которой Фродо остановился в трактире в Бри. Вначале «где-то далеко» прокричал петух, в то время как черные фигуры вершат свое дело в «холодный, предрассветный час» (F.238). Вскоре затем Фродо пробудился от беспокойного сна, услышав «громкий петушиный крик во дворе трактира» (F.240). Черные Всадники отступили.

Толкин уже описывал власть восходящего солнца над силами зла, которые бродят во тьме, в эпизоде с троллями в «Хоббите» (H.51–52). Восходит солнце, и тролли, не успевшие спрятаться под землю, обращаются в камень.

Толкин вновь использует сюжетный ход с петушиным криком на рассвете в четвертой главе пятой книги («Осада Гондора»). На сей раз петушину крику вдали вторит эхо — «могучие рога Севера яростно трубили. Наконец подоспел Рохан» (R.126), чтобы снять осаду. Петух на шлеме Радегаста, как предполагалось, вызывал подобный образ в сознании того, кто его видел.

В честь Радегаста были названы горы, поселения, замки и реки²³⁴. Предводитель второй волны варваров, вторгнувшихся в Римскую империю в период ее заката в 405 году н.э., звался Радегастом. Его войско, численностью почти в треть миллиона, на тот момент было самым большим из когда-либо нападавших на империю, за всю историю, зафиксированную в римских письменных источниках. В то время как часть его войска имела железное оружие, другая была вооружена копьями с каменными наконечниками. Несмотря на численность варваров, они заметно уступали

²³⁴ Josef Ružička. *Slovanská Mythologie*, Praha: Nakladatel Alois Wiesner, 1924, p. 146.

хорошо вооруженным, хорошо обученным легионам, вышедшим им навстречу, и вскоре с ними было покончено²³⁵.

The Red Book of Westmarch. Заглавие произведения, которое Толкин «перевел» (А.513), превратив в «Хоббита» и *ВК*, повторяет названия книг, которые получили их по цвету своих обложек — распространенная особенность древних рукописей. Есть, например, «Красная книга Хергеста» (*The Red Book of Hergest*) [по-валлийски: *Llyfr Coch Hergest*] — одна из наиболее важных валлийских средневековых рукописей, — написанная приблизительно в 1375–1425 г. Она хранится в Бодлеанской библиотеке (Bodleian Library) Оксфорда (Jesus College MS CXI). «Белая книга Риддерха» (*The White Book of Rhydderch*) [по-валлийски: *Llyfr Gwyn Rhydderch*], куда входит текст «Куллох и Олуэн» (*Culhwch and Olwen*), — одна из наиболее ранних (приблизительно 1100 г.) дошедших до нас обработок преданий Артуровского цикла — была создана в период с 1300 по 1325 г. Она хранится в Национальной библиотеке Уэльса (Peniarth MS 4 and 5). «Черная книга Кармартена» (*The Black Book of Carmarthen*) [по-валлийски: *Llyfr Du Caerfyrddin*], содержащая цикл поэм «Мерлин», была переписана в монастыре св. Иоанна в Кармартене приблизительно в 1250 г. Сейчас она также находится в Национальной библиотеке Уэльса (MS Peniarth 1).

«Черные» книги на Руси отнюдь не были источником рыцарской и религиозной поэзии, как, например, «Черная книга Кармартена». Черные книги русского фольклора содержали в себе заклинания и заговоры, колдовские обряды и рецепты зелий. Их владельцы считались колдунами и ведьмами, которых заживо сжигали на костре вместе с их книгами. Ассоциация черного цвета с колдовскими и ведьминскими книгами была настолько сильна, что слово *чернокнижие* стало русским эквивалентом английской *черной магии*. Именно это слово K&K и ВАМ используют для перевода словосочетания *evil arts* в пятой главе четвертой книги («Окно на Западе») (Т.363).

Черный цвет указывает на дьявольскую природу силы, поскольку ассоциируется с дьяволом в русском фольклоре. Эта вера укоренилась настолько глубоко, что один из русских эвфемизмов для дьявола — *черный*²³⁶. Дохристианский дуализм противостоящих сил Добра и Зла у славян был представлен Белобогом и Чернобогом²³⁷. В наши дни этот фольк-

²³⁵ R.A. Lafferty. *The Fall of Rome*, New York: Doubleday, 1971, p. 221–228. В этом источнике *Radagast* пишется как *Radagais*.

²³⁶ Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М: Эллис Лак, 1995. — с. 391.

²³⁷ Там же, с. 43.

лорный образ стал причиной многих досадных инцидентов, связанных с африканскими студентами, которые учились в Москве.

Перевод названия *The Red Book of Westmarch* представляет некоторую сложность для русских переводчиков из-за ассоциаций, с которыми в Советской России был связан красный цвет. Красный — цвет революции, цвет Коммунистической партии. Словарная статья, объясняющая понятие *красный* в «Толковом словаре языка Совдепии»²³⁸, — длиною в две страницы. Красный Октябрь, Красное знамя, Красная площадь, Красная армия, газета «Красная звезда», Красный флот — вот далеко не полный перечень многочисленных «советских» употреблений слова *красный*, которые столь долгое время были в ежедневном лексиконе, что русскому читателю достаточно сложно не увидеть в слове *красный* хотя бы части этих ассоциаций, невольно возникающих в его сознании.

Но и этого мало, название списка редких и исчезающих видов растений и животных — опять же «Красная книга». Она содержит почти 250 видов и подвидов, включая 34 разновидности насекомых.

Большинство голосов переводчики отдали названию «Алая книга». Единственным исключением были ВАМ, Уманский и Грузберг, не считая Перумова. Эти четверо остались верны наиболее дословному переводу — «Красная книга» — несмотря на возможные ассоциации с советской символикой. Замена «Красной книги» на «Алую книгу» нарушает у русского читателя ассоциацию с советской символикой, но также нарушает и ассоциацию с *The Red Book of Hergest*, которая в недавнем переиздании (1990 г.) дореволюционного (1891 г.) «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона²³⁹ упоминается как «Красная книга». Хотя на первый взгляд, это не выглядит серьезной проблемой, но в названии заложен гораздо больший смысл, чем может показаться. Ключевой является его вторая часть.

Согласно указаниям Толкина переводчикам, название *Westmarch* — область Шира, где была найдена «Красная книга» — подлежит переводу, а «слово *march* здесь означает «пограничная область»». *March* в значении «пограничная область» происходит от англосаксонского слова *mearc* — *граница*. Этот корень также содержится в таких топонимах как Denmark, Steyrmarch и Riddermark и в титуле маркиз (Marquis) — правитель марки.

²³⁸ В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб: Фолио-Пресс, 1998. — с. 290–292.

²³⁹ Брокгауз и Ефронь. Энциклопедический словарь, 1891, т. 9, с. 432. Факсимильное издание: Терра, Ярославль, 1990.

Наиболее очевидная топографическая параллель толкиновскому Westmarch в Шире — это Welsh Marches²⁴⁰ в Англии, которые долго время были пограничной областью. Когда римляне попытались завоевать Уэльс (48–84 гг. н.э.), по Валлийской Марке прошла северо-западная граница Римской империи. Во второй половине VIII века король Мерсии Оффа [Offa of Mercia] (757–796 гг.) выстроил в Валлийской Марке огромный земляной вал около двадцати футов высотой. Протяженность его составляла более 100 миль от устья реки Дн [Dee] до устья реки Вай [Wye]. В нормандский период Валлийская Марка служила буферной зоной между Англией и Уэльсом, который имел политическую и юридическую автономию, но находился под властью нормандцев. С английской точки зрения, Валлийская Марка отмечала западную границу Англии. Иными словами, Валлийская Марка также была Западной Маркой.

В названии рукописи, с которой были «переведены» «Хоббит» и ВК — *The Red Book of Westmarch* — Толкин поместил скрытый намек, который не останется незамеченным для эрудированного читателя. Хергест расположен в Валлийской Марке. Поэтому «Красная книга Хергеста», которую леди Шарлотта Гест включила в «Мабиногион»²⁴¹, также могла бы называться «Красной книгой Западной Марки» скорее по названию области, а не конкретного места, где она была найдена. Вряд ли Толкин не осознавал эту параллель.

Вариантов перевода *Westmarch* было множество. Только Яхнин и Бобырь проигнорировали это проблематичное название. Российская историография использует слово *марка* и для *Marches* Англии, и для *Marks* — пограничных областей в континентальной Европе. Грузберг, Немирова и Волковский были единственными переводчиками, полностью использовавшими возможности слова *марка* для названия *Mark* рохиррим. Немирова даже выбрала слово *Маркграф* в качестве титула Эомера (Н ДТ.26). Успешное использование «Марки Рохана» означало, соответственно, что они вынуждены были искать другое слово для *Westmarch* Шира. Вариант Грузберга и Уманского для *Westmarch* имел сильный привкус современности и буквализма: *Западные Границы*. Немирова и Волковский позаимствовали свой перевод *Westmarch* у М&К.

²⁴⁰ Trevor Rowley, *The Landscape of the Welsh Marches*, M. Joseph, London, 1986.

²⁴¹ В 1849 году леди Шарлотта Гест издала в Лондоне книгу, озаглавленную «Мабиногион из Красной книги Хергеста и других древних валлийских рукописей»: *The Mabinogion*. Tr. Lady Charlotte Guest. London, 1838–1849. Перевод: Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. — М.: Ладомир, 1995.

В первом издании М&К перевели *Westmarch* как *Западный Край*. В контексте Толкина в нем содержится явный намек на *Westernesse*, указывая скорее на его расположение вне Шира, чем внутри него, так что вполне понятно, почему М&К в промежутке между первым (1982 г.) и вторым (1988 г.) изданиями I тома сочли нужным изменить свой вариант. Однако именно эту версию использует Немирова. Такой выбор подчеркивает сам-издатское происхождение ее перевода, призванного заполнить вакуум между первой публикацией сокращенного издания М&К и повторным выходом уже полного издания I тома шестью годами позже.

Однако и Немирову волновала проблематичность этого названия. Ее выбор был частью метода подстраховок при переводе имен и названий. Ее двойное название Шира объединяло образную *Хоббитанию* Кистяковского с прозаичным *Краем* (Н ХК.10). С учетом такого контекста, ее название *The Red Book of Westmarch* звучит как «Алая книга Западного Края» (Н ХК.5, 9, 17), что, несмотря на недостаток образности, безусловно, вполне читабельно.

В своем втором издании М&К использовали слово *пределы*, превратив *Westmarch* в *Западные Пределы* (М&К П₁₉₈₈.31). Эту версию принял на вооружение и Волковский (В П.13). М&К повторяют тот же термин, который они использовали для *Westmarch*, в своем переводе названия территории, вверенной Эомеру: *the East-mark* (Г.47). У них она также носит название *Западные Пределы* (М&К ДТ.38), причем *восток* превращается при этом в *запад*. Толкин никогда не одобрил бы два идентичных топонима в Шире и в Рохане, не говоря уже о радикальном изменении местоположения Восточной Марки.

Волковский, хотя и прямо следует за М&К в переводе *Red Book of Westmarch*, но в своей версии для вверенной Эомеру области — *the East-mark* (Г.47) — основывается на общепринятом термине, означающем пограничную территорию. Он назвал *The East-mark* — *Восточное побережье* (В ДТ.46). Хотя это грамотный и понятный читателю перевод, Волковский значительно выиграл бы, если бы везде использовал слово *марка* при переводе *mark*, вместо игры в «вариации на тему» с тщательно продуманной терминологией Толкина.

Игнорируя *East-mark*, Яхнин повышает Эомера в звании. У Яхнина Эомер — не военачальник одной из четырех марок, а «главный стражник повелителя Коники великого Теодена» (Я ДБ.22). Превращением его в главного стражника Яхнин устраняет необходимость вообще упоминать Восточную Марку. Эомер несет ответственность за всю территорию.

Несмотря на то, что К&К при каждом упоминании Марки рохиррим используют многословные варианты перевода, для слова *March* они выбрали очень хороший русский эквивалент, встречающийся во многих оп-

ределениях *марки*. Ему недостает налета арханчности, которая присутствует в английском *March*, но все же он вполне подходит. Они назвали *Westmarch* — *Западная Окраина* (К&К ДБ.17). Это слово лингвистически связано с названием Украины. Оно могло бы составить превосходную пару *марке*, чтобы продублировать толкиновскую пару *March/Mark*.

Хотя Немирова и переводит *The Red Book of Westmarch* как «Алую книгу Западного Края», когда она доходит до термина *Wardens of the Westmarch* в разделе «К вопросу о летописях Хоббитании» (П.37), то использует другой перевод *Westmarch*. Она называет их *Хранителями Западной Закраины* (Н П.24). Это слово, хоть и лингвистически связано с *Окраиной*, но не является географическим термином. Оно означает *край* предмета, как, например, край облака, край крыш или край стола. В результате это слово существенно уступает выбору К&К.

Подобный подход к *Westmarch* выбирают и Г&Г. Они использовали слово, посредством которого в словаре объясняется *закраина*. Обычно это слово употребляется в технических текстах, таких как спецификации самолета, где оно описывает ведущий край крыла. Г&Г превратили *Westmarch* в *Западный Крам* (Г&Г П.9). Несмотря на то, что они многократно обходят большинство упоминаний о Марке рохиррим, для территории, вверенной Эомеру: *Восточная марка* (Г.47), вариант они подобрали. Г&Г назвали ее *Восточными Пределами* (Г&Г ДК.32), как раз так, как должно было быть у М&К.

У ВАМ имеется хорошая альтернатива с более современным привкусом: *Западное Приграничье* (ВАМ СК₂₀₀₃.221). Ее версия *Марки рохиррим* была *Рубельный Край* (ВАМ ДВ₂₀₀₃.606). Этот перевод также весьма удачен, поскольку под влиянием прилагательного *приграничный* на первый план выдвигается значение *края* как *границы*. В этом значении *край* — это, по сути, калька англосаксонского слова *tearc*. Такой выбор уступает только *Окраине* К&К.

Rivendell. Толкин объясняет это название как перевод на Всеобщее наречие слова *Imladris(t)*, где *imlad* означает *долину* или *лощину*, и *ris* (отчетливая связь с немецким словом *riß*) — *прорубать* или *расщеплять, раскалывать*. Переводить или транслитерировать — остается на усмотрение переводчика. Если переводить, то, как отмечал Толкин, первый элемент — *riven* — не должен интерпретироваться как *река* (*river*), как это было сделано в переводе на шведский.

Кистяковский следует инструкции Толкина и использует арханчное русское слово, означающее *лощину* или *долину* — *раздол*. Оно составлено из приставки *раз* и корня *дол*, который связан с английским словом *dell*. Арха-

ичность этого слова хорошо соответствует стилю Толкина. Словарь Даля определяет его как «равнина в долу, меж гор» (Даль, IV.27). Каминская, Каменкович («Хоббит»), Немирова (ВК) и Королев («Энциклопедия») вслед за Кистяковским также использовали *Раздол* для *Rivendell*.

Несмотря на то, что *Раздол* никак не связан со словом *река*, о чем беспокоился Толкин в отношении английского языка, все же несколько иной смысл в нем присутствует. *Раздол* также означает «раздолье ср. (от доля, судьба) простор, обилие и воля, свобода» (Даль, IV.27). Это значение и сегодня можно найти в современном толковом словаре русского языка под рубрикой *раздолье*²⁴². В Советском Союзе, где чтение между строк было любимым занятием почти каждого интеллигента, такая концепция имела слишком явный подтекст, когда относилась к местоположению Последнего Приветного Дома к востоку от Моря (F.296), где Братство находит последнее пристанище перед тем, как направиться на Восток, в Мордор, выполнять свою миссию. Учитывая лингвистическое остроумие Кистяковского, двойное значение здесь, несомненно, не было случайностью.

Волковский вслед за Кистяковским обращается к архаичным терминам для своего перевода *Rivendell*. Он выбрал другое устаревшее слово со значением *лощина* или *долина* — *Разлог*. В словаре Даля *разлог* определен как: «глубокий овраг, балка; лог, раздол, дебрь, расселина, теснина, особ. глубокий и прямой раздол меж гор, поперек хребта» (Даль, II.262). В своем выборе Волковский избежал какого бы то ни было потенциального искажения смысла, которое возникает в названии *Раздол* благодаря современному слову *раздолье*, и точно так же заставляет читателей, желающих узнать архаичное значение этого названия, покопаться в словаре. Название Кистяковского остается лучшим из этих двух, что подтверждается и наличием большого количества переводчиков, также выбравших *Раздол* для перевода *Rivendell*.

ВАМ и ряд других переводчиков решили транслитерировать *Rivendell*. В версии ВАМ используется транслитерация с дифтонгом *-ai* — *Райвенделл*. Рахманова («Хоббит»), Грузберг, Бобырь/Уманский, К&К, Перумов и редакторы субтитров транслитерировали *Rivendell* по принципу «как пишется» — *Ривенделл*, что в данном случае лучше соответствует правилам произношения в английском языке. К&К, разумеется, добавили в примечании толкование значения этого названия (К&К X.326).

Редакторы Грузберг-А попытались заменить первоначальную транслитерацию переводом Кистяковского, но текст до конца не выверили. Это привело к тому, что *Раздол* и *Ривенделл*, по-видимому, используются везде

²⁴² Ожегов/Шведова. 1997, с. 646.

попеременно. Однако это настолько хорошо соответствует стилю Толкина, дававшему местам по несколько названий на разных языках, что ошибку можно заметить только при сравнении оригинала с переводом. Но те, кто с оригиналом знаком, воспринимают такое попеременное употребление как смешной курьез и не более.

В своей печатной версии Г&Г употребляют слово *Дольн*. Корень его с легкостью распознается современным читателем как тот же, что и в слове *долина*, а необычная форма создает ощущение привычной экзотичности, но версия Кистяковского остается гораздо более изысканным переводом.

Яхнин играет с *Rivendell* в «третьего лишнего». Его перевод — *Эльфорт*, комбинация слов *эльф* + *форт*. Оба слова в русском языке заимствованные, и на каждое имеется отдельная словарная статья. Эта интерпретация подтверждается яхнинским вариантом ответа на вопрос Фродо о том, где он находится, после его пробуждения в Ривенделле. Гэндальф у Толкина говорит Фродо, что он находится в «доме Эльронда» (Г.289). Гэндальф у Яхнина сообщает Фродо, что тот находится «в замке Элронда» (Я Хр.168). Хотя замок может быть внушительным архитектурным сооружением, наподобие немецкого замка Нойшванштайн [Neuschwanstein]²⁴³, в контексте Эльфорта читатель скорее представит военную крепость, слишком далекую от уютного и величественного Последнего Приветного Дома к востоку от Моря. Эта военная интерпретация позже в той же главе вступает в противоречие с изысканно приукрашенным Яхнинским переводом толкиновского описания террасы в саду Эльронда, расположенной высоко над рекой, которая вполне подошла бы замку Нойшванштайн (Дж. Р. П. Т. Г.298; Я Хр.171), но имя, вырванное из контекста, наводит на мысль в первую очередь о военной тематике.

Rohan. Рохан не упомянут в «Руководстве» Толкина, и это значит, что автор рассчитывал на транслитерацию этого названия. Большинство переводчиков последовало его совету, и *Roban*, и *Robirrim* превратились в *Рохан* и *рохирримов* с русским окончанием множественного числа *-ы* впридачу к толкиновскому окончанию множественного числа *-rim*, которое имеет сходство — непреднамеренное, по словам Толкина (L.178) — с окончанием множественного числа в иврите. В иврите «сус» (самех-вав-самех) — единственное число слова «лошадь», а «сусим» (самех-вав-самех-йуд-мем софит) — множественное.

²⁴³ Великолепный замок в Баварских Альпах был воздвигнут в 1869–1886 гг. по указанию короля Людвига II в средневековом стиле, на крутой скале, высоко над озером Альпизе и низвергающимися водами ущелья Пеллата. Фотографии можно посмотреть здесь: <<http://www.turism.de/Exkursii/neuschwanstein.htm>>

Яхнин для своего перевода *Rohan* воскрешает устаревшее слово: *Коника*. Словарь Даля определяет слово *коника* как «*фрактен*. чернобыль, быльняк» (по-латыни *Artemisia vulgaris*) (Даль, II.156). С точки зрения современного городского носителя языка, с тем же успехом Яхнин мог бы и придумать название заново. Немного найдется тех, кто сможет опознать в *конике* растение. А вот впечатательство названия японской фирмы *Konica*, которая широко известна в России, для названия Яхнина гораздо неприятнее. По-русски *Konica* пишется *Коника*. Соответственно, современных русских читателей название Яхнина наводит на мысль о том, что потомки всадников Рохана ныне живут в Японии, и основали международную корпорацию — известного поставщика фотопринадлежностей.

Название Яхнина спасает только то, что его пересказ рассчитан на детскую аудиторию. Дети с меньшей вероятностью усмотрят в нем те же ассоциации, что взрослые, скорее они воспримут *Коникю* как название страны, основанное на слове *конь*. Существует множество иностранных географических названий, которые имеют то же самое окончание, например, Корсика, Коста-Рика, Фессалоники и Танганьика.

В хорошем, образном варианте Кистяковского *Rohan* стал *Ристанией*. Окончание *-ия* легко узнаваемо как часть названий стран. Оно присутствует в таких словах, как *Германия, Испания, Англия, Италия, Австрия* и т.д. Такое же окончание он использовал и в своем названии *Шира: Хоббитания*. Первая часть *Ристанией* образована от архаичного русского слова *ристанье*, в котором начитанный русский читатель легко разглядит ассоциацию с лошадьми и всадниками.

Немирова вслед за Кистяковским использует *Ристанию* в тексте перевода, но на ее карте изображен *Рохан*, а под ним (*Ристания*) в круглых скобках. Г&Г использовали *Ристанию* только в своей самиздатовской версии. В напечатанном тексте они изменили название на *Рохан*.

Тем не менее, странно, что Кистяковский не использует *Ристанию* повсюду в тексте. Он чередует ее с другой формой, которую вводит в виде добавления к тексту как гондорское название Ристании: *Мустангрим*.

Саруман живет далеко на юге, в крепости Скальбург к северу от Ристании, которую гондорцы называют Мустангримом (M&K X₁₉₈₂.189, X₁₉₈₈.318)²⁴⁴.

Дж. Р. Р. Т.: Это далеко на юге в Айзенгарде, в конце Туманных гор, неподалеку от Роханского разлома (F.338).

²⁴⁴ В издании 1988 г. *Скальбург* был заменен на *Изенгард*. Остальная часть цитаты осталась прежней.

Это название основано на слове *мустанг*, которое бесспорно придает ему американский оттенок. Определение *мустанга* в современном толковом словаре²⁴⁵ выглядит так:

МУСТАНГ. Одиная домашняя лошадь североамериканских прерий.

У Толкина действительно существует два названия для *Рохана* и *рохиррим*. На языке рохиррим их страна — *the Mark of the Riders*, и они называют себя *Eorlingas*, в честь первого короля Марки Эорла. В Гондоре страна называется *Рохан*, а ее жители — *рохиррим* (А.430). М&К не переводили «Приложения», и добавка к описанию местоположения Айзенгарда могла рассматриваться просто как краткая вставка «Приложений» в текст. М&К употребляют эорлингское название (*Ристания* и *ристанийцы*) и гондорское (*Мустангрим* и *мустангримцы*) поочередно на протяжении всего текста. Толкин использует эорлингское название только там, где пишет от их имени.

Интересен выбор Муравьевым заглавия для пятой главы пятой книги («Поход рохиррим»). Он назвал ее «Поход мустангримцев» (М&К ВГ.111). Бесспорный американский оттенок, который слово *мустанг* добавляет к названию *мустангримцы*, создает ощущение, что в роли всадников задействована американская конница в соответствующих мундирах.

Sandyman. Никаких инструкций относительно этого имени в «Руководстве» Толкин не давал. Отсутствие объяснения подразумевает, что переводчику скорее стоит транслитерировать это имя, чем переводить его. Именно так и поступили К&К (*Сэндиман*), Грузберг (*Сэндимен*) и Уманский (*Сэндимэн*).

Однако остальные переводчики решили перевести это имя по смыслу. Не представляло ни малейшей сложности избежать путаницы с персонажем по имени *the Sandman*²⁴⁶ — камнем преткновения для некоторых американских читателей. Ни один русский переводчик на нем не споткнулся. В русских детских сказках во время сна детей часто посещает Дрема, чье имя не имеет ничего общего с песком. Дрема является в образе доброй старушки с мягкими, ласковыми руками или как маленький человечек с тихим, убаюкивающим голосом. Когда темень спускается, Дрема просачивается сквозь щели окон и дверей, приходит к детям, закрывает им глаза, поправляет одеяло, гладит по волосам. Имя *Дремы* лингвистически связано с

²⁴⁵ Ожегов/Шведова. 1997, с. 371.

²⁴⁶ *Sandman* — герой народных преданий, знакомых большинству американских детей. Это сказочный человечек, который сыплет детям в глаза песок, чтобы они заснули. В русской традиции ему соответствует Дрема — *Прим. перев.*

глаголом *дремать*. Именно этот корень используется в названии темного и таинственного леса, о котором повествуют многие русские сказки: *дремучий лес* (см. главу «**Mirkwood**»).

У английского читателя, если и возникнет путаница, то, скорее всего, с именем *Сандеман*. Торговый дом Сандеманов на протяжении свыше 200 лет является поставщиком отменного портвейна и хереса. Для русских переводчиков и это не представляло проблемы — ни один из придуманных ими вариантов не содержал намека на такую потенциально неверную трактовку.

Кистяковский проделывает еще один лингвистический фокус, придумывая имя *Пескунс*. Он одновременно обыгрывает слова *песок* и *схунс*, что с самого начала делает образ мельника чрезвычайно отгалькивающим. Окончание *-нс* вполне созвучно многим другим русским именам хоббитов — в России оно уже стало почти неизменным их атрибутом.

Banks (M&K) — Норкинс: производное от *нора*,
Brandibuck (Я) — Крольчинс: производное от *кролика*,
Brockhouse (B) — Барсучинс: производное от *барсук*,
Cotton (BAM) — Норкинс: производное от *нора*,
Cotton (K&K) — Хижинс: производное от *хижина*,
Goodchild (BAM) — Деткинс: производное от *дети*,
Hornblower (Г&Г_{II}) — Дудкинс: производное от *дудка*,
Rushlight (B) — Камышкинс: производное от *камыш*,
Smallburrow (M&K) — Норочкинс: производное от *норочка*.
Underhill (K&K) — Подхолминс: производное от *под* и *холм*.

У BAM в первом издании (1991 г.) имя основано на том же прилагательном, что и у Кистяковского. Как обычно, Г&Г в своей самиздатовской версии используют имя, заимствованное у Кистяковского. Однако в изданной версии имя у них основано на уменьшительной форме этого слова — *песочек*. Их вариант — *Песошкинс*. Замена буквы «ч» на букву «ш» в уменьшительной форме придает имени оттенок просторечия и безграмотности, не нарушающий, однако, у читателя ассоциацию с *песком*.

Для своей версии имени *Sandyman* Волковский воскрешает оболочку архаичного слова *охряк*²⁴⁷. Первым делом это слово ассоциируется с *охрой*, и поскольку эта краска как раз и напоминает цвет песка, то, скорее всего, именно ее Волковский и имел в виду. Русские читатели (и ведущая русская интернетовская поисковая система) немедленно указывают на то, что в этом имени содержится также слово *хряк*, которое изначально означало

²⁴⁷ «*Охрянка, охряк, вохрянка, охристая земля*» (Даль, II.774).

свинью (Даль, IV.657), а теперь характеризует *богатого, бесчестного человека*²⁴⁸. Вполне подходящая характеристика Тэда Сэндимена, выведенного в повествовании в качестве приспешника Сарумана (R.366, 361).

Немирова создала гибрид: имя наполовину переведенное, наполовину транслитерированное. Она перевела *sand* (*песок*) и сохранила *man*, получив в результате *Пескомана*. Как и большинство подобных попыток, эта обернулась неудачей. К сожалению, проблема с таким русско-английским гибридом в том, что оно напоминает целый ряд существующих русских названий психических расстройств, которые основываются на греческом корне *манья*, например, *клетоман*, *наркоман*, *токсикоман*, *пироман*. Поэтому значение имени у Немировой — *песочный маньяк*.

В той версии, которую сама переводчица любезно прислала автору данной книги в виде компьютерного файла, ВАМ употребляет другую изящную версию этого имени — *Песчаник*. Это существующее слово, означающее осадочную горную породу, состоящую из спрессованного песка, а также млекопитающее семейства беличьих, кроме того — небольшую птицу семейства ржанок отряда куликов и еще — рыбу семейства осетровых. Суффикс, который использует ВАМ, весьма распространенный; с его помощью часто образуется несколько одновременно активных омонимов, как в данном случае. Так, при помощи этого суффикса от прилагательных образуются названия профессий, таких, например, как *мясник* и *булочник*. Соответственно, *Песчаник* был бы *торговцем песком*. В пересмотренном издании (2003) ВАМ изменила это имя на *Песокс*, используя ту же словообразовательную модель, что и в названии *Жабс* (см. главу «**Frogmorton**»): к слову *песок* добавилась частица *-с*. Это придает имени чрезвычайно негативный оттенок, вполне подходящий данному персонажу, так что оно успешно конкурирует с выразительным именем у Кистяковского.

Shadowfax. Толкин объясняет это слово как имя коня «с сумеречно-серой гривой (и такой же масти)». Это роханское имя, а язык Рохана основан на древнеанглийском. На древнеанглийском оно писалось бы **Sceadu-fæx*. Толкин рекомендует транслитерировать его, используя упрощенный вариант роханского имени — *Scadufax*, именно так, как поступили К&К, объяснив, конечно, значение имени в своем примечании (К&К СК.393, 680).

Яхнин пересказывает своими словами все эпизоды текста, где упоминается это имя, и полностью устраняет самого персонажа. По версии Яхнина, когда

²⁴⁸ Никитина, Т. Г. Как говорит молодежь: Словарь молодежного сленга. По материалам 70–90-х годов. (2-е изд.). — СПб: Фолио-Пресс, 1998. — с. 503.

Гванхир спасает Гэндальфа из Органка, он относит его не в Эдорас, как это происходит в оригинале (F.343), а к северной оконечности Мирквуда. Оттуда Гэндальф Яхнина вынужден отправиться пешком через лес к жилищу лесных эльфов, и, уже выбиваясь из сил, он, наконец, добирается до места (Я Хр.199).

Толкин понимал, что на языки германской группы это имя достаточно легко перевести, воспользовавшись родственными корнями, но в русском языке не существует более-менее точного эквивалента для *Shadonfax*. *Shadow* по-русски *тьнь*, а *fax* означает *грива* (если бы было употреблено слово *coat*, то это была бы *масть*). Тем не менее, все остальные переводчики попытались найти такой эквивалент. В словаре Даля есть определение, которое могло бы стать неплохой моделью для перевода *Shadonfax*: *белогривая лошадь* (Даль, I.156), но ее не использовал никто. Зато большинство переводчиков предпочли эту модель, когда создавали свои варианты клички коня Теодена: *Spotmane*. Кистяковский назвал его *Белогривом*. Все остальные, кто вообще упомянули о нем, обыгрывали вариации на тему *Снежногривого*. Столь же легко было бы создать комбинацию из слов *грива* и *серый*. Именно такой подход применялся при переводе на русский имен *Skinfaxi* — коня, чья грива озаряет день, когда он несется по небу, впряженный в колесницу Дагура, и *Hrimfaxi* — коня, на котором Нотт скачет по ночному небу, орошая землю пеной-росой, стекающей с его удил. В переводе «Младшей Эдды» Стеблин-Каменского и Смирницкой они названы *Ясная Грива* и *Пнеистая Грива*²⁴⁹.

У ВАМ конь зовется *Серосвет*. Читателю сразу ясен его цвет, но само имя слишком прозаическое по сравнению с некоторыми другими версиями.

В первом издании перевода М&К Кистяковский назвал *Скадуфакса Беллазором* (М&К X1982.194). Поскольку в нем имеется удвоенная «лл», подразумевается что это заимствованное иностранное слово, наподобие слов *белладонна*, *беллетристика* и *бельэтаж*, в которых корень *белл-* означает *красивый* (Даль, I.81). Вторая часть имени: *-зор*, означает *взор*, в таких словах, как *обзор*, *ревизор* и *кругозор*. Целиком вся комбинация весьма напоминает кальку с французского *Belle vue* (красивый вид (из окна)). Это имя никак не назвать лучшим из творений Кистяковского.

В своей самиздатской версии, которая создавалась как продолжение первого перевода М&К, Г&Г использовали имена Кистяковского, в том числе и *Беллазор*. В изданной версии Г&Г называют коня *Сполух*, словом, которое во множественном числе означает «вспышку, отблеск молнии или северного сияния» (БТСРЯ, с. 1250). Однако в единственном числе оно имеет архаичное значение — «тревожный звон, оповещающий о бедст-

²⁴⁹ <<http://www.fbit.ru/free/myth/texty/medda/002.htm>>

вин, сзывающий народ; *набат*), которое больше подходит к роханскому прозвищу Гэндальфа — *Накаркивающего беду*, чем к серогривому коню.

Во втором издании Кистяковский изменил имя на *Светозар* (M&K X₁₉₈₈.324). Это поэтическое прозвище древнеславянского бога Сварога²⁵⁰, заживившего солнечный свет во тьме ночи. *Светозар*, возможно, звучит чересчур помпезно в качестве имени для *Скадуфакса*, но не так уж много русских читателей настолько хорошо разбираются в славянском фольклоре, чтобы проследить эту связь. Те, кто заглянет в словарь Даля (Даль, IV.159), найдут прилагательное *светозарный*, используемое в словосочетании «светозарное солнце». Волковский присоединился к Кистяковскому и тоже назвал *Скадуфакса Светозаром*.

У Немировой имя — *Тенебор*, как если бы *fax* было устаревшей формой слова *борец*. Это имя не соответствует ни масти, которой Толкин наделяет Скадуфакса, ни стремительности его бега, что удалось обыграть многим переводчикам. Во время опроса русских читателей, к кому могло бы относиться имя *Тенебор*, один из них ответил, что подумал о Боромире. В этом есть бесспорная логика. Боромир до конца боролся против сил тьмы, и его имя содержит старославянский корень *бор*.

Толкин переделал старославянское имя *Боримир* [дословно: *борец за мир*] в *Боримира*, точно так же как имя древнего славянского божества *Радегаста* в *Радагаста* (см. главу «**Radagast**»). Значение имени Боромира, абсолютно ясное русскому читателю, но скрытое от английского, изначально создает у русского читателя иное впечатление об этом персонаже. Комбинация его славянского имени и черт характера превращает Боромира в былинного героя, и он вызывает у русских читателей значительно больше симпатии.

Shadowfax был одним из немногих имен, которое Грузберг позволил себе заменить на значащее. Его вариант — *Обгоняющий Тень*, как если бы *fax* означало *быстрый* вместо *гривы (и шкуры)*. Этот образ вполне соответствует описанию, даваемому Гэндальфом: «стремителен, как порыв ветра» (F.344).

Shadowfax — одно из имен, над которыми поработала и Бобырь. Ее версия (которую также использует и Уманский) — *Быстрокрыл* (Б.483; У III.524), каковым Скадуфакс, конечно же, является. Это имя наводит читателя на мысль о Пегасе, которого, возможно, Толкин и имел в виду, но открыто не проводил эту параллель. Оно успешно конкурирует с именем, придуманным Грузбергом, но проигрывает из-за ясно различимой в нем ассоциации. Несмотря на неверный перевод, вариант Грузберга лидирует

²⁵⁰ И. И. Тёрохъ. Карпаты и славяне: предание. — Нью-Йорк: издание Общества ревнителей русской старины, 1941. — с. 5, 150.

благодаря запоминающемуся образу и потому, что в нем сохранен один из элементов первоначального имени.

Shire. Толкин рекомендовал переводить *Shire*, используя какое-нибудь «(желательно устаревшее) слово, служащее для обозначения «округа» или «провинции»». Редакторы Грузберг-А употребили слово *Удел*, которое идеально соответствует инструкциям Толкина. Удел — область, которой в Древней Руси управлял князь на правах феодального владельца. Волковский впоследствии также принял на вооружение *Удел* в качестве перевода *Shire*. Кистяковский, Королев, Немирова и ВАМ нашли ему иное эффективное применение, использовав его как перевод названия *farthing*.

К&К разыскали и употребили в новом значении слово *заселье*, которое отсутствует в современных толковых словарях. Выбранное ими слово происходит от глагола *заселять*, подчеркивая тот факт, что хоббиты переселились в Шир из-за гор (F.23–24), а в Бри хоббиты называли их «колонистами» (F.29). Окончание *-ье* широко используется в географических названиях многими переводчиками ВК:

Brandy Hall (Г&Г) — Брендинорье,
Bridgefields (ВАМ, К&К) — Замостье,
Bywater (Г&Г) — Уводье,
Bywater (В) — Заручье,
Green Hill Country (Александрова) — Зеленохолмье,
Tookland (М&К) — Укролье.

Однако *Заселье* К&К все же менее изящно, чем *Удел*.

Г&Г, Бобырь/Уманский, Грузберг-В и редакторы субтитров просто транслитерировали *Shire* как *Шир*, по тому же принципу, который используется и в географических названиях, таких как Оксфордшир, Чешир или Девоншир. В своем примечании, объясняющем значение слова *Shire* и то, почему они выбрали в качестве перевода *Заселье* (К&К СК.596), К&К абсолютно верно указывают, что стоящее отдельно слово *Shire* произносится как *Шайр*. ВАМ в своей версии избежала этой ловушки, создав состоящее из двух частей географическое название, заканчивающееся на *-шир* — *Хоббитшир*. Оно передает атмосферу британского топонима, которая в любом случае пропадает в русском тексте, если Шир оставлен в одиночестве.

Неизменно изобретательный Кистяковский создал название по совершенно иному образцу. Он превратил Шир из округа в целую страну, скомбинировав слово *хоббит* с окончанием *-ания*, которое присутствует в

некоторых русских названиях стран, таких как Великобритания, Германия и Испания. Это же окончание можно найти и в английских географических названиях, например, Lithuania [Литва], Tasmania [Тасмания], Pennsylvania [Пенсильвания]. Новая страна Кистяковского — *Хоббитания* — понятна русскому читателю, но она воспринимается несколько несоразмерной по отношению к тому, что задумывалось всего лишь как округ сельской Англии.

В какой-то мере это может быть объяснимо описанием величины Хоббитании в первом издании перевода М&К. Согласно версии М&К в этом издании, Хоббитания имеет протяженность 100 лиг с востока на запад и 150 лиг с севера на юг (М&К X₁₉₈₂.7). В их втором издании Хоббитания вернулась назад к описанным Толкином 40×50 лигам (Дж. Р. Р. Т. F.24; М&К X₁₉₈₈.36). Толкин также уменьшил Шир, но далеко не столь радикально, как меняли его размеры М&К. В первом издании Толкина (1954 г.), Шир был протяженностью 50 лиг с востока на запад и почти 50 лиг с севера на юг (F₁₉₅₄.15). В четвертом издании (1965 г.), его размеры изменились до 40×50 лиг и слово «почти» было опущено (F.24).

Хотя название *Shire* в «Хоббите» не упоминается, Каменкович, однако, украсила им свой текст, используя вариант Кистяковского — *Хоббитания*, в сравнении Туков с Бэггинсами в первой главе (Км X.9; Дж. Р. Р. Т. Н.16).

В своем предисловии Немирова говорит, что пытаться найти замену таким названиям Кистяковского, как *Хоббитания*, все равно, что называть как-то иначе Дон Кихота или Париж. По своему обыкновению, она подстраховывает этот выбор перевода названия, и получает в результате два варианта названия Шира. Ее карта показывает местоположение *Хоббитании*, но в ее «Прологе» хоббиты — «жители Края или Хоббитании» (Н П.10). По-русски *край* — это административный район, а в более ранних текстах оно означало *страну*. Дальше по всему тексту Немировой *Хоббитания* употребляется вперемешку с *Краем*. Такой подход не совсем неуместен, учитывая склонность Толкина к дублированию названий на разных языках, но все же это — приукрашивание текста. Сам по себе *Край* был бы более или менее приемлем, но он не может конкурировать с такими вариантами, как *Хоббитания* (Кистяковский) и *Хоббитшир* (ВАМ).

Подтверждая взгляд Немировой о непреложности *Хоббитании* Кистяковского как перевода *Shire*, Каминская, Королев, Перумов и Яхнин также используют именно этот вариант (см. главу «**Hobbiton**»).

Town Hole — это замечательная толкиновская игра слов²⁵¹ — хоббичья *Ратуша*. Название фигурирует в анекдоте, который Пиппин рассказывает в «Гарцующем Пони» о том, как Билл Вайтфут получил свое прозвище²⁵² (F.214). Поскольку Толкин обыгрывает похожее звучание второй части названий — *hole* [*нора*] и *hall* [*холл*], на первый взгляд, перевести каламбур практически невозможно. По-русски *ратуша* — одно слово, а не два, и она не имеет ничего общего с *норой* — ключом к каламбуру, причем ключ этот заимствован из первой строчки «Хоббита».

Бобырь/Уманский и Яхнин полностью опустили это название. Г&Г сократили анекдот до рассказа «о рухнувшей крыше в Микорытах», который Фродо знал наизусть. Толкиновская игра слов и история о том, как Вилли Белоног получил свое прозвище, потерялась по дороге (Г&Г БК.186). Волковский также не стал уточнять, какая именно крыша обрушилась, но, по крайней мере, изложил сам анекдот (В ДК.218). ВAM и Немирова выбросили игру слов, но подарили своим читателям изящное предложение, верно передающее анекдот, и написали, что это была крыша ратуши (Н ХК.187; ВAM СК₂₀₀₃.351). Всегда многословно точные К&К написали, что упала крыша норы Городской Управы (К&К СК.244). Грузберг называет *Town Hole* «норой Таун» (Гр ТК.215), преподнося своим читателям невразумительную двуязычную кашу с тем же привкусом, что ощущается в варианте, подобранном ВAM и Яхниным для *Хоббитона* (см. главу «**Hobbiton**»).

В первом сокращенном издании М&К (1982 г.) анекдот отсутствует полностью, но во втором издании (1988 г.), они вернули его и избрали местом действия *Ратушную Нору* (М&К X₁₉₈₈.200). Это была геройская попытка передать по-русски толкиновскую игру слов, но все же настоящего каламбура не получилось. В лучшем случае — изящная калька.

Александрова получает балл за оригинальность. Ее версия *Town Hole* объединяет слова *ратуша* и *нора*, и накладывает их друг на друга, в результате чего получается *Норфратуша* — название, воздействующее на читателя точно так же, как и толкиновский оригинал. Читатель вынужден на мгновение остановиться и задуматься, пока до него не дойдет смысл.

²⁵¹ Игра слов заключается в том, что *Town Hole* (Городская Нора) звучат почти так же, как *Town Hall* (Ратуша). — *Прим. перев.*

²⁵² «Пиппин заставил всех расхохотаться, поведав о том, как провалилась крыша Ратушной норы в Мичел Дельвинге: Билл Вайтфут — мэр и самый толстый хоббит в Вестфартинге, весь вывалялся в штукатурке и вылез оттуда, как посыпанная мукой пышка».

Treebeard. Толкин объясняет это имя как перевод с синдарина слова *Fangorn*, где *fang* означает *борода*, а *orn* — *дерево*. Он хотел, чтобы имя было переведено по смыслу. Грузберг, Г&Г и К&К именно так и поступили. Грузберг использовал в своем варианте два архаичных элемента, в то время как Г&Г и К&К объединили современный элемент с архаичным.

В версиях Грузберг-А и Б, *Treebeard* назван *Древобрадом*. Поскольку оба элемента архаичны, само имя менее прозрачно для современного русского читателя. В версии Грузберг-В имя было изменено на *Древобородый*, по аналогии с рядом существующих прилагательных, таких как *рыжебородый* и *чернобородый*, и основанное на современном слове *борода*, которое Г&Г и К&К использовали с самого начала. К&К, Перумов и Г&Г_{II} назвали персонаж *Древобородом*. *Древобрад* вызывает значительно большее ощущение чуда. Остается лишь пожалеть, что Грузберг заменил его. К счастью, Волковский сохранил *Древобрада* в своем переводе.

Тот же самый лингвистический процесс, который превратил *Древобрада* в *Древоборода*, можно проследить и в трансформации обоих элементов этого имени. Устаревшая форма *брада* была заменена более новой — *борода*, с плавным «р» между двумя гласными. По этой же самой схеме *град* превратился в *город* (см. главу «**Hobbiton**»).

Современное русское слово *дерево* прежде было *древом*. Эта форма сохранилась в слове *древесина*. Тот же корень имеется и в слове *древний*.

Тот факт, что слова *дерево* и *древний* — однокоренные, ясно указывает на первобытные представления о деревьях, которые соответствуют и концепции Толкина. Фангорна, чье имя содержит (все его антропоморфные атрибуты не в счет) элемент *orn* (*дерево*), Келеборн называл «Старейшим». Толкин подчеркивает древнее происхождение пастырей деревьев и, как подразумевается, самих деревьев, стада которых они пасли, в стихотворном Перечне Сущих, продекламированном Фангорном, где энты «землей рождены и стары как горы» (Т.84). Он еще раз упоминает об их древности и дает некоторое представление об их мощи в описании Старого леса, который «был действительно древним, ущельвшим островком бескрайних забытых лесов прошлого: и в нем жили еще, старея не быстрее холмов, отцы отцов деревьев, помнящие времена, когда они властвовали в мире» (F.181).

В римских описаниях германских стран Герцинский лес²⁵³ похож на эти бескрайние забытые леса, частью которых был некогда Старый лес.

²⁵³ *Герцинский Лес* — огромный девственный лес, простиравшийся в античности между Рейном и Дунаем. В Герцинском лесу обитали многочисленные германские племена. — *Прим. перев.*

Чтобы проехать Герцинский лес из края в край в ширину требовалось девять дней, и простирался он от берегов Рейна до отдаленных регионов Дакии²⁵⁴. Был он столь обширным, что даже германцы, путешествуя по нему в течение шестидесяти дней, все еще не могли достичь его начала, или хотя бы услышать оттуда вести²⁵⁵.

Корень слова *древо* — на самом деле праиндоевропейское слово, которое обнаруживается в гэльском языке как *dervo-* и в валлийском как *derwen* (*дуб*). В древнеиндийских сложных словах оно содержится в форме **darn-*, **dru-*, что является частью названия *the Druadan forest*. Этот лес населяли Woses, чье название Толкин переводит в своем «Руководстве» как «древние люди лесов». Соответственно, название их леса по существу является как раз повторением их собственного названия (*dru-* = *лес* и *-adan* = *человек*): *лесной человек*.

Этот корень — также часть этимологии слова *друид*. Традиционная этимология объясняет **dru-* как означающее *дерево* и *-id* как производное от *-nid*, означающего *знание*. Окончание *-nid* и по сей день используется в русском языке в этом значении в чуть видоизмененной форме *-вед*. Оно встречается в таких словах, как *языковед* и *медведь* — описательное название этого животного, придуманное с целью избежать употребления табуированного слова. Древние люди верили, что вызовут дух медведя, если произнесут вслух его подлинное имя. *Медведь* буквально означает *знающий мед*. (Ср. английское слово: *mead* (*мед*), перебродивший спиртной напиток, основанный на меду). По аналогии с медведем, **druuid* означало бы *знающий дерево*.

В древние времена отношение к деревьям было совершенно иным, чем сегодня. Под липами заключали браки и вершили суды. В честь рождения королевского сына сажали липу. Не только кельты, но и русские верили в священные рощи и поклонялись деревьям. Дуб был посвящен Перуну, богу-громовержцу, поскольку молния чаще всего попадала именно в дубы.

ВАМ также использовала элемент *древ* в своей версии имени, но не стала переводить второй элемент: *борода*. У нее он стал *Древесником*. Слова, оканчиваются на *-ник* — это существительные, образованные от прилагательных и имеющие характеристику прилагательного. ВАМ обыгрывает в первую очередь прилагательное *древесный*, а не *древний*. Такой Древобрад выглядит скорее персонажем тяжелым и неподатливым, а не бородастым мудрецом.

В варианте Уманского также обыгрывает это прилагательное. Он назвал своего персонажа *Древеснобородым*, что значительно более неуклюже, чем вполне читабельная версия ВАМ.

²⁵⁴ *Дакия* — провинция Древнего Рима (на большей части современной Румынии).

Присоединена к Римской империи при Траяне в 106 г. — *Прим. перев.*

²⁵⁵ Julius Caesar. *The Gallic War*, VI. 25.

Аналогичный подход избирает и Немирова. Она использует ту же самую форму прилагательного, но только без суффикса. Ее вариант — *Древес*. Это изящнее, чем у ВАМ, поскольку есть намек на более древнюю форму, а от менее сложных форм (у Немировой двухсложное существительное) обычно происходят более сложные, такие, как трехсложные прилагательные у ВАМ и Уманского. Конструкция, которую использует ВАМ, указывает на прилагательное, предшествующее имени. Название главы у Немировой — «Старый энт». Это немного сдвигает акцент с внешности и вида Древобрада на его возраст, но философский смысл почти не затрагивает.

Кистяковский, подобно ВАМ, не перевел второй элемент: *борода*. Однако он использовал противоположное значение корня *древ*. Он подчеркивает древность Древобрада, почти исключая при этом его «древopodobность». Вариант имени у Кистяковского — *Древень*. Оно выстраивается на том же самом архаичном суффиксе *-ень*, который Кистяковский использует для своего перевода имени *Quickbeamt*. *Скоростень*. Именно с помощью этого суффикса Волковский затем создавал свое семейство старых «ширских слов», таких как *бевень* и *мутень* (см. главу «**Baggins**»). Имя, придуманное Кистяковским, может восприниматься как сама *Древность*, записанная готическими буквами на манер старинных манускриптов, благодаря ощущению, придаваемому ему суффиксом.

Редакторы Грузберг-А и Б не использовали имя, придуманное Кистяковским, поскольку *Древобрад* появляется только во втором томе, и когда они готовили свои издания, у них еще не было никакой возможности узнать, как с этим именем обошелся Кистяковский. В обеих версиях они оставили на месте первоначальный вариант Грузберга — *Древобрад*.

Г&Г столкнулись с той же самой дилеммой, что и неизвестные редакторы Грузберг-А и Б. Древобрад появляется только во втором томе, и у них не было возможности узнать, как поступил Кистяковский с этим именем. По-видимому, им не нравилось имя *Фангорна* на Всеобщем наречии — *Treebeard*. Главу в своем переводе они назвали «Фангорн», и именно так и именуют энта каждый раз, за одним единственным исключением. Когда он представляется хоббитам, то говорит: «Некоторые называют меня Фангорн, другие — Древобород. Пусть будет Фангорн» (Г&Г_{II} ДК.60). Такая концовка с точностью до наоборот противоречит тому, как представляется Древобрад у Толкина, говоря в заключении: «Пусть будет Древобрад» (Т.84). После этого представления Толкин именуется персонажа *Древобрадом*, в то время как Г&Г продолжают называть его *Фангорнам*.

Подход Яхнина — гибрид, по принципу «не как у других». Его вариант — *Трибор*. Для двуязычного читателя, это транслитерация слова *tree*,

скомбинированная со словом *бор*. На моноязычного русского читателя лингвистические фокусы Яхнина не произведут впечатления. Такой читатель увидит в первом элементе число *три*, и первоначально расценит — в контексте начала главы — второй элемент как слово *бор*. На этом этапе повествования все имя будет воспринято как что-то вроде «три леса». Однако по мере развития сюжета на первый план может выступить другое возможное значение слова *бор*. Исходя из того, что и некоторые другие имена и названия у Яхнина содержат игру слов, вероятнее всего, такая двусмысленность преднамеренна.

Когда энты отправятся разрушать Айзенгард, читатель, скорее всего, интерпретирует *бор* как *борца*. Именно это значение русские читатели с самого начала усматривают в имени *Боромир*, предполагая, что оно составлено из элементов *бор* и *мир* с соединительной гласной «о». Боромир по этому оказывается «Борцом за мир» (см. главу «**Shadowfax**»). В сущности, игра слов в имени у Яхнина превращается в «три-бор/борец». Как и все подобные гибридные названия, оно не слишком удачно.

Яхнин, однако, сумел сохранить элементы *дерево* и *борода* в своем описании *Трибора*. Бороду он описывает так: «с прозеленью борода» (Я ДБ.50), а самого его называет *бородатым гигантом* (Я ДБ.50) и *бородачом* (Я ДБ.52). Элемент *дерево* находит пристанище в яхнинском названии энта, который у него переведен как *древ*, с привлечением архаичного корня, используемого также и Грузбергом. Превосходные описания, тем не менее, не восполняют неудачу с его вариантом имени.

Variags. В своем «Руководстве» Толкин никак не комментирует это название, и по вполне веской причине. Оно лишь дважды появляется в повествовании в главе «Битва на полях Пеленнора», и является не больше чем дополнительным штрихом к фону толкиновского эпического полотна. Однако многие русские переводчики безошибочно распознали проблему, которую представляет написание этого названия для русскоязычной аудитории, и постарались всеми силами ее избежать. Толкиновское название — это, по существу, транслитерация слова *варги*, если использовать систему транслитерации Библиотеки Конгресса, с которой Толкин, скорее всего, был знаком. Русские читатели приравнивают *Variags* к *варягам* и это вызывает у них столь же резкое неприятие, как у Перумова (см. главу «**Краткая история толкинизма в России**») харадрим, сражающиеся под красным флагом. Возможно, это послужило бы дополнительным поводом для цензоров запретить полное издание *ВК* в советский период.

Немирова заменила одно из двух упоминаний *Variags* на *Южан*, а второе — на *варваров* (Н ВК.115, 116). У Бобырь/Уманского и Г&Г рыцари Дол-Амрота преследуют только троллей и орков, исключая *Variags* (Б.395; У IV.734; Г&Г ВК.122). Бобырь/Уманский и Г&Г в самиздатовой версии опускают и второе упоминание о них. В своей изданной версии Г&Г изменяют написание слова *Variags*, чтобы нарушить всякую связь с существующим в русской историографии термином. У Г&Г *Variags* становятся *варайгами* из Кханда (Г&Г ВК.120). ВАМ изменяет написание более радикально: ее вариант — *варакхи* (ВАМ ВК133, 135).

Волковский расширяет роль *Wargs* в своей версии толкиновского повествования. В эпизоде, в котором изменяется ход битвы, и рыцари Дол-Амрота гонят перед собой врагов, Толкин перечисляет их: человеко-тролли, вариаги и орки (R.150). Перечень Волковского включает «полутроллей, варгов и орков» (В ВГ.200). Это интересная замена (или опечатка): в результате нее у читателей создается несколько иное представление о битве, и роль вариагов сокращается наполовину.

Волковский, однако, не полностью стер вариагов с лица Средиземья. Толкин включил их еще в один перечень сил зла двумя страницами раньше. Там вариаги из Кханда упоминаются наряду с восточанами, южанами и чернокожими людьми, похожими на полутроллей, из далекого Харادا (R.148). В этом списке Волковский переводит *Variags* как *варьяси*. Добавленная Волковским лишняя буква не помешает читателю чисто машинально провести логическую параллель между его вариантом названия и варягами русской истории. Однако в своей переработанной версии (2003 г.) ВАМ решила составить компанию Волковскому (ВАМ ВК₂₀₀₃.1006–1007).

Муравьев слегка видоизменяет написание слова, создавая эффектное словосочетание *дикари-воряги* (М&К ВГ.131–132). Замена «а» на «о» в первом слоге названия побуждает читателя в первую очередь подумать о *ворюгах*, и лишь затем, да и то вряд ли, вспомнить о *варягах*. Комбинация *ворягов* с *дикарями* также отвлекает внимание читателя от исторических варягов. Название, интерпретируемое как «воры-дикари», создает яркий, запоминающийся образ. Это лучшая из попыток обойти проблему толкиновского названия для русскоязычной аудитории.

К&К использовали для толкиновского названия транслитерацию по принципу «как пишется» — *вариаги* (К&К ВК.159, 161), и, конечно, снабдили его примечанием. В нем (К&К ВК.612) К&К толкуют *Variags* как *варягов* и приводят значение этого слова — «северные наемники», норманнские воины, на службе у византийских императоров. Александрова, редактор

версии Грузберг-Г, в своем переводе перечня врагов использовала сходный описательный вариант. Она назвала *Variags* «жестокими северянами».

Замена Александровой ясно свидетельствует о том, как именно она воспринимала название *Variags*. Ни в тексте, ни на карте Толкина не указывается, что они были «северянами» (F.16–17). В тексте говорится, что они явились с юга. На карте Толкин поместил Кханд юго-восточнее Мордора. Поэтому интерпретация Александровой *Variags* как «северян» — скорее, результат ее восприятия значения названия, нежели интерпретация текста. Именно это восприятие заставило других переводчиков попытаться придать ему менее распознаваемую форму, подобно тому, как в случае с Дурином (см. главу «**Durin**»).

Грузберг, который лучше всех отреагировал на *Дурина* — имя с неподходящей русской коннотацией, — не предпринял ничего, чтобы избежать путаницы между *Variags* и историческими варягами. В его тексте *Variags* остались *варягами*. Однако Застырец, редактор книжной версии его перевода, выбрал не столь вызывающий путь. В его варианте *Variags* превратились в *вэрьягов*, по существу, продолжая линию Волковского (Гр ВК.140, 142).

Даже К&К постарались быть тут как можно более осторожными. В их примечании предусмотрительно опускается другая половина ассоциаций, возникающих с этим названием. Статья в «Советском энциклопедическом словаре» (1990 г.) подтверждает определение К&К *варягов* как норманнских наемников и даже добавляет, что древнерусское название Балтийского моря — Варяжское, недвусмысленно указывая, откуда те произошли. О чем, однако, К&К не написали, это что варягами также были полубогородные князья Рюрик, Синеус и Трувор — немаловажная составляющая статьи в «Энциклопедическом словаре». Согласно русским летописям, Рюрика и его братьев пригласили прибыть в Новгород и править городом и его жителями. Рюрик стал основателем династии русских князей Рюриковичей, правивших на Руси с IX по XVI век.

Придя в Новгород, Рюрик принес с собой и свой германский титул *Konung*. Со временем он был русифицирован в *князя*. На английский язык этот титул обычно переводится как *prince*, но его лингвистические аналоги на множестве других языков всегда означали *король*. В шведском есть слово *konung*, в норвежском и датском — *konge*, в немецком — *König*, в голландском — *koning*, в английском — *king*, и в финском — *kuningas*. Этот корень также можно найти в польском — *książe*, и в чешском — *kníže*. Замена *konung* на *князя* — результат того же самого лингвистического процесса, который привел к превращению *vaeringjar* (мн. ч.) в *варягов*. Такое же изменение прослеживается и в устаревшем слове *пеназь*, согласно словарю Да-

ля, означавшем деньги (Даль, III.30), происхождение которого связано с немецким *Pfennig*, английским *penny*, норвежским и датским *penge*, шведским *pengar*, польским *pieniądź*, и чешским *peníz*.

Муравьев возродил исходную форму титула Рюрика — *Конунг* — в своей версии титула Короля Марки Рохана. Его выбор лингвистически правилен, поскольку лучше отражает англосаксонское происхождение Короля Марки, чем современное русское слово *король*, производное от имени Charlemagne (742–814), который по-латыни известен как Carolus Magnus, а по-русски как Карл Великий. Слова со значением *король* в современном венгерском, чешском и польском происходят оттуда же: *król* (польский), *král* (чешский), *király* (венгерский).

Wargs — это охотничьи псы Саурона, злая порода демонических волков. Толкин не снабдил это имя никакими указаниями в своем «Руководстве», и, следовательно, рассчитывал на его транслитерацию. На древнепрусском *wargz* означает *зло*. *Wearg* на древнеанглийском — один из эпитетов *волка*, но Толкин очевидно понимал, что современный читатель вряд ли распознает такое устаревшее значение.

Толкиновское название присутствует также в древнеисландских сагах, где упоминается термин *vargr í veit* — *волк в заповеднике*. Подобный эпитет соответствовал официальному приговору для тех, кто совершил убийство в священном месте. Фактически человека объявляли вне закона, и кто угодно имел право убить его при встрече. В основу этого термина легло зафиксированное в древнегерманском законодательстве право свободно охотиться на волков даже в заповедном лесу, где всякая другая охота считалась браконьерством и была наказуема.

Производные от корня, на котором основывается название Толкина, до сих пор бытуют в современных славянских языках. В польском есть слово *wróg* [враг]. По-украински *враг* — *ворог*. В современном чешском *vrah* означает *убийцу*. Русское слово *враг* раньше являлось эпитетом дьявола. В своей книге²⁵⁶, повествующей о силах зла, Сергей Максимов (1831–1901) включает *врага* в список имен дьявола наряду с *ворогам*, *лихим* (см. перевод Кистяковского названия *Mirkwood*) и *черным* (см. главы «**The Red Book of Westmarch**» и «**Shadowfax**»). В таком контексте *враг* прекрасно подходит для толкиновского *the Enemy*, поскольку «некоторые шепотом говорили о Враге и о Стране Мордор» (F.72). В этом предложении все переводчики

²⁵⁶ Сергей Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. — М: Русский Духовный Центр, 1993. Репринт издания 1903 года.

(кроме Бобырь и Яхнина, у которых оно отсутствует) употребили именно это слово.

Перечисляя живых слуг Темного Властелина Мордора (F.293), Гэндальф упоминает в одном ряду *варгов* и *волколаков* точно так же, как *орков* и *троллей*. Все переводчики, за исключением ВАМ и Немировой, транслитерировали *wargs* как *варги* с русским окончанием множественного числа. Вариант Немировой был *урги*; начальную «W» она транслитерировала так же, как и в имени *Уилл [Will]* (Н ХК.187). Тем самым ее название выделяется среди прочих и оказывается в одном ряду с многими другими неприятными явлениями, которые начинаются с «у», например *унырь*, *умерший* и *умирашка*, а также переводов Кистяковского и ВАМ *Barrow-wight* как *Умертвие* (Кистяковский) и *умерлия* (ВАМ). Одновременно нарушается связь с существующим словом *враг*, что придает названию Немировой такой же оттенок необычности, какой *wargs* имеют для английского читателя.

ВАМ выбрала *ворога*. В современном русском это слово несет определенную стилистическую нагрузку. Толковые словари определяют его как поэтическую и архаичную форму слова *враг*. Приблизительная английская пара для *враг/ворог* — *епету/foe*. Поскольку название ВАМ — это слово с определенным смыслом, оно выглядит менее удачным, чем толкиновское, которое для не слишком начитанного человека не имеет никакого иного значения, кроме придуманного самим Толкином.

В предложении, где перечисляются и *варги*, и *волколаки*, при переводе слова *were-wolf* голоса также разделились. Половина переводчиков проголосовала за *оборотня*. Вторая половина (М&К, Г&Г, Немирова и Волковский) выбрали *волколаков*. Яхин воздержался. Различие между этими двумя словами совсем небольшое, и словарное определение каждого из них включает другое. *Волколак* — это волк-оборотень. *Оборотень* — более общее понятие: не уточняется, в какое именно животное превращается человек. Больше всего это слово подходит к толкиновскому описанию Беорна — «меняющий шкуру» — который предстает то в облике громадного черного медведя, то в облике громадного могучего черноволосого человека с большими ручищами и окладистой бородой (Н.118).

В том эпизоде «Хоббита», где рассказывается о Беорне, половина переводчиков (ВАМ, Каменкович, Королев и анонимный переводчик) употребили слово *оборотень*. Остальные (Рахманова, Грузберг, Бобырь, Яхин и Каминская) умело обошлись без него. С этим словом связано слишком много неизбежных ассоциаций. Пространное описание Толкина представляется куда более удачным.

В эпизоде, когда на братство нападет «большая стая варгов» (F.389–391), Толкин чередует слова *волк* и *варг*. М&К не понравилась такая двусмысленность, и они изменили *варгов* на *волколаков*. Кроме того, они унифицировали *волков* и *варгов*, превратив и тех и других в *волколаков* и подготовив почву для такой замены искусным приукрашиванием в обмене пословицами между Драгорном и Боромиром (F.389). М&К удалось устранить различие между *оборотнем* и *волколаком*, написав через дефис *волки-оборотни*. Приукрашивание М&К отмечает момент, начиная с которого все *волки* и *варги* в их тексте заменяются на *волколаков* (М&К Х.368). М&К не стали чередовать *волков*, *волколаков* и *варгов*, а прибегли к радикальной унификации. В своем переводе описания земель, которые защищают беоринги, и к которым, по словам Толкина, «ни орк, ни волк не смеи приблизиться» (F.301), М&К также изменили *волков* на *волколаков* (М&К Х₁₉₈₂.162; М&К Х₁₉₈₈.281). Все остальные переводчики оставили волков там, куда поместил их Толкин.

Конструкция Яхнина аналогична комбинированию М&К *волка* и *оборотня*. Он изменил общеупотребительное слово *волк* на *влак*, создав *влаков-оборотней*. *Влак* — гипотетическая древняя форма *волка* с гласным по другую сторону от плавного звука «л», который, так же, как «р», перетекает в таких словах, как, *Ленинград*, *Айзенгард* и *город*. Лингвистические фокусы Яхнина не сработают для тех его читателей, которые не являются профессиональными лингвистами, и уж точно воспримутся как курьез теми, кто знает чешский, словацкий или болгарский, где *vlak* означает *железнодорожный поезд*. Для таких читателей на Братство нападёт рычащая стая *поездов-оборотней, и единственный вопрос, который при этом возникает — почему в таком случае они заранее не увидели там рельсы²⁵⁷.

И, наконец, победитель...

Когда речь заходит о русских переводах *ВК*, наиболее часто задают вопрос «какой же все-таки перевод лучший?» Ответ на него всегда субъективен, как говорится «на вкус и цвет...» В таблице, приводимой ниже, делается попытка как-то упорядочить этот процесс, выработать объективные критерии оценки, которые, несмотря на это, все равно остаются довольно субъективными, основанными на личном лингвистическом восприятии автора, как это явствует из всего предшествующего повествования. У этой схемы есть и другие недостатки. Она оценивает успешность передачи имен и названий в отрыве от уровня перевода самого текста, кроме того,

²⁵⁷ Слово *tracks* означает как *рельсы*, так и *следы*. — Прим. перев.

исходит из предположения, что имена и названия следует переводить, хотя сам Толкин не был полностью уверен в реальной осуществимости такого подхода. Автор разделяет его скептицизм на этот счет. Стоит напомнить, что выводы и оценки делаются автором с позиции западной культуры, к которой относился и сам Толкин, и с учетом того культурного наследия, на которое он опирался. Поэтому логично предположить, что точка зрения автора, возможно, ближе к мнению Толкина (знай он русский), нежели господствующая в России.

Если говорить об общей успешности подхода к передаче имен и названий, то решение Грузберга транслитерировать почти все из них выглядит наилучшим, хотя многие русские читатели ругают его за этот выбор. И все же он сохраняет лингвистическое царство Толкина в его переведанном виде и позволяет любознательным читателям при желании самим искать объяснения. Передать все лингвистические шутки Толкина, по сути дела, невозможно и любая попытка неизбежно, так или иначе, терпит поражение. И таблица лишь служит тому подтверждением. Даже переводчики, придумавшие наибольшее количество удачных имен и названий — Кистяковский и Муравьев, — смогли заработать лишь немногим больше 50% из возможных баллов.

Как Толкин говорил в своем письме (L.249–250), нет никаких оснований считать, что его имена и названия следует переводить только потому, что они придуманные. *Стратфорд-на-Эйвоне*, *Аувр* и *Оксфорд* — также «говорящие» названия, но ни одному переводчику не пришло бы в голову буквально переводить их значения как «место, где римская дорога пересекает реку», «вода» и «бычий брод». Отделенные от общепринятой формы, эти названия уже ничего не говорили бы читателю о своей географической принадлежности, и читатель попросту заблудился бы. То же самое случается, когда при попытке перевести тонко сплетенный узор имен и названий Толкина не учитываются все взаимосвязи, по недосмотру ли или потому, что необходимые лингвистические связи отсутствуют в языке перевода.

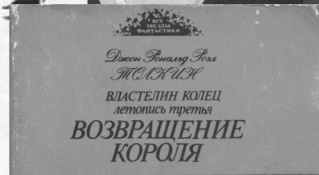
Хотя перевод имен и названий сам по себе не приветствуется, русские варианты передачи имен и названий Толкина очень образны и изобретательны и их отчасти возможно оценивать в отрыве от остальной части текста. В приведенной ниже таблице содержатся лучшие варианты 32 имен и названий Толкина (для некоторых имеется несколько победителей, поэтому общее количество баллов не равняется 32. В том случае, если несколько переводчиков используют один и тот же вариант, балл получает тот, кто первым его употребил). Несомненные лидеры — Кистяковский и Муравьев с 17 баллами. Их варианты — уникальные переводческие наход-

ки. За ними следуют К&К с 5 баллами. У Грузберга и Немировой по 4 балла. Затем идет Бобырь с 3 баллами. ВАМ и Яхнин получили по 2 балла каждый. Все остальные переводчики — по 1 баллу.

Имя/Название	Лучший перевод	Переводчик
Baggins	Торбинс	М&К
Cotton	Коттон	Бобырь
Crickhollow	Кричья Балка Криккова Лощина	ВАМ К&К
Derndingle	Тайнодол	М&К
Durin	Дюрин Дьюрин	Грузберг Бобырь
Entmoot	Онтормолвице	М&К Немирова
Fallowhide	Белоскоры	К&К
Frogmorton	Лягушатники Лягушкина Запруда	М&К Яхнин
Gamgee	Гэмджи Плуту ²⁵⁸	Бобырь Яхнин
Goldberry	Златеника	Г&Г
Hobbiton	Норгора	М&К
Isengard	Айсенгард	Волковский
Lith	прилишки	М&К
Lune	Льонские горы	К&К
Michel Delving	Великие Норы	Немирова
Mirkwood	Лихолесье	М&К
Mount Doom	Роковая гора	М&К

²⁵⁸ Получает приз за полет фантазии.

Olifant	оллифант	M&K
Púkel-men	пишига	K&K
Radagast	Конкурса нет	
Redbook	Красная Книга Западной Окраины	Грузберг K&K
Rivendell	Раздол	M&K
Rohan	Ристания Мустангрим	M&K M&K
Sackville-Baggins	Лякошель-Торбинс Кошель-Торбинс	M&K Немирова
Sandyman	Пескунс	M&K
Shadowfax	Обгоняющий Тень	Грузберг
Shire	Хоббитшир Хоббитания	ВАМ M&K
Thain	хоббитан	M&K
Town Hole	Норратуша	Александрова
Treebeard	Древобрад	Грузберг-А
Variags	воряги	M&K
Wargs	урги	Немирова

БИБЛИОГРАФИЯ ЦИТИРУЕМЫХ ПЕРЕВОДОВ

«Властелин Колец»

Бобырь, Зинаида Анатольевна. Ее сокращенный и адаптированный пересказ, названный «Повесть о Кольце», ходил в самиздате начиная с середины 60-х годов. Издавался дважды:

Дж. Р. Р. Толкин. Повесть о Кольце: Роман: В 3 ч. / Пер. с англ. (в сокр.) З. Бобырь. — М.: СП «Интерпринт», 1990.

Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец: Фантастические романы / Пер. с англ. З. И. Бобырь. Художник М. И. Сивенкова. — М.: Молодая гвардия, 1991. — Ч. 1.: «Хоббит, или Туда и Обратно»; «Содружество Кольца». — Ч. 2.: «Две твердыни»; «Возвращение Короля».

Григорьева, Наталья и Владимир Грушецкий. Стихи в переводе И. Гринишуна. В 80-х годах их перевод второй и третьей частей широко ходил в самиздате, подчас в комплекте с первой частью в переводе Грузберга. Самиздатовская версия Г&Г_c была значительно переработана перед книжной публикацией.

Дж. Р. Р. Толкин. Братство кольца: Первая часть «Властелина Колец» / Пер. с англ. Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого. Пер. стихов И. Гринишуна. Художник Д. Гордеев. — СПб.: Северо-Запад, 1992.

Дж. Р. Р. Толкин. Две крепости: Вторая часть «Властелина Колец» / Пер. с англ. Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого. Пер. стихов И. Гринишуна. Художник Д. Гордеев. — СПб.: Северо-Запад, 1992.

Дж. Р. Р. Толкин. Возвращение Короля: Третья часть «Властелина Колец» / Пер. с англ. Н. В. Григорьевой, В. И. Грушецкого; Пер. стихов И. Гринишуна; Художник Д. Гордеев. — СПб.: Северо-Запад, 1992.

Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец / Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. — СПб.: Азбука-классика, 2002.

Грузберг, Александр Абрамович. Первый полный русский перевод (1976 г.). Создавался для распространения в самиздате. Стихи в переводе Ю. Баталиной (дочери А. А. Грузберга) или в подстрочном переводе самого Грузберга.

Дж. Р. Р. Толкин. Властелин Колец: CD-ROM / Пер. с англ. А. Грузберга и Е. Александровой, редакция Е. Александровой. — М.: ИДДК, 2000. Эта версия обозначена как Грузберг-Г.

Дж. Р. Р. Толкин. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. А. Грузберга; стихи в переводе А. Застырица. — Екатеринбург: У-Фактория, 2002. Эта версия обозначена как Грузберг-Д.

Каменкович, Мария и Валерий Каррик. Стихи в переводе М. Каменкович и С. Степанова. Послесловие М. Каменкович. Отличительная особенность перевода — наличие обширных комментариев к тексту.

Дж. Р. Р. Толкин. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ., предисл., коммент. М. Каменкович, В. Каррика, С. Степанова. — СПб.: Терра-Азбука, 1994–1995.

Маторина, Валерия Александровна.

Дж. Р. Р. Толкин. Властелин Колец / Пер. с англ. В.А.М. — Хабаровск: Амур, 1991.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит, или Туда и обратно. Властелин Колец: Трилогия / Пер. В.А.М. — М.: Эксмо, 2003.

Муравьев, Владимир Сергеевич и Андрей Андреевич Кистяковский. Первое официальное издание. Пролог и Книгу первую перевел В. Муравьев, Книгу вторую и все стихотворения — А. Кистяковский. В первых двух книгах имена и названия в переводе Кистяковского.

Дж. Р. Р. Толкиен. Хранители: Летопись первая из эпопеи «Властелин Колец»: [Для средн. и ст. возраста] / Сокр. пер. с англ. А. Кистяковского и В. Муравьева. Стихи в пер. А. Кистяковского. Послесл. В. Муравьева. Рис. Г. Калиновского. — М.: Дет. лит., 1982. (сокращенное издание) (M&K1)

Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. В. Муравьева и А. Кистяковского. Предисл. В. Муравьева. — М.: Радуга, 1988–1992. (M&K2)

Немирова, Алина Владимировна.

Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. А. Немировой. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: Фолио, 2002.

Субтитры. «Братство Кольца» (Расширенная DVD версия), New Line Cinema, 2002. В переводческую команду входили: Ail, Аликс, Archi, BellaT, Fridmanka, grampasso, ivanko, little Mu, Mrs. Underhill, Natalie, Sare, TheHutt, Vasya Gondorsky. В обсуждении перевода принимали участие: Iolly, 10th nazgul, =Назгул=, Анхен, almost_happy, Astra, BAndViG, Berta, Chameleon, Cet, Dudette, Eujenia, Finord, freshy, Gaerie, hinof, Hoffmann, Holly, Inga, Janus, Katherine Kinn, kryaba, Laimar, Lindalae, Masha Klim, Maeglin, Mechanic, Nata, PeterGreat, Пластун, RedFox, Rika, romk, Ryo, shred, shs, Sniff, Tick, Тсарь, Twilight, Varrah, VentIL, Water Lily, Zandr. Отдельные фрагменты текста, включая Заклинания Кольца, взяты из перевода M&K. «Песня о пиве» в переводе TheHutt. Стихотворение «Фейерверки Гэндалфа» в переводе И. Гриншпуна из Г&Г. Субтитры находятся по следующему адресу: <http://www.thehutt.de/fotr_sec_subs.zip>.

Волковский, Виталий Эдуардович. Стихи в переводе В. Восевого.

Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец: В 3 т. / Пер. с англ. В. Волковского, Д. Афиногенова, В. Восевого. — М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2000.

Яхнин, Леонид (Пересказ).

Дж. Р. Р. Толкиен. Властелин Колец: Избранные главы из легендарной Алой Книги, рассказанные профессором Толкиеном: В 3 частях / Пер. Л. А. Яхнина. — М.: Армада — «Изд-во Альфа-книга», 2001.

«Хоббит»

Анонимный переводчик. «Необычайное жилище»

Дж. Р. Р. Толкиен. Хоббит (отрывок из романа) // Англия: [Ежеквартальный журнал о сегодняшней жизни в Великобритании]. — (Printed in England by Stephen Austin & Sons, Ltd., Hertford), 1969. — N 2 (Вып. 30). — 112 с. — с. 30–40.

Единственная прижизненная публикация Толкина на русском языке.

Анонимный переводчик. (компьютерный файл).

Бобырь, Зинаида Анатольевна.

Дж. Р. Р. Толкин. Властители колец: Фантастические романы / Пер. с англ. З. И. Бобырь. Художник М. И. Сивенкова. — М.: Молодая гвардия, 1991. — Ч. 1.: «Хоббит, или Туда и Обратно»; «Содружество Кольца». — 1991. (Версия А).

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит, или туда и обратно [Сказочн. повесть] / Пер. с англ. З. Бобырь. Обработка текста Ю. Баталиной. Худ. А. Филиппов, А. Кытманов. — Пермь: Книжный мир, 1994. (Версия Б).

Доброхотова, Екатерина.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит / Пер. с англ. Е. Доброхотовой. Стихи в пер. Г. Кружкова. Послесловие Н. Прохоровой — СПб.: Vita Nuova, 2003.

Грузберг, Александр Абрамович.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит / Пер. с англ. А. А. Грузберга. Пер. стихов В. Гаврилова, Е. Гавриловой. Худ. Е. Нитылкина. — Екатеринбург: Литур, 2001.

Каменкович, Мария и Сергей Степанов.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит, или Туда и Обратно / Пер. с англ. С. Степанова, М. Каменкович; коммент. М. Каменкович, В. Каррика. — СПб.: Тера-Азбука, 1995.

Каминская Людмила.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит, или Туда и Обратно / Пересказ Ч. Диксона и Ш. Деминга. В пер. Л. Каминской. Нарисовал Д. Вензел. — М.: Интер В. М., 1993.

Это перевод комикса J.R.R. Tolkien. The Hobbit: or There and Back Again Adapted by Charles Dixon with Sean Demming, illustrated by David Wenzel), Forrestville, CA/New York: Eclipse Books, New York: Ballantine Books, 1990.

Королев, Кирилл. Стихи в переводе Владимира Тихомирова.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит, или Туда и Обратно / Пер. с англ. К. Королева. Стихи в пер. В. Тихомирова. — М.: ООО «Фирма» Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2000.

Маторина, Валерия Александровна.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит, или Туда и обратно / Пер. с англ. В.А.М. Худож. Е. Б. Мартынец и др. — Хабаровск: Амур, 1990.

Прохорова, Наталья.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит / Пер. с англ. и коммент. Н. Прохоровой. Стихи в пер. М. Виноградовой. Ил. Д. Гордеева — М.: Рипол, 2003.

Рахманова, Наталья.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит, или Туда и обратно. Сказочная повесть. Перевод с английского Н. Рахмановой. Рис. М. Беломлинского. — Л.: Дет. Лит., 1976.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит, или Туда и обратно. Сказочная повесть. Перевод с английского Н. Рахмановой. Рис. М. Беломлинского. — СПб.: Азбука, 2000.

Седов, С. (Пересказ).

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит / Иллюстрированный пересказ С. Седого, художник Е. Узденников. — М.: Белый город, 1999, 2001.

Утилова, Н.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит / Иллюстрированный пересказ Н. Утиловой, художники Р. Рамазанов, А. Швецов и Р. Азизов. — М.: Авлад, 1992.

Яхнин, Леонид (Пересказ).

Дж. Р. Р. Толкиен. Хоббит, или Туда и обратно: Повесть / Пер. с англ. Л. Л. Яхнина — М.: Армада; Альфа-книга, 2001.

Яковлев, Лев

Дж. Р. Р. Толкиен. Хоббит / под ред. Л. Яковлева; ил. Елены Володькиной. — М: Эгмонт — Россия, 2001. Книжка-картинка.

ПРЕДМЕТНО-ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авторханов, Абдурахман	194
Адам и Ева.....	170, 172
Адаптация иностранных идей.....	23, 32-33, 39, 47, 51, 139-140
Айзенгард (Isengard).....	168, 213, 230-232, 257-258, 269, 274, 276
Айнур (Ainur).....	248
Александрова, Е. (редактор) ...	36, 61-62, 109-110, 113-114, 116, 118-120, 122, 127-128, 134, 137, 155-157, 164, 175, 181-182, 184, 190-191, 227, 233, 236, 241, 246, 263, 265, 270-271, 277
Алехин	29
Алешковский, Юз.....	172
Аллегория	49, 217
Аллен, Джим	211
Алый штандарт/стяг	35, 36
Альтернативный учебник порядочности.....	40
Америка	53, 56, 66-67
Американская конница.....	258
Анвин, Райнер	196
Английское общество 30-х годов	50
«Англия» (Британский журнал времен «холодной войны»).....	23, 59, 242, 248
Андерграунд (движение)	46
Андерсон, Дуглас А.	25, 61
Андерхилл (Underhill).....	204, 229, 259
Андуин (Anduin) (Великая река).....	221
Андурил (Anduril)	211
Анонимный переводчик .	57, 61-62, 67-69, 71-73, 76, 80-82, 85-87, 93, 97, 99-104, 196, 204, 240, 273
Антиутопия.....	168-169, 176, 179
Аполитичный	36
Арагорн (Aragorn)	24, 28, 53, 141, 145, 167, 274
Арвен Ундомиеэль (Arwen Undómíel).....	24, 167
Арда-на-Куличках	48
«Архипелаг ГУЛАГ».....	27
Асмолов, К. В.	39, 42
Астерикс (персонаж комиксов)	198
Атеизм, атеисты	47, 51, 234
Бабуотер (Buwater).....	168, 180, 183-185, 191, 241, 263
Баклбери (Buckelbury).....	218
Бакленд (Buckland).....	218
Балтийское море	271
Барад-дур (Barad-dûr)	28
Барроуз (Burrows)	204, 230
Баталина, Юлия Александровна.....	25, 59, 70, 210
«Белая книга Риддерха» (The White Book of Rhydderch).....	250

Беломанский.....	74
«Беовульф» (Beowulf).....	131-132, 213
Беорн (Beorn).....	59, 91-92, 94-95, 168, 248, 273
деревянные чаши.....	92, 94-95
почти ничего металлического.....	91, 94, 168
Берлин.....	34-35
Библия.....	141, 170
«Биография денщика».....	147
Блэр, Тони.....	37
Бобырь и Г&Г.....	29, 146, 153, 158, 181
Бобырь, Зинаида Анатольевна (переводчик).....	24-26, 29, 31, 33, 35, 41, 57, 59, 61-62, 64-65, 67, 70, 72-73, 80-82, 86-87, 93, 95, 97-101, 103, 108, 115, 118-119, 126, 135-137, 141, 144-146, 148, 151-153, 156-157, 162, 164, 170-171, 175, 181, 184, 190, 196, 203, 205, 208, 210-211, 213, 215, 221, 223, 225, 228, 232, 238-239, 242-244, 246, 252, 255, 262-263, 265, 270, 273, 276
Серебряный Венец.....	24, 33
Бог.....	46, 49, 63, 76-78, 89, 102, 140-141, 206
подходы Льюиса и Толкина к теме Бога.....	49
пустые эвфемизмы.....	63, 76, 78
Болажер (Bolger).....	197
Большевики.....	38, 173
Боромир (Boromir).....	248, 262, 269
Боффин (Boffin).....	197, 204
Братство Кольца.....	26, 91, 97, 125, 141-142, 145, 197, 255, 274
Брауде, Людмила.....	77
Брежнев.....	30, 88
Брендн Холл (Brandy Hall).....	263
Бренднбак (Brandibuck).....	218, 259
Мериадок (Мерри) (Meriadoc (Merry)).....	168, 188, 191, 201, 247-248
Бри (Bree).....	63, 202, 249, 263
Бриджфилдс (Bridgefields).....	263
Британская Лейбористская партия.....	36
Британская слержанность.....	48, 92, 100, 176, 180, 190
Брокхауз (Brockhouse).....	204, 259
Брэдбери, Рэй.....	27
Бум.....	24, 27-32, 40-41, 43-44, 233
второй.....	31-32
издательский.....	24, 31-32, 40
первый.....	27-30, 41, 43, 233
переводческий.....	27-30, 41, 43, 233
чтение Толкина в оригинале.....	32
Быльны и саги.....	43, 48, 102, 238, 240, 272
Бэггинс (Baggins).....	57, 92-93, 195-197, 199, 201, 229-230
Билбо (Bilbo).....	60, 62, 6768, 72, 74, 76-77, 82, 85-88, 90-96, 99-100, 107-117, 119-123, 127-129, 136, 144, 185, 195-199, 205, 207, 217, 219, 229, 230

«дитя дружелюбного Запада»	67
Бильбо Бунгович.....	230
и Гэндальф (друзья).....	108, 111, 115-117
распродажа с аукциона имущества Бильбо.....	204, 229-230
сила воли.....	89, 92, 115
шутка.....	119-123
эсквайр	229-230
Саквилль-Бэггинсы (Sackville-Baggins).....	195-196, 199-200, 204, 220, 230, 277
Лото (Lotho)	179, 192-193
Босс (Boss), прозвище	182, 194
Шеф (Chief), прозвище	181-182, 185-187, 190, 194, 215
Фродо (Frodo).....	34, 53, 108, 111, 119-123, 125, 130, 132, 144-147, 150-151, 153-158, 160-162, 168, 180, 183-187, 189, 192-193, 196, 198, 205, 210, 217, 221, 225-227, 232, 243-244, 249, 256, 265
хозяин Сэма	34, 144-146, 148-155, 157-158, 183
Бэг-Энд (Bag End).....	192, 195-196, 199-202, 229-230
Бэнкс (Banks).....	259
Вайтфут, Билл (Will Whitfoot), мэр.....	188, 265
Валар (Valar)	37, 53, 64, 220
Валинор (Valinor).....	64, 164
Валлийская Марка (Welsh Marches).....	252
Валлийско-русские лингвистические связи	240
ВАМ (переводчик) . 29, 31, 35, 41, 57, 60-62, 67, 69, 72-73, 80-82, 85-87, 93-97, 99-101, 103-104, 113-114, 118, 123, 126-128, 136-138, 141, 144-145, 150-152, 154, 158-160, 162, 164, 175, 177-178, 181-182, 184, 190-192, 196, 199, 202-206, 208, 214-215, 218-220, 222-223, 225, 227-229, 233, 235-236, 241, 243-246, 250-251, 254-255, 259-261, 263-265, 267-268, 270, 273, 276-277	
Варги (Wargs)	270, 272-274, 277
Вариаги (Variags).....	269-271, 277
Варяги (Varangians) (скандинавские наемники).....	269
«Введение в эльфийский».....	211
Великий Лес (Great Wood).....	240
Вензел, Дэвид	60
«Ветер в ивах».....	203, 224
Викторианская эпоха.....	30
Виноходов, Дмитрий	55-56
«Властелин Колец» .. 21-29, 31-34, 40-42, 46, 57, 59, 61, 64, 73-74, 85, 91, 100-101, 131-132, 138, 143, 155, 157, 164, 167, 172, 179, 195-196, 203, 210, 213, 221-222, 228, 239-242, 244, 248-250, 252, 255, 263, 269, 274	
«Повесть о Кольце».....	25
английская история английского писателя.....	181
история власти	91
книга личного выбора.....	40
корнфлекс	56
Власть (power).....	163, 175-176, 178

Волк.....	272, 274
волк в заповеднике (<i>vargr í veum</i>)	272
Волковский, В. (переводчик) 31, 41, 61, 71, 100, 112, 117, 122, 127, 133, 138, 141, 145, 152-155, 165, 175, 181-182, 191, 200-205, 209, 213-214, 219-221, 225, 227, 231, 234-235, 238-240, 243-244, 247, 252-253, 255, 259, 262-263, 265-266, 268, 270, 273, 276	
роман меча и магии.....	133, 167
старые «шпирские слова».....	201, 220, 225, 268
бебень.....	200-202, 220, 268
мутень.....	201-202, 268
Волколак (<i>werewolf</i>).....	273-274
Восток.....	28, 63, 67-69, 71-74, 89, 255
Восточане (<i>Easterlings</i>).....	218
Восы (<i>Woses</i>).....	267
Временная погрешность.....	161-162
Всеобщее наречие (вестрон).....	199, 208, 232, 254, 268
«Вся Власть Советам!» (лозунг).....	176
Вторая мировая война.....	34, 36, 133, 143, 165-166, 181, 183, 231
Вторичный мир.....	54
Г&Г (переводчики).....	29, 31, 35, 41, 61, 80, 109, 112-114, 116, 118, 121, 123, 127-129, 135, 137, 141, 145-146, 151-153, 157, 161-162, 167, 175-176, 181-182, 184, 190-192, 196-200, 202-203, 205, 208, 213-214, 216, 222, 225, 227-228, 231-232, 236-237, 241, 243-245, 247, 254, 256-259, 261, 263, 265-266, 268, 270, 273, 276
«Гадкие лебеди».....	27
Галадриэль (<i>Galadriel</i>).....	33, 91, 97-99, 125-127, 129-130, 132
Галич, Александр.....	173
Географические названия <i>См. также</i> топонимы 202, 205, 207, 222, 228-229, 237, 257, 263-264	
Германский титул <i>конунг</i> (<i>Konung</i>).....	271
Герцинский лес.....	266
Гест, Шарлотта.....	252
Гёте, Иоганн Вольфганг.....	137
Гиль-Галад (<i>Gil-galad</i>).....	164
Гимли (<i>Gimli</i>).....	91, 97-98, 125-127, 141
Гитлер.....	165-166, 182
Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит).....	30-31
Главное управление охраны тайн в печати и СМИ (ГУОТ).....	30-31
Гномы (<i>dwarves</i>).....	59, 64-65, 74, 79-86, 90-94, 96, 98-100, 103, 136-138, 166, 171, 210-211, 245
загробный мир.....	99
мир обновится.....	99, 104
искупление вины.....	126
карлики.....	65
Чертоги Ожидания.....	99-100, 105
Голлум (<i>Gollum</i>).....	62, 132
Гондор (<i>Gondor</i>).....	258

Городская Нора (Town Hole).....	265, 277
Грabb (Grubb)	204, 230
Гражданская война.....	173, 187
Григорьева, Наталья (переводчик) <i>См. также Г&Г</i>	29
Гром и молния ночью в горах.....	68-70
громовая битва.....	71
Грузберг, Александр Абрамович (переводчик) .25-26, 29-31, 36, 41, 57, 59-62, 64-65, 67-68, 70-73, 76, 80, 82-83, 85-86, 89, 93, 95, 97-103, 109-110, 113, 116, 118-123, 126, 128, 134, 137, 141, 144-145, 149, 155-157, 161-162, 164, 176-178, 181-184, 190-191, 195-196, 203, 205, 208, 210-211, 214-215, 218-219, 221, 225-227, 232-233, 236-237, 239-240, 243-247, 251-252, 255, 258, 262-263, 265-266, 268, 271, 273, 275-277	
Грушецкий, Владимир (переводчик) <i>См. также Г&Г</i>	29
Гудчайлд (Goodchild)	259
Гэмджи (Gamgee)	143, 224-225, 276
Сэм (Sam)	34, 132, 143-162, 188, 225-226, 243
«наказание».....	146-147
дело и долг (job).....	148-152, 154-159, 161-162
ключевое слово	148
и Фродо — друзья.....	144-146, 151-152
неразлучный спутник Фродо	147
объяснение (признание в любви)	159-162
подслушивание разговора.....	146-147
слуга (денщик) Фродо	34, 144-145, 147-148, 150-151, 153
советник Фродо	147
Гэндальф (Gandalf) .28, 79, 107-109, 111-117, 119-123, 127-136, 141-142, 146-147, 167, 171, 176-178, 223, 243, 256, 261-262, 273	
искушение Гэндальфа Саруманом.....	170, 175, 177
Даган, Дэвид	56, 225
Дайн (Dáin) II.....	136
Два Древа Валинора	68, 220
Двуязычная каша	203, 208, 219, 224, 230, 245-246, 265
«Девочке, покупающей „Властелина колец“ с книжного лотка», ода.....	45
Деминг, Шин	60
Денщик (batman).....	143, 147, 149, 155-156, 158
День Ивана Купалы (24 июня)	233-235
Дердинггл (Demdingle)	206, 208-209, 213, 276
Джонстон, Ричард (литературовед).....	47, 49-50
Дзанни (zanni)	226
Дидро	33, 140
Диксон, Чарльз.....	60
Диссидент	26
Дол Гулдур (Dol Guldur)	240
Дохристианский дуализм.....	250
Белобог	250
Чернобог.....	250

Драконы.....	79-86, 91
«драконоведение».....	85-86
драконьи речи.....	86
драконьи чары.....	86
золото.....	80-81, 83-84, 90-92, 95, 97-99, 102, 125-127
Смауг (Smaug).....	79-82, 85-88, 90-91, 96
насладиться (enjoy) медным перстеньком.....	81-83, 103
особенно жадный, сильный и злобный.....	80, 91
подавляющая личность.....	87-90
разболтавшаяся чепуха.....	81, 83-85
сокровища.....	24, 82-83, 85, 92-93, 96
Фафнир (Fafnir).....	86
Древность, древний.....	266-267, 268
Древо познания добра и зла.....	170
Древобрад (Treebeard).....	168, 210, 213-215, 221, 266-268, 277
Фангорн (Fangorn).....	210, 268
Друаданский лес (Druadan forest).....	267
Друид.....	267
Дурень.....	210
Дурин (Durin).....	35, 210, 211, 236, 271, 276
«дурной ветер» (поговорка).....	96-97
Дюма, Александр.....	210
Ежов.....	179, 188, 192-194
ежовщина.....	188-189, 192
Екатерина II.....	33, 140
«если... то», конструкция.....	99, 126-127
«Загадка смерти Сталина».....	194
Замятин, Евгений.....	168, 169, 170, 172-173, 176
Запад.....	28, 36, 39, 63-69, 71-72, 74, 76-77, 89, 163, 192, 250
дружелюбный.....	67
запрещенные книги.....	40, 168, 179
Зверев, Алексей.....	169-170
Звуковой винегрет.....	См. Двужычная каша
Зеленохолмье (Green Hill Country).....	263
Златеника (Goldberry).....	227-228, 276
дочь Реки.....	227
Зло, злоба, злой.....	22, 34-35, 53, 68, 91, 127, 163, 165-168, 170, 172, 175, 193, 240, 242, 250, 272
«Империя Зла».....	28
воинство зла.....	132
вызов Зла.....	23
опущение страха и зла.....	242
силы зла.....	104, 239, 241, 249, 270, 272
Змиеуст (Wormtongue).....	193
Знание.....	170

как зло.....	81, 164, 167, 170, 172, 267
«Знание — сила».....	170
Золото.....	84, 90-91, 93-94, 96-99, 102-103, 125-126, 217
драгоценные кубки.....	92, 94-95
злая власть.....	92-93, 126
корень всех зол.....	84, 91, 151
полезность (как перевод worth).....	103
стоимость (как перевод worth).....	99, 102-103
чары.....	91-93, 234
Издание перевода Груздберга на CD-ROM.....	31, 36, 61-62, 65, 80, 110, 113, 119, 134, 155, 218, 240
«Иапада».....	137
Илуватар (Ílúvatar).....	37, 53, 248
Эру, Единный (Eru, the One).....	248
Имена и названия.....	28, 59, 79, 195, 199, 216-218, 224, 233, 253, 269, 274-275
«ботанические».....	202
«говорящее».....	226, 275
заячье-кроличий цикл у Кистяковского.....	218
магия.....	233
надо ли переводить?.....	196, 275
Интеллигенция.....	29, 40, 192, 217
Ишполит (Ishpolitus) Римский.....	170
Ишервуд, Кристофер (британский писатель).....	48
К&К (переводчики) ..	31, 35, 41, 61, 113-115, 118-119, 123, 127, 129-132, 138, 141, 144-145, 149-152, 155, 157, 162, 164, 175, 177-179, 181-182, 184, 190, 196, 200, 204-211, 213-214, 216-217, 224-225, 227-228, 232-233, 236-237, 239, 241, 243-246, 250, 253-255, 258-260, 263, 265-266, 270-271, 276-277
Каменкович, Мария (переводчик) См. также К&К...31, 33-34, 51, 57, 60, 62, 64, 67, 69, 71, 73, 80-83, 85-87, 93, 95-97, 99-100, 103, 255, 264, 273	
Каминская, Людмила (переводчик) 60, 67-68, 71, 80-81, 84-85, 87, 92, 99-100, 103-104, 196, 210, 229, 240, 255, 264, 273	
Карлов, Борис.....	224
Кармайкл, Джоэл.....	186
Каррик, Валерий (переводчик) См. также К&К.....	31
Каррок (Carrook).....	207
Католицизм, католик.....	42, 47-49
Католическая церковь.....	139
Католический	
бeатификация.....	48
Катехизис.....	141-142
религиозная концепция.....	55
Каутский, Карл.....	173-174
Квикбим (Quickbeam).....	268
КГБ.....	26, 185
Келебримбор (Celebriimbör).....	164, 166

Кельты.....	267
Кинн, Кэтрин.....	51-52, 54
Киноэпопея Питера Джексона.....	41, 196
«лихорадка фильма».....	31
Киплинг, Р.....	58, 246
Кириллова, С. (журналистка).....	43, 46
Кистяковский, Андрей Андреевич (переводчик) См. также М&К 27, 31, 41, 200, 202-203, 213-216, 225, 227-228, 231-232, 234-235, 237, 240-241, 243-244, 246-247, 254, 257, 259, 261-264, 268, 273, 275	
Классическое английское определение джентльмена.....	115
Климов (руководитель самиздатовской сети в Перми).....	26
Кольцо (Власти, Всевластия, Правящее, Единое, Великое).....	24, 62, 107-108, 117, 123, 129, 132, 164-166, 171, 175-178, 200, 210, 244
война Кольца.....	22, 63
Закливание Кольца.....	175, 177-178
миссия уничтожения Кольца (Quest).....	125, 147, 160-162, 217
отказ от Кольца.....	107, 111-113, 117, 121, 129
«Кольцо Тьмы».....	34
Комедия дель арте.....	226
Коммунизм.....	140, 174
коммунистическая идеология.....	54
крах коммунизма.....	24, 30, 37, 39
моральный кодекс.....	40
общественные интересы важнее личных.....	40
политический климат.....	25, 30, 40, 72
рай — светлое будущее.....	68
Конквест, Роберт.....	174, 187, 189
Королев, Кирилл (переводчик). 57, 58, 61-62, 67-69, 71-73, 80-83, 85-86, 89, 90, 94-97, 99- 100, 102-104, 196, 203, 229, 231, 236, 240, 263-264, 273	
«Энциклопедия».....	203, 231, 236, 238, 247, 255
Корсун, А.....	211
Коттон (Cotton).....	158-159, 162, 168, 202-205, 259, 276
Роза (Rose).....	158-162
фермер.....	188-189, 203
Красное знамя См. также Красный флаг.....	35, 251
«Красная Книга Вестмарча» («The Red Book of Westmarch»).....	35, 250, 251-254, 272
«Красная книга Хергеста» (The Red Book of Hergest).....	250, 252
«Красная книга».....	251
Красный (цвет).....	34, 35, 251
«Красный флаг».....	36
Красный флаг.....	34, 37, 269
Краткий пересказ.....	См. Сокращенный перевод
Крикхоллоу (Crickhollow).....	205-207, 217, 226, 249, 276
Crickhowel.....	207
Crucywe.....	207

Кристенсен, Бонниджин.....	61
Кротов, Яков	48, 140
Культура британского пролетариата	36
Купшоры	58, 72, 83-84, 94, 121-122, 166, 184
Кэрролл, Льюис.....	40, 58
Лагерь (ГУЛАГ).....	174, 183, 186-187, 192
Ладо (славянский языческий бог).....	234
Лайт (Lithe).....	232-233, 234
Леголас (Legolas).....	141, 240
Ленин	38, 87, 170, 174
Либерализм	38
«Лист Нигля»	29, 32
Лонгботтом (Longbottom)	218
Лориэн (Lorien).....	91, 97, 147
Лунные буквы.....	63
Лучшие волшебные сказки XX столетия.....	58
Лучший перевод	41, 276
Льюис, К. С.	22, 27, 48-50, 111, 140-141
Люн (Lune [Lhûne]) См. также Синие горы.....	235-236, 276
M&K (переводчики)	27-28, 31, 34, 36, 38, 41, 46, 61, 80, 100-112, 114, 117-120, 123, 125-129, 132-133, 138, 140-142, 144-146, 152, 156-157, 159-160, 166, 171-173, 175-176, 196-199, 203, 222, 231, 237, 252-254, 258-259, 261, 264-265, 273-274, 276-277
фаталистичность и мрачность.....	125, 132-133, 140, 142
«Мабиногон» (Mabinogion).....	252
Магия.....	54-55, 163, 167, 209, 233, 250
Маклинток, Питер	155
Малый Дельвинг (Little Delving).....	237
Мандельштам, Надежда Яковлевна	183, 186, 189, 194
Марка (march) (пограничная зона; см. также <i>mearc</i>)	251
Марксизм.....	47, 48
Матом (mathom)	201
Маторина, Валерия Александровна (переводчик) См. также ВАМ.....	29, 57
Мелкор (Melkor) См. также Моргот.....	37
Мельгунов, С. П.....	36, 174, 187
Металл, колеса, механизмы и машины.....	168
Механизируемое и стандартизируемое „послевоенное“ общество	47
Минас Тирит (Minas Tirith).....	232
Мудбург (Mundburg).....	232
Мирквуд (Mirkwood).....	73, 239, 240-242, 259, 261, 272, 276
Митриль (mithril).....	85, 150
Мифологическое наследие Англии.....	39
Мичел Дельвинг (Michel Delving).....	236-237, 276
Молодежная культура	50
Молодое поколение	30, 50
Моргот (Morgot)	

Изначальный Враг.....	163
Мордор (Mordor).....	73, 133-134, 152-155, 166, 198, 239, 243, 249, 255, 271-273
Мория (Moria).....	164, 167
Мост через пропасть, разделяющую различные культуры.....	61
Мошницкий, Анатолий.....	28
Мудрость.....	24, 28, 115, 129-130, 132-136, 142, 167, 176
истинная.....	130-131
как благо.....	167, 170-172
Мудрые.....	167
последняя.....	169, 172
Муравьев, Владимир Сергеевич (переводчик) <i>См. также М&К</i>	27, 31, 38, 180-182, 185-190, 192-193, 203, 208, 216, 218, 222, 231-232, 240, 258, 270, 272, 275
жаргон арестов и показательных процессов.....	180
под конвоем.....	183
Мустанг.....	258
Муты (moot).....	212
Зал Мута.....	212
Камень Судьбы на Холме Мута в Скунском аббатстве.....	212
Уитенагемот (Witenagemot).....	211
Холм Мута.....	212
«Мы».....	168-169, 172-173
Надежда.....	23, 28, 37, 102, 104, 125-138, 140-142, 152-153, 165, 225
безнадежность.....	141
единственная.....	127
истинная.....	129
ложная.....	129-130, 132
на авось.....	153
отчаяние.....	129-131, 134-136, 141-142, 153
паче чаяния (религиозный термин).....	141-142
покорность судьбе.....	138
предвидение.....	130
предопределение.....	130, 157, 158
предсказание.....	129-130
сопротивление с надеждой или без нее.....	43, 136-138
тщетная.....	126
фатализм.....	125, 138, 140
Наречие <i>там</i>	149, 151-152
Научная фантастика.....	24-25, 236
Нежить.....	227
«Незнайка на Луне».....	223
Немирова, Алина (переводчик).....	29-31, 61, 109-110, 114, 116, 118-119, 123, 126, 128, 135, 138, 141, 145, 147, 150-151, 154, 157, 159-160, 164, 175, 181, 183-184, 190-192, 196, 198, 200, 202-204, 206, 209-210, 212-216, 219, 221, 225, 227, 233, 235-237, 240, 243-244, 247, 252-255, 257, 260, 262-265, 268, 270, 273, 276, 277
Неореализм.....	52, 55

Неоязычество, неоязычники	50
Нехристианские религии	51
Ниенна	37
ниеннизм	37-38, 50
НКВД	183, 185, 188-189, 192
Новая эпоха	28
Новая Эра, гибрид Распутина и хоббита	44
«Новые приключения Незнайки: Снова на Луне»	224
Нокеры (knocker)	245
Носов, Николай	222-224
«О волшебных сказках», эссе	47
Обновление мира	132
Одинокая гора (The Lonely Mountain)	74, 79
Октябрьская революция	38, 173, 176, 187
Олеша, Юрий	58, 217
Олифант (Oliphaunt)	244-245
Орки	35, 45, 96, 151, 167-168, 270, 273-274
Органк (Orthane)	168, 231
«Ортодоксия»	177
Оруэлл, Джордж	179
Пак (Puck)	246
«Пак с холмов Пука»	246
Парижская Коммуна	37
Пародия на социализм	179
Пастернак, Б.	27, 40, 159, 195
Первая мировая война	30, 143-144, 147, 149, 158-159
11 батальон ланкаширских стрелков	143
Перестройка	29-30, 40
Пёрл-Харбор	165
Перумов, Ник	34-37, 42, 210, 231, 236-237, 239, 255, 264, 266
Петушинный крик	249
Пивной праздник	234-235
«Пиноккио»	33
Плавный «р» (лингвистический термин)	266, 274
Плановая экономика	154
Победа и поражение (термины)	133
Поезда-оборотни	274
Политический подтекст	23, 88, 224
Полтергейст	245
Попов, Александр	66
Попов, Владимир	40, 42
Поствикторианское общество	47
Постсоветский, посткоммунистический	35, 38, 40, 50, 53, 63, 87, 169, 179, 214
посткоммунистическое поколение	63
«Поход на Эребор»	185

Православная церковь	139
Приукрашивание.....	84, 114, 130, 135-154, 156, 173, 193, 201, 228, 256, 264, 274
«Профессор Толкин и его наследие» (Круглый Стол).....	37
Пукель-мен (Púkel-men).....	245-248, 277
Пушкин, А.С.....	39
Радагаст (Radagast)	248, 262, 277
Райт, братья.....	66
Рахманова, Наталья (переводчик)	57-60, 62-64, 66, 68, 72-74, 76-78, 80-86, 88-89, 92, 93-97, 99-100, 103-105, 196, 210, 222, 228-229, 236, 239, 242, 255, 273
Рашлайт (Rushlight)	259
Рейган, Рональд.....	28
Рекомендации преподавателей художественного слова.....	109
Религия	48, 50, 129, 139
религиозная вера.....	49
поиски веры.....	50
Ривенделл (Rivendell)	208, 254-256, 277
Имладрис(т) (Imladris(t)).....	254
Последний Приветный Дом (Last Homely House).....	100-101, 255-256
Римские хроники	182
Роковая гора (Mount Doom).....	155, 158, 225, 242-244, 276
Огненная гора (Fiery Mountain).....	164-165, 243
Ородруин (Orodruin).....	243
Роковая щель(и) (Crack(s) of Doom).....	244
Русский менталитет.....	32, 36, 51, 153, 176
Рохан (Rohan).....	249, 253, 256-258, 277
Восточная Марка (East-mark).....	253-254
Марка (Mark) рохиррим.....	252-254, 258
рохиррим (Rohirrim).....	256, 258
эорилинги (Eorlingas).....	258
Рузвельт, Ф. Д.....	165
«Руководство по переводу имен собственных из “Властелина Колец”»	202, 205, 207-211, 216, 224-225, 228, 233-234, 236, 248, 256, 258, 267, 269, 272
Русских субтитры.....	196, 204, 210, 225, 255, 263
Рыночный капитализм.....	140
Рюрик, Синеус, Трувор, князья.....	271-272
Рюриковичи.....	271
«Сага о людях с Песчаного берега» («Erybyggja Saga»).....	212
Саквил, сэр Ричард (1516-1566).....	230
Сальникова, Анна.....	54
Самиздат.....	21, 23-27, 29-32, 57, 87, 196, 203
Сандеманов, дом.....	259
Саруман (Saruman).....	167-168, 171-172, 177-178, 188, 193, 260
Цели Сарумана — Знание, Право, Порядок.....	170-173, 175-176, 178
Шарки (Sharku) (прозвище).....	168, 188
Саурон (Sauron).....	22, 24, 73, 163-167, 171-172, 175-176, 239, 241, 272

воплощение Зла.....	163
злая сущность.....	164, 166
Сварог.....	248-249
Сварожичи.....	248
Велес.....	248
Дажьбог.....	248
Перун.....	140, 248, 267
Радегаст.....	248-249, 262
Свиридов, Владимир.....	32, 43, 51
Седов, С.....	60, 239
Семенова, Наталья.....	34
Сиверцев, М. А.....	50, 52-53
«Сильмариллион».....	29, 32, 222
Синие горы (Ered Luin) См. также Лун (Lune [Lhùne]).....	236
Скадуфакс (Shadowfax, Scadufax).....	248, 260-262, 269, 272, 277
«Сказка о Тройке».....	27
Скандинавские мифы.....	101-102, 104
«Младшая Эдда».....	137
Инейстая Грива (Hrimfaxi).....	261
Ясная Грива (Skinfaxi).....	261
«Старшая Эдда».....	86, 137, 211
Вальгалла (Valhalla).....	100-101, 104
Мидгард (Midgard).....	228
Сигурд (Sigurd).....	86
Фенрир (Fenrir).....	102, 104
Скибневская (польская переводчица).....	29
«Скотный двор» («Звероферма»).....	179
Следователи.....	183, 189, 194
Смагина, Евгения.....	26
Смирнов, Сергей.....	38
Смолбарроу (Smallburrow).....	185, 198, 204, 218, 259
Робин (Robin).....	185, 187
Снежная грива (Snowmane).....	261
Советский Союз.....	21-23, 30-31, 35, 40, 47, 53, 58-59, 63, 165, 168, 180, 185, 187-188, 192-193, 194, 230, 233, 255
бывший.....	30
Сокращенный перевод.....	21, 24-25, 27-29, 33, 35, 38, 41, 60, 67, 71, 91-92, 94, 105, 114, 126, 153, 164, 181, 203, 222, 231-232, 253, 265, 280
Солженицын, А.....	27, 40
«Сон в летнюю ночь».....	246
Социалистическая утопия.....	179
Социалистический реализм (литературный метод).....	22
Средиземье.....	37, 42-43, 54-55, 125, 129, 134, 140, 163-164, 171, 198, 270
Вторая эпоха.....	163
Третья эпоха.....	63

Сталин.....	30, 87-89, 165, 170, 172-173, 179-182, 188, 189, 192-194
апологетика	192-193
враг народа (термин).....	189
Генералиссимус.....	180, 185
дестабилизация	23, 88, 188
культ личности	87
подавляющая личность.....	87
показательные процессы.....	180, 185-186
террор	87, 187-189
Хозяин	183
Старый лес (Old Forest).....	266
Стерлинг, Брюс.....	44
Стругацкие	27, 40
Ступни (feet).....	60-61
Стуры (Stoors).....	201, 217-220
«Схвати день!» (<i>Carpe Diem!</i>).....	221
Сэндимэн (Sandyman).....	198, 258-259, 277
Тэд (Ted).....	260
Сэндмэн (the Sandman) (герой американского фольклора)	258
Табурованные слова.....	267
Тан (Thain).....	215, 229, 277
«Гараканище»	89
Теория «северного мужества».....	43, 52, 131, 136-138
Рагнарёк (Ragnarok).....	43, 100, 104, 132
Террор	
Большой	187
Красный	36, 174, 187
физических побоев.....	191
«Техника — молодежи».....	24
Толкин 21-25, 27-56, 60-63, 65, 67-69, 72-74, 76-86, 91-92, 94-97, 99-101, 103-104, 107-115, 117-120, 122-123, 128-134, 136-138, 140-155, 157, 159-163, 166-169, 171-172, 175-176, 179-184, 186-189, 191-193, 198-199, 201-203, 205-211, 213-221, 223-225, 227-233, 235-239, 241-256, 258, 260-275	
«визионер»	43
азбука веры.....	40
биография	39
восприятие.....	33, 36, 44
вторичное сознание	50
вторичный мир.....	55
герои произведений.....	52, 111, 217
дохристианский мир.....	52
имя	50, 80
квазиисторические хроники	51, 54-55
легендарнум.....	42, 48, 52, 64-65, 214
литературные приемы	

многослойная эволюционирующая структура.....	107-109, 113, 116-117
ключевое слово	107
обещание.....	107-108, 112-117
план	107-117, 127
согласие	107, 112-117
намеренные повторы.....	109-110, 112, 114, 144, 153, 159, 192-193
нарастание напряжения и кульминация.....	119-123
тщательное наслоение информации	192
тщательный подбор слов	94, 100, 118, 120, 182, 216, 243, 253
любовь к лингвистическим шуткам.....	207
мир.....	23, 50-51
мировоззрение	125
миф	39, 50
мифологическое сознание	51, 55
мифология.....	51-52, 241, 250
отвергал механизацию и стандартизацию общества.....	48
повествование.....	51
подходы к изучению текстов Толкина.....	55
исторический	55
канонистическо-историографический.....	55
филологический.....	55
поклонники	56
политические убеждения.....	22
полное собрание сочинений.....	58
произведения	22, 27, 30, 32, 39, 41, 43, 51, 55-56, 60, 222
философский смысл.....	152, 157
псевдонсторические хроники	51
религиозный писатель	63
религия	51
Святой Джон Оксфордский	48
система ценностей.....	53
творчество	34, 48, 54
исследователь.....	27, 28, 41-42, 52, 179
литературный и социальный феномен.....	29
тексты.....	30, 51, 55, 187
«канонические» тексты	56
священные тексты	51
толкиновская реальность	51
Толкиновский храм.....	56
философия	22, 50, 90, 125, 132, 135, 137, 164
свобода выбора	112-115
фэндом	41, 43, 198
христианин	125
христианский писатель	140
церковь	52-53

чтение «вне контекста»	39
Толкин, Кристофер	22, 56, 80, 179
Толкин, Эдит	162
Толкинизм	38-42, 49-51, 53-54, 56, 269
вторая волна	40
как оппозиции советской идеологии	53
Мелькоранизм	53
многообразие	54
первая волна	38
течения	
«альтернативщики»	42
«афилозофы»	42
«северяне»	42-43
«христиане»	42
христианоподобное учение	47
«Толкин Компасс»	61
Толкинисты	25, 32, 34, 36, 38, 41-46, 48, 51-55, 200, 211
мифологическое мышление	53
не читавшие Толкина	51
Толкиномания, толкиноман, толкинутые	43, 46, 51, 56
четыре стадии толкинутости	43
Топонимы <i>С.м.</i> также Географические названия	199, 207, 222, 228, 237, 239, 241, 251, 253
британские	207, 228, 263, 264
валлийские	207, 239
русские	203, 222, 228, 231, 264, 271
Торин Оакеншильд (Thorin Oakenshield)	67, 72, 77, 81-82, 91, 96, 99-100, 102-104, 218
Транслитерация ...	80, 181, 184, 195-196, 203, 205-206, 208, 210-211, 213, 215, 218-219, 221, 224-229, 231-233, 236-237, 240, 245-248, 254-256, 258, 260, 263, 268-270, 272-273, 275
Трауберг, Н. Л.	27, 111, 177
«Три Толстяка»	217
Троцкий, Лев	173-174
Тук (Took)	
Брандобрас (Bandobras)	217
Перегрин (Пиппин) (Peregrin (Pippin))	192
Туканд (Tookland)	217, 263
Тюремные норы (Lockholes)	180, 186-189
Уайт, Теренс Хэнберн	179
Уманский, Семен Яковлевич (переводчик)	24, 29, 35, 57, 60-62, 64-65, 67-68, 70-73, 80, 82, 86, 88, 93, 95, 97-102, 104, 108-111, 116, 118-120, 122, 135, 137, 144-145, 148, 156, 162, 178, 181, 183-184, 190, 192, 196, 203, 205, 208, 211, 215, 218, 221, 223, 225, 227-228, 233, 235-237, 239, 243-244, 246, 251-252, 255, 258, 262-263, 265, 267-268, 270
Умертвие (Barrow-wight)	273
Утилова, Н.	60, 80, 104-105, 239
Фарамир (Faramir)	145
Фаэрия (Faerie)	65-67

«Фермер Джэйлс из Хэма»	29
Филимонова, Наталья	54
Философские отклонения и искажения	103, 134, 137, 151
Финрод (Finrod)	52
Флордамплинг (Flourdumpling)	204
Фрогмортон (Frogmorton)	221-222
Фэллоухайды (Fallohide)	206, 216, 218-220
Харфуты (Harfoots)	217-220
Хатчисон, Грэм Сетон (писатель времен Первой мировой войны)	147, 155
Хиппи	42, 54
«системные хиппи»	44
«Хоббит»...23-24, 32, 57, 59-61, 63-64, 67, 74, 80, 84, 91, 99-100, 104-105, 151, 168-196, 204, 210, 217, 222, 228-229, 239-242, 248-250, 252, 255, 264-265, 273	
«Аннотированный Хоббит»	61
армянский перевод	74
две редакции перевода Бобырь	59
издания	61-62, 79
комиксы	60, 62, 104, 196
первое издание отрывка	59
первое официальное русское издание	58, 63
Хоббитон (Hobbiton)	74, 205, 218, 228-230, 264-266, 276
«Хоббитские Игры»	51
Хоббиты...21, 48, 59-61, 90-91, 99, 108, 114-117, 146, 158, 168, 171, 183, 187, 190-191, 203-205, 216, 218-221, 223, 225, 228, 230, 232, 235, 259, 263-264	
«малый народ»	190
двадцатство (tweens)	240
календарные названия	232
Полурослики (Halflings)	218
три ветви	218
этимология	216, 218
Холмэн (Holman)	197, 204-205
«холодная война»	23, 28, 37, 59, 63, 65-70, 105
Хорнблауэр (Hornblower)	197, 259
Хорнбург (Hornburg)	232
Храбрость	115, 133, 220, 243
храбрость и мужество (термины)	133
Христианство	43, 48-49, 52, 125, 131, 140-141
Евангелие	52
надежда	125, 129, 137
христиане	51
христианизированная мифология	52
языческо-христианский рубеж	137
Христос	49, 140-141
Преображение Христа на горе Фавор	141
Хрущев	30, 87-88, 188-189, 193

доклад на XX Съезде КПСС	87-88, 188
Цензура, цензоры	22, 30, 67-69, 72, 77, 87-88, 135, 179-180, 232, 269
игра в прятки	63, 78, 89
Чаадаев, П. Я.	33, 139-140
Чаб (Chubb)	204
«Черная книга Арды»	37-38
«Черная книга Кармартена» (The Black Book of Carmarthen)	250
Черные Всадники (Black Riders)	73, 239, 249
черный (цвет)	73-74, 239, 241, 250, 272
Черняк (редактор)	70-71, 83
Черткова, Надежда (переводчик) См. также Эстель, Н.	29
Честертон (инклинг)	176
Четырехчасовое чаепитие (<i>baggins</i>)	196
Чистяков, Петр	50-51
Чувство долга	149-150, 152-154, 159
«Чудовища и Критики»	131
Чуковский, Корней	89
Шекспир, Вильям	146, 215, 246
Шир (Shire) 109, 119, 146, 158, 161, 167-168, 179, 188-189, 201, 205, 214-215, 218-219, 221, 223, 229, 237-238, 251-252, 253, 257, 263-264, 277	
Вестмарч (Westmarch)	252-254
название дней недели	220
Полицейское государство	
«наглый» (<i>uppish</i>)	189-192
завуалированное обвинение	187, 190
размеры	264
Ширмут (Shire-moot)	214-215
Ширрифы (Shirriff)	180, 185-187
Школярская бравала	115
Шрейнер, Ирина	37-38, 50, 53
Штейнман, Мария	50
Шумер (Сумер)	242
Эльронд (Elrond)	24, 28, 64, 129, 132, 134-138, 142, 147, 164-167, 256
Эльфы	45, 64-65, 67, 80-81, 83-84, 91, 96-97, 147, 158, 163-164, 226, 261
Высокие эльфы Запада (High Elves of the West)	64-67
жажда знаний	164-166, 170
искушении эльфийских кузнецов	163
Лесные эльфы (Wood-elves)	65, 67, 77, 81, 96
Король	96-97
нолдор (Noldor)	64
номы (Gnomes)	64
предательство Сауроном эльфийских кузнецов	164, 166-167
Три Кольца	164-165
эльфийские кузнецы Эрегиона	163-167, 170, 172
эльфийские языки	211

Энгельс, Фридрих	133, 173
Энтмут (Ehtmoot).....	208, 211-215, 229, 276
Энты	168
Эомер (Eomer)	252-254
Эрегион (Eregion)	164
Эренбург, Илья.....	192
Эрестор (Erestor).....	129, 132-134, 136, 142
Эстель, Н. (переводчик) См. также Черткова, Н.	29, 222
Этимология.....	79, 207, 246
«я лишь выполнял распоряжение».....	184
Язычество.....	131
европейская языческая мифология	52
священные рощи	267
Яковлев, Лев	60, 80
Ярцева, Ксения	55
Яхнин, Леонид (переводчик).....	31, 41, 57, 60-62, 67-69, 71-73, 80-84, 86-87, 93-97, 99-100, 103-104, 111, 114-115, 118, 121, 126, 129, 134, 137, 141, 144-146, 153, 158, 160, 166, 170- 171, 182, 184, 187, 190, 192, 196, 200, 203-204, 206, 209-210, 214-215, 221-222, 226, 228- 229, 230, 232, 236, 238-239, 243-244, 248, 252-253, 256-257, 260-261, 264-265, 268-269, 273-274, 276
bwssa (валлийское слово, см. также rusa).....	245-246
mearc (граница) (англ.-сакс.)	254
mearc (пограничная зона, англ.-сакс.; см. также марка (march))	251
rusa rûsa ruck rwssa (валлийские слова).....	245
rwssa (валлийское слово, см. также rusa).....	245-246
TolkienTextsTranslation (ТТТ).....	32, 42, 51

